

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

instituteofhistory.ru

М.М. ШАХБАНОВА

**ЭТНИЧЕСКАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

instituteofhistory.ru

АЛЕФ

α
aleph

Махачкала 2016

ББК 60.54(2Р-6Д)
УДК 304/323 (Даг)
Ш-31

*Печатается по решению Ученого Совета Института истории,
археологии и этнографии ДНЦ РАН от 20 ноября 2015 года.*

**Кафедра ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных
традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога**

Ответственный редактор:

Гимбатова М.Б., доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН.

Шахбанова М.М.

Ш-31 Этническая, религиозная и государственно-гражданская
идентичности дагестанских народов в условиях трансформации
российского общества. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ, АЛЕФ, 2016. –
358 с.

ISBN 978-5-4447-0037-2

Данная монография посвящена исследованию государственно-гражданской, этнической и религиозной идентичности дагестанских народов, актуализации, уровня солидаризации, корреляции с этнокультурными компонентами, их этническому самоощущению и этническому поведению, характера межнациональной коммуникации, установлению степени религиозности и специфики культового поведения дагестанских верующих. Специфика исследования заключается в рассмотрении отражения типов этнической идентичности на процессы межнационального взаимодействия и общения дагестанских народов.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех тех, кто проявляет интерес к данной проблематике.

ISBN 978-5-4447-0037-2

© Шахбанова М.М., 2016

© ДНЦ ИИАЭ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

ГЛАВА I. Теоретико-методологические подходы исследования этнической, религиозной, государственно-гражданской

идентичности.....

1.1. Этническая идентичность: теоретические и методологические подходы изучения.....

1.2. Этническая идентичность: структура, социальные функции, типы.....

1.3. Религиозность и религиозное поведение: теоретико-методологические подходы исследования.....

1.4. Государственно-гражданская идентичность: теоретико-методологические подходы исследования.....

ГЛАВА II. Этническая идентичность дагестанских народов: состояние и тенденции.....

2.1. Этнокультурные компоненты воспроизводства этнической идентичности дагестанских народов.....

2.2. Типы этнической идентичности дагестанских народов в структуре социальной идентичности.....

2.3. Общественное мнение дагестанских народов о межэтнической ситуации в полиэтнических зонах республики.....

2.4. Стратегии межэтнического поведения дагестанских народов в полиэтнической среде.....

ГЛАВА III. Религиозная идентичность и религиозность дагестанских народов: состояние и тенденции.....

3.1. Религиозная идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности.....

3.2. Установки религиозной толерантности в массовом сознании дагестанских верующих.....

3.3. Религиозное поведение дагестанских верующих.....

3.4. Общественное мнение о влиянии религиозного компонента на межэтнические отношения и оценка деятельности Духовного управления мусульман Дагестана.....

ГЛАВА IV. Формирование государственно-гражданской идентичности дагестанских народов: состояние и тенденции.....

4.1. Российская идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности.....

4.2. Маркеры воспроизводства российской идентичности дагестанских народов.....	
4.3. Патриотические установки в общественном сознании дагестанских народов.....	
4.4. Российская идентичность дагестанских народов в процессе межэтнической коммуникации и формирования толерантности	
Заключение	
Приложение	

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социально-экономические, политические, культурные, духовные трансформации российского общества содействовали заметному росту этнического, религиозного, республиканского, локального и государственно-гражданского типов социальной идентичности россиян. Активизация этнического фактора способствовала обозначению на высшем уровне власти необходимости образования коллегиального органа, в компетенцию которого должна войти национальная проблематика. В.В. Путин в преддверии своей избирательной компании подчеркивал необходимость создания в системе федеральных органов власти специальной структуры, отвечающей за вопросы национального развития, межнационального благополучия и взаимодействия этносов: «сейчас эти проблемы находятся в ведении Министерства регионального развития и за ворохом текущих задач вытесняются на второй, а то и третий план, и такую ситуацию надо исправить. Это не должно быть стандартное ведомство. Скорее речь должна идти о коллегиальном органе, который взаимодействует непосредственно с президентом страны, с руководством правительства и имеет определенные властные полномочия. Национальная политика не может писаться и реализовываться исключительно в кабинетах чиновников. В ее обсуждении и формировании должны непосредственно участвовать национальные, общественные объединения»¹.

В современных обществах механизмы формирования межэтнического согласия во многом опираются на политику идентичности и процессы управления идентичностью, поэтому феномен идентичности граждан привлекает внимание исследователей, поскольку в ней отражается состояние общества, его интегрированность и направление консолидации, а также ценностные ориентации. Как известно, идентификационные процессы в российском обществе сопровождались ухудшением межэтнических отношений в национальных республиках, ослаблением «нормальной» этнической идентичности и усилением ее деструктивных/пассивных форм, при углублении глобализационных тенденций и миграционных процессов. В такой сложной ситуации важным является сохранение межэтнической стабильности, поэтому для поддержания межнационального согласия и этнической толерантности необходимо формирование государственно - гражданской, российской идентичности и позитивное развитие этнической идентичности, предполагающее благоприятное отношение к соб-

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012 года. С. 1.

ственной и другим национальным группам, отсутствие враждебности в отношении инонационального окружения, благожелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий¹.

Конец XX столетия характеризуется кардинальными преобразованиями мирового масштаба, к числу которых относятся усиление глобализационных процессов и формирование политики мультикультурализма, ориентация на укрепление позиций надэтнических образований, с одной стороны, с другой, вмешательство крупных мировых держав во внутренние дела экономически слабых государств, раздробление европейских полиэтнических государств на более мелкие, как следствие, усиление идентификационных процессов на фоне роста националистических настроений, особенно в молодежной среде, активизация этничности в массовом сознании, которые в совокупности оказали существенное влияние на дальнейшее политическое мироустройство. Одним из примеров подобной трансформации служит распад Советского Союза и возникновение на его основе нового российского государства, который сопровождался ориентированностью граждан на обозначение своей идентичности в рамках вновь возникшего государственного образования.

По мнению отечественных исследователей, распад СССР является отправной точкой развития новой государственно-гражданской (российской) идентичности и ее формирование представляется сложным процессом, ибо ликвидация самого крупного политического образования в мире имели не только внешние, но и внутренние негативные последствия: во-первых, усиление типов социальной идентичности, которые в социалистический период практически не были востребованы в советском обществе, во-вторых, укрепление позиций гиподентичности и гиперидентичности, особенно этноцентризма, способствовал возникновению националистических объединений и сепаратистских установок в российском обществе. Более того, превалирование одного из типов социальной идентичности в массовом сознании сопровождалось обострением соперничества между ними (например, этнического и государственно-гражданского), отождествление религиозной и этнической идентичностей повысил значимость этноконфессиональной идентичности в российском обществе.

Сложные этнические процессы постсоветского периода обусловили рост интереса специалистов самого различного профиля к исследованию типов социальной идентичности, поэтому идентичность россиян остается полем дискуссий общественных сил: «состояние

¹ Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. № 4. С. 46.

государственно-гражданской идентичности не только призма, через которую рассматривают общество, но и важный фактор мобилизации людей, их солидаризации. Именно поэтому в последнее время институты государственной власти, так же как и лидеры политических направлений, озабочены формированием идентичности с ценностями, в которых они заинтересованы»¹.

В основном внимание отечественных исследователей акцентировано на изучении факторов усиления деструктивного и пассивного типов этнической идентичности и их влияния на характер и состояние межэтнических контактов, а также этнического самочувствия народов: «важно было показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма и надо искать их причины»². Исследователи солидарны в том, что «не постигнув логику идентичности и специфику ее трансформаций, невозможно понять современный мир – и, в частности, Россию с ее поликультурным и многонациональным составом населения»³, причем распад советской системы надэтнической интеграции, не замещенной новой, российской системой привел к появлению этнических и религиозных идентичностей, враждебных российскому социально-культурному и политико-правовому полю⁴.

В России о новом российском проекте – российской нации – и, соответственно, российской идентичности, впервые были высказаны идеи в начале 90-х гг. XX в. В.А. Тишковым. В связи с особенностями исторической ситуации в 1990 – 2000-е гг. фокусы в изучении российской идентичности, естественно, менялись. До конца 90-х гг. в центре внимания было утверждение российской идентичности в сопоставлении с этнической идентичностью⁵. Для одних она тогда была «"удобным убежищем", где тебя понимают, для других – символом

¹ Арутюнова Е.М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи: на примере московских студентов. Автореферат к. соц. н. М., 2007. С. 3.

² Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 10.

³ Санина А. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57.

⁴ Зорькин В.Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. № 5579. 13 сентября 2011 года.

⁵ См.: Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х г / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1994.; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

этнонационального возрождения, но в целом она оказывалась более значимой или сопоставимой по значимости с государственной идентичностью. Сама же государственная идентичность изучалась с точки зрения проявлений кризисных явлений»¹.

19 декабря 2012 г. указом Президента Российской Федерации была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой обозначены важнейшие направления национальной политики российского государства: укрепление общероссийского гражданского самосознания, сохранение этнокультурного многообразия, гармонизация национальных и межнациональных отношений, обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина, адаптация и интеграция мигрантов. У специалистов данная программа вызывает ряд нареканий, среди которых следует отметить «недостаточную терминологическую четкость», ибо «по сравнению с Концепцией 1996 г. в ней проявляется принципиальное изменение концептуального подхода в определении ориентиров государственной национальной политики: от понимания нации как этнокультурного феномена к рассмотрению нации как исключительно нации-государства (русской нации). В то же время введенное понятие "русская нация" противоречит содержанию используемого во всех других случаях понятия "национальный", где оно употребляется не в гражданском, а в этническом (этнокультурном) смысле ("национальная политика", "национальность", "межнациональное согласие", "межнациональные отношения")»².

При рассмотрении национально-гражданской идентичности и ее носителя национальной общности или нации, в отечественной науке можно обнаружить довольно противоречивые суждения и позиции от ее понимания как «некоего почти недостижимого идеала» до «кризиса идентичности русского социума». Такая логика подтверждается ссылками на различного рода негативные тенденции, связанные с нарастанием этнонационалистических настроений, популярностью великодержавно-шовинистических концепций, усилением социально-классовой розни и т.д. Однако следует обратить внимание и на существование иной тенденции, которая не столь ярко выражена в силу своей несформированности, гражданской интеграции полиэтнического русского общества³.

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 М., 2004.

² Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 40.

³ Дробижева Л.М. Процессы гражданской идентификации в полиэтническом русском обществе (тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68.

Усиление значимости национального фактора в постсоветской России сопровождалось укреплением роли религии и религиозных организаций в общественно-политической жизни российского общества, более того, она стала существенным фактором социальной жизни и восстанавливает некогда утраченные ее мировоззренческую, регулятивную, коммуникативную, интегративную и компенсаторную функции¹. Мы являемся свидетелями массового восстановления ранее существовавших и открытия новых культовых учреждений, центральные СМИ показывают религиозные службы, дни религиозных праздников (Рождество, Ураза-байрам, Курбан-байрам) объявляются выходными.

Несмотря на стремление Советского государства ограничить роль религии в различных сферах общества, в условиях социалистического строя важность религиозного компонента в установках мусульманских народов не теряла своей значимости. Например, в семейно-брачной сфере обязательность заключения брака по исламским предписаниям, который дополнялся гражданским актом, в отличие от религиозного поведения носителей иного вероисповедания. Исповедующее ислам население, особенно в сельской местности, старалось по мере возможности соблюдать и другие религиозные традиции и обряды (празднование религиозных праздников, проведение мавлидов, соблюдение поста, совершение молитвы и т.д.), но они, как в настоящее время, не носили массовый и публичный характер. Отсутствие мечетей или их небольшое количество не позволяло мусульманам совершать пятничное богослужение, но преобразования устоев российского общества привели значительным изменениям в религиозном сознании и культовом поведении россиян: руководители разного уровня власти обозначают и подчеркивают свою религиозную принадлежность, демонстрируя поддержку и приверженность религиозным организациям, в частности, Духовному управлению мусульман России и Русской Православной церкви.

В середине нулевых годов в российском обществе усилились антиклерикальные настроения, разные социальные слои выражали свое недовольство стремлением религиозных институтов, в частности Русской Православной церкви, ввести в государственную образовательную систему преподавание «Основ православной культуры», впрочем, как и должности священнослужителей в воинских подразделениях. Протест в научном сообществе вызвал принятие XI Всемирным

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 107.

русским национальным собором резолюции «О развитии отечественной системы религиозного образования и науки», на основании которого обратились в Правительство РФ с просьбой о внесении специальности «теология» в перечень научных специальностей ВАК и сохранить теологию как самостоятельное научное направление. В ответ на это академики Российской академии наук обратились с открытым письмом к Президенту Российской Федерации, в котором подчеркнули, что они с определенным беспокойством наблюдают за «возрастающей клерикализацией российского общества, за активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни... На каком основании, теологию – совокупность религиозных догм – следует причислить к научным дисциплинам?»¹. Однако, несмотря на дискуссии в средствах массовой информации и протесты научной общественности, в 2015 г. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) утвердила теологию в качестве научной дисциплины².

Социально-экономические, политические, духовно - идеологические преобразования постсоветского периода имели свои последствия, чаще негативного характера, и отрицательно сказались на межэтнических, межрелигиозных, внутриконфессиональных отношениях и на фоне продолжающегося процесса «сужения "секулярного поля" за счет активизации религиозной жизни возрастает роль религиозных объединений, изменяются соотношения между религиозными движениями, конфессиями и Церквями. Кроме того, на распространение религиозных верований, изменение удельного веса каждого из них огромное влияние оказал процесс этноконфессионального разъединения народов после распада СССР. Произвольные границы, сужение территории проживания этнических и конфессиональных групп повлияли на формирование религиозной географии России»³.

Рост значимости одних религий и уменьшение роли других конфессий обусловили увеличение исследований посвященных изучению самых разных аспектов религиозного компонента в современном мире и массовом сознании людей, в частности, типов религиозности и их выраженности, религиозного поведения, религиозной ситуации в целом мире, так и в конкретных государствах. Для исследователей-

¹ Открытое письмо академиков РАН – Президенту РФ Путину В.В. «Политика РПЦ: консолидация или развал страны?» // Здравый смысл. 2007. № 4. С. 4 – 5.

² URL: <http://www.yaplakal.com/forum3/topic1018067.html> (дата обращения: 16.10.2015).

³ *Кублицкая Е.А.* Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96.

религиоведов одним из актуальных направлений в изучении «религиозного ренессанса» является анализ последствий возрождения ислама, сопровождающийся ростом религиозного экстремизма и терроризма в исламском мире, его проникновение в исповедующие христианство и другие вероучения государства.

Наряду с вышеперечисленным, не менее важными в религиоведении являются вопросы формирования религиозной идентичности и индикаторов воспроизводства религиозной идентичности, веротерпимости, религиозной практики, воцерковленности т.д., потому что в последние десятилетия в центре внимания отечественных социологов, политологов, историков находятся проблемы формирования и воспроизводства разных типов социальной идентичности (этнический, религиозный, государственно-гражданский и т.д.), установление их соотношения и отражения на состоянии межнациональных и межрелигиозных отношений. Также следует обратить внимание на то, что в рамках социологии религии актуально изучение типов и степени религиозности и по ряду причин данный аспект становится центральным во многих исследованиях. Этот ключевой вопрос вызывает много споров и обуславливает существование самых различных подходов, на что совершенно правомерно указывает З.М. Абдулагатов: «кто из людей может уверенно сказать, что знает кто такой верующий? Утвердительный ответ на этот вопрос одновременно означал бы, что мы знаем ответ и на вопрос о том, кто такой человек в его самых сложных проявлениях духовности, психики, поведения. Интерес к религиозному сознанию был всегда, хотя в разное время имел разное содержание и разные цели»¹.

Таким образом, в монографии рассматриваются этническая, религиозная, государственно-гражданская (русская) идентичности дагестанских народов, компоненты их воспроизводства, патриотические установки дагестанских народов, ценностно-символическая система русской идентичности, факторы ее усиления и ослабления, соотношение государственно-гражданской и этнической, религиозной и этнической идентичностей, специфика совместимости позитивной этнической и русской идентичностей.

¹ *Абдулагатов З.М.* Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 5.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ, ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1. Этническая идентичность: теоретические и методологические подходы изучения

В современной науке идентичность – понятие, имеющее различное смысловое толкование: «в самом общем плане идентичность – это интегративное многоуровневое понятие, подразумевающее различия как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Индивиды воспринимают свою идентичность как то, что их отличает от других людей. Точно также идентичность социальных групп зависит от групповых различий в релевантном социальном контексте. Важнейшей составляющей интегративной идентичности является этническая идентичность»¹. Исследуя феномен этничности, М. Вэнкс отмечает, что «на протяжении многих лет этничность является ключевым понятием социологии и антропологии, но, тем не менее, по-прежнему представляется неясным ее значение, применение и соотношение с другими понятиями»².

В отечественной и зарубежной науке существует множество различных методологических подходов и теоретических концепций в изучении этничности и этнической идентичности. Одни ученые отождествляют данные понятия, другие их четко разграничивают. При этом российские исследователи, придерживающиеся конструктивистского подхода, с одной стороны, рассматривают этничность как свойство этнического образования и ли же как равнозначное понятию «этнос». Примордиалистский подход опирается на теорию этноса Ю.В. Бромлея, который под этносом понимал «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»³.

¹ Коновалова А.В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 119.

² Цит. по: Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 69.

³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58.

В последние годы этническую идентичность стали отождествлять с этническим самосознанием, поэтому представляется необходимым изложить существующие в современной отечественной и западной научной литературе теоретико-методологические подходы в определении базовых категорий («национальное самосознание», «этническое самосознание», «этничность», «этническая идентичность», «этнос») и соотношение между ними.

Дискуссия о национальном самосознании и этнической идентичности имеет длительную историю. К проблеме этнического (национального) самосознания ученые обращались еще в начале XX столетия, например, П.Н. Милюков в работе «Очерки по истории русской культуры», рассматривая историю «народного самосознания», считал, что оно долго оставалось монополией создавшего его мировоззрения и содержание «"народного самосознания" решавшее важнейшие вопросы народной жизни, считалось неподлежащим анализу: оно было дано искони, от века вложено в сознавший себя народ»¹. Заслугой П.Н. Милюкова является анализ становления национального самосознания в историческом контексте и, по его мнению, «сознание об особенностях своего типа в племенной период существует как легенда о едином родоначальнике племени или о братьях родоначальника племен, сознающих свою национальную близость. Как более сложная форма национальное самосознание развивается в период территориального объединения наций, когда язык и физический тип являются основными чертами, определяющими несходство, а затем определенную роль играет религия»².

В последующий, в социалистический период, интерес к феномену национального самосознания спал, ибо оказался не включенным в сталинское определение нации, по которому под нацией понималась исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Впервые в советской обществоведческой литературе определение национального самосознания дается В.В. Мавродиным: «термин "национальное самосознание" я применяю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данному народу, к данной народности или нации, единства их интересов, психологического склада и т.п.»³. Рассматривая вопрос формирования народности, В.В. Мавродин ак-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С.-П., 1901. С. 17.

² Там же.

³ Мавродин В.В. Формирование русской нации. М., 1947. С. 25.

центрирует внимание на двух основных факторах, которые определяют собой народность как понятие этническое – «язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности»¹.

В те же годы, появилась работа Д.С. Лихачева, в которой формирование самосознания русского народа рассматривалось через анализ развития русской литературы и искусства XI – XVII вв. В последующем проблема национального самосознания получила отражение в работах П.И. Кушнера, определившего его как «основной этнический определитель», подчеркнув при этом, что «для правильного ответа на вопрос о национальности необходимы следующие основные условия: 1. отчетливое представление опрашиваемого о характере его этнической общности с другими людьми, т.е. наличие развитого национального самосознания, 2. возможность открыто и свободно высказывать убеждение об этом. Национальное самосознание не является прирожденным свойством человека»².

И.И. Потехин, занимавшийся исследованием национально-освободительного движения и этнических процессов африканских народов определяет «национальное самосознание... прежде всего и главным образом, сознание принадлежности к своему народу, осознание его национальных интересов... национальное самосознание является органической частью общественного сознания и подчиняется тем же законам развития»³. Анализ развития национального самосознания исследователь проводит с использованием множества терминов – «этническая территория», «этническая общность», «язык и культура».

В 60-х гг. XX столетия проблема самосознания нашла более широкое рассмотрение не как «национальное», а как «этническое самосознание», в частности, в трудах С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова. В работе «Проблемы происхождения древних и современных народов» Н.Н. Чебоксаровым этническое самосознание включено в число признаков этноса, при этом подчеркнута вторичность этнического самосознания по отношению к основным признакам этнической общности: взаимодействие всех основных признаков этнической общности «их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражается в виде вторичного фактора, фактора этнического самосознания, который является, в конечном счете, реша-

¹ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 396.

² Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 56, 42.

³ Потехин И.И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955. С. 218.

ющим для определения принадлежности к той или иной этнической общности»¹. С.А. Токарев определил этническое самосознание как соотношение социальных связей, в частности, государственной принадлежности, культурного уклада, экономических связей, общности происхождения, языка, территории, религии, на которых может быть основана этническая общность: «исторически обусловленное соотношение между этими видами связи, порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»².

В.И. Козлов отмечал, что «среди широкого круга вопросов, разрабатываемых... в рамках теории этноса (этнической общности), важное место занимают проблемы, связанные с этническим (или, как его часто называют применительно к развитым народам, национальным) самосознанием, под которым... понимается главным образом сознание принадлежности к определенному народу»³.

В дискуссии по теории нации, которую провел журнал «Вопросы истории» (1966 – 1969 гг.), обществоведы заново обращаются к проблеме этнического самосознания: одни включали его в число признаков нации, другие отвергали, но на тот период так и не смогли прийти к единому мнению.

В течение долгого периода времени исследователи трактовали национальное самосознание как осознание индивидом своей принадлежности к определенной национальной общности. Вопрос о более широком его понимании поставил С.Т. Калтахчян, по мнению которого, «национальное самосознание включает в себя 1. сознание этнической общности и отношение к другим этносам, 2. приверженность к национальным ценностям, языку, территории, демократической культуре, 3. осознание социально-государственной общности, 4. патриотизм, 5. осознание общности в национально-освободительной борьбе»⁴.

В дальнейшем появляются труды И.С. Кона, Б.Ф. Поршнева, Ю.В. Бромляя. Последний определил этническое самосознание как

¹ Чебоксаров Н.Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме). Труды VII МКАЭН. Т. V. М., 1970. С. 748.

² Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 53.

³ Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и его место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79.

⁴ Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности. М., 1967. С. 217.

«непременное условие функционирования этноса» и как «неотъемлемый компонент этноса»¹. Л.М. Дробижева в ряде своих работ отмечает: «мы понимаем его (этническое самосознание – Авт.) не только как самоидентификацию, точнее не только как отнесение себя тем или другим лицом к этнической группе. Мы понимаем его широко: это "образ мы", т.е. и этнические стереотипы, и представление о происхождении, историческом прошлом своего народа, о языке, о культуре, территории проживания и, что принципиально важно, мы включаем в этническое самосознание этнические интересы, то есть осознаваемые людьми потребности своего народа»².

Таким образом, находившаяся в поле исследования философов, социологов, этнологов, психологов (П.И. Кушнер, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Ю.В. Бромлей, М.В. Крюков, Г.В. Шелепов, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Т.Г. Стефаненко и т.д.) категория «этническое самосознание» понимается как *относительно устойчивая система отраженных в сознании объективно существующих элементов этнической реальности и способов жизнедеятельности этноса, преломленных сквозь призму индивидуального опыта*. Из данного определения следует, что этническое самосознание является понятием более широкого плана, чем этническая идентичность, ибо оно включает в себя кроме собственно этнической и другие формы идентификации, соответствующие существующим факторам этнической реальности: культурной, языковой, расовой, религиозной, психологической и т.д., в то время как этническая идентичность основана, в первую очередь, на осознании общности происхождения, этнических ценностей и символов, традиций и обычаев, преемственности поколений. Истоки идентичности лежат в глубинных пластах этногенеза и этническая идентичность определяется тем значением, придаваемым членству в определенной этнической группе, а также как с сознательной, так и бессознательной сферой мотивации³.

По мере накопления материала по этническому (национальному) самосознанию возник вопрос о его структуре. М.В. Крюков в качестве компонентов этнического самосознания выделил представления о единстве происхождения и территории расселения, язык, особенности

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 180.

² Дробижева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х г) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1991. С. 19.

³ Коновалова А.В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 122.

культуры и этнические стереотипы¹. Исследование структуры этнического самосознания нашло отражение в работах Г.В. Шелепова, который включил в него осознание людьми своей этнической принадлежности, этноцентризм, этнический стереотип, этнические симпатии и антипатии. Говоря о взаимосвязи между всеми названными элементами автор как главную определил «осознание людьми своей этнической принадлежности», отражающее общность их происхождения². Ю.В. Бромлей отмечал: «представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга»³. А.К. Уледов включил в структуру национального самосознания «взгляды и представления, связанные с самоопределением национальной общности, с осознанием социальных, социально-политических, нравственных, эстетических и многих других ценностей, т. е. психический склад, национальный характер, нравы и другое»⁴.

Исследуя процесс формирования национального самосознания Ю.В. Арутюнян выделил подпитывающие его источники: 1. Родовой, связанный с происхождением, который базируется на осознании общности происхождения, единства исторической судьбы народа и, как выражение социально-биологической природы, особенно сильно проявляется в экстремальных ситуациях, объединяя «своих по роду и племени» людей в своей или иноэтнической среде. 2. Психологический, проявляющийся в периоды кризиса и обесценивания накопленных целыми поколениями духовных идеалов, как попытка заполнить «пустоту» гипертрофированными национальными чувствами, «освящением» национальных ценностей и символов и заметно обостренными национальными чувствами и национальной идеей. 3. Культурный источник диктуется реальными культурными потребностями и интересами, стремлением к своей национальной культуре – нормам поведения, языку, социально-нравственным представлениям, обычаям, традициям и другим элементам, которым характерны национальные черты и оттенки. Наиболее яркое выражение культурные источники находят в национальной литературе, искусстве, фольклоре, се-

¹ См.: *Крюков И.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // *Расы и народы*. М., 1976. Выпуск 6. С. 42 – 62.

² *Шелепов В.* Общность происхождения – признак этнической общности // *Советская этнография*. 1968. № 4. С. 72.

³ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 190.

⁴ *Уледов А.К.* Русская идея как феномен национального самосознания // *Вестник высшей школы*. 1992. № 7 – 9. С. 34.

мейных и бытовых нормах, в конечном итоге, определяя национальную общность и сознание людей. 4. Социальный и этносоциальный источник представляет собой общественные интересы, находящие выражение в национальном самосознании. Носителями их выступают, прежде всего, группы заинтересованные в активных социальных ролях или остро нуждающиеся в этносоциальном общении. Социальная сущность данного источника – стремление к «активизации» собственных социальных ролей. Его внимание усиливается по мере преодоления социального отставания народа и роста его социально-культурного потенциала¹.

В отличие от советской этнографической науки, в зарубежных исследованиях существовали иные подходы к изучению этнического компонента. Дефиниция «этничность», несмотря на ее широкое употребление в зарубежной науке, вошла в отечественную науку в перестроечный период. Впервые термин «этничность» в мировой научной практике употребил Л. Уорнер и его коллеги в 40-е гг. XX в. Данную категорию использовали А. Фишхоф и Л. Гумплович, хотя исходили из различных ее значений. По мнению Н. Глейзера и Д.П. Мойнихана, «в некоторой степени, правомочно утверждение, что те формы идентификации, которые основаны на различных социальных реалиях, таких, как религия, язык и национальное происхождение, имеют нечто общее (так, например, для ссылки на все эти понятия используется новый термин – «этничность»). Общим для нас всех является то, что оно стало важным центром мобилизации групп на достижение конкретных политических целей, оспаривая первенство такой мобилизации у класса, с одной стороны, и у нации – с другой»². По мнению Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, явление этничности является универсальным и всеобщим, ибо этничность – всечеловеческий способ выражения лояльности к культуре своего народа и территория её действия охватывает весь, без исключения, земной шар.

Феномен этничности является категорией междисциплинарных исследований, поэтому «основные объяснительные модели "этничности", разрабатываемые социологами и политологами, психологами и конфликтологами, сводятся к признанию этнической реальности как фундаментальной тенденции, связывающей человека и общность»³.

¹ Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 31.

² Glezer N., Moynihan D. P. (Hg.) Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (USA), 1976, P. 18.

³ Пискотель А.А. Этничность и «внутренняя природа» человека // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 5. М., 1998. С. 36.

Для распространенного в отечественной научной литературе подхода этнос – это объективная реальность, имеющая социокультурную ценность. Понятие «этнос» распространяется на доплеменные общности, делая дефиницию еще более древней, еще более исторической. В советский период нашей истории такая заикленность социально-гуманитарных наук на одной дефиниции «этнос» оказалась возведенной в ранг официальной доктрины, а термин «этничность»/«этническая идентичность» в литературе почти не употреблялся¹.

Обострение межэтнических отношений на постсоветском пространстве заставило обществоведов заново обратиться к национальной сфере. Основой для теоретической дискуссии по проблеме этничности послужила статья С.В. Чешко «Человек и этничность» (1994)², обусловившая в последующем рост интереса к феномену этничности³.

С.Е. Рыбаков отмечает: «Этническое – это не язык, культура или склад психики, но и не все перечисленное вместе; этническое – это "нечто" само по себе, которое может лишь отслеживаться по указанным параметрам»⁴ и «эти самые "признаки" и "маркеры" затмевают исследователю взгляд и отвлекают его внимание от проникновения в этническое само по себе»⁵.

В современный период в исследовании этничности и этнической идентичности выделяются примордиалистский, конструктивистский, инструменталистский подходы. Примордиализм включает в себя два основных направления: *социобиологическое* и *эволюционно-историческое*. Сторонники первого направления рассматривают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества. Сторонники второго (эволюционного историзма) характеризуют этнос как социальное, а не биологическое сообщество, глубоко связанное с конкретно историческим комплексом. Социобиологическое понимание этноса представлено в работах Л.Н. Гумилёва, который продолжил развитие идей, сформулированных в начале XX в. М.С. Широкогоровым. Для примордиалистов этнос является есте-

¹ Пискотель А.А. Указ. раб.

² См.: Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35 – 46.

³ См.: Арутюнов С.Л. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5; Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

⁴ Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001. С. 58.

⁵ Там же. С. 62.

ственным явлением, ему характерно общее происхождение и общая культура.

Конструктивизм рассматривает порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и «доктрины» как интеллектуальный конструкт учёных, политологов, писателей и в массовое сознание внедряется при помощи системы образования и СМИ. Основными теоретиками конструктивизма являются Б. Андерсон, Р. Бурдье, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, а в отечественной науке В. А. Тишков, Е. В. Соколовский и др.

Э. Смит считает этничностью, а точнее, этнией, некую социальную группу, обладающую мнимым общим происхождением и хранящую общие воспоминания о прошлом. Членам этнической группы присуще социальное взаимодействие, так как они связаны друг с другом специфическими элементами культуры, религии, языка и обычаев, а в некоторых случаях даже сумели создать сильную связь с территорией и страной предков. Этничность коренится в общих мифах, воспоминаниях, ценностях и символах – в ансамбле, который создается обществом и постоянно меняется¹. Следовательно, этничность нельзя рассматривать как явление статичное, как это предлагают некоторые исследователи социальных проблем, ее необходимо понимать исторически, как нечто, предполагающее новое содержание. Она в большей степени является воображаемой и сконструированной, чем есть на самом деле. В основе инструменталистского понимания этничности лежит социально-психологическая теория личности, общения, компенсаторных потребностей. Инструменталисты объясняют сохранение этнической группы потребностями людей в преодолении отчуждения, свойственного современному обществу массовой культуры, в достижении целей. Инструменталистский подход наблюдается у М. Бэнкса, М. Бэнтон, Н. Глейзера, Э. Смита, Д. Хоровитца, М. Фишера, А. Эппштейна и др.

Большинство зарубежных исследователей примордиалистского и конструктивистского направлений в этничности самым важным считают эмоциональный компонент. Так как этничность ситуативна и в социальной идентификации она занимает не постоянное, хотя и существенное место, под воздействием внешних факторов она может возрасти или ослабевать.

В отечественной науке существуют разнообразные подходы к изучению феномена этнической идентичности. Автор разделяет пози-

¹ См.: *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 63.

цию С.Е. Рыбакова, что «раздутое и отмеченное сегодня небывалым полемическим пафосом противостояние между "конструктивистами" и "примордиалистами" в российском научном сообществе явно обусловлено преимущественно идеологическими мотивами. Конечно, здесь есть предмет и для собственно научной дискуссии, однако характер "вселенского спора" ей придает именно идеологический "прикус", и это ни для кого не секрет. Ведь совершенно естественно, что примордиализм – это, как правило, кредо национально мыслящего консерватора, а конструктивизм – космополитически ориентированного либерала»¹. Кроме того, С.В. Рыбаков отмечает некорректность радикального конструктивизма², ибо «конструктивизм – это не теория, а некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности. Под сенью конструктивизма скрывается целый ряд различных подходов»³. Проповедуемый же некоторыми адептами бескомпромиссный, приобретающий характер идеологии и даже своеобразной постмодернистской «религии» конструктивистский инструментализм никак не может быть признан адекватной методологией для этнологической науки. Если нет этничности и этноса как объективной реальности, то нет и этнологии как научного знания, а есть лишь постмодернистские эссеобразные «дискурсы»⁴.

Отдельные конструктивистские положения и выводы справедливы, а социальные конструкты при определенных условиях являются несомненной реальностью. Нельзя не согласиться с адептами конструктивизма в том, что этнос и этничность, имея объективную природу, в то же время фактически базируются на ее отражении в самосознании, на субъективности – на том сугубо субъективном феномене, который Ю.В. Бромлей называет «этническим самосознанием» (а наши англоязычные коллеги – «этнической идентичностью»)⁵: «собственно этническая общность предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированных в сознании ее членов. Именно поэтому для существования этника важнейшее значение имеют межпоколенные (диа-

¹ Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 5.

² Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001. С. 79 – 138.

³ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 41.

⁴ Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

хронные) информационные связи, а также самосознание составляющих его людей, включающее в той или иной форме представление об общности исторических судеб их предков»¹.

По мнению С.В. Чешко, «какие бы объективные корни ни имела этничность, она, в конечном счете, представляет собой продукт человеческого (массового) сознания, спонтанную форму идеологического отражения и освоения социальной среды. Этничность, вне всякого сомнения, имеет иррациональную природу, наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания (чем она отличается, например, от религии или искусства), ограничена в возможностях исследования иррационального»². И далее, «то явление, которое обозначается термином "этничность", едва ли можно, по крайней мере, на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции. Пытаясь придумать такую дефиницию, мы, скорее всего, допустим ошибку, абсолютизовав одни стороны этничности и отбросив другие... крайняя субъективизация, и крайняя онтологизация этничности и этноса в равной мере уведут от исследования существа проблемы»³.

Иными словами, «этничность, с одной стороны, – это представление о наследуемой групповой солидарности, основанное на представлениях же об общих (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре. С другой стороны, такие представления имеют объективную основу – они действительно вырабатываются реально существующими группами людей (народами), занимающими относительно обособленное положение в окружающей социальной среде. Эта обособленность непосредственно не связана с культурой: этносы могут быть в культурном отношении внутренне гетерогенными, могут мало отличаться или практически не отличаться от соседних этносов. По всей видимости, этносы складываются в силу обособления территориального, социального (оно может обуславливаться, например, взаимоотношениями завоевателей и завоеванных, различных конфессиональных групп и т.д.), политического (государственного). Эта обособленность, если она сохраняется в течение достаточно длительного времени, продуцирует культурную специфику или, что важнее, представление об особости своей культуры, а также саму этническую идентичность»⁴.

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 383.

² Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 40.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 40.

Совершенно справедлива позиция И.Ю. Заринова, что «природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что постижение ее в рамках одной методологической модели просто невозможно. Что касается отечественной теории этноса и западной концепции этничности, то при всей их видимой противоположности они должны иметь точки соприкосновения, так как имеют дело с одним и тем же социальным феноменом, но проявляющимся через различные историко-культурные реалии»¹.

Аналогична позиция Э.Г. Александренкова, который подчеркивает, что «среди ряда identities есть и ethnic identity, рассматриваемая как идентификация себя с этнической группой. Такое понимание ethnic identity мало чем отличается от понимания "этнического самосознания". Различие заключается лишь в понимании "этноса" и "этнической группы". Но оно представляется недостаточным для того, чтобы в русский язык вводить термин "этническая идентичность", если в нем есть почти идентичное понятие "этническое самосознание"»². И далее «чувство принадлежности к группе было сформулировано в конце концов на английском языке как ethnic identity, и вполне соответствует русскому "этническому самосознанию"»³.

Можно было бы обобщить различия между конструктивизмом и эссенциализмом. Во-первых, и конструктивисты, и эссенциалисты строят, конечно же, некую идеальную модель этничности (или этноса), однако первые берут эту модель из «должного будущего» (идеального образа «цивилизованного человечества»; кстати говоря, в феномене «должного будущего» и заключается сама суть двух сменяющих друг друга главных лозунгов «цивилизованного человечества» как нации, так и глобализации), а вторые обращаются к «должному прошлому» (т.е. к ретроспективным историческим реконструкциям, причем чаще всего фактически к родоплеменной эпохе, где действительно легче всего обнаружить «чистый этнос»). Во-вторых, конструктивисты явно тяготеют к методологической унификации, к рассмотрению «этнической группы» как представителя общего ряда всевозможных социальных групп, в то время как эссенциалисты озабочены поиском того «собственно этнического» («этнической субстанции»), которое делает этническую группу этнической; иными словами, первые делают акцент на «этнической *группе*», а вторые – на «эт-

¹ Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 16.

² Александренков Э. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 20.

³ Там же. С. 21.

нической группе». Конструктивизм делает свои выводы на основе материала современного модернизированного и урбанизированного общества¹.

Исследователи выделяют условия относительной адекватности конструктивистского образа этничности: а) активно формирующийся феномен нации как согражданства; б) превалирование национальной идентичности над этнической, а точнее – более или менее продвинутый процесс замещения этнического самосознания национальным в ходе нациогенеза (нациестроительства); в) городская среда обитания; г) индивидуальный, атомарный способ бытования и функционирования этничности; д) существование реликтов прежней традиционной этничности (порой уже в мифологических формах) – преимущественно у мигрантов, оторвавшихся от своего этноса, но еще не успевших (или по каким-либо причинам не желающих) раствориться в новом социуме – нации².

В отличие от советской теории этноса постмодернистские интерпретации этничности, «кажется, намеренно уходят от исторической парадигмы развития человеческого общества, сосредоточивая свое внимание исключительно на теперешних результатах этого развития»³. Несмотря на отсутствие в научном сообществе общепринятой дефиниции феномена этничности, существуют некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К таковым относятся: 1. разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры; 2. политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»; 3. чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия. Иными словами, «этничность – это форма социальной организации культурных различий... Этническая общность (народ) есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях»⁴.

¹ Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 7.

⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 60, 115.

При всем многообразии подходов к определению этничности в целом о ней сложилось представление как о социальном по своей сущности феномене. Н.Г. Скворцов выделил аспекты в процессе исследования и понимания этничности: «1. Интеракционный, когда этничность интерпретируется как форма межгруппового взаимодействия. 2. Атрибутивный, когда этничность – это качество (набор определенных качеств группы). 3. Субъективно-символический, когда этничность рассматривается, прежде всего, как этническая идентичность»¹.

«Под этничностью мы понимаем – пишет З.В. Сикевич – особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения "нас" с "не-нами" в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве»².

Обществоведы придерживаются позиции, что этничность является проявлением общечеловеческого процесса индивидуальной адаптации личности, для которой знание своих исторических корней является жизненно необходимым фактором. Осознание принадлежности к культуре своего народа является более сложным, чем понимание причастности к своей нации, ибо этничность является сущностью «индивидуальности». По мнению Т. Эриксона, этничность – аспект социального взаимодействия между людьми, считающими себя культурно отличными от других групп, с которыми у них поддерживается минимум регулярных контактов. Это социальная идентичность, характеризующаяся метафорой родства или фиктивным родством.

Этничность – идентификационная категория и на индивидуально-личностном уровне выступает в качестве особой формы «Я»-концепции³. Этническое «Я» зависит от степени выраженности определения индивидом самого себя. Таким образом, в структуре социальной идентичности, этнический фактор занимает приоритетное место, хотя ему, в зависимости от обстоятельств, свойственен динамизм: в ситуации обострения межэтнических взаимоотношений может наблюдаться «выпячивание» национального «Я» и его «затухание» в стабильной ситуации. Преобладание этнического «Я» может явиться причиной межнационального конфликта, особенно в ситуации ущем-

¹ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 49.

² Сикевич З.В. Этнический фактор в политических процессах современной России. СПб., 1996. С. 7.

³ См.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 176 – 206.

ления прав и национальных интересов народа. В стадии мобилизации этничность может мотивировать ту или иную направленность сознания и поведения как на групповом, так и на индивидуально-личностном уровне. В обстановке роста этничности политические, экономические, культурные и иные ценности рассматриваются этносом через призму соответствия или несоответствия этническим интересам, в то же время сама этничность выступает как критерий оценки социальных, в том числе и политических, трансформаций, как маркер национального достоинства.

При рассмотрении этнической идентичности заметное место имеет такой методологический подход, который обозначает важность ее изучения с учетом «культурных границ» и «культурной дистанции». В зарубежной науке автором проблематики «этнические границы и культурные различия» является Ф. Барт, по мнению которого, культурное единство группы не является первичной и дефиниционной характеристикой этнической группы, а необходимо его рассматривать как результат и смысл существования. Отказываясь от рассмотрения культуры в качестве этноопределяющего, первичного по отношению к этнической группе показателя, Ф. Барт выдвигает тезис об организационном качестве этнической группы, рассматривая ее, прежде всего, как особую форму социальной организации. Иными словами, определителем для членства в группе становятся социально-задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не стабильно существующие объективные культурные различия. Согласно концепции Ф. Барта, не существует прямого и однозначного соответствия между этническими общностями и культурным сходством и различием. Этнические категории – как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам – принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как *значимые*¹. Идеи Ф. Барта коренным образом изменили подход к изучению этнической и культурной отличительности. Также следует отметить исследования «культурной дистанции» А. Фэрнхема и С. Бочнера.

Другим методологическим подходом в исследовании этнической идентичности является шкала социальной дистанции Р. Парка и Э. Богардуса. Р. Парк, стоящий у основ формирования понятия и шкалы социальной дистанции, полагал, что величина социальной дистанции,

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 19.

обнаруженная между представителями различных этнических групп, свидетельствует о степени общественной солидарности и является показателем интегрированности конкретного общества. В современных этнически смешанных обществах эта шкала позволяет исследовать социальные позиции этнических групп относительно друг друга, их взаимные установки и меру социального принятия¹.

Л.М. Дробижева смогла объединить существующие многообразные подходы к исследованию культурных границ как группового, социально обусловленного феномена и явления культурной дистанции как субъективного образа «близости – далекости» культур. С привлечением междисциплинарного подхода Л.М. Дробижева сформулировала важные положения изучения культурной дистанции: 1. через призму этнических особенностей социально-профессиональной деятельности, 2. идеологических ориентаций, 3. представлений о нормативных ценностях. Последние включают в себя а) отношение к общечеловеческим ценностям, б) отношение к специфическим этнокультурным ценностям и предписаниям, в) психологическая перспектива восприятия собственной этнической идентичности и другой этнической группы².

В зарубежной науке широкое распространение получило предложенное Р. Дженкинсом и введенное Д. Хандельманом понятие категориальной этнической идентичности и содержание категории идентичности в рамках концепции «воображенного сообщества» Б. Андерсона. Р. Дженкинс предложил различать номинальную и действительную идентичности, связывая номинальную идентичность с простой этнической самокатегоризацией, а действительную идентичность – с идентичностью, оказывающей *влияние на жизнь* ее носителей³. Д. Хандельман рассматривает этнические связи в зависимости от того, насколько тесно и «плотно» они объединяют людей. Он выделяет этнические категории, при которых реальный личный контакт людей, объединенных данной категорией необязателен, этнические сети, объединяющие людей данной категории в социальные сети разнообразных контактов и связей, этнические ассоциации, объединяющие людей наличием общего интереса и предполагающие определенную внутригрупповую сплоченность и этнические общины как груп-

¹ Цит. по: Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера..... С. 22.

² См.: Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России М., 1998.

³ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 32.

пы, объединенные наиболее плотными и частыми контактами и связями¹.

Таким образом, проведенный анализ существующих методологических подходов в изучении этнической идентичности показывает наличие самых разнообразных теорий и концепций, что свидетельствует о важности и актуализированности этнического компонента в современном мире.

1.2. Этническая идентичность: структура, социальные функции, типы

Трансформации социально-экономической, политической и духовной сфер российского общества актуализировали место и функции социальной идентичности, которая является, во-первых, своеобразным стимулирующим фактором в процессах воспроизводства социальных групп и поддержания их целостности, во-вторых, причиной формирования новых социальных общностей. Актуализация социальной идентичности обусловлена социально-экономическими, политическими преобразованиями российского общества, которые привели к коренным изменениям не только внешних, но и внутренних признаков индивида. Воплощение и реализация основных, базовых ценностей происходит в процессе отождествления человека с определенным сообществом, соответственно, через приобщение к социальным ролям, стандартам поведения, основанным на их воспроизведении или копировании.

Исследователи подчеркивают, что «современные модернизационные процессы в России прослеживаются в трехуровневой модели социальной идентичности: *макроидентичность* нашего общества имеет две модификации а) национально-государственную и б) цивилизационную; *мезоидентичность* (социально-групповая) показывает принадлежность индивидов к определенным общностям и социальным группам внутри данного общества; *микроидентичность* позволяет увидеть отдельного индивида в неповторимой уникальности отношений с обществом»² и «для эффективного развития модерниза-

¹ Там же. С. 33.

² Иванова С.Ю., Аракелян Э.А. Становление гражданской идентичности в полиэтническом социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 78.

онных процессов необходимо органичное взаимодействие всех уровней идентичности»¹.

При рассмотрении этнической идентичности как представления о субъективном, личностном отношении к условиям национального бытия актуальной является именно та часть, связанная с рассмотрением процесса самоидентификации, которая зависит от степени выраженности воздействия этнических признаков на индивида.

Первой формой этнической идентичности, возникшей у людей первобытного общества можно считать «осознание родства по крови и браку», следовательно, этническая идентификация была подвержена изменениям. По мере становления и развития человеческого сообщества, на смену представлениям о горизонтальном родстве и единстве людей, приходит процесс межгруппового сравнения, осознание общности происхождения о вертикальном родстве. Последнее находит отражение в идее территориальной общности².

Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства (чувства достоинства, гордости, обиды, страхи), которые являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи человека с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формируются в процессе общения индивида. Более того, под этнической идентичностью необходимо понимать не только общность культуры, разделение определенных представлений, характерных для данного сообщества, готовность к принятию общих ценностей, идеалов, но и наличие сложной системы межэтнических отношений и этноконтактов, основанных на принципах толерантности.

Этническая идентичность выступает, в первую очередь, как результат когнитивно-эмоционального процесса, осознания себя представителем этноса (знания об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков: национального языка, религии, исторической памяти, национального менталитета, национальной культуры) (Ю.П. Платонова, Т.Г. Стефаненко, Л.Д. Столяренко, А.П. Садохин и т.д.). Аффективный компонент этнической идентичности, будучи осознанием принадлежности к этнической группе, отношением и оценкой ее качеств, к членству в ней выражается в этнических стереотипах (автостерео-

¹ Там же. С. 78.

² Коновалова А.В. Указ. раб. С. 125.

типах). Позитивная этническая идентичность включает в себя положительные автостереотипы, высокую самооценку, гордость за принадлежность к данной этнической общности, ее достижениями, что, однако, не исключает наличия в общественном сознании, следовательно, и в автостереотипах, негативного заряда образов собственного народа, чувство униженности, могущее привести к отрицанию собственной этнической идентичности, формированию предпочтительности относить себя к более развитым народам.

Г.У. Солдатова определяет этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой отличия от других этнических групп. Этническая идентичность не может существовать без эмоционально окрашенных представлений, по причине наличия в ней не менее важного регулятивного, поведенческого компонента. Данный компонент, наиболее выражен в интересах, оказывающих глубокое влияние на жизнь и деятельность человека. В основе интересов лежат потребности, выражающиеся в познании окружающего мира, своего места в нем, потребности принадлежать к социальной (этнической) группе, занимать в ней определенное место, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви. Соответственно представитель этноса имеет потребность принимать и соблюдать существующие в данной этнической общности нормы и правила².

Как правило, этнический статус человека не подвергается изменениям, несмотря на то, как отмечают исследователи, этническая идентичность является не статическим, а динамическим образованием. Однако какие-то внешние факторы могут способствовать, независимо от возраста, личности на переосмысление места этнической принадлежности, вследствие чего может произойти трансформация этнической идентичности. Такому изменению этнического статуса в

¹ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 296.

² См.: Дробижеева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1991.

большей степени подвержены индивиды, состоящие в межнациональном браке, у которых относительно слабо развитое этническое самосознание.

Формирование и последующее развитие этнической идентичности происходит в процессе социализации, когда от предыдущих поколений к следующему передаются нормы и ценности социокультурной среды, личность приобретает новые знания о существующих межэтнических отличиях и, соответственно, более четко определяет свою принадлежность к определенной этнической группе. Не менее важную роль в процессе осознания этнической принадлежности играет среда проживания – полиэтническая или мононациональная: человек, проживающий в моноэтнической среде позже осознает этническую принадлежность в отличие от человека находящегося в многонациональном окружении. В полиэтнической среде огромную роль играет фактор межнационального общения, дающий возможность получения информации об иных народах и их отличиях, частотность этноконтактов, предрасположенность или игнорирование межнациональной коммуникации, ориентированность на самоизоляцию.

Анализируя феномен идентичности, необходимо выделить механизмы социальной самоидентификации, основанные на выделении своей «группы», своей «культуры» как существенно значимого и отличительного референта в социальном пространстве: «выделяя понятие "социального Я" в структуре личности в отличие от "физического Я" и "духовного Я" ..., что "социальное Я", то есть представление индивида о себе как о социальном существе, формируется в процессе его общения с другими людьми на основе того признания, которое индивид получает от других»¹.

В структуру этнической идентичности исследователи включают самоотнесение себя к конкретному этносу, автостереотипы (характеристики, приписываемые своему народу), представления о культуре, языке, истории, возможно территории, государственности своего народа, иными словами, этнический «образ мы». Функция идентичности состоит в том, что она включает индивида в социальные взаимосвязи, внутригрупповую интеграцию². Наряду с этим, этническая идентичность является психологической основой этнополитической мобилизации.

¹ Андреева М.Г., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978. С. 209.

² Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. С. 3 – 4.

Огромное значение для понимания природы коллективных форм самосознания, в том числе национального, имеет мысль Б.Ф. Поршнев о том, что «осознание коллективом своего "мы" возникает позже, чем осознание существования других "они". Материал не только из истории разных эпох иллюстрирует, что может подчас быть очень слабо выражено, вовсе отсутствовать сознание "мы" при ясно выраженном "они". "Они" – не "мы", и, наоборот, "мы" – это не "они". Только ощущение, что есть "они" порождает желание самоопределиться по отношению к "ним", обособиться от "них" в качестве "мы"»¹. «Мы» стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей, противостоящей чуждому окружению. Любой народ существует, развивается в конкретно-исторической среде, в окружении других этносов, поддерживая с ними многообразные, сложные связи и отношения. В зависимости от характера этих взаимоотношений и формируется противопоставление «мы – они», лежащее в основе формирования этнической идентичности. При этом своя культура, общественно-бытовой уклад служит своеобразным идеальным эталоном в сравнении с которыми могут сосуществовать образы своего и соседних этносов. Иными словами, важнейшим элементом этничности является установка «мы – они» в общественном сознании, базирующаяся на представлении о границах между этносами.

По мнению З.В. Сикевич, «этничность никогда полностью не исчезает и при определенных обстоятельствах может быть востребована на любой стадии исторического развития общества. Не вызывает сомнения, что этничность – это групповая характеристика, которая обнаруживается в сравнении "нас" с "не-нами". При этом границы группового членства этничности первоначально проходят по антропологическим признакам самоидентификации людей, имеющих общие родовые корни, которые уходят в историческую почву биогенетического и биосоциального единства. Особые генотипические и фенотипические черты, но особенно историческая родина, которая характеризуется экологией местности – все это отличает "нас" от "не-нас" в этническом отношении»².

Первым условием существования этничности считает Н.Г. Скворцов является наличие дихотомического отношения «мы – они» и если такого отношения не существует – нет и этничности³, т.е. «ро-

¹ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 80 – 81.

² См.: Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 69 – 79.

³ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 61.

довым понятием для этничности является оппозиция "свои – чужие"¹, следовательно, для полноценного функционирования этничности необходима коммуникация и сравнение с иными этническими образованиями, благодаря которым проявляют себя «непохожесть», «особость». Несмотря на процессы трансформации данная дихотомия «мы – они» остается неизменной.

Как уже отмечалось, этническая идентичность, как и любая из форм идентичности, предполагает существование оппозиции «мы – они», определенный набор представлений о социокультурных особенностях между «своей» и «чужими» группами. Для обозначения этнодифференцирующих культурных и социальных факторов в отечественную этносоциологию был введен заимствованный у Ф. Барта термин «этнические границы».

Сущность этнической идентичности проявляется через взгляды и представления людей о национальном происхождении, принадлежности к родной земле, отношением к историческому прошлому, как, впрочем, и к настоящему, родному языку, духовно-нравственным ценностям и символам идентификации. Процесс идентификации рассматривается через социальный контакт и взаимодействие. Если бы не существовало контрастности «мы – они», основанной на противопоставлении, то необходимость изучения идентичности не возникла бы. Только в случае определения культурных различий как значимых и осознания их существенности межгрупповые связи приобретают этническую окрашенность. Однако очень часто окрашенность этнических различий способствует формированию интолерантных установок в массовом сознании и поведении, а острота их зависит от социально-экономического и политического статуса этнических общностей, от состояния их этнического самочувствия. Определенную роль в данном процессе играет историческая память и историческое самосознание, способствующие росту национального самосознания, поиску места среди других, и как отличающее «нас» от «них», с нашим своеобразным историческим прошлым, которым мы гордимся с одной стороны и, с другой, способствует дальнейшему саморазвитию народа, потому что «представление об историческом прошлом является одним из компонентов национального самосознания»². При этом необходимо выделить внутренние и внешние границы этнической общности, выражающие себя через ряд индикаторов. Если первые

¹ Рыбаков С.Е. Этничность и этнос С. 12.

² Дробижева Л.М. Историческое самосознание как часть национального самосознания // Традиции в современном обществе. М., 1981. С. 319.

проявляются через межэтнические контакты, то вторые, через ценностно-символическую систему. Таким образом, этническая идентичность есть духовное образование, включающее в себя самоидентификацию, точнее не только отнесение себя тем или другим лицом к этнической группе, но и представления о происхождении, территории проживания, языке, культуре, историческую память, этнические стереотипы (автостереотипы и гетеростереотипы).

Исследователи выделяют выполняемые этнической идентичностью на индивидуально-личностном и групповом уровнях функции: «во-первых, для каждого из членов одной общности этничность, опосредуя институциональные нормы, выступает регулятором социального поведения. Ведь любой человек, обремененный многочисленными статусами, одновременно выполняет целый набор социальных ролей, входит во множество слабо связанных между собою групп, причем каждая роль и каждая группа предъявляют к нему собственные требования, которые зачастую не согласуются, а, напротив, противоречат друг другу. Этничность же регулирует межличностное и межгрупповое общение на основе традиций, обычаев, общепризнанных устойчивых ценностей. В этом состоит регулятивная функция этничности. Во-вторых, формируя единую символическую среду, этничность выступает в качестве своеобразного информационного фильтра. В современном обществе человек оказывается невольно втянут в постоянный и хаотический поток разнообразной и нередко внутренне противоречивой информации. Этничность в известном смысле не только упорядочивает и систематизирует ее, но и "просеивает" с точки зрения общепринятых культурных ценностей и идеалов. В этом ее информационная функция. В-третьих, этничность способствует удовлетворению органично присущей человеку потребности в определенной психологической устойчивости и определенности. Актуализация этничности – есть защитная реакция психики на унифицированность или нестабильность окружающей социальной среды. Смена социальных и, в частности, политических детерминант разрушает ценностный мир человека, неизменность же этнического, традиционного в противовес социальной инновации противодействует развитию социально-психологической фрустрации и аномии. Этничность консервативна и в кризисной, конфликтной ситуации человек стремится укрыться в ней как в материнском лоне. В этом состоит психологическая или защитная функция этничности»¹.

Теоретическая разработка, изучение эмпирического материала по этническим группам, находящимся в позитивных ситуациях межэт-

¹ Сикевич З.В. Указ. раб.

нического взаимодействия и в обстановке разного уровня напряженности и конфликтов, позволила этнопсихологам и этносоциологам выделить семь типов этнической идентичности:

1. *Нормальная идентичность* при которой образ своего народа воспринимается как положительный момент, – имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки на общение с другими народами.

2. *Этноцентричная идентичность*, которая означает ориентацию личности только на одну, свою этническую общность, с которой она связывает свои ожидания, жизненные планы, установки, свою судьбу. В этноцентризме основным пунктом восприятия и оценки чужих обычаев, нравов и т.д. является опыт своей этнической группы. Этноцентризм обозначает предпочтение образа жизни собственной этнической группы всем остальным.

3. *Этнодоминирующая идентичность* фиксирует такое состояние самосознания и поведения человека, при котором не только этническая идентичность становится первостепенной среди других видов идентичностей (гражданин, муж, мать, представитель профессии и др.), но и достижение целей, интересов (возможно, и ложно понимаемых) начинает восприниматься как безусловно доминирующая ценность.

4. *Этнический фаворитизм* – идентичность, при которой абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто иррационально понимаемых, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия, вплоть до использования терроризма. Данный тип представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности.

5. *Этническая индифферентность* когда люди практически равнодушны к проблемам этничности и межэтнических отношений, ценностям своего и других народов; они свободны от норм и традиций, на их жизненные поступки, на поведение в любых сферах деятельности никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других.

6. *Этнонигилизм* в форме космополитизма, когда личность, не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень, представления о своем «Я» как о субъекте мирового сообщества (гражданин мира).

7. *Амбивалентная, невыраженная, а иногда «сдвоенная» или даже «строенная» идентичность.* Этот тип распространен в этнически сме-

шанной среде¹. С учетом вышесказанного можно сказать, что этническая идентичность является внутренним, субъективно-символическим аспектом этничности, состоящая в осознании и переживании личностью своей принадлежности к определенному этносу, народу. Она основывается на целом комплексе национальных символов и признаков, которые формируют единство с этносом, несмотря на существующие внутри него различия.

1.3. Религиозность и религиозное поведение: теоретико-методологические подходы исследования

Постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией изучения религиозной сферы и различных ее аспектов, к числу которых относятся процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии (православия, ислама и т.д.) в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, потому что «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает. В условиях повышения общественной значимости религии как мировоззрения, а церкви как социального института усиливается актуальность изучения процесса секуляризации населения социологическими методами»². По мнению М. Гриеро, «продолжительная близорукость социологов по отношению к религии преодолена, и религия становится трендовой темой не только в академической, но и в политической среде», поэтому «социология религии стала менее изолированной в последние годы, и это связано не только с возросшей ролью религии в мире, но и с изменениями внутри сообщества социологов религии»³.

Западные исследователи, в частности Х. Кноблаух подчеркивает, что «каким бы не было трудным определение современных отношений между культурой и религией, они составляют одну из наиболее значимых составляющих турбулентности в современном обществе»⁴. И.Г. Каргина отмечает, что «на протяжении практически всего XX столетия господствующие механизмы управления явно или латентно

¹ Коновалова А.В. Указ. раб. С. 130.

² Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95.

³ Цит. по: Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 109.

⁴ Там же. С. 109.

воспроизводили либерально-светское мировоззрение, которое стало одним из краеугольных камней современности, ее культурной сущностью. Однако социальные реалии конца XX – начала XXI вв. "вытащили" религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав неостребованные долгое время ее социальные роли, что катализировало новые культурные сдвиги»¹.

Прежде чем обратиться к современной методологии изучения религиозной идентичности и религиозности россиян, представляется необходимым изложить позиции отечественных исследователей о положении религии в советском обществе. По мнению Е.А. Кублицкой, «теоретическая интерпретация секуляризации при социализме не всегда согласовывалась с реальностями этого процесса в нашем обществе, а иногда находилась в прямом противоречии с ними. Указанное расхождение отразилось на используемых в исследовании методиках измерения уровня и степени религиозности»². По мнению С.Г. Карамурзы, «советский человек был, да и по сей день в большинстве своем остается глубоко религиозным. Именно это – советское – государство, созданное "коммунистами и беспартийными", было проникнуто религиозным чувством, – в этом была его сила, и его слабость... борьба большевиков с Церковью была столкновением сходных по внутренней убежденности сил»³.

Усиление религиозного компонента в массовом сознании сопровождается необходимостью исследования религиозности населения, т.е. кого можно считать верующим человеком, каковы критерии определения степени и уровня религиозности российского верующего и вытекающего из нее религиозного поведения. Религия проникла во все сферы общества и религиозная тематика освещается на разного рода уровнях как представителями властных структур, так и средствами массовой информации и, по мнению О.А. Богатовой, «инвариантной характеристикой российского общества, как и других современных обществ является религиозный и культурный плюрализм, использование различными социальными общностями и политическими силами этнических и религиозных идентичностей как в качестве интегрирующих социальных механизмов, так и в качестве маркеров различия, чему способствует государственная политика поддержки культурного многообразия. Поэтому поиск форм сочетания религиозной, этнической и общероссийской гражданской идентичности является

¹ Каргина И.Г. Ключевые тренды.... С. 110.

² Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 96.

³ Русский коммунизм глазами христианского теолога // Наука и религия. 2013. № 11. С. 5.

условием сохранения единства и стабильности российского общества»¹.

В многоконфессиональном государстве ориентированность СМИ на религиозную тематику вызывает особую тревогу, по причине наличия в России глубокого внутрирелигиозного противостояния и религиозного экстремизма. Исследователями подмечено активное участие священнослужителей в программах различного рода ток-шоу, существование большого количества религиозных сайтов в Интернете, более того, «церковь все настойчивее пытается влиять на жизнь общества», соответственно, возникает вполне обоснованный вопрос «Что это – ренессанс религиозного мировоззрения или нарастание клерикальных тенденций?», поэтому «многим из людей старшего поколения, воспитанным в условиях советского атеизма, это представляется несколько непонятным и тревожным»². Если раньше верующие скрывали религиозные убеждения, то сейчас подверглись остракизму убежденные атеисты: «при советской власти нельзя было признаться в том, что ты верующий, при нынешней – что атеист»³.

Изучение *религиозности* предполагает выявление ее сущности, содержания и смысла, который в нее вкладывает исследователь. По мнению В.Ф. Чесноковой, «воцерковление – это добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней **образа жизни и образа мыслей**. При этом усвоение образа мыслей происходит параллельно и в тесной связи с усвоением образа жизни. Этот последний именно и является проводником устойчивого влияния Церкви на человека, позволяющего человеку со временем выработать себе новое отношение к миру и к себе самому»⁴. По мнению М.Ю. Смирнова, «сам термин является рецепцией из церковно-православного лексикона от понятия "воцерковление", подразумевающего включенность православного верующего во все религиозные действия, обязательные для церковной жизни. Регулярное совершение таких действий необходимо как непереносимое условие достижения социологической цели христианства – спасения»⁵.

¹ Богатова О.А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 114 – 115.

² Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135 – 136.

³ Цит. по: Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 97.

⁴ Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. С. 11.

⁵ Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 139.

Ряд отечественных исследователей отмечают, что социология религии в российской науке не представляет собой «теорию среднего уровня, обладающую научным весом, опирающую на богатую традицию и научные школы, которые были бы способны достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества»¹. Однако с таким суждением в полной мере нельзя согласиться, потому что в отечественной (советской) науке проблема религиозного сознания и религиозного поведения, определение места религии в обществе были предметом исследования (может быть не всегда объективного с учетом господствовавшей идеологии) в русле научных разработок этнографов, философов, социологов и т.д. В частности к ним можно отнести методологические разработки по изучению секуляризации населения Р.Г. Балтанова, Е. Дулумана, В.Д. Кобецкого, А.А. Лебедева, Б. Лобовика, В. Г. Пивоварова, В.А. Сапрыкина, В. Танчера, М.К. Теплякова, Д.М. Угриновича, И.Н. Яблокова и т.д., которые в той или иной степени затрагивали вопросы религиозности населения и активности/пассивности их культового поведения. Разумеется, в советской науке, следует оговорить общественной, ориентированной исключительно на марксистско-ленинскую философию и атеистическое воспитание, наблюдалось ограничение поля исследования, отсутствовали возможности для целенаправленного изучения специфики религиозного сознания и поведения советского человека.

Ключевым признаком современной религиозности является то, что она формируется в условиях меняющейся религии, которая становится все более «повседневной». На понимание этих изменений сегодня нацелены исследования многих социологов религии. Вслед за Т. Лукманом, который писал «прежде всего, сама религия и ее институциональные формы, находясь под влиянием общественных трансформаций, качественно меняются, и другие социологи религии, принадлежащие к разным национальным социологическим школам, новые религиозные изменения пытаются осмыслить через призму преобразований самой религии. В условиях турбулентной современности религия становится все больше "поп-религией" (Х. Кноблаух), которую "актер может использовать" (П. Бурдые) в определенных целях и контекстах и играет больше "замещающую" роль (Г. Дэйви)»².

Видное место в изучении религии принадлежит Э. Дюркгейму, по мнению которого, религия не представляет собой иллюзию, а является нечто вполне реальным. В соответствии с этим задачу науки он видел не в том, чтобы противоборствовать с религией, а в том, чтобы

¹ Анурин В.Ф. Указ. раб. С. 136.

² Каргина И.Г. Ключевые тренды.... С. 114.

пояснить социальные функции религии: «все известные религиозные верования, будь они простые или сложные, содержат одну и ту же общую черту: они предполагают классификацию реальных или идеальных явлений, которые представляют себе люди, на два класса, два противоположных рода, обозначаемых – обычно двумя различными терминами – и достаточно хорошо выражаемых словами: *светское* и *священное*. Разделение мира на две области, из которых одна включает в себя все, что священо, другая – все, что является светским, – такова отличительная черта религиозного мышления»¹.

Современные исследователи по-прежнему обращаются к идеям Дюркгейма, в частности А. Нарензаян утверждает, что религия «объединяет по таким принципам как верность общине и готовность жертвовать личными интересами ради общества. Кроме того, выживаемость религиозных (но не светских) общин напрямую зависит от строгости устава. Чем больше ограничений накладывала община на своих членов, и чем более сложные ритуалы им приходилось выполнять, тем дольше существовала»².

Таким образом, говоря о религиозности как особом социальном феномене, необходимо исходить из того, что мы имеем в виду. По мнению Э. Дюркгейма, «в основе всех систем верований и всех культов с необходимостью должно существовать некоторое число основных представлений и ритуальных установок, которые, несмотря на все возможное разнообразие принимаемых ими форм, везде имеют одно и то же объективное значение и выполняют одинаковые функции. Это постоянные элементы, образующие в религии то, что есть в ней вечного и человеческого; они составляют объективное содержание идеи, которую выражают, когда говорят о *религии* вообще»³. Иными словами, он под религией понимает «единую систему верований и действий, относящихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен»⁴.

В рамках современной социологии религии основное внимание уделяется исследованию 1. процессов десекуляризации, респиритули-

¹ Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М., 1998. С. 216.

² Цит. по: Лаговский В. На земле наступает безбожная эра? // Комсомольская правда. 2011. 2 апреля.

³ Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М., 1998. С. 180.

⁴ Там же. С. 229 – 230.

зации, де-приватизации, «возвращения религий», «духовной революции», сопровождающиеся расширением спектра новых типов религиозности, изменениями религиозного ландшафта, формирующие новые образы религий, в том числе и христианства; 2. трансформация современных практик институтов традиционных религий – в частности, христианские религиозные организации активно распространяют маркетинговые стратегии для сохранения и расширения сфер влияния в секулярных и сакральных областях, становясь менее ортодоксальными и более интегрированными в социальные и политические процессы; 3. влияние глобальной иммиграции на изменения религиозных пейзажей, идентичностей, как следствие, на процессы интеграции и дезинтеграции, социальные конфликты; 4. качественные преобразования глобальной тенденции увеличения доли приверженцев двух основных религий, стремящихся обратить других в свою веру – ислам и христианство; 5. новые религиозные движения¹.

Социология религия рассматривает целый комплекс вопросов, связанных с усилением религиозного компонента в российском обществе. Среди них наибольший интерес представляют следующие моменты: а) специфика исследования религиозности населения в условиях десекуляризации российского общества (методология и методика исследования); б) определение роли церкви в российском государстве и религии в структуре социальных и духовных ценностей общества; в) изучение особенностей конфессионального и межконфессионального развития полиэтнических регионов; г) определение индикаторов воспроизводства религиозной и этнической идентичностей в условиях межнациональных противоречий.

По мнению С. Коллинз-Мэйо, в Западной Европе молодежь в меньшей степени религиозна (в распространенном понимании религиозности, как, прежде всего, степени воцерковленности), чем взрослые. На основе своих исследований С. Коллинз-Мэйо пришла к выводу, что, например, в Великобритании, прежде всего, верят в семью, в дружбу и в самих себя, а не в Бога. Ф. Дженкинс, считает, что институциональные позиции современной христианской религии значительно ослаблены, но «институциональная слабость – не обязательно является индикатором общей религиозной апатии» и «удивительным образом христианство продолжает как "призрак" присутствовать в европейском обществе»².

¹ Каргина И.Г. Ключевые тренды... С. 109.

² Цит. по: Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 110, 112.

Российские исследователи занимаются выявлением индикаторов соответствия религиозным требованиям, на основании которых человека можно считать принадлежащим определенной конфессии. Одним из первых является, проведенный Фондом «Общественное мнение» (1992 г.) социологическое исследование религиозности россиян. При проведении данного опроса был применен «индекс воцерковленности» (В-индекс). Методика расчета «В-индекса» для православных верующих разработана В.Ф. Чесноковой. За его основу берут следующие показатели: 1. частота посещения храма, 2. частота причащения, 3. регулярность чтения текстов Священного Писания, 4. форма молитвы и 5. пост¹. На основе перечисленных показателей контингент «православных» подразделили на 5 типологических подгрупп по степени воцерковленности: «Группа О (самая слабая по степени воцерковленности) – все, кто не поднялся ни разу даже до второй позиции по шкале ("не был", "не причащался", "не читал", "не молюсь", "не пощусь"). Группа С (слабовоцерковленные) – те, кто "завоевал" хоть одну вторую позицию, но выше не поднялся. Группа Н (начинающие) – все, кто достиг хоть по одной переменной третьей позиции. Группа П (полувоцерковленные) – те, кто хоть по одной переменной поднялся до четвертой позиции. Группа Ц (воцерковленные или церковный народ) – все, хоть раз попавшие на пятую, самую высокую позицию на любой из шкал². При разработке метода (В-индекс) В.Ф. Чеснокова опирается на религиозные каноны Русской Православной церкви. Ю.Ю. Синелина, «В-индекс» адаптировала для изучения религиозности мусульман, включив в его структуру регулярность посещения церкви (мечети), соблюдения постов, чтения религиозных текстов, молитв. Критический подход к методу «В-индекс» характерен С.Д. Лебедеву, который на основе глубокого и подробного анализа религиозных предписаний православия подвергает сомнению его достоверность³.

Несмотря на наличие огромного научного пласта в области изучения религиозности и религиозного поведения россиян, в среде отечественных религиоведов, впрочем, как и социологов, серьезные нарекания вызывает методика исследования религиозности. По мнению Е.А. Кублицкой, 1. показатель «самооценки» «заработал» у ве-

¹ Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. С. 35.

² Чеснокова В.Ф. Указ. раб. С. 20.

³ См.: Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1.

рующих, поскольку нет причин скрывать свои убеждения. В то же время он оказался недостоверным при определении нерелигиозности населения. Так часть неверующих респондентов или идентифицирует себя с «колеблющимися», или уходит от ответа. Если в период «застоя» показатель самоидентификации по отношению к религии и атеизму занижал уровень религиозности и завышал степень распространения секуляризации в обществе, то в постсоветский период – завышает уровень религиозности с занижением уровня и степени атеистичности населения. Далее при определении религиозности на основании самоидентификации исследователи **включали одновременно и веру в Бога, и отношение к религии, и даже конфессиональную самоидентификацию**, предложив респонденту дать лишь один ответ.

2. Методологический принцип, характеризующий развитие или стагнацию секуляризации общества – дихотомическое деление населения на религиозное и нерелигиозное на *основании наличия/отсутствия веры в существование сверхъестественных сил*¹. 3. В настоящее время типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «незавершенность» религиозного выбора. «Промежуточное состояние» религиозного сознания характеризуется мировоззренческой неопределенностью в оценке религиозной веры и своего к ней отношения. Подобная мировоззренческая маргинальность повышает его восприимчивость к миссионерской и прозелитической деятельности многих религиозных течений. 4. Для анализа влияния мировоззренческих позиций на социальные ориентации личности достаточно использовать типологию: верующие (с выделением в ней группы воцерковленных верующих); колеблющиеся между верой и неверием; неверующие (с выделением в ней группы атеистов). 5. Принцип необходимого сочетания показателей, характеризующих религиозное поведение индивида, при измерении степени религиозности остается неизменным. Однако традиционное культовое поведение (составная часть религиозного) претерпело множество изменений и в последние годы не всегда рассматривалось в качестве имманентной характеристики религиозности². Таким образом, основными методологическими принципами исследования являются: 1. Главное основание для дихотомического деления населения на религиозное и нерелигиозное – наличие или отсутствие веры в существование сверхъестественных сил. 2. Для изме-

¹ Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 98.

² Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 97.

рения уровня религиозности необходимо сочетать показатели, характеризующие религиозное сознание и поведение человека. Такой традиционный показатель религиозного поведения, как культовая активность перестал быть его обязательным компонентом, поскольку участие в церковных праздниках и обрядах имеет в большинстве случаев нерелигиозную мотивацию. Культовое поведение следует рассматривать как обязательный показатель измерения уровня религиозности. 3. Для того чтобы получить достоверную информацию об уровне религиозности, необходимо применять сбалансированную систему показателей, которая характеризует как религиозную, так и атеистическую убежденность. При использовании одних только показателей религиозности, полученные эмпирические данные будут искусственно завышать ее уровень¹.

Аналогичного с Е.А. Кублицкой мнения, придерживается В.Ф. Анурин: «реальную приверженность к религии – религиозность – следует определять по характеру различных форм религиозного поведения человека»² и таковыми по его классификации являются следующие признаки:

1. молятся;
2. следуют религиозным заповедям;
3. посещают религиозные службы в храме;
4. читают священные книги;
5. причащаются;
6. исповедуются;
7. соблюдают установленные посты³.

Не менее важным в процессе исследования религиозности населения представляется установление критериев принадлежности к определенной религиозной группе и таковыми являются, широко распространенные среди религиозных деятелей: 1. **этнический принцип**, на основании которого православие объявляется этнической религией русских и т.д., ислам, например, в отношении дагестанских народов их этнической религией и т.д., 2. **культурная религиозность**, когда человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя возможно и не разделяет ее вероучения, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину. Сам факт утверждения принадлежности к определенному религиозному течению важен для

¹ Там же.

² Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 139.

³ Анурин В.Ф. Указ. раб. С. 141.

мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации гражданина. Соответствующая религия имеет для человека, называющего себя православным, мусульманином или лютеранином, особую, по сравнению с другими религиями, ценность¹. При этом С.Б. Филатов и Р.Н. Лункин отмечают, что «культурная религиозность, или религиозная самоидентификация, является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова. Самоидентификация не предполагает, что данный человек разделяет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам. Собственно уровень религиозности – это численность практикующих верующих, т.е. тех, кто разделяет определенное вероучение, соблюдает предписываемые религиозные практики»². По мнению Н. Митрохина, исследователи не должны относить «всех посещающих богослужение к православным, потому что массовость церковным акциям (паломничество, поклонение привозным святыням и т.д.) придают люди, которые воспринимают православные святыни, требы и таинства чисто магически и не разделяют православной веры, не проявляют к ней никакого интереса»³. Данный тезис можно принять с некоторыми оговорками. Да, наверное, среди посещающих, видимо есть и такая категория, но, с другой стороны, возникает вопрос «Что может заставить людей в течение нескольких часов (от 12 часов и больше) стоять в очередях, чтобы прикоснуться к Дарам Волхов или поясу Богородицы, реликвиям пророка Мухаммада?», надо полагать не только отношение к этим религиозным реликвиям, как историко-культурным ценностям, а стремление подчеркнуть свою религиозную идентичность через демонстрацию отношения к элементам религиозной символики.

В.Ф. Чеснокова критикует исследователей, придерживающихся мнения, что православное есть всего лишь самоназвание, подчеркивая, «как никто не в праве ставить под сомнение ответ человека, признающего себя верующим, – поскольку вера, то есть отношения человека с Богом, это весьма сложный и деликатный феномен, проверить который невозможно современными научными средствами, – так и самоназвание "православный" приходится принимать как единственно компетентный ответ, потому что никто лучше респондента не может определить общее направление его веры. Говорить и спорить

¹ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35 – 36.

² Там же. С. 40.

³ Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. С. 39.

можно только о том, "хороший" или "плохой" он православный, то есть насколько глубоко он знает православную культуру, насколько его поведение соответствует установленным Православной Церковью каноническим правилам»¹. Далее, по убеждению В.Ф. Чесноковой, «эти люди имеют право называть себя православными, во-первых, потому что признают своею Православную Церковь (и только ее одну!); во-вторых, им близка именно православная культура, поскольку они, как показывает анализ материала, хорошо (может быть, лучше даже, чем все другие группы) укоренены в русской культуре, которую в значительной степени за последнее тысячелетие сформировало православие, а потому эти наши православные имеют во многом православные установки; и, в-третьих, потому, что они доверяют Православной Церкви»².

Уже говорилось о существовании внутри российского научного сообщества, исследующих феномен религиозного сознания и поведения, неоднозначной оценки метода В.Ф. Чесноковой («В-индекс»). Если одни социологи в своих исследованиях религиозности широко его применяют (М.С. Алексеева, О.А. Богатова, в модифицированном виде Ю.Ю. Синелина), то другие с качественной и количественной позиций критикуют. Так, по мнению С.Д. Лебедева и В.В. Сухорукова, «В-индекс в его "классическом" варианте инвалиден» и причины кроются «во-первых, в крайне слабом присутствии вопросов о религиозном сознании, в то время как в данном контексте очень важен для оценки религиозного поведения как индикатора воцерковленности или же суеверности респондента. Во-вторых, нелогичность многих имеющихся шкал, не соответствующих кумулятивному принципу, морфологическому подходу и правилам комбинаторики; кроме того, объем измеряемого феномена по некоторым шкалам не совпадает с объемом, который предполагается измерить в тексте вопроса. В-третьих, алгоритм обработки эмпирических данных существенно искажает картину воцерковленности в сторону ее повышения»³.

Еще в социалистический период развития российского общества, отечественные исследователи пытались найти наиболее приемлемый метод изучения религиозности населения, который позволил бы объективно охарактеризовать состояние их религиозного сознания и спе-

¹ Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. С. 6.

² Чеснокова В.Ф. Указ. раб. С. 9.

³ Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 126.

цифику религиозного поведения. Так Ф.Н. Ильясов отмечал, что «для измерения религиозности применялся показатель "участие в религиозных обрядах", который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – "вера в сверхъестественное" – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в бога и в отдельные положения теологической доктрины»¹.

Исследование религиозности предполагает выявление ее взаимосвязи с поведением человека, необходимостью установления «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности»². Таковой является предложенная Дж. Фихтером типологизация, сущность которой заключается в изучении изменения уровня и характера религиозности. На основе данной типологии выделяют 4 типа верующих: 1. убежденно верующие (наиболее активно участвующие в жизни церкви), 2. формально верующие, 3. верующие промежуточного типа, 4. бездействующие верующие (не участвующие в жизни церкви)³. Однако и типологизация Фихтера подверглась критике и, по мнению Ч. Глока, «идеи Фихтера не указывают, каким образом сгруппировать ряд показателей, чтобы классифицировать индивидов в соответствии с этой типологией»⁴.

Некоторые авторы предлагают громоздкие процедуры измерения, неоправданно усложняя процесс сбора информации. К такой относится методика Д.М. Угриновича, включающая в себя 49 эмпирических признаков, определенное соотношение которых позволяет относить индивида к тому или иному типу религиозности⁵. По мнению Ф.Н. Ильясова, «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак "вера", другой – "отношение к религиозной (атеистической) деятельности". Иными словами, по горизонтали размещают значения показателя "участие в религиозной (атеистической) деятельности", по вертикали – "вера" и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности»⁶.

¹ Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50 – 51.

² Ильясов Ф.Н. Указ. раб. С. 51.

³ Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 135.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ См.: Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985. С. 143 – 144.

⁶ Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 51.

По мнению Н.П. Алексеева, «одним из центральных вопросов методики конкретного изучения религиозных пережитков любой социальной группы является вопрос о критерии религиозности: кого считать верующим, по каким признакам его следует отличать от колеблющегося или неверующего? К сожалению, в советской социологической литературе не выработан общепринятый критерий религиозности. Одни исследователи считают верующими лишь членов религиозных обществ, активно участвующих в их религиозной жизни, другие к этой категории причисляют всех, кто в той или иной форме признает существование сверхъестественных сил, третьи, отыскивая критерий, принимают во внимание целый комплекс представлений, чувств и обрядов и конструируют сложную, многоступенчатую систему оценок религиозности»¹.

Далее Н.П. Алексеев подчеркивает, что человек «сознательное существо», поэтому все его эмоции и действия, в том числе и религиозного характера, регулируются рассудочно через систему взглядов и мировоззрение. С учетом данного фактора критерий религиозности следует искать в сфере мировоззрения и религиозных понятиях, определяющих, систематизирующих и направляющих религиозные чувства и религиозный культ. Таким понятием является «понятие о Боге как о высшей сверхъестественной силе, сотворившей Вселенную и человека и господствующей над ними»². Таким образом, по мнению Н.П. Алексеева, за критерий религиозности следует принять веру в существование Бога. Все остальные признаки религиозности – участие в богослужениях, отправление различных обрядов, которые нередко берутся за основу суждений о религиозной принадлежности, – являются второстепенными.

Общеизвестно, что неверующие люди участвуют в религиозных обрядах; с другой стороны, есть верующие, не участвующие в религиозных обрядах по принципиальным соображениям или не посещающие богослужения в храмах в силу состояния здоровья, занятости, удаленности храмов от места жительства и по другим причинам. Это не значит, что второстепенные признаки религиозности должны игнорироваться в социологическом исследовании. Учет их необходим, так как они служат дополнением и уточнением действительного отношения человека к религии³.

¹ Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. М., 1967. Выпуск 3. С. 133.

² Алексеев Н.П. Указ. раб. С. 133.

³ Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. 1967. Выпуск 3. С. 134.

С учетом множества факторов, верующие и неверующие различаются по глубине их веры и неверия: среди верующих встречаются фанатики, среди неверующих убежденные атеисты. Эти группы различаются и по целостности, последовательности мировоззрения. Далеко не все неверующие последовательны в своих убеждениях. Например, многие из них отрицают существование нечистой силы, загробной жизни и другие элементы догматики. Непоследовательность мировоззренческих позиций неверующих может проявиться в признании ими сверхъестественных сил с очень ограниченной областью действия, поэтому Н.П. Алексеевым была предложена классификация типов, охватывающих религиозных людей от активных и последовательных верующих до активных атеистов¹ (см. таб. № 1).

Таблица 1

Основные мировоззренческие группы

Верующие		Колеблющиеся	Неверующие	
Активные	Пассивные		Активные	Пассивные
Последовательные				
Непоследовательные				

Аналогичную Н.П. Алексееву типологию предложил А.А. Лебедев: на одном полюсе располагаются убежденные верующие, ведущие религиозную пропаганду, а на другом – убежденные атеисты². Отличие всех этих типологий состоит в том, что они «не допускают даже возможности возникновения новых типов религиозности, не укладывающихся в традиционные представления. Главный признак религии – вера в Бога или в сверхъестественное (сюда добавляется еще целый перечень сугубо христианских идей), а главные признаки религиозности – религиозное сознание и религиозное поведение, подразумевающее аккуратное исполнение всех предписанных (в традиционном христианстве) действий»³.

По мнению И.Г. Дубова, проблема осложняется тем, что в настоящее время отсутствует возможность для сравнительной и достоверной оценки динамики уровня религиозности с советским периодом,

¹ См.: Алексеев Н.П. Указ. раб. С. 135.

² Лебедев А.А. Секуляризация населения социалистического города // К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М., 1970. С. 51.

³ Узланер Д.А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 67 – 68.

потому что, проводившиеся в 80-х гг. XX в. немногочисленные социологические исследования были «методологически заданными и, главное, имели исключительно региональный характер (Алексеев 1967; Морозов, Лисавцев 1970; Кобецкий 1978; Базарбаев 1980; Гуров 1980; Степанов 1987)»¹. При этом И.Г. Дубов придерживается позиции, что в настоящее время «большинство социологических исследований по рассматриваемой тематике посвящено главным образом формальной стороне веры (принадлежность к определенной конфессии, отправление обрядов, выполнение религиозных норм и пр.), а также устойчивости взглядов верующих, соотношение среди них колеблющихся и ортодоксов... между тем в России религиозность людей, называющих себя верующими, часто весьма поверхностна и сводится лишь к принятию соответствующей символики и соблюдению формальных требований»².

Совершенно иной подход к пониманию религиозной идентичности, религиозных отношений характерен А.С. Ваторопину, по мнению которого, для анализа основных тенденций развития религиозной сферы может быть использован новый комплексный социологический метод, интегрирующий две социальные парадигмы «модернистскую и постмодернистскую, которые репрезентируются в религиозной сфере двумя парадигмальными понятиями – религиозным модернизмом и религиозным постмодернизмом. Религиозный модернизм подразумевает взаимодействие между религией как духовно-социальной подсистемой и модернизируемой социальной системой в целом и представлен двумя противоположными позициями, которые могут занимать религии в отношении социальной модернизации: промодернистской и контрмодернистской. Религиозный постмодернизм, в свою очередь, конституирует деконструкцию религии как духовно-социальной подсистемы общества, а также ее интегрирующих социальных функций. При этом обе парадигмы генетически связаны»³.

Проведенный анализ свидетельствует, что в современной научной литературе не прекращаются споры о том, каковы критерии определения уровня и степени религиозности человека, кого относить к категории верующих/неверующих, как определить принадлежность к определенной религии, и, к сожалению, общепринятой методики,

¹ Дубов И.Г. Уровень религиозности и влияние религиозных установок на отношение россиян к политическим лидерам //URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dubov_2001_2.pdf. (дата обращения: 31.01.2014). С. 78.

² Дубов И.Г. Указ. раб. С. 79.

³ Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 91.

позволяющей получить ответы на поставленные вопросы, в научных кругах еще не выработана. Сложность заключается в том, что возникает проблема отнесения, например, людей, относящих себя к категории «верующих» с их реальным религиозным поведением – посещаемость и частотность посещения культовых учреждений, добросовестность соблюдения религиозных предписаний и т.д.

1.4. Государственно-гражданская идентичность: теоретико-методологические подходы исследования

В первом параграфе данной главы подробно изложены существующие в современной отечественной и западной науке методологические подходы исследования этничности и этнической идентичности в русле примордиализма, конструктивизма и инструментализма. Российские этнологи и социологи (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова, Л.В. Сагитова и т.д.) широко применяли научные разработки социальных психологов Г. Тэжфела, Дж. Тернера, антрополога Ф. Барта («культурная граница») и проявление типов социальной идентичности рассматривали через призму межгрупповых взаимодействий. Особое внимание к таким подходам было привлечено в ходе изучения феномена этничности и этнической идентичности в рамках конструктивистской парадигмы. По мнению Л.М. Дробижевой, наибольшее внимание в интерпретации этничности привлёк конструктивизм, хотя он не является общей парадигмой современных социальных наук. В представлениях конструктивистской концепции «этнос не устойчивая общность с культурными характеристиками, а общность людей, *разделяющих представления* о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарностью. Эти представления – результат усилий элит, этнической интеллигенции по формированию этнической общности. Если таково представление в обществе о народах – этносах, то задачей политиков, идеологов – социальных акторов остаётся сформулировать необходимые представления, а ненужные демонтировать. Этнополитика в таком случае имеет дело не с объектом в лице этнической группы, а с определённой ситуацией»¹.

Представители конструктивизма в западной науке (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум) анализируют роль государства, политических элит и интеллектуалов в процессах формирования национально-

¹ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 25.

гражданской идентичности, которая понимается как осознание принадлежности и эмоциональной причастности к политическому и гражданскому сообществу, очерчиваемому рамками самого государства¹.

В российской науке конструктивистской позиции придерживаются Л.М. Дробижева, В.В. Коротева, И.С. Кон, В.С. Малахов, Соколовский, Э.А. Паин, В.А. Тишков, В.А. Шнирельман и другие. Конструктивистский подход, пишет В.А. Тишков, «был мною использован при анализе феномена этничности в советском/постсоветском контексте, что позволило сменить фокус и язык одной из фундаментальных категорий отечественной этнологии, известной как "этнические процессы", на явление, которое мною было обозначено как "этническая процессуальность". Именно через эту исследовательскую призму обнаруживается яркая картина советской этнической инженерии, в том числе и конструирование "социалистических наций" на основе существовавших культурного, религиозного и локального многообразия, через институализацию (огосударствление) этничности и ее спонсорство или репрессии (оба метода ужесточали этнические границы)»².

В понимании этничности активно стали стимулировать другие подходы как символического и социального капитала, который может использоваться для мобилизации в разных целях, в том числе для достижения гедонистических устремлений, в борьбе за контроль над ресурсами, собственностью и т.п. Иными словами, сторонники инструменталистской концепции считают этничность ресурсом мобилизации для экономического и социального благополучия³. В западной научной литературе инструменталистский подход к этничности больше характерен этнополитикам (П. Брасс, Дж. Ротшильд), которые акцентировали внимание на лидерах – «этнических предпринимателях», наживших политический капитал, используя межэтнические противоречия и этнические чувства. В отечественной науке данный аспект разрабатывается В.А. Тишковым и М.Н. Губогло⁴.

В современной отечественной науке существуют свои особенности российского дискурса в изучении национальной идентичности,

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 28.

² См.: *Тишков В.А.* Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // *Вопросы философии.* 1998 № 9. С. 3 – 26.

³ *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 344.

⁴ См.: *Тишков В.А.* Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // *Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения.* Часть I. М., 1992. С. 35, 36; *Губогло М.Н.* Мобилизованный лингвизм. М., 1993.

среди которых А.Н. Малинкин выделяет а) тематический репертуар, б) исторический дискурс и в) теоретический дискурс¹. Последние два дискурса являются наиболее важными.

В рамках исторического дискурса, в обществоведческой литературе утверждалось, что СССР был империей, а именно «империей зла» и «тюрьмой народов»; что в нем господствовал коммунистический тоталитарный режим, по сути родственной национал-социалистскому (сталинизм=гитлеризм, коммунизм=фашизм); что русский народ, прикрываясь пролетарским и советским интернационализмом, всячески угнетал, притеснял и эксплуатировал другие народы СССР с позиций «старшего брата»; что коммунизм, тоталитаризм и «имперский синдром» до конца еще не изжиты, что они препятствуют не только построению гражданского общества и реформам, но и национальному самоопределению «коренных народов» бывшего СССР, оставшихся в составе Российской Федерации и ставших «титовыми нациями» в собственных национально-государственных и национально-территориальных образованиях, росту их национального самосознания и национальной самоидентификации. Следовательно, национальное освобождение и выход из состава Российской Федерации является актуальной задачей и неотвратимо будущее всех республик и национальных автономий в ее составе.

Вместе с тем доказывалось, что в СССР сначала был авторитарный, а затем партократический олигархический режим с элементами тоталитаризма, которые ныне полностью ликвидированы; что хотя Советский Союз и был в определенном смысле «империей», но он был скорее «освободителем народов» и «империей добра», выгодно отличавшейся от других империй, истреблявших, грабивших и изгонявших с их исконных территорий целые народы; что реальный социализм, даже времен сталинизма, нельзя отождествлять с гитлеровским национал-социалистским режимом, как нельзя ставить на одну доску коммунизм и фашизм – это разные вещи; что русский народ в действительности сам больше всех других народов СССР пострадал от пролетарского и советского интернационализма, означавшего по сути деэтнизацию, при этом он все время оказывал «братскую помощь» другим народам, всячески содействовал их просвещению и формированию национальных элит. Тезис о неизжитости у русских коммунизма, тоталитаризма и «имперского синдрома» используется как аргумент для доказательства их якобы природной фашизодности (по-

¹ См.: Малинкин А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4.

этому темы «русского фашизма», «нацизма», «расизма» в России не более актуальны, чем в других «цивилизованных странах»), что препятствует построению гражданского общества и реформам в России антидемократический этноцентризм и этнократизм «коренных народов», ставших в собственных национально-государственных и национально-территориальных образованиях в составе Российской Федерации привилегированными «титულными нациями» и практикующих в своих «удельных княжествах» по отношению к нетитульным нациям расовую дискриминацию. Вот почему изменение российской Конституции и «Федеративного договора» в плане совершенствования федеративного устройства с целью укрепления российского государства и уравнивания граждан в их фактических правах соответствует, с одной стороны, правильно понятому русскому национализму, а с другой, формированию российской нации по принципу государственного гражданства («одно государство – одна нация»)¹.

В перестроечный период в русле теоретического дискурса наблюдается изменение теоретических подходов к дефинициям «нация», «национальности», «национализм», «национальное самосознание», «этнос» и им на смену приходят широко распространенные в западной науке понятия «этничности» и «этнической идентичности», причем они рассматриваются как более прогрессивные и отражающие не застывшую естественно-историческую реальность, а являются мыслительными инструментами социального конструирования. Творящие их интеллектуальные и политические элиты вкладывают в них всякий раз свой особый смысл, чтобы сконструировать ту или иную «национальную идентичность», соответствующую их интересам и стремлению к господству в данном социальном пространстве в данный момент времени².

Согласно конструктивистскому подходу «нация» является конструктом, за которым не стоит и не должно стоять никакое реальное бытие. «Национальное бытие», впрочем, как и понятия «этнос», «нация» отрицаются с мотивацией их «натурализации» социальности. При этом конструктивистское понимание «нации» основано на дефиниции «национальная идентичность». Таким образом, нация, во-первых, характеризуется исключительно через сознание, во-вторых, приравнивается к самосознанию. Но самосознание социума (который хочет стать нацией) представляет в первую очередь интеллектуальная

¹См.: *Малинкин А.Н.* «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 70.

² Там же. С. 74.

элита. Поэтому последняя наделяется приоритетным правом формулирования «национальной идентичности», причем ее формирование является исключительно полем деятельности политиков, структур средств массовой информации, деятелей культуры, системы государственного образования и воспитания. Благодаря им происходит формирование национальной идеи, которую доводят до потребителя. Такое понимание способствует утрате самого понятия «народ», который не имеет какого-либо важного содержания и смысла в современном обществе. С потерей значимости понятия «народ», «этнос» свое значение теряют и этнокультурные компоненты национального образования, к числу которых относятся национальный язык, национальные традиции и обычаи, историческая территория, историческая память, общность происхождения, единая ценностно-символическая система.

По мнению А.Н. Малинкина, «конструктивизм в трактовке нации открывает такие широкие возможности для вполне легального, но абсолютно циничного манипулирования общественным мнением в интересах экономических, внешнеполитических и внутривнутриполитических структур, что говорить о каком-то гуманистическом, эмансипаторном значении самоидентификационного процесса нации нельзя... Виртуализация нации в конструктивистской этнологической парадигме ведет лишь к тому, что под нацией начинают понимать только то, что нацией называют интеллектуалы и политики по телевидению, в Интернете, газетах, журналах, книгах, учебниках»¹.

Много споров в отечественной научной среде вызывает проблематика соотношения государственной и гражданской идентичностей, характерное некоторым исследователям их противопоставление, а также попытки провести четкое разграничение между государственной и гражданской идентичностями. В силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений в России принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание. И в этом отличие российской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации-государства связано со становлением самоуправляющегося народа.

Там государственная и гражданская идентичности сложились как равнозначные понятия, а у нас они не могут не различаться. Государственная (российская) идентичность, за которую активно выступает В.А. Тишков, складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян. Первая формируется политической волей лидера, политической элитой, политическими антрепре-

¹ Малинкин А.Н. Указ. раб. С. 78.

нерами, посылающими идеи, интерпретирующие государственность, державность. Имея в руках СМИ, возможность влиять на образовательную систему, изобретение и внедрение символов и знаков, сделать это возможно в исторически короткие сроки (особенно, если не пренебрегать этническими чувствами в полиэтнической среде, учитывать политические настроения при выборе флага, гимна, герба, формы войсковых соединений и т.п.). Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, которое связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного и гражданского сознания в России еще только начинает происходить¹.

По мнению М.Б. Хомякова, гражданская идентичность в отличие от национальной, государственной и тем более этнической идентичности не подразумевает исторической общности, единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории», при этом он подчеркивает, что «такое понимание гражданства не является строго классическим, а потому требует значительных усилий по определению и критике этого понятия»².

Дискутируя с В.А. Тишковым по вопросу понимания нации как «государственной общности»³, Э.А. Паин считает, что назвать «российское согражданство нацией и приучить людей к употреблению такого термина» не решит еще проблемы формирования политической нации как гражданского общества, «овладевающей государством как своим орудием». Это невозможно именно без гражданского (а не просто государственного) самосознания. Далее В.А. Тишков, рассматривая вопрос формирования российской гражданской нации, подчеркивает, что в России есть «реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления о едином народе, его национальных интересах и национальной культуре»⁴.

¹ Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под. ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 17.

² Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 49.

³ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 14.

⁴ Тишков В.А. Российский народ. Книга для учителя. М., 2010. С. 129.

По мнению М.Ф. Черныш, «"народ" в широком смысле исключает всякое отождествление с каким-либо этносом, будь то этнос титульный, составляющий большинство населения страны, или этнос малый, населяющий национальные территории – республики края или области. Проект, базирующийся на данном понятии, в обязательном порядке требует развития а) политических институтов, имеющих доверие подавляющего большинства населения, б) репрезентативной культуры демократического волеизъявления и в) гражданских ценностей, занимающих в ценностной иерархии общества более высокую позицию, чем ценности этноса или религии. В рамках подобного проекта тождество "мы – россияне" должно быть более важным, чем тождество "мы – русские", причем не только во внешнем мире, где зачастую отождествление себя с Россией неизбежно по правовым причинам, но и внутри страны, в общении друг с другом, во взаимодействии между нациями и народностями. Речь с очевидностью идет об аналоге концепта "советский народ", так и не получившего полного развития, не ставшего скрепой для советского государства»¹.

Национальная парадигма опирается на признании того факта, что русские составляют подавляющее большинство населения и что именно русские, титульный этнос, являются той силой, которая до настоящего момента удерживала государство от распада. Следуя этой логике, именно русский космос, русский мир должен стать средой обитания всех, кто живет в этой стране, именно русские должны задавать тон в общественной и экономической жизни. Попытки аргументировать неприемлемость этого проекта фактом многонациональности российского социума не кажутся его сторонникам убедительными². Иными словами, все это подразумевает, что именно русские смогут обеспечить целостность страны, благополучно противодействовать стремлению западных стран ослабить Россию и сохранить ее от дальнейшего распада.

По мнению Б.Г. Капустина, государственная идентичность не противостоит гражданской и их взаимосвязь и взаимозависимость определяется потребностью индивида в упорядочивании социальной реальности. Гражданство – это не извне предписанное качество, а образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека, категория не только статуса прав, но и практики, связанной с этими правами³.

¹ Черныш М.Ф. Этнические и общегражданские ценности в сознании россиян // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 104.

² Черныш М.Ф. Указ. раб. С. 105.

³ Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011. С. 62.

Гражданская идентичность является, скорее, деятельностным измерением идентичности государственной, сферой реализации и защиты интересов, сопричастности к самоорганизованной жизни. Более того производимое на теоретическом уровне исключение гражданской идентичности из государственной приводит к тому, что, попадая в контекст социально-политической и управленческой практики, государственная идентичность начинает сводиться только к одному ее компоненту – формированию легитимирующей картины мира, способствующей сохранению и развитию государственных институтов.

В абсолютном большинстве случаев для достижения этой цели лидеры государства проповедают идею о том, что государство должно быть «государством нации» и служить ее интересам, а государственная идентичность непременно должна «конструироваться»¹.

По мнению И.С. Семененко, чувства общности с гражданской нацией и эмоциональное переживание этой общности является базой формирования гражданской идентичности². Именно поэтому необходимо подчеркивать двумерность российской идентичности, ее гражданско-государственный характер. Поэтому Л.М. Дробижева предлагает вариант «позитивной совместимости» «национально-гражданской и этнической идентичности», характеризующих масштабы распространения позитивных смыслов при гражданской идентификации и при идентификации с людьми своей национальности и выражающихся в ностальгическом советском, социальном, региональном, локальном, этнокультурном, религиозном аспектах новой российской идентичности³.

Она подчеркивает, что важность различения понятий гражданской и государственной идентичности обусловлена спецификой российской исторической реальности: если «во Франции, Великобритании, США, Швейцарии рождение политической нации как политических сообществ, консолидированных в рамках конституционного государства, имеющих политическую, договорную природу, связано с идеями демократии, суверенитета самоуправляющегося народа»⁴, то российское государство традиционно характеризовалось высоким

¹ Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско - государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 61.

² Семененко И.С. Гражданская идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. М., 2012. С. 78.

³ См: Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М., 2008. С. 214 – 228.

⁴ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность... С. 13.

уровнем централизации и иерархизации власти и населения, препятствовавшими возможности самоорганизации общества, противопоставлявшими принцип гражданства принципу подданничества власти¹. В кросс-культурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность обычно измеряется принятием ответственности за дела страны ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (выборах и т.п.), чувством солидарности.

В философских произведениях представителей эпохи Просвещения можно найти истоки, так называемого «классического гражданства», примером чего является понимание гражданской идентичности Ж.Ж. Руссо, как «гражданской религии»: «для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим»². По Миллю же, идея гражданства основана на *национальной идентичности*. А именно, в *Considerations on Representative Government* этот автор утверждал необходимость общей национальной культуры в качестве условия жизнеспособности институтов представительной демократии. И, конечно, вполне можно согласиться здесь с Д.М. Уэйнстоком, что в таком виде идея гражданства «кажется совершенно несогласной с решительно мультикультурной природою многих современных обществ»³. В самом деле, в таком виде идея гражданства, конечно, ничуть не менее «ценностно нагружена», нежели национальная или государственная идентичность. Вывод из этого очевиден – концепция гражданства точно так же, как и идея толерантности, должна быть значительно изменена для того, чтобы быть способной выполнять свои функции в условиях мультикультурного общества и пресловутого «плюрализма ценностей» современной цивилизации.

При этом Д. Уэйнсток предложил свое видение гражданства и включает в него следующие основные элементы:

1) *статус гражданина*, который значительно отличается от статуса не-гражданина. Иными словами, быть гражданином – это значит

¹ Там же.

² Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М., 2000. С. 320.

³ Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 50.

иметь определенные привилегии или права (например, участвовать в выборах) и нести определенные тяготы или обязанности;

2) статус гражданина обычно конкретизируется именно через *права*. Иными словами, главное в гражданском статусе – это не столько тяготы или обязанности, сколько различные права, которыми обладают граждане и которые служат для защиты их основных свобод;

3) *самоуправление*, автономия. Гражданин – это человек, способный к управлению собой и осуществляющий такую автономию на практике. Быть гражданином, значит – совсем не то же самое, что быть *подданным*, т.е. *управляемым*. Потому идея гражданства неразрывна с идеей демократии. Государство, собирающееся «воспитывать» граждан с помощью авторитарного (или тоталитарного) режима, слишком далеко уходит от своей цели. Гражданская идентичность способна формироваться лишь в свободном демократическом обществе;

4) в условиях «больших и анонимных» обществ должен существовать *ряд институтов*, посредством которых люди проявляют себя как граждане, т.е. осуществляют свое самоуправление и реализуют свои права;

5) *идентичность*, т.е. целый ряд психологических (но вовсе не обязательно ценностных) характеристик, которые определяют отношение граждан друг к другу и формируют основу специфических *гражданских добродетелей*. А именно, «быть гражданином означает, по крайней мере, до некоторой степени идентифицировать себя с политическим обществом, к которому человек принадлежит, и быть расположенным к действию по отношению к своим согражданам так, чтобы содействовать стабильности и единству этого общества»¹.

По мнению М.Б. Хомякова, «процедура получения *статуса* гражданина в мультикультурном мире должна быть прозрачна, понятна и принципиально общедоступна. Этим гражданство принципиально отличается от *национальной идентичности*, подразумевающей мистические "общую историю", "прародину", общие верования или мифы. Национальная идентичность – что-то, дающееся в каком-то смысле и в конечном итоге *по праву рождения*, даже если она и не отождествляется более с этнической (кровной) принадлежностью»².

¹ Цит. по: Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 50.

² Хомяков М.Б. Указ. раб. С. 51.

В работе уже было отмечено, что при характеристике идентичности распространенными являются понятия «национальная идентичность» и «гражданская идентичность». По мнению А.Г. Саниной, «актуальность использования данных терминов не вызывает сомнения, однако нельзя не указать на общий их недостаток. Он заключается в том, что эти термины лежат в основе не только теоретически выверенных, базирующихся на эмпирических данных концепций, но и социально-лингвистических игр в рамках политических стратегий, сообщений СМИ, деятельности общественных движений»¹.

Первоначальный смысл дефиниции «национальный» «нагружено многообразными смыслами. Два из них наиболее очевидны: исходный смысл понятия "нация" может пониматься, во-первых, как общество и государство и, во-вторых, как тот или иной народ (этнос). В западноевропейских языках сегодня, безусловно, доминирует первый смысл, в современной России – второй². И далее, «особенности сегодняшнего российского понимания национальной идентичности обусловлены вполне конкретными историческими обстоятельствами. Хорошо знакомые каждому понятия "нация" и "национальность" вошли в наш политический, научный и повседневный лексикон в значительной мере благодаря российским социал-демократам, которые были хорошо знакомы с западной общественной наукой (преимущественно немецкой) конца XIX – начала XX вв. Принципиальное значение для введения в обиход этих понятий имела статья "Марксизм и национальный вопрос", которая после победы большевистской революции превратилась не только в "азбуку" национального строительства, но и в важнейший инструмент укоренения новых понятий в русском языке»³.

Начиная с 1926 г., дефиниция «национальность», после того, как была внесена в опросный лист Всесоюзной переписи населения, стала постепенно приобретать все большую значимость. В 1932 г. в Советском Союзе была введена паспортная система с соответствующей графой о национальной принадлежности. Если вначале каждый гражданин СССР при получении паспорта был волен указать в графе «национальность» ту, к которой он сам себя относил независимо от места рождения, происхождения, вероисповедания, родного языка и

¹ Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско - государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 58.

² Зарецкий Ю.П. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 43.

³ Зарецкий Ю.П. Указ. раб. С. 43.

других факторов, то в последующем в СССР «национальность» стала пониматься почти исключительно как родство по крови. В постсоветское время существовавшая система определения этнической принадлежности человека была раскритикована и отечественные исследователи вместо категорий «нация» и «национальность» вводят в научный оборот принятые в западной науке понятия «этнос», «этническая группа» и т.д. Однако трудности с овладением новым понятийным аппаратом и его использованием оказались серьезнее, чем ожидали ученые: в государственно-политической и широкой общественной практике обозначение этнических групп и понимание их природы в постсоветское время не претерпело серьезных изменений¹. В этой связи В.А. Тишков писал: «Что стоит хотя бы первая строка нынешней Конституции: "Мы, многонациональный народ Российской Федерации". Эти старые клише "многонациональности" из советских деклараций, когда за них не нужно было платить процедурой реализации, перекочевали в совершенно новую политическую ситуацию более ответственных смыслов»². В последнее время, впрочем, российские граждане все чаще сталкиваются с иной трактовкой своей «национальной идентичности»: как гражданства и, соответственно, понимания «нации» как российского общества и государства в целом³.

В русле конструктивистского подхода понятие «национальная идентичность» в западной науке рассматривается менее всего соответствующее процессам, происходящим в современном глобализирующемся мире, с мотивацией, что в условиях глобализации и информатизации государство-нация исчезнет. Однако данный подход имеет основание для существования, потому что характерные для XX столетия мировые и локальные войны способствовали распаду государств и изменению границ: «в таких условиях понятие национальной принадлежности размывается и может наполняться различным смыслом (сопровождаться этническими, политическими коннотациями) в зависимости от контекста, а сам процесс идентификации сопровождается тотальной неуверенностью человека, пытающегося установить границы своего "я" и границы "другого", определить свои потребности, интересы, ожидания. Научная рефлексия этих эмпирических и теоретических процессов привела к активизации использования понятия

¹ Там же. С. 44.

² *Тишков В.А.* Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 10.

³ *Зарецкий Ю.П.* Указ. раб.

"гражданская идентичность", предполагающего, что гражданство – это приобретенное качество индивида, связанное с сознательным его выбором, – и, таким образом, более чем "национальное" и "этническое" соответствующее гуманистическим и демократическим тенденциям современной науки и политической практики»¹.

Автор разделяет позицию А.Г. Саниной, которая рассматривает российскую идентичность «с гражданско-государственной точки зрения как осознание индивидами и этносоциальными группами причастности к сообществу граждан России, основанное на когнитивной и эмоциональной привязанности, символических структурах, а также на прозрачной структурированности в отношении прав и обязательств между властью и гражданином»².

Характерная для постсоветского периода полемика вокруг идентичности разнонаправлена, с одной стороны, внимание акцентируется на ее содержании, т.е. на нормах, ценностях, установках, ориентациях граждан страны и соотношении с другими типами социальной идентичности, другие исследователи рассматривают идентичность как противоречивое явление, исследуя позитивные и негативные ее проявления. В этой связи Л.М. Дробижева подчеркивает важность «фокусирования внимания на проблемах позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности»³. Необходимость позитивной совместимости вышеназванных типов социальной идентичности обусловлена тем, что начало XXI в. стало периодом оживленного нациестроительства, которое ярко проявляется в деятельности российского руководства: «заметным и замечаемым стало употребление в публичном пространстве и прежде всего в выступлениях Президента РФ понятия нация не в этнокультурном значении, а в смысле государственной, гражданской общности – политической нации... на встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений (5 февраля 2004 г.) российский президент отметил – "сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть... нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом"»⁴.

Формирование российской идентичности происходило и происходит в сложных условиях социально-экономической и политической

¹ Санина А.Г. Указ. раб. С. 58.

² Там же. С. 63.

³ Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости.... С. 214.

⁴ Там же. С. 215.

трансформации российского общества: распад СССР, сопровождавшийся спадом экономики и, как следствие, ростом бедности, на фоне ухудшения межнациональных, межрелигиозных, внутриконфессиональных отношений должно было способствовать одному из двух тенденций – консолидации общества или дальнейшему распаду самой России. В условиях дестабилизации выходом из сложившейся ситуации являлся поиск механизма укрепления единства государства, а это очень сложный процесс, потому что экономическая слабость России и ухудшение социально-экономического положения россиян создавали серьезные препятствия достижению поставленной цели: «болезненность появления Российской Федерации сказывалась не только на утверждении российской идентичности, но и на ее характере, содержании представлений о ней, установках россиян по отношению к "другим"»¹.

Глобализационные процессы и современные социально-экономические, политические, духовные трансформации кардинально меняют субъективные ощущения идентичности, которые образовались в русле прежних традиций. Особенно острое протекание данных процессов характерно для представителей этнических, религиозных, культурных меньшинств, ориентированных на сохранение этнокультурной самобытности своей группы. Распад СССР обусловил разрыв в преемственности и, по мнению Г.Г. Салихова, «разрушение одного типа идентичности необходимо должно компенсироваться идентичностью другого типа. Отсутствие механизма преемственности идентичности для россиянина стало сопровождаться ощущением внутреннего дискомфорта и тревоги, реализующихся в формах замкнутости и усиления изоляционистских тенденций. Изоляционизм, в свою очередь, побудил тенденции к обратной локализации культуры и традиций, образа жизни, мыслей и норм поведения людей. Если политика какой-либо страны определяет различных индивидов, а равно и народы по-разному, отделяет один от другого, не заботится о них одинаково со справедливостью, считает одного надежнее другого, тогда отчуждаемая половина начинает проявлять недовольство. При таких обстоятельствах налицо раскол общества с чреватými последствиями»².

Соответственно, особое значение при решении этого вопроса, а также недопущения «конфликта идентичностей» заключается в том,

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева М., 2013. С. 39.

² Салихов Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1 (7). С. 124.

что при решении проблемы идентичности в России «не следует чрезмерно настаивать на изначальном равенстве или неравенстве культур, на безоговорочном предпочтении той или иной формы. Предлагается лишь презумпция равенства. Требуется допустимо свободная конкуренция культурных традиций, широкое общение людей, наличие возможностей для знакомства с другими культурами, их взаимопроникаемость, переход друг в друга и трансформация», в которой совместная жизнь этносов и индивидов ведет к «единению» людей на основе свободной конкуренции идентичностей¹.

При этом Г.Г. Салихов придерживается позиции, что России нужен свой вариант «плавильного котла», работающего с учетом «исторических, социальных, региональных, политических, экономических, конфессиональных условий, проявлением достойного уважения к различным народам, их языку, культуре, образу жизни, к соседству с ними, с предоставлением им права на самоидентичность и достойное решение своих проблем» и, кроме того, основой для выдвижения такого варианта решения вопроса является то, что «российские народы не являются иммигрантами», следовательно, «они не могут безболезненно принять решение о слиянии их в один народ, отказаться от своих исторических корней, языка, культуры, забыть о принадлежавших их предкам землях. Каждый народ непреклонно считает себя достойным права обладания суверенитетом на самом высоком государственном и мировом уровне. Вот эти основные ценности, с их позиций всплывают на поверхность в процессе работы российского "плавильного котла"», поэтому считает он «именно решение таких проблем наиболее способно привести к удовлетворению потребностей широкой массы жителей Евразии, а заодно и к дружественному их единению, свободе, равенству, братству, возрождению патриотизма, любви и преданности к общей для всех родине – России», в то же время данный процесс может вызвать относительное недовольство у части населения, однако его следует пережить достойно и выйти на новый уровень современных взаимоотношений этносов².

Таким образом, проведенный анализ методологических подходов исследования государственно-гражданской идентичности показывает, что конструктивистская парадигма наиболее полно способна рассматривать данное явление, более того, в отечественной науке существуют разработки, пытающиеся строго разграничить государственную и гражданскую формы идентификации.

¹ Там же. С. 124.

² Салихов Г.Г. Указ. раб. С. 126.

ГЛАВА II. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

2.1. Этнокультурные компоненты воспроизводства этнической идентичности дагестанских народов

Имманентными маркерами дефиниций «этнос», «нация» отечественные исследователи считают общность языка, этнокультуры, этническую идентичность, территорию, рассматривая их как «чувствительные» признаки в процессах межэтнического общения и контактирования и «абсолютизация целостности этносов на основе таких признаков, как территория, язык, самосознание, – без учета их взаимодействия, создает мировоззренческую основу для формирования этноцентризма в идеологии, политике, массовом и индивидуальном сознании»¹.

Наиболее наглядно специфика формирования этнической идентичности прослеживается в ответах на блок вопросов, относительно этнического самоопределения, значимости этнической группы, отношения к людям иной национальной принадлежности, обоснования причин межнационального противостояния и межэтнической напряженности. Вопрос о том, что такое быть представителем своего этноса является ключевым в исследовании. При всей своей очевидной простоте он оказался далеко не столь простым как мог показаться на первый взгляд. Существует многообразие подходов представителей тех или иных народов к самоидентификации, вытекающие из уровня их культуры, жизненного опыта, психологических особенностей, исторически сложившихся форм межнационального взаимодействия, которые отчетливо проявляются в политической среде.

Этничность не ограничивается лишь этнической идентификацией, а включает в себя различные элементы «образа мы»: *когнитивный* компонент – совокупность представлений о своем народе, *эмоциональный* компонент, связанный с его чувственным восприятием и *поведенческий* компонент. В образе «мы» отражаются представления о своей этнической общности, ее культуре, характерных признаках, территории, историческом прошлом и т.д. Надо учесть, что содержательное наполнение этих представлений, впрочем, как и значимость отдельных элементов этнической идентичности, различается у разных народов. Специфика самого процесса самоидентификации предполагает выде-

¹ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 42.

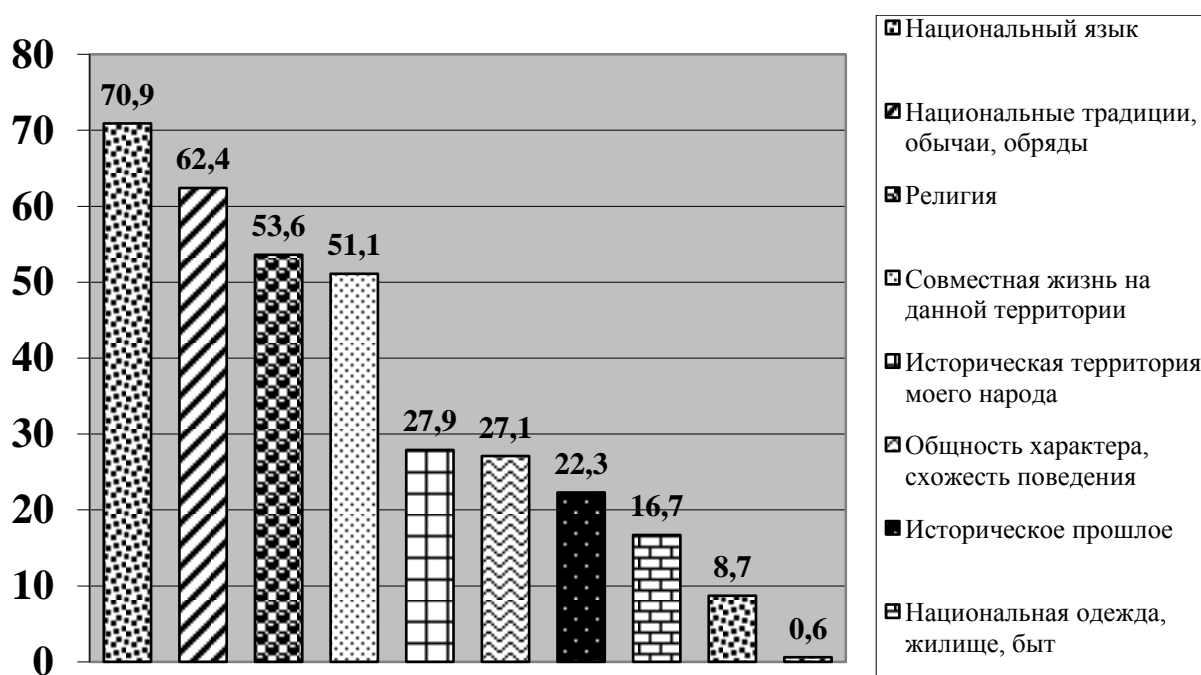
ление этноопределителей, не только внешних (самоназвание, самосознание, язык, культура, территория и т.д.), но и внутренних, характеризующих осознание личностью своей этнической принадлежности.

При рассмотрении факторов воспроизводства этнической идентичности, мы основываемся на данном Г.У. Солдатовой определении этнической идентичности, в соответствии с которым под ней понимаем разделяемые членами этнического образования представления, формирующиеся в процессе межэтнической коммуникации на основе осознания исторической общности, культурной специфики, исторической территории и т.д.

Представления дагестанских народов об основных этнообъединяющих признаках своей этнической общности показывают ответы респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Эти компоненты, или структурообразующие этнической идентичности, одновременно являются факторами этнической самоидентификации, влияющими на ее формирование, содержание и развитие. На следующей гистограмме приведены значимые для опрошенных дагестанских народов этноопределители (см. гист. № 1).

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки сближают Вас с представителями Вашего народа?*» (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

По всему массиву опрошенных признак *«национальный язык»* является значимым этноинтегрирующим компонентом и занимает первое ранговое место в суждениях лакцев (93,1 %), аварцев (78,8 %), лезгин (72,0 %), русских (69,2 %), чеченцев (64,5 %), второе место у даргинцев (65,8 %); в позициях даргинцев (67,7 %) и ногайцев (84,2 %) доминирующим идентификационным маркером обозначен *«национальные традиции и обычаи»*, в то время как данный признак опрошенные чеченцы (58,1 %), аварцы (58,7 %), русские (58,7 %), кумыки (62,8 %), лезгины (66,7 %), лакцы (75,9 %) и ногайцы (63,2 %) по важности определили на второе место.

В массовом сознании дагестанских народов признак *«религия»* выполняет важную этнообъединяющую функцию, поэтому она располагается по значимости на третьем месте и по этнической принадлежности ответы распределились следующим образом: аварцы и азербайджанцы (по 62,2 %), лакцы (62,1 %), чеченцы (54,8 %), лезгины (52,0 %), кумыки (49,7 %), ногайцы (47,4 %), даргинцы (45,6 %) и русские (45,5 %).

«Совместная жизнь на данной территории» является одним из значимых показателей для опрошенных азербайджанцев (62,2 %), кумыков (58,0 %), даргинцев (56,3 %), аварцев (51,7 %), лакцев (51,7 %), лезгин (46,7 %), ногайцев (47,4 %), чеченцев (45,2 %) и русских (35,0 %). Более того, данный маркер находится в тесной связи *«с исторической территорией моего народа»* и выбравших его больше всего среди ногайцев (42,1 %), лакцев (37,9 %), чеченцев (32,3 %), аварцев (29,5 %) и лезгин (28,0 %).

Отечественные исследователи-этнопсихологи придерживаются мнения, что национальный характер является одним из важных этноинтегрирующих признаков на что указывают опрошенные аварцы (35,4 %), лакцы (34,5 %), лезгины (30,7 %) и русские (26,6 %), подчеркнув значимость *«общности характера, схожести поведения»*.

Определенную роль, как маркер воспроизводства этнической идентичности, выполняет *«историческое прошлое»*, поэтому на его важность в идентификационных процессах указывают опрошенные кумыки (18,4 %), лезгины (21,3 %), аварцы (25,0 %), русские (28,7 %) и чеченцы (35,5 %). Далее в позициях респондентов проявляется низкая оценка маркера *«национальная одежда, жилище, быт»* и, по сравнению с другими опрошенными, больше всего указавших на него среди аварцев (19,4 %), даргинцев (19,0 %), кумыков (18,4 %), лезгин (14,7 %) и русских (11,9 %). Как показывают результаты опроса, статус признака *«национальная литература, народное творчество»*, ко-

торый составляет основу духовной культуры народа, заметно ниже в структуре маркеров воспроизводства этнической идентичности и на него указал каждый шестой среди опрошенных чеченцев (16,1 %), восьмой среди аварцев (12,2 %), девятый среди лезгин (10,7 %) и десятый среди кумыков (10,1 %), в то время как другие респонденты не считают его важным в процессе воспроизводства этнической идентичности. Из всего массива опрошенных статистически незначимая часть придерживается позиции, что их *«ничего не объединяет с представителями своего народа»* и таковых 2,8 % и 1,3 % среди опрошенных русских и лезгин, соответственно.

Далее, в ходе опроса, респондентам был задан «контрольный вопрос» – *«Что для Вас значит быть представителем своего народа?»*. Осознание представителем своего народа подразумевает *«знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа»* (46,7 %), *«стремление защитить национальные интересы своего народа»* (18,8 %), *«знание национального языка своего народа»* (18,2 %) и *«быть сопричастным своему народу и его национальной культуре»* (17,4 %). По этнической принадлежности первое суждение разделяют даргинцы (51,9 %), кумыки (50,0 %), аварцы (47,6 %), русские (48,2 %), лакцы (44,8 %), лезгины (44,0 %), ногайцы (42,1 %) и чеченцы (38,7 %); степень владения национальным языком, как осознание своей этнической принадлежности, значима для опрошенных аварцев (18,1 %), лакцев (20,7 %), кумыков (20,5 %), лезгин (21,3 %), даргинцев (23,4 %), ногайцев (26,3 %) и азербайджанцев (35,1 %).

Далее на немаловажность сопричастности своему народу и его национальной культуре указала наибольшая доля опрошенных русских (26,6 %), а *«стремление защитить национальные интересы своего народа»* подчеркивают чеченцы (35,5 %). Важность отстаивания национальных интересов своего народа, о котором заботятся опрошенные чеченцы, объясняется тем, что они являются одним из репрессированных дагестанских народов и после принятия федерального закона «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.) чеченцы-аккинцы неоднократно поднимали вопрос о своей территориальной реабилитации и восстановлении Ауховского района. Республиканские органы власти проводят определенную политику в целях решения этой проблемы, так на Присулакскую зону переселяются, проживающие в Новолакском районе лакцы. Вместе с тем вопрос передачи двух селений Казбековского района (Ленинаул и Калининаул) в состав Ауховского района пока остается нерешенным. Несомненно тесная взаимосвязь толерантности и позитивной этнической идентич-

ности, а интолерантности с негативными компонентами этнической идентичности и наличием в прошлом ущемленности по этническому признаку. Этническая интолерантность сильнее всего проявляется в отношении этнических групп с отличающейся национальной культурой и религией, в нашем случае такой общностью является русское население республики, но как показывают результаты проведенных автором многолетних социологических опросов, в Дагестане степень ее выраженности довольно слаба.

У репрессированных народов, в данном контексте чеченцев-аккинцев, национализм связан с оскорблением национального достоинства отцов и дедов, потерянными территориями, стереотипом «наказанных» народов, в то время как у принудительно переселенных на их территорию этносов, в частности, переселению подверглось население горных районов республики, в том числе и малочисленные народы, с унижением их этнического статуса. Несомненно переселенные народы подчеркивают, что их национальная гордость была не меньше унижена и оскорблена, чем у репрессированных народов и в отличие от них, которым были выплачены компенсации, социально-экономические, этнические и т.д. проблемы принудительно переселенных народов государственными органами власти практически не рассматриваются. Среди этнических проблем – «обеспечение интересов моего народа во властных структурах» – одна из четко выделяемых опрошенными. Националистические выпады нередко являются реакцией представителей дагестанских народов на необъективное освещение их этнического положения и статуса, а также стремлением обратить внимание на существующие национальные проблемы своего народа.

На вопрос *«Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?»* доминирует критерий *«национальность отца»* (31,1 %), затем располагаются индикаторы *«национальный язык»* (24,6 %), *«самосознание человека (к какому народу он себя относит)»* (23,8 %), *«особенности поведения, мышления»* (14,1 %) и *«национальность матери»* (4,5 %). Национальная принадлежность одного из родителей, в данном случае отца, является решающей в определении этнической принадлежности индивида для опрошенных аварцев (30,6 %), лакцев (34,5 %), азербайджанцев (35,1 %), кумыков (36,5 %), лезгин (37,3 %), чеченцев (45,2 %) и ногайцев (52,6 %).

Как идентификационный признак *«национальный язык»* на первое место поставили даргинцы (32,3 %), в то время как в позициях кумыков (21,2 %), азербайджанцев (21,6 %), аварцев (28,1 %), чечен-

цев (29,0 %), лезгин (30,7 %) и ногайцев (31,6 %) он занимает второе ранговое место. Для опрошенных русских (14,7 %) и лакцев (14,7 %) «*национальный язык*», как критерий определения этнической принадлежности человека, занимает третье место. Язык является одним из символов единства народа и основным этноидентифицирующим маркером. Исследователи отмечают, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессе формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциацией. Чем в меньшей степени люди владеют своим национальным языком, тем более значимой среди этноидентифицирующих признаков они считают общность исторической судьбы и исторической памяти своего народа.

В массиве опрошенных выделяются русские и лакцы, поставившие на первое место «*самосознание человека (к какому народу он себя относит)*», отодвинув иные компоненты – 41,3 % и 41,4 %, соответственно. В отличие от других опрошенных, в процессе определения этнической принадлежности индивида, для кумыков (16,0 %), лезгин (17,3 %) и чеченцев (22,6 %), определенное значение имеют «*особенности поведения и мышления*».

Таким образом, анализ результатов двух вопросов социологического опроса («*Что для Вас значит быть представителем своего народа?*» и «*Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?*»), показывает кардинальные изменения в позициях респондентов в ответах на второй вопрос. Так в идентификационных процессах опрошенных дагестанских народов наблюдается заметное снижение значимости национального языка. По нашему исследованию, осознание представителем своего народа предполагает «*знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа*», иными словами, респонденты акцентируют внимание на родословных корнях. Однако опрошенные, хотя в других вопросах в качестве этноопределителя отмечали национальный язык, то в ответах на вопрос «*Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?*» отодвинули его на вторую позицию. Можно предположить, что респонденты, выделяя в качестве этноопределителя национальный язык, подразумевают владение им необязательным, следовательно, этническая самокатегоризация у современных дагестанских народов осуществляется, в первую очередь, не на основании культурно-языковых характеристик.

Также следует обратить внимание на то, что национальный язык не всегда занимает лидирующее положение среди этноинтегрирующих признаков, хотя его эмоционально-психологическая ценность в представлениях респондентов довольно высока. Исследователям характерны различные позиции о роли языка в структуре этнической идентичности. Часть исследователей склонна считать, что потеря языковой компетенции понижает значение языка в структуре этнической идентичности, следовательно, и других признаков идентичности, приводит к языковой, а в последующем и этнической ассимиляции: «утрачивая язык, народ перестает психологически осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, мажоритарные этносы»¹.

Другая часть исследователей разделяет позицию, что снижение объединяющей роли языка в структуре этнической идентичности, обусловленное потерей языковой компетенции, замещается иными элементами. Утрата какого-либо этнического признака не свидетельствует об ассимиляции, а вызывает своего рода «возмущение этнического самосознания, которое выскивает иные символы этнической преемственности»². М.Н. Губогло отмечает, что «язык как элемент этнической идентификации, с его интегрирующей функцией, играет значительную роль как внутри этноса между его отдельными элементами, так и в общей устойчивости этноса как самостоятельной системы. Связь между языком и остальными элементами этноса не является однозначной. В случае ослабления интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса, и общая система этнического сознания остается в целом неизменной. В другом случае ослабление интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности к остальным элементам этнической идентификации и через этот промежуточный этап – деэтнизацию – кладет начало процессу этнической ассимиляции»³. Таким образом, при снижении интегрирующей роли языка повышается значимость других компонентов этнической идентичности, не связанных столь тесно с языком, к числу которых относятся единство происхождения, историческое прошлое, общность религии, соционормативной культуры, неязыковых

¹ См.: *Нерознак В.П.* Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 53. № 2. М., 1994. С. 16 – 28.

² *Аклаев А.Р.* Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание. Выпуск 1. М., 1990. С. 20.

³ *Губогло М.Н.* Проблемы языковой политики: теория и практика // Ресурсы мобилизованной этничности. Уфа, 1997. С. 183.

форм духовной культуры (музыка, танцы), выполняющие компенсаторную роль. Надо отметить, что опрошенные народы, несмотря на сужение роли национальных языков в современном дагестанском обществе, ярко проявляют свою этническую идентичность и сохраняют национальную самобытность, выражающуюся через идентификацию себя, в первую очередь, по языку. Более того, наше исследование демонстрирует возможность существования обеих позиций, хотя и с некоторыми оговорками.

С другой стороны, можно сказать, что для представителей дагестанских народов характерна ситуация «размывания» их этничности, что подтверждается снижением значимости национального языка для некоторых народов, национальности родителей при существующем осознании принадлежности к своей этнической группе. Однако, несмотря на противоречивые суждения и существующий разброс мнений, в процессе самоидентификации респонденты этнообъединяющими маркерами считают *«национальный язык», «национальные традиции, обычаи, обряды»*, при этом как осознание принадлежности к собственной этнической группе отмечаются 2 фактора – *«важность их знания и соблюдения»* и *«религиозная принадлежность»*.

Не менее существенным в процессе этнической идентификации является определение и оценка символической системы этнической идентичности (см. таб. № 2).

Приведенные в таблице № 2 результаты опроса свидетельствуют, что важные функции в процессе воспроизводства этнической идентичности выполняют *«национальные традиции и обычаи»* и *«религия»*, которые далеко отодвинули значимость иных компонентов символической системы. Причем в позициях опрошенных очень сильно выражена государственно-гражданская идентичность, при очень низкой оценке политической символики как Дагестана, так и России¹.

С целью более глубокого изучения индикаторов воспроизводства этнической идентичности в опросе по изучению этнической идентичности в этноконтактных зонах республики (2013 г.) выявлялась значимость территории как этнопризнака, потому что одним из компонентов этнической идентичности является территория, обозначаемая как *«историческая территория»* и *«родная земля»*. По мнению С.В. Кортунова, *«пространство продолжает играть свою роль, в том числе и в качестве параметра, определяющего влияние государства на мировую политику. Пространство, территория определяют границы гос-*

¹ Об этом далее.

ударства, следовательно, и пределы распространения культуры, традиций, национального образа жизни. Они влияют на состояние экономики и международных отношений.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «*Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Территория моего населенного пункта	Исторические памятники моего народа	Национальный язык моего народа	Религия моего народа	Национальные традиции и обычай моего народа	Политические символы Дагестана	Национальные праздники моего народа	Политические символы России
Аварцы	21,9	21,9	62,5	69,4	56,9	5,9	23,6	3,5
Азербайджанцы	27,0	21,6	37,8	56,8	43,2	8,1	18,9	5,4
Даргинцы	21,5	19,6	53,2	44,9	60,1	5,7	28,5	10,1
Кумыки	19,8	27,4	48,3	45,5	64,2	10,8	23,3	2,4
Лакцы	27,6	20,7	55,2	44,8	69,0	6,9	20,7	3,4
Лезгины	20,0	28,0	52,0	53,3	57,3	9,3	18,7	6,7
Ногайцы	52,6	21,1	57,9	52,6	63,2	15,8	21,1	5,3
Русские	16,8	25,2	51,0	52,4	60,1	4,2	14,7	22,4
Чеченцы	16,1	22,6	38,7	74,2	64,5	12,9	12,9	3,2
Другие	12,5	29,2	37,5	75,0	58,3	12,5	16,7	4,2
Всего:	20,9	23,9	53,1	55,6	59,8	7,5	22,0	7,3

Территория – это символ жизненных интересов, жизненное пространство этноса, гарантия его выживания, роли и места в сообществе других этносов. Поэтому территориальные споры и вызывают самые жестокие конфликты и войны. Территория – это необходимая часть национального самосознания и необходимое условие формирования или лечения национального самосознания»¹. Л.Н. Гумилев, анализируя влияние характера ландшафта на облик этноса, отмечал ценность земли как значимого признака этноса² (см. таб. № 3).

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. 2009. С. 416.

² См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 186 – 194.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «*Что Вы понимаете под исторической территорией своего народа?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Территория, на которой имеют право жить только представители моего народа	Территория, на которой жили и совместно вели хозяйство предки моего народа	Территория, на которой в основном проживают представители моего народа с другими народами	Территория, на которой в данное время проживают представители моего народа
Аварцы	16,7	61,8	45,1	19,8
Азербайджанцы	8,1	51,4	27,0	27,0
Даргинцы	7,6	57,6	46,8	20,3
Кумыки	14,2	56,6	52,4	17,4
Лакцы	13,8	62,1	37,9	17,2
Лезгины	9,3	60,0	38,7	20,0
Ногайцы	10,5	42,1	52,6	26,3
Русские	5,6	60,8	49,7	10,5
Чеченцы	12,9	48,4	51,6	22,7
Другие	8,3	54,2	58,2	20,8
Всего:	11,6	59,1	46,9	18,4

Полученные результаты исследования свидетельствуют о сочетании двух подходов – условно говоря, исторического и современного, осознание исторической преемственности в понимании «историческая территория», т.е. как земля, на которой в течение длительного периода проживают представители этих народов и как «*территория, на которой в основном проживают представители моего народа с другими народами*». Первое суждение разделяет подавляющее большинство респондентов, в то же время вторая позиция близка большей части опрошенных ногайцев и чеченцев. Можно предположить, что через эти позиции проявляется существующее в общественном сознании дагестанских народов толерантное восприятие совместного проживания, хотя второе суждение позволяет и противоположную интерпретацию их этнического поведения – как «вынужденных» проживать на «своей исторической территории с другими дагестанскими народами», в частности, это ближе включенным в выборку социологического опроса, проживающим в Казбековском районе, чеченцам.

С другой стороны, складывается впечатление, что опрошенные чеченцы-аккинцы как бы игнорируют живущих с ними в одном населенном пункте аварцев, придерживаясь позиции *«территория, на которой в данное время проживают представители моего народа»*, одновременно *«расширяя»* понятие *«историческая территория»*, т.е. вся территория обитания их народа, даже за пределами их населенных пунктов. Вместе с тем, в позициях каждого пятого опрошенного, хотя и не так ярко, проявляется интолерантная установка – *«территория, на которой имеют право жить только представители моего народа»* и здесь выделяются опрошенные аварцы, кумыки, лакцы, ногайцы и чеченцы, т.е. народы, которым в течение длительного периода в латентной форме характерно межнациональное противостояние и территориальные споры – чеченцы с аварцами и лакцами, кумыки и ногайцы с аварцами-переселенцами из горных районов республики.

Значимость дефиниции *«историческая территория»* в общественном сознании дагестанских народов проявляется в процессе классификации типов этнической идентичности. Так одним из вариантов проявления деструктивных форм этнической идентичности (этноцентризм и этнодоминирование) является суждения *«я такой человек, который считает, что люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»* и *«я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»*, соответственно. По всему массиву, первое суждение разделяют опрошенные русские (12,6 %), чеченцы (12,9 %), аварцы (18,8 %), кумыки (16,7 %), ногайцы (31,6 %), второе проявляется в установках азербайджанцев (32,4 %), лакцев (27,6 %), ногайцев (26,3 %), аварцев (25,7 %), лезгин (25,3 %), чеченцев (22,6 %), кумыков (20,8 %) и русских (20,3 %). Таким образом, результаты нашего исследования констатируют значимость в этноконтактных зонах республики маркера *«историческая территория проживания»* и, неслучайно опрошенные, одной из причин межэтнических коллизий считают *«территориальные споры»*.

Не менее важным при исследовании специфики формирования этнической идентичности в полиэтнических районах республики и этнокультурных компонентов ее воспроизводства является выявление и анализ интегрирующих дагестанские народы признаков. Результаты ранее проведенных автором социологических исследований показывают важность республиканского типа социальной идентичности, что, однако не свидетельствует о снижении значимости этнической идентичности.

В настоящее время в иерархии типов социальной идентичности наблюдается усиление общедагестанской (республиканской) идентичности, которое объясняется исторически сложившейся полиэтничностью республики, поэтому в ходе исследования выявлялись маркеры республиканской идентичности (см. таб. № 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Длительность совместного проживания на одной территории	Общая история всех дагестанских народов	Схожесть традиций, обычаев, национальной культуры	Историческая память всех дагестанских народов	Национальный характер, национальная психология	Религия	Ничего не объединяет, мы самостоятельный народ
Аварцы	42,4	49,7	51,7	20,8	28,8	61,8	1,4
Азербайджанцы	56,8	40,5	32,4	10,8	18,9	43,2	0
Даргинцы	35,4	48,1	58,9	23,4	19,6	31,6	2,5
Кумыки	50,7	39,9	52,1	25,7	19,1	42,4	3,5
Лакцы	55,2	55,2	44,8	20,7	17,2	41,4	3,4
Лезгины	37,3	40,0	52,0	24,0	37,3	57,3	0
Ногайцы	47,4	42,1	57,9	21,1	26,3	42,1	10,5
Русские	68,5	28,0	10,5	17,5	14,7	4,2	21,0
Чеченцы	64,5	25,8	51,6	12,9	25,8	58,1	3,2
Другие	54,2	25,0	50,0	20,8	25,0	62,5	4,2
Всего:	48,6	41,1	46,5	21,2	22,7	43,0	5,6

Для сравнения динамики, представляется необходимым обратиться к результатам аналогичного вопроса, заданного в социологических опросах 2001 г.¹ и 2005 г.¹ (см. таб. № 5 и № 6)

¹ Опрос по изучению национального самосознания народов Дагестана проведен в Казбековском и Каякентском районах, Махачкала (2001 г.). N – 330.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?*» (опрос 2001 г. варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Общая территория проживания	Общие традиции и обычаи	Общность религии	Общность происхождения, историческое прошлое	Общность экономической жизни, национальная культура
Аварцы	44,0	40,5	34,5	32,1	8,3
Даргинцы	54,1	40,5	32,4	45,9	10,8
Кумыки	37,5	47,5	52,5	37,5	10,0
Лакцы	28,6	64,3	32,1	46,4	14,3
Лезгины	32,5	48,1	31,2	44,2	7,8
Русские	78,3	13,0	4,3	8,7	34,8
Чеченцы	36,6	29,3	26,8	17,1	29,3
Всего:	41,8	41,8	32,4	34,8	13,6

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?*» (опрос 2005 г. варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Длительность совместного проживания на одной территории	Общая история всех дагестанских народов	Религия	Схожесть традиций, обычаев, национальной культуры	Образ поведения, жизни	Историческая память	Национальный характер, национальная психология
Аварцы	42,5	45,0	67,5	31,3	37,5	21,3	22,5
Даргинцы	57,1	42,9	14,3	71,4	57,1	0	0
Кумыки	63,0	37,0	63,0	44,4	18,5	3,7	25,9

¹ Опрос проведен в Казбековском, Новолакском, Каякентском районах и в г. Махачкала (2005 г.). N – 291.

Лакцы	50,0	50,0	35,7	51,8	14,3	12,5	25,0
Лезгины	71,4	50,0	53,6	46,4	25,0	21,4	14,3
Русские	60,0	20,0	20,0	20,0	40,0	0	40,0
Чеченцы	49,4	44,2	54,5	39,0	18,2	11,7	27,3
Всего:	51,4	44,4	53,1	42,0	24,8	14,0	24,1

По результатам трех социологических опросов (2001 г., 2005 г., 2013 г.), по-прежнему выполняющим важнейшую объединяющую функцию в массовом сознании дагестанских народов остается маркер *«длительность совместного проживания на одной территории»*, хотя в опросе 2005 г., с небольшой разницей, доминировал индикатор *«религия»*. Не менее существенным является значимость национальных традиций и обычаев, которые обладают элементами сходства и в многонациональной среде легко перенимаются, при сохранении важности исторической памяти и общего исторического прошлого. Однако в иерархии интегрирующих дагестанские народы признаков, особое место занимает религия и табличные данные показывают характерное ей варьирование: если в опросе 2001 г. она по значимости занимала 4 ранговое место, то в опросе 2005 г. располагается на первом месте, отодвинув собственно *«этнические признаки»*. При этом значимость *«религиозной принадлежности»* подчеркивается опрошенными кумыками (2001 г.), аварцами (2005 г.) и чеченцами (2005 г.). Такая же тенденция проявляется в опросе 2013 г. в позициях опрошенных аварцев и лезгин, хотя и другие респонденты обозначают *«религию»* как объединяющий дагестанские народы признак.

Мононациональная среда изначально формирует признаки, определяющие осознание своей принадлежности к определенному народу, в отличие от полиэтнической местности, где многие этнические отличия стертые. Отождествляя себя с определенным этносом, индивид воспринимает и включает в свой внутренний мир те ценности, идеи, убеждения, образцы, которые выработаны и характерны по преимуществу для этой общности, являются во многом уникальными и специфическими¹. Наше исследование констатирует, что для опрошенных интегрирующими с дагестанскими народами признаками являются *«длительность совместного проживания на одной территории»* и *«схожесть традиций, обычаев, национальной культуры»*, хотя не теряют своей значимости маркеры *«общая история всех дагестанских народов»* и *«религия»*. Из общего массива выделяются опрошенные

¹ Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 42.

русские, наибольшая доля которых придерживается позиции «*ничего не объединяет, мы самостоятельный народ*», что объясняется тем, что русские являются государствообразующим этносом и их ориентацией на осознание себя на территории Республики Дагестан, в первую очередь, «*россиянином*». Среди собственно дагестанских народов выделяются и ногайцы, из которых каждый пятый опрошенный придерживается суждения «*ничего не объединяет, мы самостоятельный народ*». По мнению известного дагестанского этнографа М.Б. Гимбатовой, наличие такой позиции в общественном сознании опрошенных ногайцев объясняется тем, что они, согласно письменным источникам, осели на территории Дагестана в нач. XV в.; кроме того, от дагестанских народов они отличаются своей самобытной этнокультурой¹.

Обозначение респондентами в качестве объединяющих признаков совместное проживание, сходство этнокультурных компонентов и элементов исторической памяти свидетельствует об активизации роли республиканской идентичности в массовом сознании дагестанцев. Если в перестроечный период этнолидерами дагестанских народов поднимался вопрос о необходимости федерального переустройства республики, то провозглашенные ими лозунги в массовом сознании дагестанских народов не получили поддержки и распространения.

instituteofhistory.ru

2.2. Типы этнической идентичности дагестанских народов в структуре социальной идентичности

Повышение интереса к историческому наследию своего народа очень часто сопровождается обострением идентификационных процессов и от политической ситуации в государстве зависит усиление того или иного типа социальной идентичности. Несмотря на рост, характерных для современного мирового сообщества, глобализационных процессов «этническая идентичность как у русских, так и у людей тех национальностей, которые дают название республикам, не

¹ См.: Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – нач. XX в.). Махачкала, 2007; Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана XIX – начало XX в. Махачкала, 2014; Гимбатова М.Б. Гендерная асимметрия социализации детей в семье у тюркоязычных народов Дагестана В XIX – начале XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 25. С. 36 – 47; Гимбатова М.Б. Коммуникативные формы поведения ногайцев в обычае взаимопомощи «шаъвшеке» // Изучение культурного наследия народов России – актуальная задача. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. 2007. С. 146 – 150.

только остается столь же распространенной, как и десять лет назад (у 80 – 90 % населения и более), но и у очень значительной части наших граждан сохраняется ощущение "сильной связи" с людьми их национальности... И все это дает основание полагать, что исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее "миф", чем реальность... Не только социальная реальность корректирует его. Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление "мы и другие"»¹.

В перестроечный период в Дагестане появляются национальные движения, ставившие вопрос о федеративном переустройстве республики и этнолидерами дагестанских народов очень часто становились люди, вступавшие в конфликт с законностью и на волне социально-экономической и политической трансформации российского общества, преследовавшие свои политические цели. Распад огромной страны, сложная политическая ситуация в государстве, дополненная социально-экономическим кризисом, отсутствие стабильности в обществе и изменение социального статуса огромного пласта людей и ряд других факторов способствовали ухудшению межэтнических отношений в России. В такой ситуации люди «вынуждены» были, как отмечают исследователи, обратиться к более устойчивым, не потерявшим своей важности общественным, групповым объединениям и таковым оказались этнические группы.

Исследователи выделяют установки и, базирясь на них, выделяют различные степени этнической идентичности. Среди них 1. респонденты, считающие, что очень важно жить среди людей своей национальности и очень важно разговаривать на своем языке («этноцентристы»), 2. респонденты, считающие, что для них очень важно жить среди людей своей национальности, но при этом не очень важно или вовсе неважно разговаривать на языке своей национальности. Значимость этничности для них скорее проявляется в пространственно-средовом аспекте («предпочитающие моноэтническую среду»), 3. считающие, что для них не очень важно или совсем неважно жить среди людей своей национальности, но очень важно разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потребность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения, 4. считающие, что для них не очень

¹ Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 431.

важно или совсем неважно как жить среди людей своей национальностью, так и разговаривать на языке своей национальности («этноиндифферентные»)¹.

Классификация ценностных ориентаций в сфере межэтнического общения по степени значимости признаков этничности в сочетании с другими ее проявлениями позволяет с одной стороны, рассмотреть их влияние на различные стороны жизнедеятельности, с другой, понять причины, обуславливающие ее важность. Прежде всего, необходимо отметить, что этническая идентичность в структуре социальной идентичности не всегда выполняет доминирующую роль и уступает место другим, более значимым типам (республиканской, религиозной, государственно-гражданской). Потеря прежнего социального статуса, вынужденные перемены рабочей обстановки и ряд других факторов способствовали заметному изменению культуры межэтнического общения, утрате прежней символической системы и принципов этнокультурного поведения. А это, в свою очередь, обострили чувство этнической принадлежности и межэтническую напряженность в многонациональной среде. В этой связи исследователи акцентировали внимание на том, что на уровне субъективных факторов важнейшую роль в межэтнических отношениях играет этническое самосознание, ее полнота, характер² и, в типологии этнической идентичности, полярными проявлениями являются этноиндифферентность и этноцентризм. Более того, последний является основой формирования межнационального противостояния и конфликтности.

В нашем исследовании изучение этнической идентичности проводилось с использованием, разработанного и апробированного в ходе исследования трансформации этнической идентичности и выявления ее типов метода Г.У. Солдатовой. Методологический инструментарий исследования типов этнической идентичности базируется на семи шкалах и типы этнической идентичности определены на основе индикаторов-суждений, конкретизирующих конец фразы «Я такой человек, который...».

В данном параграфе будет рассмотрен ряд вопросов, среди них соотношение типов социальной идентичности (этнической, республиканской, государственно-гражданской, религиозной), место этнической идентичности в структуре социальной идентичности, типология

¹ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 42.

² См.: *Дробижева Л.М.* Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994.

этнической идентичности, проявление гипо- и гиперидентичных установок в массовом сознании дагестанских народов проживающих в полиэтнических зонах республики.

В анкету социологического опроса вошли вопросы, выявляющие соотношение типов социальной идентичности и их проявление в общественном сознании дагестанских народов (см. таб. № 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос *«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?»* (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Представителем только своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии
Аварцы	8,0	44,8	25,0	7,3	15,6
Азербайджанцы	5,4	59,5	18,9	5,4	5,4
Даргинцы	3,2	43,7	27,8	12,7	9,5
Кумыки	10,1	38,9	30,6	11,5	6,3
Лакцы	6,9	51,7	17,2	6,9	13,8
Лезгины	4,0	56,0	29,3	6,7	5,3
Ногайцы	15,8	36,8	36,8	5,3	5,3
Русские	8,4	14,7	55,9	10,5	4,2
Чеченцы	16,1	35,5	25,8	12,9	19,4
Другие	16,7	41,7	12,5	4,2	29,2
Всего:	7,9	40,0	31,0	9,4	10,1

Наше исследование показывает актуализацию республиканской идентичности у дагестанских народов, проявляющаяся в форме осознания себя, в первую очередь, *«представителем дагестанского народа»*, затем во множественной идентичности, при низком проявлении этнической идентичности, хотя, по сравнению с другими опрошенными, среди кумыков, ногайцев и чеченцев больше доля осознающих себя *«представителем только своего народа»*. Анализ вопроса *«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?»* через образовательный уровень показывает

«осознание себя представителем своей религии» в большей степени характерно каждому шестому респонденту со средним образованием (16,3 %) и сравнительно слабее выражено у имеющих высшее образование (8,2 %).

Длительность совместного проживания на относительно небольшой территории обуславливает приоритетность в общественном сознании опрошенных народов республиканской (общедагестанской) идентичности. При этом в позициях респондентов наблюдается рост государственно-гражданской идентичности, сопровождающийся низкой оценкой значимости как республиканской, так и общероссийской политической символики (герб, гимн, флаг). Ранее анализировалась роль маркера «религия» и, как показывают результаты исследования, религиозная идентичность относительно сильнее выражена в позициях аварцев, даргинцев и чеченцев, которые обозначили ее как этнообъединяющий признак со своим и с дагестанскими народами, одновременно, подчеркивая ее важность в структуре ценностно-символической системы этнической идентичности. При сопоставлении вопроса **«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?»** с типами этнической идентичности, независимо от типа (пассивного или деструктивного) в массовом сознании превалирует республиканская идентификация – *«осознание себя представителем дагестанского народа»* (41,3 %) и на второй позиции располагается российская идентичность (28,6 %). На особенности проявления типов социальной идентичности обратил внимание Э. А. Паин, по мнению которого, «для нерусских народов России, особенно для титульных национальностей, в условиях постсоветской модернизации характерна актуализация этнической идентичности. Рост этнической идентичности нерусских народов сопровождается усилением их региональной идентичности»¹.

Вывод о доминировании общедагестанской идентичности над другими типами социальной идентичности подтверждается и результатами ответа на другой вопрос (см. таб. № 8).

По всему массиву опрошенных превалирует суждение *«представители моего народа такие же, как представители других дагестанских народов»*, хотя каждый третий опрошенный считает *«мы по характеру немного другие»*.

¹ См.: Паин Э.А. Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этническим сообществом // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 5 – 21.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «*Можно ли утверждать, что представители Вашего народа по характеру...*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Такие же, как представители других дагестанских народов	Мы по характеру немного другие	Мы люди совершенно другого характера
Аварцы	49,7	33,3	12,5
Азербайджанцы	56,8	32,4	8,1
Даргинцы	63,9	22,8	6,3
Кумыки	44,4	39,6	12,8
Лакцы	69,0	20,7	6,9
Лезгины	49,3	38,7	12,0
Ногайцы	68,4	15,8	10,5
Русские	31,5	41,3	24,5
Чеченцы	61,3	32,3	6,5
Другие	45,8	41,7	12,5
Всего:	49,1	34,6	12,8

Вместе с тем, придерживающихся позиции «*мы люди совершенно другого характера*» немного, хотя отличаются опрошенные, которых мы условно обозначаем «коренные дагестанские народы» – аварцы, лезгины, кумыки и ногайцы. Респонденты-русские, у которых преобладает российская идентичность, считают представителей своего народа «*людьми совершенно другого характера*», хотя за период с 2001 г. по 2013 г. заметных изменений в их позициях не наблюдается, и они, по-прежнему, «*длительность совместного проживания на одной территории*» и «*единую территорию проживания*» обозначили в качестве объединяющих с дагестанскими народами факторов.

Рассмотрение этнической идентичности в структуре социальной идентичности предполагает выявление типов этнической идентичности (см. таб. № 9).

Выделенные типы этнической идентичности можно классифицировать по группам: пассивная (этноиндифферентность, этнонигилизм, амбивалентная) и деструктивная (этнофаворитизм, этнодоминирующая и этноцентричная).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «*Я такой человек, который...*»
(варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

<i>Варианты ответов // Типы идентичности</i>	Согласен	Не согласен
<i>Нормальная идентичность</i>		
Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам	80,0	9,8
Обычно не скрывает своей национальности	87,3	3,1
Любит свой народ, уважает язык и культуру других народов	88,6	1,3
Всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре	81,7	6,6
Считает, что его народ не лучше и не хуже других народов	80,0	9,0
<i>Всего:</i>	83,5	6,1
<i>Этнофаворитизм</i>		
Считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности	8,0	81,6
Считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа	33,8	54,3
Считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами	19,9	69,6
Считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур	21,0	68,5
Испытывает напряжение, когда вокруг себя слышит чужую речь	21,0	67,6
<i>Всего:</i>	20,7	68,3
<i>Этноцентричная идентичность</i>		
Считает, что межнациональный брак разрушает народ	15,0	74,5
Предпочитает образ жизни своего народа	58,4	29,8
Нередко чувствует превосходство своего народа над другими	25,4	62,5
Считает, что люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории	14,4	75,0
Считает строго необходимым сохранять «чистоту» народа	46,4	39,8
Раздражается при близком общении с людьми других национальностей	6,2	81,0
<i>Всего:</i>	27,6	72,9

<i>Этнодоминирующая идентичность</i>		
Считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу	21,7	67,4
Считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей	10,4	76,5
Считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов	8,9	79,9
Всего:	13,7	74,6
<i>Этническая индифферентность</i>		
Считает, что права нации выше прав человека	15,7	72,7
Считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения	71,0	18,2
Безразлично относится к своей национальной принадлежности	14,1	71,4
Готов иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия	71,4	76,0
Всего:	43,1	59,6
<i>Этнонигилизм</i>		
Часто испытывает стыд за людей своей национальности	31,7	54,5
Не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную	30,0	55,6
Трудно уживается с людьми своей национальности	6,4	82,4
Никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам	28,6	59,6
Всего:	24,2	63,0
<i>Амбивалентная идентичность</i>		
Часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности	4,9	83,8
Не уважает свой народ	2,7	85,9
Часто ощущает превосходство людей другой национальности	10,8	77,1
Всего:	6,1	82,3

Если рассмотреть проявление каждого из типов этнической идентичности, то по результатам нашего исследования, доминирует «нормальная идентичность», подразумевающая позитивное отношение к собственной этнической группе, при позитивном отношении к иным национальным общностям.

В большей степени этническую идентичность по типу «нормы» – «я такой человек, который обычно не скрывает своей национальности» – демонстрируют опрошенные ногайцы (100 %), азербайджанцы (97,3 %), лакцы (96,6 %), русские (95,8 %), чеченцы (93,5 %), даргинцы (92,4 %), лезгины (90,7 %), аварцы (88,5 %) и, сравнительно меньшая доля кумыков (72,6 %): далее суждение «нормальной идентичности» – «я такой человек, который любит свой народ, уважает язык и культуру других народов» близка аварцам (88,9 %), чеченцам (93,5 %), азербайджанцам (94,6 %), даргинцам (94,9 %), лакцам (96,6 %), русским (97,2 %), лезгинам (97,3 %), ногайцам (100 %) и, сравнительно меньшей части кумыков (74,0 %).

Исследование типов этнической идентичности позволило выявить специфику ее проявления, а также факторы ее трансформации. В настоящее время общепринятыми являются следующие три вида трансформации этнической идентичности:

1. этническая идентичность может размываться, что выражается в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности;

2. возможен отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию;

3. этническая идентичность может гиперболизироваться и в контексте межэтнических отношений принимать дискриминационные формы¹.

Более того, изменение этнической идентичности заключается в выявлении происходящих модификаций относительно «позитивной этнической идентичности», сущность которой, как неоднократно отмечалось, заключается в позитивном отношении к инациональному окружению, в стремлении к межэтнической коммуникации при позитивном восприятии собственной этнической группы. Результаты нашего опроса показывают, что в массовом сознании опрошенных, при превалировании «нормальной идентичности», проявляются и крайние типы этнической идентичности. Средний показатель по гиперидентичности и гипоидентичности составляет 20,7 % и 24,5 %, соответственно.

Более глубокий анализ результатов исследования констатирует взаимосвязь и взаимовлияние «позитивной, нормальной идентичности» на определение индикаторов этнической идентичности. Так важ-

¹ См.: Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.

ными остаются «национальный язык», «национальные традиции, обычаи», «религия», «совместная жизнь на определенной территории», «историческая территория моего народа», «историческое прошлое», «общность характера, схожесть поведения». Независимо от типа проявления этнической идентичности, вышеперечисленные маркеры остаются важнейшими в процессе самоидентификации и в иерархии этноопределителей доминируют 3 компонента – «национальный язык», «национальные традиции и обычаи» и «религия».

На второй ступени располагается этническая индифферентность, с разделяемым опрошенными кумыками (60,4 %), чеченцами (67,7 %), ногайцами (68,4 %), аварцами (73,3 %), даргинцами (74,1 %), азербайджанцами (75,7 %), лакцами (75,9 %), русскими (76,2 %) и лезгинами (82,7 %) суждением *«в повседневном общении национальность не имеет значения»*. При этом, респонденты ногайцы (63,2 %), кумыки (64,6 %), аварцы (75,3 %), даргинцы (78,5 %), лезгины (82,7 %), русские (83,2 %), азербайджанцы (86,5 %) и чеченцы (87,1 %) готовы *«иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия»*.

Проявление этнонигилизма, с мотивацией *«я такой человек, который часто испытывает стыд за людей своей национальности»* заметно выражено у опрошенных русских и аварцев (по 41,3 %), лакцев (37,9 %), ногайцев (31,6 %), даргинцев (30,4 %), чеченцев (25,8 %), азербайджанцев (23,3 %), лезгин (24,0 %) и кумыков (20,5 %).

Амбивалентная идентичность – *«я такой человек, который часто ощущает превосходство людей другой национальности»* – по сравнению с другими народами, характерна относительно большей части опрошенных ногайцев (21,1 %), азербайджанцев (18,9 %), лакцев (13,8 %), аварцев (12,8 %) и лезгин (10,7 %).

Установка «этнофаворитизма», с формулировкой *«любые средства хороши для защиты интересов своего народа»*, характерна опрошенным ногайцам (63,2 %), азербайджанцам (43,2 %), чеченцам (41,9 %), аварцам (38,5 %), даргинцам (37,3 %), кумыкам (37,3 %), лакцам (31,0 %), лезгинам (22,7 %) и русским (21,0 %). Далее гиперидентичная установка – *«я такой человек, который считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами»* – заметно выражена в позициях опрошенных ногайцев (68,4 %), чеченцев (25,8 %), азербайджанцев (24,3 %), лезгин (20,0 %), кумыков (21,5 %), лакцев (17,2 %) и русских (16,1 %). Кроме того, суждение *«я такой человек, который считает необходимым "очищение" культуры моего народа от влияния других культур»* разделяет сравнительно

большая доля опрошенных чеченцев (45,2 %), ногайцев (26,3 %), лезгин (22,7 %), лакцев (20,7 %) и русских (20,3 %).

Этноцентризм проявляется через суждение «*межнациональный брак разрушает народ*», среди них русские (29,4 %), чеченцы (25,8 %) и азербайджанцы (21,6 %); при этом этноцентристская установка – «*нередко чувствует превосходство своего народа над другими*» характерна опрошенным ногайцам (52,6 %), чеченцам (41,9 %), лезгинам (29,3 %), аварцам (28,1 %), кумыкам (26,0 %) и лакцам (20,7 %). Вместе с тем позиции «*строго необходимо сохранять "чистоту" народа*» придерживаются чеченцы (87,1 %), лезгин (52,0 %), лакцы (48,3 %), аварцы (47,0 %), кумыков (43,8 %), даргинцев (36,1 %) и русских (33,6 %).

Этнодоминирующий тип этнической идентичности выражен заметно слабее и внутри нее респондентам ближе суждение о необходимости защиты национальных интересов своего народа – «*я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу*»; при этом опрошенные аварцы (12,2 %), чеченцы (25,8 %) и ногайцы (26,3 %) считают, что «*взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей*». Более того, опрошенные даргинцы (21,3 %), лезгины (14,7 %), чеченцы (16,1 %) и азербайджанцы (18,9 %) допускают возможность того, что «*его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов*».

Доля этноиндифферентных и этнонигилистических суждений нередко сопровождается одновременным выбором индикаторов «нормы» и гиперидентичности. При рассмотрении первой тенденции больше половины респондентов (от 71,4 % до 94,7 %) «индифферентную позицию» дополняют установкой на межэтническое контактирование – «*всегда находит возможность договорится в межнациональном споре*» (81,7 %) при тесной связи с «этноцентризмом» – «*предпочитает образ жизни своего народа*» (58,4 %) и «*считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа*» (46,4 %). Придерживающихся данной позиции больше всего среди опрошенных ногайцев, азербайджанцев и чеченцев.

В исследовании ставилась задача показать взаимосвязь типа этнической идентичности с процессом самоидентификации опрошенных, поэтому применялся «метод "вопрос на вопрос"», который позволил бы глубже проанализировать специфику формирования типов социальной идентичности, в данном случае, этнической идентично-

сти. Так каждый восьмой опрошенный, осознающий себя *«представителем только своего народа»* является носителем этноцентристских установок – *«нередко чувствует превосходство своего народа над другими»* (12,4 %) и *«люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»* (12,3 %); далее каждый шестой респондент разделяет мнение, что *«взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»* (16,7 %).

В позициях носителей пассивной формы этнической идентичности (*«этноиндифференты»*), разделяющих суждение *«мы такие же, как представители других дагестанских народов»*, закономерно проявляется равнодушие *«к своей национальной принадлежности»* (51,9 %), при этом они *«не отдают предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную»* (50,3 %), *«часто испытывают стыд за людей своей национальности»* (44,8 %) и *«трудно уживаются с людьми своей национальности»* (40,0 %).

Однако, носители деструктивных форм этнической идентичности (этноцентризм, этнофаворитизм, этнодоминирование), считая, что они *«такие же, как представители других дагестанских народов»*, акцентируют внимание на следующих позициях: *«я такой человек, который нередко чувствует превосходство моего народа над другими»* (40,0 %), *«я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только моему народу»* (40,7 %), *«настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности»* (42,7 %), *«взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»* (43,3 %), *«мой народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов»* (44,2 %), *«считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа»* (46,0 %), *«предпочитает образ жизни своего народа»* (46,8 %), *«необходимо "очищение" культуры моего народа от влияния других культур»* (47,9 %) и *«любые средства хороши для защиты интересов моего народа»* (50,8 %).

Все вышесказанное предполагает существование гипотезы, что этноцентристские установки должны подпитывать обозначение себя *«мы люди совершенно другого характера»*, однако как показывают результаты нашего исследования, у *«этноцентристов»* довольно слабо проявляется *«противопоставление»* себя другим дагестанским народам как носителям отличного от них национального характера и поведения.

Таким образом, изучение специфики формирования типов этнической идентичности констатирует, что центральной и доминирующей является «нормальная этническая идентичность», в то же время по краям располагаются пассивная (этноиндифферентность, этнонигилизм, амбивалентность) и деструктивная (этноцентризм, этнодоминирование, этнофаворитизм) формы этнической идентичности, оказывающие определенное влияние на позитивную идентичность, в конечном итоге, возможно «расшатывание» ее содержания. Кроме того, результаты нашего исследования показывают ярко выраженную этническую индифферентность в этноконтактных зонах, которая может привести, с одной стороны, к «размыванию» позитивного образа «мы», с другой, способствовать усилению этнонационализма у разных социальных прослоек внутри каждого народа.

Социально-демографические особенности в проявлении типов этнической идентичности дагестанских народов. В исследовании не меньший интерес представляют социально-демографические особенности респондентов, которые могут быть носителями различных типов этнической идентичности. Однако, необходимо оговориться, что мы не можем представить отчетливые социально-демографические границы между подгруппами, так как, выбирая несколько индикаторов, один и тот же респондент нередко оказывался в двух или даже трех подгруппах, представляющих опрошенных с различными тенденциями трансформации этнической идентичности.

«Нормальный» тип этнической идентичности характерен всем опрошенным независимо от образовательного статуса (см. таб. № 10).

Среди опрошенных этнические установки по типу «нормы» одинаково выражены во всех прослойках респондентов с разным образовательным статусом и в проявлении позитивной этнической идентичности не наблюдается заметных расхождений, хотя им, одновременно характерны гипо- и гиперидентичные установки.

Вместе с тем специфика идентификационного процесса заключается в том, что носителями гиперидентичных установок являются представители интеллигенции, которые демонстрируют большую активность и различны в своих проявлениях. Изначально, от категории опрошенных с высшим образованием ожидают высокий уровень позитивного восприятия иной этнической общности, потому что проявление интолерантных установок у респондентов с относительно низким образовательным статусом поддается объяснению, в отличие от респондентов с высоким образовательным и социальным статусом. Интеллигенция, которая призвана отстаивать национальные интересы

своего народа, одновременно должна, с одной стороны, поддерживать дистанцированность по отношению к другим этническим образованиям, с целью обозначения и сохранения этнокультурной самобытности своего народа, с другой, формировать в массовом сознании позитивный образ не только своего народа, но и уважительное отношение к другим этническим группам.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «*Я такой человек, который...*»
(варианты ответов даны по образовательным группам
в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Обра- зование	Сред- нее	Среднее специаль- ное	Выс- шее	Сред- нее	Среднее специаль- ное	Выс- шее
	Согласен			Не согласен		
	<i>Нормальная идентичность</i>					
Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам	83,7	78,9	81,7	8,4	7,2	11,2
Обычно не скрывает своей национальности	88,5	81,3	91,3	3,8	4,8	2,7
Любит свой народ, уважает язык и культуру других народов	89,9	84,2	92,1	1,8	1,9	1,3
Всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре	81,5	77,0	86,0	9,7	6,2	5,5
Считает, что его народ не лучше и не хуже других народов	80,2	77,5	83,5	10,1	8,6	9,3

Этнофаворитизм с позицией *«любые средства хороши для защиты интересов моего народа»* сильнее проявляется у респондентов с низким образовательным уровнем – 42,3 % со средним и 40,7 % средним специальным образованием, в противовес 62,0 % опрошенных с высшим образованием не согласных с данной установкой.

Этноцентристская позиция – *«предпочитает образ жизни своего народа»* – характерна респондентам независимо от образовательного статуса – 51,2 % со средним специальным, 56,4 % средним и 62,0 % высшим образованием; при этом 59,5 % опрошенных со средним, 43,3 % высшим и 41,6 % средним специальным образованием считают необходимым *«строго сохранять "чистоту" народа»*.

Этнодоминирование с суждением *«я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»*, в сравнении с другими подгруппами, демонстрирует относительно большая доля респондентов с высшим образованием (23,9 %), хотя с небольшой разницей оно характерно опрошенным со средним (19,8 %) и средним специальным образованием (16,7 %).

Этноиндифферентность – *«в повседневном общении национальность не имеет значения»* – характерна опрошенным со средним (68,3 %), средним специальным (70,8 %) и высшим образованием (75,0 %). При этом респонденты с высшим (79,1 %), средним (75,3 %), средним специальным образованием (73,7 %) *«готовы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия»*.

Этнонигилистические установки проявляются у респондентов со средним (38,3 %) и средним специальным образованием (32,1 %) через суждение *«часто испытываю стыд за людей своей национальности»* и относительно слабее у имеющих высшее образование (30,2 %). При этом позицию *«никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам»* отметили 28,0 % с высшим, 29,5 % средним и 31,1 % средним специальным образованием, хотя каждый шестой опрошенный имеющий среднее образование *«часто ощущают превосходство людей другой национальности»*, а 81,4 % респондентов с высшим образованием не разделяют данное суждение.

Среди опрошенных, в этнической идентичности которых представлены позитивные установки типа «нормы», выделяется поколение «от 60 лет и выше» (87,7 %) и «до 20 лет» (82,1 %), в то время как

прослойки «от 20 до 40 лет» и «от 40 до 60 лет» занимают промежуточное положение.

Этнофаворитизм в наибольшей степени демонстрируют молодые люди «до 20 лет», подчеркивая, что *«любые средства хороши для защиты интересов своего народа»* (44,6 %) и «от 60 лет и выше» считают необходимым *«"очищение" культуры своего народа от влияния других культур»* (31,5 %).

«Этноцентристов» больше в возрастной категории «до 20 лет» (33,8 %), которые *«нередко чувствуют превосходство своего народа над другими»*, более того 65,0 % представителей этой возрастной подгруппы считают *«строго необходимым сохранять "чистоту" народа»*; в возрасте «от 20 до 40 лет» больше *«предпочитающих образ жизни своего народа»* (60,5 %); однако поколение «от 60 лет и выше» считает, что *«на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»* (26,0 %).

В отличие от других возрастных категорий, старшее поколение в большей степени демонстрирует этноиндифферентность и 80,8 % *«готовы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия»* и среди них, по сравнению с другими возрастными срезами, выше доля *«часто испытывающих стыд за людей своей национальности»* (43,8 %). Амбивалентность или раздвоенный тип этнической идентичности, в основном проявляется в позициях респондентов «до 20 лет», которые *«часто ощущают превосходство людей другой национальности»* (16,3 %).

Таким образом, несмотря на доминирование «нормального» типа этнической идентичности разным социально-демографическим группам характерна специфика проявления типов этнической идентичности. При декларировании толерантных установок и уважительного отношения к инациональным общностям и культуре, опрошенные являются носителями как деструктивной, так и пассивной форм этнической идентичности. Причем, как этноцентристские, так и этнонигилистические установки проявляются у диаметрально противоположных по возрасту групп – «до 20 лет» и «от 60 лет и выше».

При оценке межэтнической ситуации в своем населенном пункте разным возрастным когортам характерна различная интерпретация. Так позицию *«в нашем населенном пункте не наблюдается межнациональное противостояние»* подчеркивают респонденты «до 20 лет» (50,4 %), «от 40 до 60 лет» (48,2 %), «от 20 до 40 лет» (47,0 %) и их ниже в прослойке «от 60 лет и выше» (42,5 %). Однако негативную

оценку межнациональным отношениям в своем населенном пункте дает каждый четвертый опрошенный в возрасте «от 40 до 60 лет» (22,5 %), в то время как в других подгруппах небольшая часть отмечает данное суждение. Придерживающихся позиции «*в нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем*» заметно выше в двух возрастных прослойках – «до 20 лет» (30,4 %) и «от 20 до 40 лет» (31,6 %) и относительно ниже в когорте «от 40 до 60 лет», «от 60 лет и выше» – 24,6 % и 21,9 %, соответственно.

По образовательному признаку позитивную оценку межэтнической обстановке на территории своего проживания дают респонденты с относительно низким образовательным уровнем – со средним (50,7 %), средним специальным (51,7 %) против 47,6 % с высшим образованием. Среди имеющих высшее образование, больше доля характеризующих межнациональную ситуацию в своем населенном пункте как «*напряженную*» (18,4 %), при этом уточняя, что возникающие межэтнические коллизии удастся урегулировать (28,8 %). Таким образом, анализ проявления типов этнической идентичности по социально-демографическим параметрам показывает, что респонденты независимо от социального статуса и возраста демонстрируют как этноиндифферентные, так и этноцентристские установки, причем выделяются группы с высоким образовательным статусом и старшее поколение. Вместе с тем опрошенные являются носителями типа этнической идентичности по типу «норма», что свидетельствует о стремлении опрошенных повысить престиж и статус своей этнической общности. А это, в свою очередь, требует формирования базы, обеспечивающей сохранение, воспроизводство и развитие этнокультурной самобытности каждого народа и в данном процессе важную роль выполняет наличие позитивного образа собственной этнической группы при отсутствии негативных характеристик другого народа.

2.3. Общественное мнение дагестанских народов о межэтнической ситуации в полиэтнических зонах республики

Трансформация российского общества происходила одновременно во всех сферах жизнедеятельности – социально-экономической, политической и духовной. П. Штомпка называет такого рода трансформацию «травматической». Преобразования, происходившие во

всех областях, к сожалению, шли несинхронно, не совпадая по масштабам и глубине, в свою очередь, приводя к негативным последствиям, в виде проявления высокой энтропии, дезорганизации, дезинтеграции, являясь, таким образом, основой формирования интолерантности в массовом сознании и поведении россиян.

В национальном самосознании российских народов произошел резкий сдвиг. Считавшиеся еще недавно добрыми соседями, стали объектом критики, подчас весьма воинственной. От обывательского выискивания недостатков у представителей других наций, дело быстро перешло к взаимному скрупулезному подсчету причин несправедливости и национального притеснения. Причем каждая сторона свои права и претензии аргументирует ссылками на историю, следовательно, в орбиту межнациональных отношений все больше вовлекаются глубинные пласты самосознания этносов. Максимально дистанцируясь друг от друга, представители одного народа пытаются проецировать негативные качества присущие данной этнической группе, народу на другую этническую группу, на другой народ. А образ «врага» создается как из реальных, так и присваиваемых представлений о нем.

Надо отметить, что многое в этих представлениях является переносом того, что нам не нравится в нас самих, и от чего мы пытаемся, как бы избавиться. Поэтому образ «врага» носит, как правило, коварный, жестокий, трусливый и глупый характер¹: «на авансцену общественной жизни вышел опасный культ – культ моей нации, как единственной самонации во вселенной... с одной стороны идет процесс раскрепощения, избавления от старых догм и стереотипов, возрождается национальное самосознание, и это не может не радовать, а с другой – все мы отчетливо видим, как растут национальный эгоизм и отчужденность, переходящие в некоторых регионах страны в массовый "психоз национализма"»².

Дагестан – полиэтничный регион в начале 90-х гг. прошлого столетия, характеризовавшийся сложной межнациональной обстановкой. Массовый отъезд русского населения из республики, политические убийства и террористические акты, появление чуждого для дагестанских верующих экстремистского течения «ваххабизм», низкий уровень жизни населения, высокий уровень безработицы, появление национальных движений, ставивших вопрос о федеративном пере-

¹ Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическими комментариями // ОНС. 1992. № 6. С. 37.

² Абдулатипов Р.Г. Коварный культ // Советская Россия. 1989. 25 августа. С. 3.

устройстве республики и преследовавших свои узконациональные интересы и политические цели, вносили дестабилизацию в политическую жизнь дагестанского общества. Стремление национальных лидеров к дележу сфер политического и экономического влияния не раз ставило республику на грань межэтнического столкновения. Если в поведении граждан не наблюдается столкновений на межнациональной почве, это не исключает существования в латентной форме неосознанного противостояния ценностей и норм различных этнокультур, соперничества между национальными элитами.

Уже отмечалось, что в 90-х гг. XX в. межэтническая ситуация в республике была очень сложной, ибо существовавший ранее дух терпимости и межнационального согласия оказался разрушенным. История же свидетельствует, что «народы Дагестана никогда не воевали друг против друга. В течение веков здесь стихийно складывались механизмы саморегулирования межнациональных отношений, утверждались дух терпимости, гуманистические по своей сущности принципы и институты межнационального общения»¹. Более того, «этничность не касалась жизненных интересов общин, а составляла лишь культурную атрибуцию суверенных общин гражданского типа и их союзов. В конфликтах, весьма частых из-за территориальных владений, перераставших иногда в военные стычки между общинами – владельцами территорий, этнический фактор как бы отсутствовал. Он также отсутствовал в вопросах кровомщения или других уголовных и гражданских тяжбах между представителями различных этнографических групп или национальностей»².

По мнению дагестанских исследователей, в современный период вопрос стоит в плоскости: «Насколько прочна основа гуманистической культуры межэтнических отношений и может ли быть сохранено межнациональное согласие в республике?». Факторами, влияющими на состояние межнациональной толерантности дагестанских народов являются, во-первых, важность этнической принадлежности, во-вторых, установки на сохранение национальных традиций, обычаев и этнокультурной самобытности, в-третьих, положительное отношение к иноэтническим образованиям и инокультурному влиянию. Вместе с

¹ Гасанов Н.Н., Зачесов К.Я., Казимов А.К. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. 1993. № 3. С. 51.

² Агларов М.А. Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // Современный Кавказ. 2007. № 5. С. 131.

тем, основными причинами обострения межнациональных отношений в Дагестане являются:

- 1) экономические факторы;
- 2) переселенческая политика;
- 3) деятельность национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики.

Таким образом, создающими почву для формирования межгрупповой и межнациональной интолерантности факторами являются:

1. значимость национальной принадлежности, проявляющаяся в самых различных сферах, чаще во властных структурах;
2. проблема репрессированных и принудительно переселенных народов, создающая реальную почву для формирования интолерантного сознания и поведения в дагестанском обществе;
3. неопределенность этнического статуса малочисленных этносов, нерешенность их этнических, политических, социально-экономических проблем;
4. земельный вопрос, довольно сильно политизированный, особенно на равнинных территориях республики, и создающий реальную почву для возникновения межэтнического противостояния,
5. установки на разделение по религиозному признаку, вернее, существующее в республике глубокое внутриконфессиональное противостояние.

Многочисленные исследования российских этносоциологов, политологов, историков и т.д. свидетельствуют о том, что межэтническая напряженность является одной из особенностей межнациональных отношений на постсоветском пространстве. В то же время нужно оговориться, что в некоторых российских регионах межэтническое противостояние характеризовалось разной степенью напряженности. Если в Дагестане открытых межнациональных конфликтов не наблюдалось, то в соседних республиках они происходили, например, в начале 90-х гг. осетино-ингушский конфликт.

Субъективные оценки представителями различных этнических общностей состояния межэтнической ситуации в Дагестане отражают существующие различия в уровнях межэтнической напряженности. При этом необходимо принимать во внимание особенности этих различий, которые обусловлены не только локализацией агентов межэтнической напряженности, но и психологическими характеристиками взаимодействующих этнических групп. В связи с этим, в социологический опрос был включен блок вопросов, позволяющий выявить оценку состояния межэтнической ситуации в полиэтнических районах республики (см. таб. № 11).

Распределение ответов на вопрос «**В настоящее время, какие проблемы вызывают у Вас наибольшую тревогу?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Сложная межэтническая ситуация в России	Ухудшение межнациональных отношений в республике	Расслоение общества на богатых и бедных	Незащищенность представителей моего народа в рамках республики	Слабость государственной власти	Низкий уровень жизни населения	Религиозный экстремизм, террористические акты	Сложная межэтническая ситуация на территории моего села, района
Аварцы	35,4	35,4	51,0	15,6	58,3	45,1	75,7	4,2
Азербайджанцы	27,0	35,1	48,6	5,4	37,8	29,7	64,9	5,4
Даргинцы	37,3	29,7	58,2	9,5	42,4	43,0	58,9	8,2
Кумыки	27,4	43,1	53,5	20,1	37,2	34,7	62,2	13,2
Лакцы	62,1	27,6	58,6	6,9	58,6	48,3	75,9	3,4
Лезгины	34,7	32,0	41,3	8,0	65,3	41,3	66,7	1,3
Ногайцы	57,9	10,5	36,8	31,6	42,1	31,6	57,9	10,5
Русские	20,0	44,8	46,9	37,8	44,1	46,2	70,6	3,5
Чеченцы	19,4	25,8	58,1	29,0	45,2	41,9	74,2	9,7
Другие	20,8	25,0	50,0	25,0	45,8	29,2	66,7	8,3
Всего:	32,5	37,1	51,2	19,1	47,3	40,8	67,8	7,3

Как показывают приведенные в таблице № 11 результаты социологического опроса, респонденты обозначают наличие и исходящую угрозу от «*религиозного экстремизма и террористических актов*», хотя не менее актуализированы уровень социально-экономического положения республики, социальное расслоение общества «*на богатых и бедных*» и «*низкий уровень жизни населения*» вкупе со «*слабостью государственной власти*». Кроме того, опрошенных волнует «*сложная межэтническая ситуация в России*» и конкретно «*ухудшение межнациональных отношений в республике*».

В социологическом исследовании (2008 г.)¹ также затрагивалась проблематика возможного обострения межэтнических отношений в республике (см. таб. № 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «*Какие причины в наибольшей степени способствуют появлению межнационального противостояния между дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Ухудшение экономического положения в республике	Ошибки в национальной политике республиканских органов государственной власти	Низкая культура межнационального общения	Существование в республике межрелигиозных противоречий	Корыстная политика местной властной элиты	Миграция населения	Деятельность религиозных лидеров, противостоящих дагестанские народы друг другу	Затрудняюсь ответить
Аварцы	31,8	17,7	16,7	9,4	25,5	2,1	16,1	11,5
Даргинцы	17,2	13,8	25,9	8,6	22,4	5,2	10,3	17,2
Кумыки	19,6	12,7	15,7	11,8	25,5	10,8	10,8	12,7
Лакцы	5,7	15,7	11,4	21,4	21,4	21,4	10,0	4,3
Лезгины	16,0	0	16,0	0	24,0	0	20,0	4,0
Русские	37,0	25,9	51,9	11,1	3,7	7,4	22,2	14,8
Чеченцы	15,6	40,6	12,5	3,1	10,9	3,1	6,3	23,4
Другие	25,5	14,5	16,4	14,5	21,8	1,8	12,7	23,6
Всего:	22,4	18,0	17,9	11,3	21,8	6,4	13,0	13,7

¹ См.: Шахбанова М.М. Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. С. 316. Социологический опрос по изучению религиозной ситуации в Республике Дагестан проведен в Казбековском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Новолакском, Хасавюртовском, Табасаранском районах и в г Махачкала, Буйнакс, Каспийск (2008 г.). N – 597.

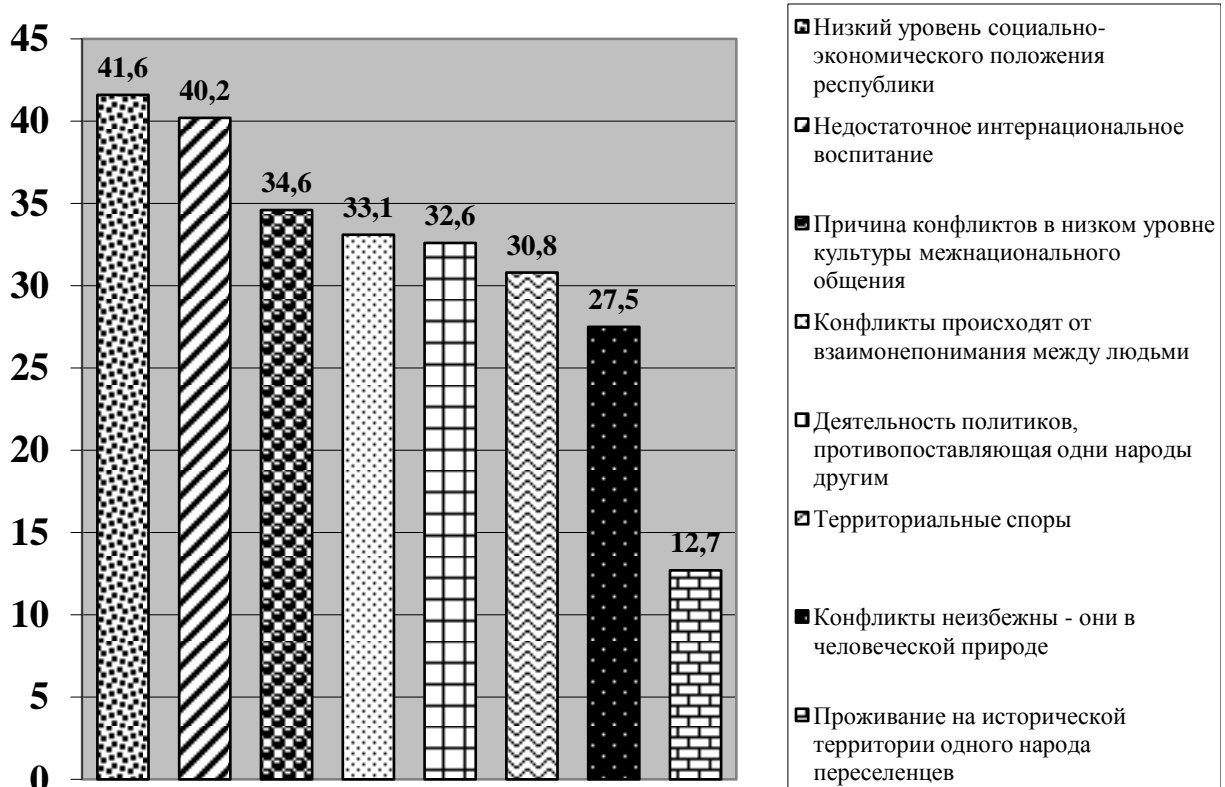
Если в опросе 2008 г. религиозная проблематика, несмотря на наличие в данной сфере целого комплекса нерешенных и сложных вопросов, респондентами была отодвинута на предпоследнее место, то за прошедший период наблюдается кардинальное изменение их позиций, подтверждаемое результатами нашего исследования. Для современного дагестанского общества злободневной остается угроза терактов и широкое распространение идей радикального ислама. Результаты ранее проведенного опроса показывают, что вышеперечисленные факторы ухудшения межэтнических отношений в республике варьируются в пределах от 6,4 % до 22,4 %, в то время как в опросе 2013 г. от 7,3 % до 67,8 %, констатируя наличие определенного беспокойства в массовом сознании дагестанцев. Таким образом, результаты опросов 2008 г. и 2013 г. показывают, что респонденты акцентируют внимание практически на тех же проблемах, на которых указывали и ранее: уровень социально-экономического развития республики, наличие коррупции, наблюдающее снижение уровня жизни населения, а также существующая в латентной форме в многонациональных районах республики межэтническая напряженность.

Далее опрошенные дагестанские народы указывают на существование целого комплекса нерешенных проблем социально-экономического, культурного, воспитательного характера, создающие почву для межнационального противостояния и межэтнической напряженности в республике (см. гист. № 2).

Результаты опроса показывают, что почвой для межэтнических коллизий является не только экономический фактор, в тесной связи с ним находятся и другие, в частности, *«недостаточное интернациональное воспитание»*, если не сказать его полное игнорирование в постсоветской России, а также *«низкий уровень культуры межнационального общения»*. В то же время, на государственном уровне неоднократно поднимается вопрос о последствиях переселения народов горной зоны на равнинные территории республики, на которых исторически проживали кумыки и русские. Это Бабаюртовская и Кизлярская зоны, на которых в социалистический период располагались земли отгонного животноводства горных районов. В настоящее время требования переселенцев, например из Ахвахского района, придать их населенным пунктам статус самостоятельных административных образований с передачей их подчинения администрациям районов их выхода обостряют межнациональную ситуацию в этих районах.

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «*Каковы основные причины возникновения межнационального противостояния в Дагестане?*» (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

Опрошенные кумыки (46,2 %), лакцы (37,9 %) и чеченцы (35,5 %) усматривают причину межэтнического противостояния в «*территориальных спорах*», респонденты-ногайцы (47,4 %) «*в деятельности политиков, противопоставляющих одни народы другим*»; аварцы (41,3 %), даргинцы (45,6 %) и русские (53,8 %) межнациональное противостояние увязывают с «*низким уровнем социально-экономического положения республики*». При этом чеченцы (51,6 %), лакцы (48,3 %), лезгины (42,7 %) и даргинцы (41,8 %) указывают на «*недостаточное интернациональное воспитание*». Большая часть опрошенных чеченцев (51,6 %), русских (49,7 %) и ногайцев (47,4 %) как причину сохранения межэтнической напряженности в Дагестане отмечают «*низкий уровень культуры межнационального общения*». На невысокий уровень культуры межнационального общения респонденты указывали и в опросе 2008 г., поставив его по важности на четвертое место.

Отечественные исследователи рассматривают межличностные отношения «как» особую сферу, потому что «общаясь повседневно в деловой и неформальной обстановке – в соседском, дружеском, се-

мейном окружении – люди на практике ощущают равенство или неравенство, партнёрство или ущемление, уважение или унижение, всё то, что в науке мы определяем как толерантные или интолерантные, дружественные, нейтральные или напряжённые отношения»¹. Несомненно, на характер межэтнического взаимодействия определенное воздействие оказывают как внешние, так и внутренние факторы, среди которых следует отметить исторически сложившийся в этноконтактных зонах республики межнациональный климат. В ситуации усиления социально-экономической, и как следствие, политической напряженности наблюдается заметное увеличение количества носителей гиперэтничности.

В немалой степени ухудшению межнациональной обстановки в республике способствует проблема частной собственности на землю, которая поднималась на республиканском уровне и вызвала неоднозначную реакцию в дагестанском обществе. Если вопрос аренды небольших участков земли под коммерческие предприятия и коммерческую деятельность не вызывает какого-либо негатива со стороны населения, то резонанс в обществе вызвала идея о допустимости крупной частной собственности на землю, при существующей в массовом сознании дагестанских народов высокой оценке «территории проживания» и «исторической территории» как идентификационных маркеров.

Наличие в республике целого комплекса проблем, обусловленных низким уровнем социально-экономического развития, невысоким уровнем культуры межэтнической коммуникации, укрепление позиций ислама и рост значимости религиозных установок в поведении, кадровая проблема, отсутствие эффективной национальной политики способствуют ухудшению межнационального климата как в полиэтнических районах, так и в целом в Дагестане. В связи с вышперечисленным в ходе опроса респондентов попросили оценить межэтническую ситуацию в своем населенном пункте (см. гист. № 3).

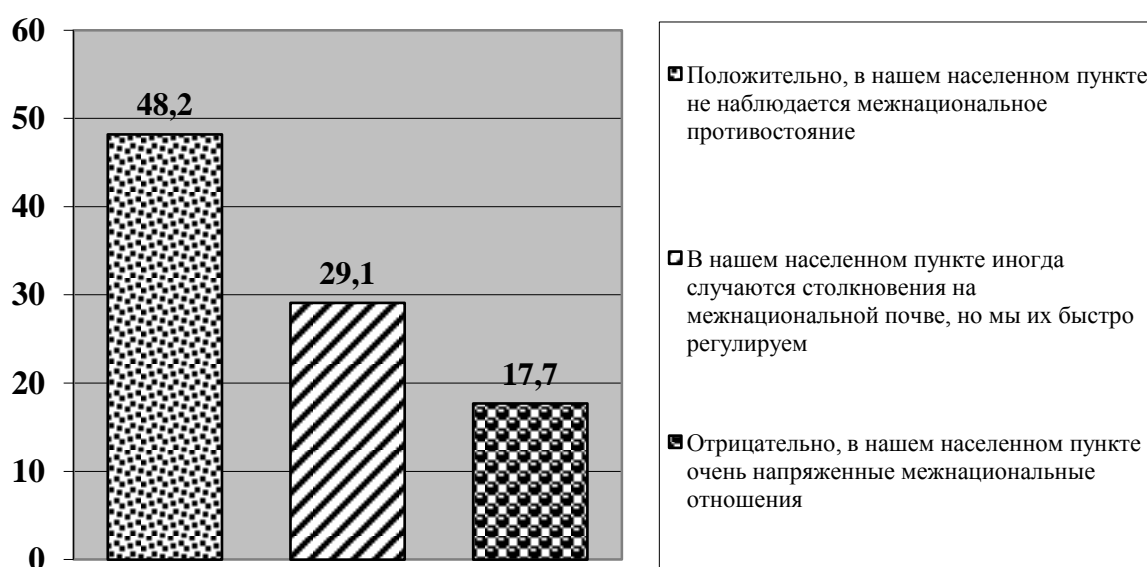
По этнической принадлежности в массовом сознании опрошенных преобладает позитивная оценка межэтнической ситуации в своем населенном пункте, хотя меньше всего разделяющих данное суждение среди респондентов-русских (21,0 %) и больше всего среди лакцев (69,0 %). Позиции *«отрицательно, в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения»* придерживается сравнительно большая часть опрошенных ногойцев (21,1 %), русских

¹ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 263.

(23,1 %) и кумыков (25,3 %). В то же время респонденты русские (50,3 %), чеченцы (32,3 %), кумыки (28,8 %), аварцы (25,0 %), даргинцы (24,7 %), лезгины (22,7 %), ногайцы (21,1 %) и азербайджанцы (16,2 %) подчеркивают, что в их населенном пункте *«иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но их быстро регулируют»*.

Гистограмма 3

Распределение ответов на вопрос *«Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем населенном пункте, районе?»* (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

Однако из общего массива необходимо выделить подмассив русских Кизлярской зоны. Так русская подгруппа Кизлярской зоны разделяет суждения *«в нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем»* (51,0 %) и в два раза меньше отметивших вариант *«отрицательно, в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения»* (25,0 %). С небольшой разницей данные позиции разделяют проживающие за пределами Кизлярской зоны опрошенные русские – 50,0 % и 18,4 %, соответственно.

Результаты исследования, фиксирующие небольшую часть опрошенных, негативно охарактеризовавших межнациональные отношения, не свидетельствуют об отсутствии межэтнических противоречий и противостояния в полиэтнических районах республики. Характерные для постсоветского периода кардинальные преобразования

российского общества, неразвитость принципов гражданского общества, сложная социально-экономическая ситуация способствуют существованию в латентной форме межэтнической напряженности.

В ходе исследования интерес представляет оценка респондентами дальнейшего развития межэтнических взаимоотношений, поэтому им был задан вопрос, позволяющий выявить существующие в данной сфере тенденции (см. таб. № 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос *«Какие из тенденций проявляются сегодня во взаимоотношениях между дагестанскими народами?»* (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Стремление жить отдельно, но в дружбе	Стремление объединиться в единую, силь- ную дагестан- скую нацию	Жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе
Аварцы	28,1	51,0	13,9
Азербайджанцы	32,4	43,2	10,8
Даргинцы	38,0	46,8	5,1
Кумыки	33,7	43,4	14,9
Лакцы	37,9	58,6	6,9
Лезгины	18,7	49,3	22,7
Ногайцы	31,6	31,6	10,5
Русские	33,6	24,5	30,8
Чеченцы	51,6	32,3	12,9
Другие	41,7	33,3	25,0
Всего:	32,3	43,0	16,1

В позициях опрошенных доминируют два суждения – «*стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию*» и «*стремление жить отдельно, но в дружбе*». Первую позицию разделяет больше половины опрошенных аварцев и лакцев, хотя аналогичного мнения придерживается каждый второй из опрошенных даргинцев, азербайджанцев, лезгин и кумыков. Второе суждение очень важно для опрошенных чеченцев и русских, поставивших его по значимости на первое место, хотя каждый третий из опрошенных даргинцев и лакцев также разделяет его. Вместе с тем, относительно большая доля лезгин, русских, каждый седьмой из опрошенных аварцев, восьмой из кумыков и чеченцев придерживаются позиции, что в

массовом сознании дагестанских народов проявляются установки на самоизоляцию, следовательно, характерной тенденцией во взаимоотношениях между ними является *«стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе»*.

По образовательному признаку, придерживающихся суждения, что дагестанским народам характерно *«стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию»* больше среди имеющих среднее (50,2 %) и среднее специальное образование (48,8 %) и заметно ниже с высшим образованием (38,9 %). При этом каждый третий опрошенный из последней подгруппы характерным для взаимоотношений дагестанских народов считает *«стремление жить раздельно, но в дружбе»* (35,0 %). Более того, среди респондентов с высшим образованием доля разделяющих позицию, что в настоящее время во взаимоотношениях между дагестанскими народами проявляется *«стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе»*, по сравнению с другими подгруппами, выше и составляет 19,4 %, против 11,0 % со средним и 12,0 % средним специальным образованием.

Таким образом, исследование показывает, что опрошенным дагестанским народам характерны: 1. позитивная оценка межэтнической ситуации на территориях своего проживания, хотя они оценивают межнациональную ситуацию как в целом по России, так и в республике как *«сложную»*; 2. респонденты подчеркивают, что во взаимоотношениях дагестанских народов проявляется *«стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию»*, несмотря на существование в республике целого комплекса факторов, способствующих ухудшению межнациональной ситуации, в частности, религиозный экстремизм, угроза террористических актов, низкий уровень культуры межнационального общения и отсутствие эффективной политики интернационального воспитания.

Сложная межнациональная ситуация в некоторых районах республики обуславливает выявление отношения респондентов к совместному проживанию с представителями иноэтнической общности (см. таб. № 14).

Приведенные в таблице результаты социологического опроса показывают наличие существенной разницы в позициях опрошенных дагестанских народов в отношении переселения в свой населенный пункт представителей своей и иной этнической общности. Если респонденты позитивно оценивают переселение в свой населенный пункт представителей своего народа, то негативно воспринимают миграцию на свою территорию других народов.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос **«Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц Вашей/иной национальности?»**
(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Вашей национальности			Иной национальности		
	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично
Аварцы	51,4	7,6	35,4	26,7	25,0	44,1
Азербайджанцы	62,2	5,4	24,3	48,6	10,8	35,1
Даргинцы	57,0	12,7	22,2	36,1	22,2	35,4
Кумыки	57,6	18,1	20,1	20,5	46,2	29,2
Лакцы	51,7	13,8	27,6	37,9	13,8	44,8
Лезгины	54,7	4,0	32,0	38,7	14,7	44,0
Ногайцы	68,4	0	15,8	31,6	47,4	5,3
Русские	67,8	4,9	16,8	16,1	51,7	28,0
Чеченцы	67,7	3,2	25,8	22,6	29,0	48,4
Другие	58,3	8,3	25,0	25,0	29,2	41,7
Всего:	57,5	10,2	25,5	27,1	32,4	36,1

Вместе с тем, отрицательно к переселению в свой населенный пункт представителей как своего, так и другого народа относятся опрошенные даргинцы, кумыки и лакцы. В позициях кумыков, ногайцев, русских и чеченцев, по сравнению с другими респондентами, значительная часть отрицательно относится к переселению в свой населенный пункт представителей других народов, причем каждый второй респондент-русский негативно настроен к совместному проживанию с представителями дагестанских народов. Наиболее толерантно к совместному проживанию с другими этническими группами настроены азербайджанцы, лезгины и лакцы. Здесь следует подчеркнуть, что первые два народа, большая часть которых проживает в южной части республики, в ходе проведения опроса демонстрировали позитивное отношение к иноэтническим общностям и высокий уровень толерантности.

По всему массиву опрошенных, на второй позиции располагаются респонденты, безразлично оценивающие иноэтническую миграцию и по совокупности суждений «положительно» и «безразлично» преобладает над негативным отношением. Уже отмечалось особое отно-

шение респондентов к понятию «историческая территория» и территориальные споры являются одним из факторов обострения межэтнической ситуации в многонациональной среде, поэтому в позициях опрошенных сохраняется последовательность в выделении «территории» как маркера этнической идентификации и стремление сохранить его целостность и моноэтничность.

Доля относящихся отрицательно к переселению в свой населенный пункт представителей своей этнической общности больше среди лиц старшего поколения «от 60 лет и выше» (20,5 %) и имеющих высшее образование (11,7 %), впрочем, как и представителей других народов – 46,6 % «от 60 лет и выше» и 38,3 % с высшим образованием.

В опросе (2007 г.)¹ респондентам был задан вопрос **«Вы хотели бы, чтобы в Вашем населенном пункте проживали представители других народов?»**. В позициях опрошенных доминировала положительная оценка многонациональности с мотивацией возможного *«улучшения межнациональных отношений»* (47,3 %), *«знакомства с национальной культурой других народов»* (35,6 %) и *«это помогло бы наладить межнациональное общение»* (32,3 %). Первое мнение разделяют опрошенные аварцы (47,0 %), даргинцы (47,8 %), кумыки (40,6 %), лезгины (45,1 %), лакцы (55,3 %), чеченцы (56,9 %), русские (51,9 %), второе – сравнительно большая доля аварцев (44,3 %), русских (48,1 %), лакцев (53,2 %) и меньше всего таковых среди респондентов-чеченцев (23,5 %). Возможности полиэтничности населенного пункта в процессах налаживания позитивного межнационального общения и диалога отметили чеченцы (23,5 %), лакцы (25,5 %), аварцы (30,2 %), даргинцы (31,9 %), русские (37,0 %), кумыки (37,5 %) и лезгины (45,1 %). В то же время негативно к совместному проживанию – *«это способствует появлению территориальных споров между народами»* относятся 14,3 % опрошенных. Проблема территорий и земельного вопроса как одна из причин межэтнического противостояния неоднократно отмечалась в исследовании и за прошедший период их роль в ухудшении межнациональных отношений, по-прежнему большая. По этнической принадлежности на него указывают чеченцы (31,4 %), даргинцы (15,9 %), лезгины (14,4 %), кумыки (14,1 %), в то время как проживающие в Кизлярском и Тарумовском районах русские также поднимают этот вопрос, однако на него указала статистически незначимая доля (3,7 %). Далее опрошенные усматривают в

¹ Социологический опрос по изучению состояния межнациональной толерантности в Республике Дагестан проведен в Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Хасавюртовском, районах и в гг. Махачкала, Буйнакск (2007 г.). N – 533.

многонациональности населенного пункта возможность «появления межнациональной напряженности и конфликтов» (11,0 %) и его разделяет относительно большая часть кумыков (18,3 %) и чеченцев (23,5 %), при этом каждый третий опрошенный среди чеченцев (31,4 %) считает, что «другая культура способствует разрушению национальной культуры моего народа».

Не менее значимой для Дагестана, начиная с перестроечного периода, остается проблема оттока русского населения из республики. Если обозначить положение русскоязычного населения не только в Дагестане, а в целом на Северном Кавказе, то, по мнению А.Б. Дзадзиева, основными факторами, определяющими миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа являются:

1. Начавшийся в конце 80-х – начале 90-х гг. процесс «суверенизации», который ухудшил межэтническую обстановку в полиэтнических республиках региона. Пиком для первой половины 90-х гг. характерным было усиление этноидентификационных установок и интолерантности, а национализм, сепаратизм и русофобия в той или иной форме проявились во всех северокавказских республиках.

2. Причины социально-экономического и этнополитического характера. К причинам социально-экономического характера необходимо отнести то, что к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в. была создана материально-техническая база северокавказских республик, для строительства и эксплуатации которой в довоенные и послевоенные годы привлекались специалисты и квалифицированные рабочие из «русских» регионов России. Одновременно шла подготовка квалифицированных рабочих и специалистов из числа титульных национальностей. С одной стороны, это сняло в определенной мере потребность республик Северного Кавказа в привлечении квалифицированной рабочей силы из «русских» регионов страны, с другой – привело к конкуренции на рынке труда, особенно в престижных сферах занятости. Естественно, что в этой конкуренции «стали выигрывать» национальные кадры. В трудоизбыточных республиках, какими были и остаются северокавказские республики, это стало повсеместным явлением не только на рынке труда, но и в сфере получения высшего и среднего специального образования.

К причинам, обуславливающим отток нетитульного населения из республик Северного Кавказа, необходимо отнести и крайне низкий, по сравнению с «русскими» субъектами региона, уровень социально-экономического развития этих республик. Причины этнополитического характера: территория республик Северного Кавказа, несмотря на усилия федерального центра, продолжает оставаться не просто не-

спокойным, а взрывоопасным регионом. И на этом фоне все попытки руководителей отдельных северокавказских республик преподнести возвращение нескольких русских семей в качестве доказательства политической стабильности и экономического благополучия «своих» республик выглядят не более чем политический фарс.

3. *Реэмиграция в республики Северного Кавказа значительного числа представителей титульных этносов.* За последний межпереписной период сальдо миграции населения титульных национальностей в северокавказских республиках составило в целом около 975 тыс. чел. Этот процесс осложнил и без того сложные межэтнические отношения на рынке труда, в сфере получения высшего и среднего специального образования. Наиболее ярко это проявляется в Дагестане и Северной Осетии.

4. *Изменение этнических пропорций.* В северокавказских республиках происходят существенные изменения пропорций этнической структуры населения, особенно в городах, в пользу титульных этносов.

5. *Отсутствие в большинстве республик Северного Кавказа программ по сокращению миграционного оттока русскоязычного населения.* Одним из формальных исключений этого являются Ингушетия и Чечня. В Ингушетии с апреля 2005 г. реализуется республиканская целевая программа «Возвращение и обустройство русскоязычного населения, ранее проживавшего в Республике Ингушетии, до 2010 года», которая предусматривает принятие и обустройство в республике 1050 чел. Убийства семей русских учительниц, русской женщины-врача, русской семьи летом-осенью 2008 г. и другие убийства представителей русскоязычного населения в Ингушетии ставят под серьезное сомнение возможность реализации указанной программы. Русское население Ингушетии и соседних республик региона рассматривает вышеуказанные теракты как реакции устрашения русских, направленные на выдавливание русского населения из ряда северокавказских республик.

6. *Деятельность некоторых общественных организаций титульных национальностей и СМИ северокавказских республик.* Некоторые общественные организации титульных национальностей продолжают исповедовать идеи этноцентризма, национальной исключительности и выдвигать лозунги приоритетности политических и культурных интересов титульных национальностей перед другими. Важное значение в этих идеологических тенденциях имеют воспоминания об этнических травмах: Кавказская война XIX в., исход значительной части адыгских народов в Турцию, сталинские депортации народов в

1943 – 1944 гг. Некоторые республиканские СМИ публикуют материалы об «этноциде северокавказских народов», начатом Российской империей в период Кавказской войны и продолжавшемся большевиками вплоть до начала 90-х гг. XX в.

7. *Проблема получения русским населением республик региона высшего образования.* Данные о национальном составе студентов высших учебных заведений республик Северного Кавказа свидетельствуют, что эта проблема для русских является весьма существенной и во многом определяет миграционные установки русской молодежи. Причина слабой представленности русских в численности студентов республик Северного Кавказа (как, впрочем, и во властных структурах этих республик) кроется не в сознательной политике дискриминации русских в сфере получения высшего образования. Главная причина этого – бедность основной части русского населения, что является фактором и этнополитического характера.

8. *Ярко выраженная этническая направленность кадровой политики.* Этнизация исполнительной, законодательной и судебной властей в республиках Северного Кавказа, происшедшая в начале 90-х гг. прошлого столетия, – факт общеизвестный. Объективные данные свидетельствуют о крайне низком уровне представленности русских в органах исполнительной, законодательной, судебной власти, в правоохранительных структурах республик Северного Кавказа, а также во всех наиболее престижных сферах занятости. Отсутствуют, несмотря на декларативные заявления руководства северокавказских республик, действительно демократические принципы подбора управленческих кадров в полиэтничном составе населения.

Отток русских и населения других нетитульных этносов из республик Северного Кавказа свидетельствует о гораздо более негативных, чем это представляется многим, процессах в сфере межнациональных отношений в республиках региона, а, соответственно, и об уровне демократических реформ в этих субъектах федерации. Как следует из материалов СМИ, руководители северокавказских республик, постоянно подчеркивая интернационализм адыгейско-ингушского/осетинского/чеченского и других титульных народов и говоря о межэтническом согласии в своих республиках, стараются не видеть негативных процессов в сфере межэтнических отношений в республиках, а имеющий место отток нетитульного населения объясняют исключительно экономическими причинами. Что, естественно, далеко не так. Имеющиеся в республиках Северного Кавказа негативные процессы в сфере межэтнических отношений требуют не попыток их оправдания, а серьезного научного анализа и выработки соот-

ветствующих механизмов их разрешения, в том числе и сокращения масштабов миграции населения из этих республик. 9. *Слабая работа общественных организаций русского населения республик Северного Кавказа по защите своих интересов.* Созданные в ряде республик региона по инициативе властей, эти общественные организации призваны «демонстрировать» межэтническое согласие и мир в этих республиках. «Парадный», декоративный характер большей части этих обществ сводит всю свою деятельность, как правило, к проведению фестивалей национального танца, песни, кухни и т.п. 10. *Отсутствие региональной политики, учитывающей интересы русского населения, отсутствие диалога между общественными организациями русского населения и властными структурами.* Русское население в большинстве своем глубоко убеждено, что ни республиканским, ни федеральным органам власти нет никакого дела до их проблем¹.

Дагестанские исследователи подчеркивают, что переселение населения горных районов на равнину имело как положительные, так и отрицательные последствия. Если с одной стороны, переселение проводилось с мотивацией разрешения проблем трудовых ресурсов, то в последующем руководство республики «для обоснования необходимости продолжения переселенческой политики прибегали к доводам о диспропорциях в народонаселении и землепользовании двух зон – горной и равнинной... дагестанской бюрократии, заинтересованной в продолжении такой политики, было выгодно придерживаться этих данных, хотя аграрная переселенность гор в результате многократных переселений снизилась по сравнению с тем, что было»². Более того, миграция населения способствовала кардинальному изменению этнической структуры равнинных районов республики: «в 1926 г. Бабаюртовский, Кизлярский, Караногайский (Ногайский) районы в современных административных границах были почти полностью однонациональными. Основное население этих районов составляли соответственно, кумыки, русские и ногайцы. Материалы переписи населения 1979 г. показывают, что за полвека в этих районах появилось более десятка новых относительно крупных этнических массивов. Прежде всего, это аварцы, даргинцы, лезгины, табасаранцы и лакцы, которые вместе составляют около половины всего населения равни-

¹ См.: Дзадзиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 136 – 146.

² Лысенко Ю.М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 124 – 125.

ны»¹, с другой стороны, сохраняется база межэтнического противостояния – земельный вопрос.

Особенно остро проблема оттока русского населения прослеживается в местах традиционного их проживания – в северной части Дагестана (г. Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы). Разные авторы придерживаются неодинаковых позиций о численности русскоязычного населения в вышеназванных районах республики, в частности, С.В. Ильяшенко считает, что с 1970 г. численность населения выросла здесь 1,5 раза; при этом численность русских сократилась в 1,7 раза. Доля русских среди всего населения Кизлярщины существенно уменьшилась с 74 % в 1970 г. до 29 % в 2002 г.² По мнению М.-Р.А. Ибрагимова, в течение с 1970 г. по 2002 г. численность русского населения в Тарумовском районе существенно уменьшилась (в 3 раза), в Кизлярском районе незначительно уменьшилась, в г. Кизляр осталась на прежнем уровне, хотя общая численность населения северного региона Дагестана существенно выросла. Доля русских в общей численности населения за это же время уменьшилась в Тарумовском районе с 70 % до 25 %, в Кизлярском районе – с 65 % до 19 %, в г. Кизляр – с 76,5 % до 48,6 %. За этот же период в указанном регионе общая численность населения выросла в 1,5 раза, при этом существенно увеличилась численность жителей горных районов, особенно аварцев и даргинцев. В Кизлярском районе численность аварцев и даргинцев увеличилась в 5 раз (каждой национальности), в Тарумовском районе – 7,5 раза аварцев и в 14 раз даргинцев, в г. Кизляр – в 11 раз аварцев и в 7,6 раз даргинцев.

В постановлении Госсовета Республики Дагестан «О состоянии и мерах по улучшению социально-экономической, общественно-политической ситуации в г. Кизляр, Кизлярском и Тарумовском районах Республики Дагестан» (21 июля 2003 г.) отмечалось, что «под влиянием внутренней и внешней миграции, значительные изменения претерпела демографическая ситуация. Внешней миграции в основном подвержено русское население. Внутренняя миграция характеризуется притоком населения из горных районов республики из Цумадинского, Цунтинского, Ботлихского районов, а также переселенцев из Чеченской Республики»³, поэтому «Кизлярский район, насчитывающий 89 населенных пунктов, русские уже не проживают в 22, в 50

¹ Цит. по: *Лысенко Ю.М.* Указ. раб. С. 127.

² *Ильяшенко С.В.* О миграционных процессах в Республике Дагестан // Вопросы статистики. 2003. № 3. С. 58.

³ Материалы по вопросам развития национальных и межнациональных отношений в Республике Дагестан. Махачкала, 2008. С. 193.

селах их число незначительно, только в 17 населенных пунктах русские составляют свыше половины населения. В Тарумовском районе из 24 населенных пунктов в 5 русские не проживают, в 12 их число незначительно, только в 7 населенных пунктах этого района русские составляют более половины»¹.

Таким образом, начиная с перестроечного периода, для Дагестана очень актуальна проблема миграции русского населения из республики. Если рассмотреть положение русских в Дагестане, то сложная ситуация с их оттоком складывается в Кизлярском и Тарумовском районах республики. Поэтому еще в начале 90-х гг. XX столетия на высшем уровне дагестанской власти был обозначен вопрос этнического самочувствия русскоязычного населения, который измерялся социально-экономическими показателями и общественно-политической ситуацией не только в самом Дагестане, но и в приграничных с ним районах. Подтверждением является республиканская научно-практическая конференция «Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан» (1994 г.), на которой были обозначены объективные и субъективные факторы оттока русского населения из Дагестана.

К первой группе относятся социально-экономические факторы, связанные с резким падением производства, которые имеют «ощутимое влияние на русских, поскольку 80 % промышленности в республике было ориентировано на оборонный сектор, а русские в городах работали преимущественно на оборонных предприятиях. Безработица поразила русских больше других. К субъективным относятся – рост преступности и позорные факты рэкета в жилищной сфере в отношении русских»².

Существуют самые различные факторы, вынуждающие русских мигрировать из республики, среди них назывались и социально-экономические причины, однако надо отдать должное, что в целом в 90-х гг. низкий уровень социально-экономического развития был характерен для всего российского государства, поэтому объяснять их выезд за пределы республики только данной причиной будет необъективным. Наряду с экономическими обстоятельствами существует и нестабильная межнациональная ситуация в республике, распространение идей религиозного экстремизма, многочисленные террористи-

¹ Цит. по: *Ибрагимов М.-Р.А.* Динамика численности... С. 131.

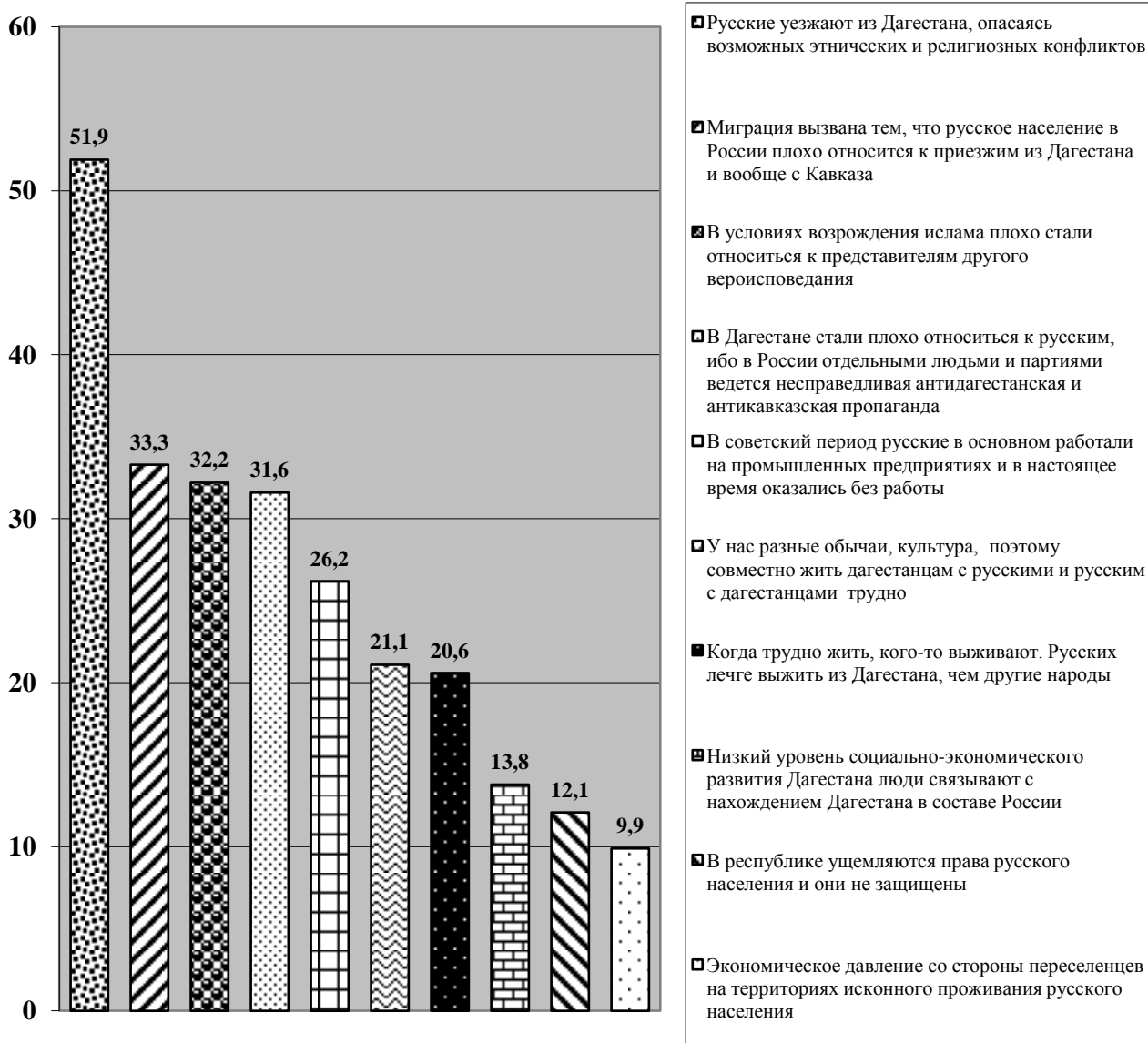
² См.: *Гусаев М.-С.М.* Проблемы русского и русскоязычного населения Дагестана: истоки, современное состояние, пути решения // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996.

ческие акты на территории Кизлярского района, захват заложников, в частности Кизлярской больницы, характерный для переселенцев бытовой национализм, исходящие от них угрозы в адрес русскоязычного населения и т.д. При общении с автором респонденты-русские очень жестко выражали свое отношение к переселенцам, хотя в результатах опроса они в полной мере, в силу определенных причин, к сожалению, своего мнения не отразили.

Положение русского населения и причины их оттока из Дагестана были изучены в рамках нашего социологического исследования, что позволило респондентам обозначить свою позицию по данному вопросу (см. гист. № 4).

Гистограмма 4

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы думаете, почему наблюдается миграция русского населения из Дагестана?*»
(варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

По этнической принадлежности выделенные респондентами причины миграции русских из Дагестана можно сгруппировать на социально-экономические, политические и бытовые. По мнению опрошенных лакцев (65,5 %), кумыков (53,8 %), аварцев (52,4 %), ногайцев (47,4 %), лезгин (45,3 %), даргинцев (44,3 %), чеченцев (41,9 %) и азербайджанцев (32,4 %), *«русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов»*. Далее, одной из основных причин отъезда русских из республики лакцы (34,5 %), ногайцы (31,6 %), аварцы (28,5 %), кумыки (24,3 %), азербайджанцы (24,3 %), лезгины (22,7 %) и даргинцы (22,2 %) называют специфику их занятости, невостребованность в промышленном секторе республики, отсутствие возможности трудоустройства (*«в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы»*), ибо после развала Советского Союза, многие предприятия, на которых в основном были заняты русские, пришли в упадок или были вообще ликвидированы. Однако из всего массива выделяются респонденты лакцы, которые причину оттока русских из республики усматривают в *«низком уровне социально-экономического развития, который люди связывают с нахождением Дагестана в составе России»* (27,6 %).

Опрошенные кумыки (30,2 %) придерживаются позиции, что *«когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы»*; чеченцы (38,7 %), аварцы (38,2 %), лезгины (36,0 %), кумыки (31,3 %), даргинцы (27,2 %) и азербайджанцы (27,0 %) усматривают причину плохого отношения к дагестанским русским в том, что *«в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда»*. Более того, по мнению кумыков (38,5 %), даргинцев (37,3 %), аварцев (37,2 %), лезгин (32,0 %), чеченцев (29,0 %) и лакцев (27,6 %), массовый отъезд русскоязычного населения из республики обусловлен тем, что *«русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа»*. Данная причина имеет под собой основание, но вместе с тем надо отметить, что негативное отношение со стороны местного населения к дагестанцам в российских регионах часто своим поведением провоцируют сами дагестанцы. К примеру, события на московском рынке, когда были нанесены побои представителю правоохранительных органов, инцидент с Вечным огнем в Астрахани, террористические акты в российских городах и ряд подобных событий, которые, в конечном итоге, формируют негативные

этностереотипы и интолерантные установки в массовом сознании русских в отношении выходцев из Дагестана. Однако, высказываемые в средствах массовой информации мнения, что подобные нарушения и преступления дагестанцы не совершают на территории Дагестана беспочвенны, потому что демонстрируемое этими людьми бескультурье характерно им проявлять независимо от места своего нахождения как внутри республики, так и за его пределами. К сожалению, здесь дает о себе знать отсутствие, вернее утрата накопленного в социалистический период опыта интернационального воспитания, культуры межнационального общения и этнического поведения, воспитание уважительного отношения к иноэтнической культуре. Наряду с этим ухудшению отношения к представителям иных национальных образований, в том числе и к дагестанцам, способствуют центральные средства массовой информации, которые предвзято преподносят те или иные события. К сожалению, республиканские СМИ вместо объективного освещения событий и формирования позитивного образа дагестанца за пределами республики, демонстрируют полную свою несостоятельность и больше заняты «самобичеванием», ориентированы на «угождение» руководству каналов, которых они представляют на республиканском уровне.

Наряду с социально-экономическими и политическими факторами опрошенные лезгины (21,3 %), аварцы (21,9 %), кумыки (22,9 %), лакцы (24,1 %), даргинцы (25,9 %) и чеченцы (29,0 %) акцент делают на специфике духовных ценностей и подчеркивают *«у нас разные обычаи, культура, поэтому совместно жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами трудно»*. Одновременно с выделенными причинами, определенную роль в данном процессе играет принадлежность русских к иной религиозной конфессии, поэтому азербайджанцы (21,6 %), лакцы (24,1 %), аварцы (26,4 %), даргинцы (28,5 %), чеченцы (29,0 %), кумыки (30,6 %), ногайцы (31,6 %) и лезгины (37,3 %) разделяют суждение *«в условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другого вероисповедания»*. Религиозное возрождение в республике создает проблему не только русским, которые исповедуют православие, но и самим дагестанцам. И вообще усиление религиозного компонента в обществе, демонстративное подчеркивание руководителями разного ранга своего отношения к религии, участие представителей власти в религиозных праздниках и ряд других шагов не способствует воспитанию веротерпимости, поэтому в массовом сознании формируется негативное отношение к атеистам, а по-

рой и их осуждение. Более того, местные СМИ, прерывая вещание, очень часто «вклиниваются» в программы других каналов. Увеличение количества исламских учебных заведений, мечетей и часов вещания религиозных передач, на взгляд автора, вряд ли способствует росту нравственности и осознанию значимости исламских ценностей в массовом сознании дагестанцев, тем более, если не принимается во внимание факт дисперсного проживания в республике русскоязычного населения, исповедующих православие, впрочем, как и евреев-иудеев.

Возможность *«экономического давления со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения»* отметила статистически незначимая часть опрошенных и среди них наибольшее количество лакцев (13,8 %), аварцев (11,1 %) и кумыков (8,0 %). Вместе с тем опрошенные аварцы (13,5 %) придерживаются мнения, что *«в республике ущемляются права русского населения и они не защищены»*.

По всему массиву опрошенных, дагестанские русские основными причинами оттока из республики представителей своего народа называют *«опасение возможных этнических и религиозных конфликтов»* (64,3 %), *«в условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другого вероисповедания»* (46,9 %), *«в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы»* (32,2 %), *«в республике ущемляются права русского населения и они не защищены»* (29,4 %), *«давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения»* (25,9 %), *«когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы»* (25,2 %), *«в Дагестане плохо стали относиться к русским, ибо в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда»* (23,1 %), *«низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России»* (15,4 %), *«русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа»* и *«у нас разные обычаи, культура, поэтому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно»* (по 9,8 %).

Уже было отмечено, что этническое самочувствие русских северной и южной зоны Дагестана заметно отличается, поэтому представляется необходимым обозначить позиции респондентов-русских по подгруппам (см. таб. № 15).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы думаете, почему наблюдается миграция русского населения из Дагестана?**»
(варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

<i>Подгруппы // Варианты ответов</i>	Подмассив русских (Кизлярская зона)	Остальные русские
В условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другого вероисповедания	45,2	50,0
Низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России	12,5	23,7
Когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы	25,0	26,3
В Дагестане плохо стали относиться к русским, ибо в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда	22,1	26,3
Миграция вызвана тем, что русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа	11,5	5,3
У нас разные обычаи, культура, поэтому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно	10,6	7,9
Русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов	61,5	71,1
Экономическое давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения	31,7	10,5
В республике ущемляются права русского населения и они не защищены	36,5	10,5
В советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы	33,7	28,9

Здесь необходимо отметить, что в работе уже отмечалась сложная ситуация с русским населением в Кизлярской зоне, к сожалению, проживающие в Тарумовском районе русские в силу объективных причин в выборку социологического опроса не вошли. Тем не менее, приведенные в таблице № 15 результаты исследования показывают,

что респонденты-русские независимо от территории проживания отмечают одни и те же факторы, вынуждающие их покидать Дагестан и таковыми являются, как по всему массиву опрошенных, так отдельно и по подгруппам, сохранение угрозы межэтнического и религиозного столкновений, а также, характерный для постсоветского периода возрождение ислама, причем распространение его радикальных направлений. Более того, ухудшение межнациональных отношений русские респонденты связывают именно с широким проникновением исламских норм практически во все сферы дагестанского общества. Однако, если, исповедующие ислам дагестанские народы (*«у нас разные обычаи, культура, поэтому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно»*) как причину возможного оттока русских из республики, поставили на 6 место, то данный фактор для респондентов-русских оказывается малозначимым и занимает только 9 место.

Исследователями неоднократно обозначалась практика давления на русское население и ущемление их в кадровой политике: «в середине 90-х гг. из-за угрозы вымогательства из Кизлярского района выехали три руководителя... несколько семей колхозников и рабочих совхозов из сс. Старый Терек, Суюткино, Кирова и т.д. ... практически все руководители хозяйств и предприятий русской, ногайской национальностей подверглись вымогательствам, запугиваниям и нередко физическому насилию со стороны национальных преступных группировок... имеет место бездействие правоохранительных органов – влияние на них преступных формирований, вытеснение работников русской национальности – из 257 сотрудников служб внутренних дел г. Кизляра лишь 36 (14 %) – русские»¹, поэтому подгруппа русских с Кизлярского района, в отличие от другой подгруппы указывает на *«экономическое давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения»*.

В 90-х гг. проблема этнического самочувствия и фактов ущемления представителей русского народа обсуждалась на самых разных уровнях власти и в период наибольшего ухудшения их положения данный вопрос был задан респондентам в социологическом исследовании 1997 г. (см. таб. № 16).

¹ Лысенко Ю.М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 136.

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, почему наблюдается отток русскоязычного населения республики?»

(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Национальности // Варианты ответов	Русские	Даргинцы	Кумыки	Чеченцы	Лезгины	Лакцы	Аварцы	Всего:
В условиях подъема религиозного сознания плохо стали относиться к людям другого вероисповедания	4,5	9,1	12,5	0	0	6,7	8,5	6,2
Наши трудности социально-экономического характера люди связывают с нахождением Дагестана в составе России	0	0	0	2,3	3,8	6,7	1,1	1,5
Когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы	22,7	9,1	12,5	7,0	7,7	0	11,7	10,0
В Дагестане плохо стали относиться к русским, ибо в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская, антикавказская пропаганда	22,7	15,9	37,5	18,6	19,2	13,3	19,1	19,6
Это надуманная проблема	9,1	11,4	25,0	32,6	11,5	26,7	18,1	18,5
Отток вызван тем, что русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа	0	15,9	0	25,6	30,8	26,7	16,0	18,1
У нас разные обычаи, культура, поэтому совместно жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами трудно	0	4,5	0	4,7	0	0	5,3	3,5
Кавказ – взрывоопасный регион. Русские уезжают из	31,8	25,0	12,5	20,9	15,4	26,7	10,6	18,1

Дагестана, опасаясь возможных конфликтов								
Давление на русских со стороны криминальных структур, мафии, вынуждения их к продаже квартир, домовладений	9,1	18,2	25,5	0	15,4	6,7	12,8	11,2

Сравнение результатов опроса по разным годам показывает, если характерная для 90-х гг. миграция русских из Дагестана, опрошенные считали *«надуманной проблемой»* (второе ранговое место после *«в Дагестане плохо стали относиться к русским, ибо в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда»*), то в опросе 2013 г. картина кардинально меняется и основную причину отъезда русских из республики опрошенные дагестанские народы усматривают в нестабильной межэтнической и религиозной ситуации в Дагестане, в сохранении угрозы возникновения межэтнического и религиозного противостояния. Таким образом, во многом мнения русских и «этнических дагестанцев» совпадают, хотя респонденты-русские акценты на причинах отъезда представителей своего народа из республики расставляют по-другому. По мнению исследователей, несмотря на миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа, русские продолжают оставаться основной производительной силой в экономике этих республик, прежде всего в ее индустриальных отраслях. Так, например, индекс представленности (ИП) русских в численности занятого населения Дагестана составлял в 2008 г. 1,85, ИП дагестанских народов – 0,97. В других северокавказских республиках ИП русских в численности населения, занятого в экономике республик, составлял от 1,36 до 1,05, ИП титульного населения этих республик – от 0,76 до 1,09. Еще более существенны различия в ИП русских и населения титульных национальностей в индустриальных отраслях экономики республик региона¹.

Невозможность по объективным и субъективным причинам конкурировать с титульными этносами в условиях рыночных отношений, низкая представленность во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста и улучшения

¹ Дзадзиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 133.

материального благосостояния, незащищенность перед криминальными структурами, а зачастую и открытые угрозы в адрес русских заставляют практически всё русское население республик с большим пессимизмом смотреть в будущее. Эти причины вынуждают русских покидать республики Северного Кавказа, которые являются родиной не одного поколения проживавшего и еще проживающего в них русского населения. В первую очередь уехала и продолжает уезжать наиболее квалифицированная часть русского и русскоязычного населения, имеющая больше реальных шансов – интеллектуальных и материальных – для более или менее благополучного обустройства на новом месте¹.

Уже отмечалось, что руководство республики приняло несколько документов, направленных на сдерживание миграционных процессов русского населения из республики, в частности, распоряжением Совета министров РД в 1993 г. была создана Правительственная комиссия Республики Дагестан по проблемам русскоязычного населения и Координационный совет Северного региона Республики Дагестан. С целью защиты этнических интересов русскоязычного населения принято Постановление Госсовета РД «О дополнительных мерах по предупреждению оттока населения из Республики Дагестан» (1999 г.). Руководством районов и г. Кизляр предложен механизм разрешения проблем русских дагестанцев, среди них:

1. признать проблемы русскоязычного населения в Республике Дагестан острой и требующей безотлагательного разрешения совместными усилиями руководства республики, структур на местах, политическими партиями, национальными движениями;

2. придать Северному району статус особой социально - экономической зоны с целью сохранения и развития исторически сложившегося природного, этнического, экономического расклада;

3. ускорить выделение средств в фонд «Стабилизация», направленных на приостановление миграции русских;

4. расширить права в решении кадровых вопросов;

5. разработать механизм выборов в представительные органы власти местного и республиканского уровня с обязательным квотированием числа русских².

Таким образом, дагестанские русские сокращение численности своего народа в республике оценивают как сознательное «выталкива-

¹ Там же.

² *Лысенко Ю.М.* Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 139 – 140.

ние», если не сказать их выживание с исторических территорий, которое способствует усилению межэтнической напряженности на территориях проживания русских с другими дагестанскими народами. В настоящее время, проблема этнического самочувствия русскоязычного населения республики остается сложной и необходимо расставить приоритеты в разрешении сложившейся ситуации.

В контексте исследования специфики формирования и воспроизводства этнической идентичности в многонациональных районах не менее важным является изучение инокультурного воздействия и особенности ее проявления в полиэтнических зонах республики. Каждая этническая культура обнаруживает значимое воздействие на характер адаптации этнических общностей к новым условиям, тем более, если на них отражаются требования современного информационного общества. Процесс приспособления носителей иной этнокультуры подразумевает их стремление и готовность к принятию иной этнической системы материальной и духовной культуры, несмотря на характерные для современности глобализационные процессы, которые унифицируют этнокультуры и стирают различия между народами. Адаптация этнокультур далеко непростой процесс, ибо способствует кардинальному преобразованию собственной системы культурных ценностей установок и ориентаций. В этой связи, некоторым исследователям характерно понимание адаптации как процесса «жертвования определенными несущественными сегментами этнической культуры для сохранения в новой среде и возможно в новой форме тех единиц культуры, которые являются существенными, системообразующими для нее»¹.

В современном обществе межнациональное согласие в основном базируется на процессах формирования, соответственно и управления идентичностью. Для сохранения межэтнической стабильности и межнациональной толерантности в полиэтническом обществе необходимо формирование государственно-гражданской идентичности, позитивное развитие этнической идентичности, предполагающее доброжелательное отношение к собственной и другим этническим общностям, отсутствие враждебности в отношении инонационального окружения, благожелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий².

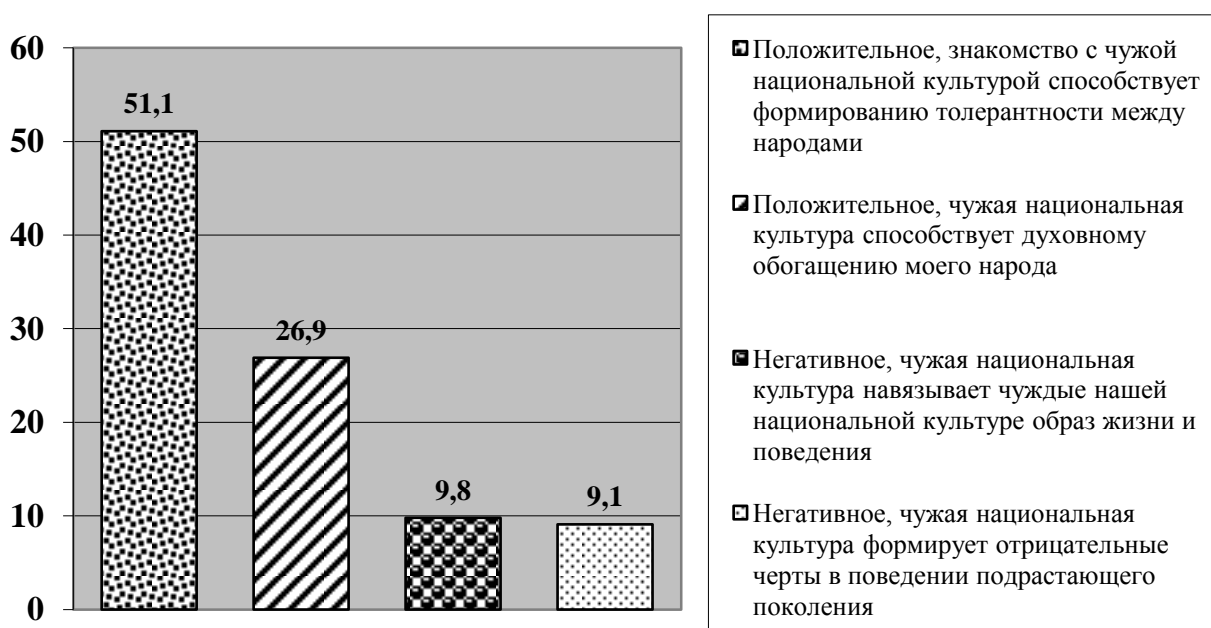
¹ Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 2003. С. 125.

² Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. 2012. № 4. С. 46.

По мнению З.В. Сикевич, «ядро характера народа воспроизводится из поколения в поколение благодаря преемственности этнической культуры, проявляющейся в общих символах, которые усваиваются и интериоризируются благодаря общему языку, общему историческому прошлому, традициям, ритуалам и обрядам»¹, поэтому не менее важным в сохранении межэтнического согласия в целом в республике, так и в многонациональных районах, является выявление последствий инокультурного воздействия и его оценка, отношение дагестанских народов к культурному взаимовлиянию (см. гист. № 5).

Гистограмма 5

Распределение ответов на вопрос «*Какое влияние имеет национальная культура других народов на национальную культуру Вашего народа?*» (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

По всему массиву опрошенных, с существенным отрывом доминирует позитивное восприятие инокультурного воздействия, при довольно низкой негативной оценке культурного влияния. По этнической принадлежности опрошенные лезгины (65,3 %), ногайцы (57,9 %), азербайджанцы (54,1 %), даргинцы (53,8 %), русские (53,1 %), аварцы (50,3 %), кумыки (49,3 %), чеченцы (41,9 %) и лакцы (34,5 %) инокультурное воздействие оценивают положительно, обозначая его возможности в формировании толерантных установок между народами.

¹ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 182.

ми. Более того, респонденты лакцы (34,5 %), даргинцы (32,3 %), чеченцы (32,3 %), кумыки (28,1 %), аварцы (27,8 %), азербайджанцы (27,0 %) и лезгины (26,7 %) придерживаются позиции, что *«чужая национальная культура способствует духовному обогащению моего народа»*.

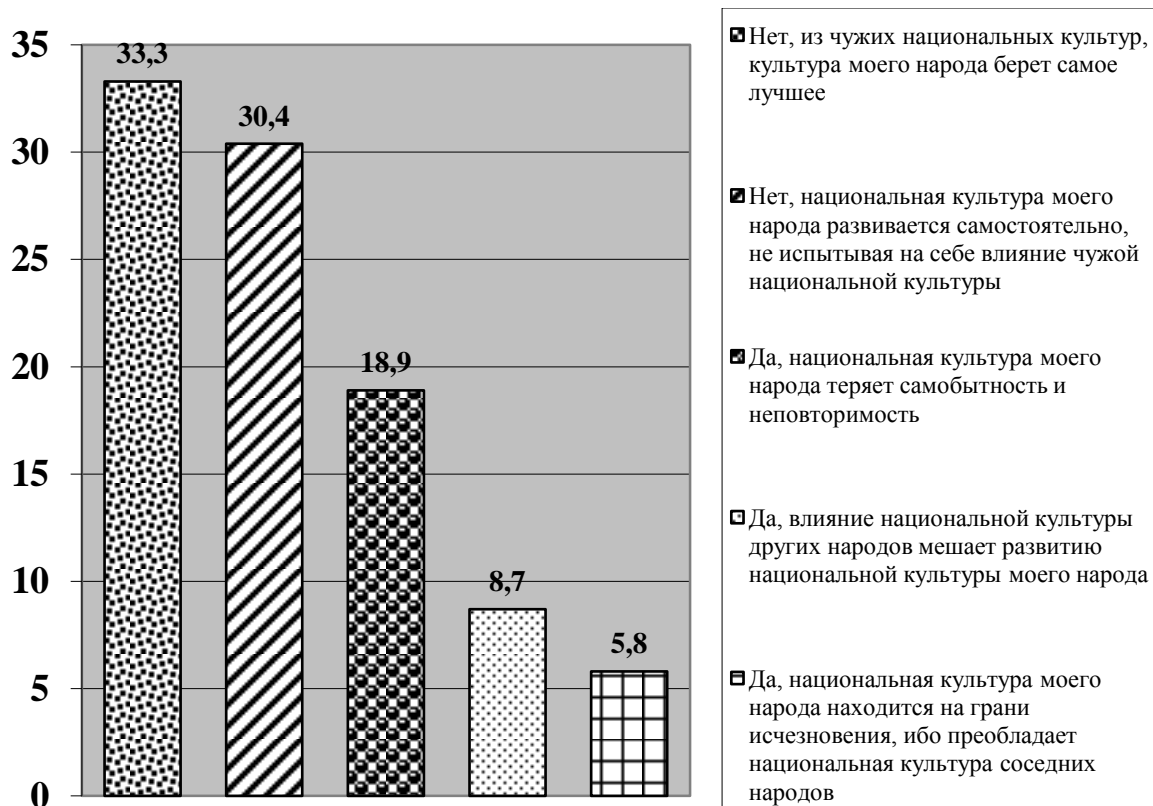
По всему массиву опрошенных, негативная оценка культурного взаимовлияния (*«чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения»*) отмечает небольшая доля опрошенных и среди них выделяются русские (11,9 %) и аварцы (10,1 %). Каждый десятый опрошенный среди лакцев (10,3 %), шестой среди русских (15,4 %) и чеченцев (16,1 %) придерживается суждения *«чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения»*. При сопоставлении вопроса **«Какое влияние имеет национальная культура других народов на национальную культуру Вашего народа?»** с типом этнической идентичности, по всему массиву опрошенных, «этноцентристы» и «этноиндифференты» позитивно оценивают инокультурное влияние. Положительно оценивая инокультурное воздействие, первые одновременно отмечают необходимость *«"очищения" культуры своего народа от влияния других культур»*, потому что *«чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения»* (16,8 %) и *«чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения»* (11,3 %), подчеркивая важность *«строго сохранять "чистоту" народа»* (13,6 %). Статистически незначимая доля носителей пассивного типа этнической идентичности усматривают негативные последствия инокультурного воздействия.

Респонденты с высшим образованием отмечают роль инонациональной культуры в формировании толерантных установок в массовом сознании (52,6 %), как и опрошенные в возрасте «от 40 до 60 лет» (49,7 %), хотя, по сравнению с другими подгруппами, каждый восьмой опрошенный в когорте «от 20 до 40 лет» считает, что *«чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения»* (12,4 %) и *«чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения»* (10,4 %). Последнее мнение разделяет 10,6 % респондентов с высшим образованием.

Далее респондентам был задан «контрольный» вопрос (см. гист. № 6).

Гистограмма 6

Распределение ответов на вопрос «Существует ли, по Вашему мнению, угроза для национальной культуры Вашего народа?» (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

По всему массиву опрошенных, в общественном сознании дагестанских народов превалирует позиция, что со стороны других национальных культур, угрозы для национальной культуры их народа не существует. Во-первых, по мнению ногайцев (21,1 %), кумыков (24,3 %), лакцев (27,6 %), чеченцев (32,3 %), аварцев (33,0 %), даргинцев (35,4 %), русских (40,6 %), лезгин (42,7 %) и азербайджанцев (51,4 %) «из чужих национальных культур, культура моего народа берет только самое лучшее». Во-вторых, чеченцы (51,6 %), ногайцы (47,4 %), лезгины (40,0 %), аварцы (32,3 %), азербайджанцы (29,7 %), кумыки (28,5 %), даргинцы (27,8 %), лакцы (27,6 %) и русские (18,2 %) подчеркивают «национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияние чужой национальной культуры». Однако существуют и противоположные мнения: лакцы (17,2 %) и русские (12,6 %) считают, что «влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа»; лезгины (13,3 %), даргинцы (14,6 %), ногайцы (15,8 %), русские (16,1 %), лакцы (17,2 %), кумыки (25,3 %) и аварцы (18,4

%), придерживаются мнения – *«национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость»* и статистически небольшая часть русских (7,0 %) разделяет суждение *«национальная культура моего народа находится на грани исчезновения, ибо преобладает национальная культура соседних народов»*.

При этом «этноцентристы» подчеркивают утрату *«национальной культурой своего народа самобытности и неповторимости»* (20,2 %) и *«влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа»* (16,0 %), поэтому отмечают необходимость *«"очищения" культуры своего народа от влияния других культур»* и *«сохранения "чистоты" народа»*. «Этноиндифференты» *«часто чувствуют неполноценность из-за своей национальной принадлежности»* (17,5 %) и *«часто ощущают превосходство людей другой национальности»* (15,0 %) с мотивацией *«национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость»*. Носители позитивной этнической идентичности, разделяя суждение *«я такой человек, который любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов»* вместе с тем усматривают угрозу для национальной культуры своего народа и придерживается позиции *«национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость»* (16,7 %).

Опрошенные со средним специальным (17,2 %) и высшим образованием (21,6 %) считают, что под воздействием инонациональной культуры, этнокультура их народа теряет свою *«самобытность и неповторимость»*, впрочем, как и 15,4 % опрошенных в возрастной категории «до 20 лет», 19,9 % «от 20 до 40 лет» и 23,4 % «от 40 до 60 лет».

Таким образом, общественному сознанию опрошенных дагестанских народов характерны противоречивые мнения, с одной стороны, позитивная оценка инокультурного взаимодействия и взаимовлияния, с другой, хотя и небольшая доля респондентов, подчеркивают исходящую от иных национальных культур угрозу, причем носители всех типов этнической идентичности указывают на необходимость *«очищения»* культуры своего народа от чужого культурного влияния, чтобы сохранить свою этническую *«самобытность и неповторимость»*.

2.4. Стратегии межэтнического поведения дагестанских народов в полиэтнической среде

Тип этнической идентичности оказывает огромное влияние на характер межкультурного взаимодействия. При этом необходимо уточнить, что от степени выраженности различных уровней этнической идентичности, по типу «нормы», пассивной или деструктивной напрямую зависит характер межнационального общения, частотность этноконтактов, формирование толерантных и интолерантных установок в позициях контактирующих групп, предпочтение определенной стратегии межэтнического взаимодействия и поведения.

Причины возможной трансформации этнической идентичности предполагает изучение ее состояния и факторов деформации. В моноэтнической среде, как правило, этническая идентичность характеризуется как «нормальная», в то время как в полиэтнической среде подвержена всякого рода модификациям, которые большей частью формируются в этноконтактных зонах. По мнению Г.У. Солдатовой, «этноконтактная ситуация объединяет по меньшей мере две групповые позиции, каждая из которых имеет собственную социокультурную базу и свой исторический опыт. В то же время каждая групповая позиция кристаллизуется и развивается не сама по себе, а в контексте межгрупповых отношений, то есть при обязательном наличии других сторон. Поэтому, с одной стороны, в едином фокусе преломляются совокупности переменных различного уровня и качества. С другой стороны, процессы понимания, познания и взаимодействия в этноконтактной ситуации имеют характер даже не диалога, а монолога и этнически специфическую интенциональную природу: они направлены на представителей других этнических групп»¹.

Этносы, находящиеся в многонациональной среде добровольно или принудительно вынуждены вступать в межэтнические контакты, которые, по мнению ряда зарубежных исследователей, напрямую зависят от состояния межнациональных отношений. Например, М. Аргайл, А. Фернэм и Дж. Грэм придерживаются позиции, что одним из значимых элементов этноконтактной ситуации являются цели и интересы, мотивы и потребности, статус и роли, когнитивные концепты, а также правила, нормы и стратегии поведения ее участников, представляющих различные этнические группы. Выявление возможных

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 19.

противоречий между данными компонентами демонстрирует степень межэтнической напряженности.

Проблематика межэтнической напряженности, причины ее усиления рассматриваются в русле так называемых «контактных гипотез». Г. Олпорт основополагающим в снижении этноцентризма считает 1) равный статус контактирующих групп, 2) поощрение и поддержка властью межэтнических контактов, 3) кооперативное взаимодействие, предполагающее наличие общей цели. Данная концепция была дополнена Е. Амиром, который полагал, что осуществление межэтнического контакта на базе знакомства и психологической близости, а не как случайность позволит уменьшить межнациональную напряженность. С. Кук существенно дополнил данное положение, отметив, что соблюдение всех вышеназванных условий, благоприятное изменение установок возможно «на основе контакта с такой личностью из другой этнической группы, образ которой расходится с ее типичным представителем»¹.

Одновременно с этим отмечается, что не всегда этноконтакты могут привести к ослаблению межэтнической напряженности, соответственно, и улучшению межнациональных отношений. Возможны различные ситуации, когда необходимо избегать межэтническую коммуникацию, поэтому категорию «межэтнической напряженности» представляется необходимым рассматривать как существенный фактор в процессе взаимодействия народов, этнических групп и т.д.

Важную роль в этноконтактных зонах выполняет этническая граница, введенная в научный оборот Ф. Бартом, который подчеркивал, что основой выделения этнической группы является не столько культурное содержание, сколько границы, которые группа сама себе очерчивает. Вместе с тем необходимо отметить, что этническая граница в работе рассматривается как социально-психологическое явление, соответственно, культурные характеристики этнических групп не представляются значимыми при ее исследовании, потому что подвержены постоянным изменениям. По мнению Г.У. Солдатовой, «этническая граница – это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир на "чужих" и "своих" на основе этнической принадлежности. Это оппозиционная тенденция, а значит ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе и этноконтактную. Для этнической группы это, по меньшей мере, означает массовое осознание этнического членства и более или менее

¹ См.: Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 16 – 25.

внятно выраженную национальной элитой коллективную волю выделиться, обозначить и защитить свою культурную отличительность. Для членов группы становятся актуальными категориями общее название и разделяемая культура, вера в общее происхождение, ассоциирование себя с определенной территорией, общая историческая память и внутригрупповая солидарность»¹.

Контрарность «мы – они» лежит в основе формирования межэтнических отношений. Развитие в последующем позитивного или негативного климата межнационального общения зависит от характера взаимоотношений, например, отличия в суждениях, ценностях, способах поведения и чем ярче и осознаннее эти различия, тем сильнее выражено нежелание поддерживать отношения. Более того, этническая граница может превратиться в отчетливую демаркационную линию, если ее психологическое содержание дополняется территориальными, конфессиональными или лингвистическими эквивалентами. Этническая граница формирует феноменологическое поле межэтнической напряженности, организуя когнитивно-эмоциональные образования в глобальные системы понятий и в отечественной науке такой глобальной системой понятий является этническое самосознание, в западной – широко исследуемая «этническая идентичность» или «этничность»².

Характер отношений между представителями разной этнической принадлежности в социологии выявляется путем изучения межэтнических установок, определения готовности/неготовности к поддержанию отношений с людьми иной национальной принадлежности в различных сферах: деловой, соседской, дружеской, семейной. В межэтнических установках так же, как и в других, выделяют когнитивный, эмоциональный и регулятивный компоненты.

Исследователи отмечают важность автостереотипов и причины формирования негативных гетеростереотипов в процессе межэтнического взаимодействия. Как правило, в ситуации нестабильных межэтнических отношений доля отрицательных оценок, подчеркивание негативных коммуникативных и бытовых характеристик доминирует.

Для выявления социально-культурной дистанции применяют шкалу Богардуса, с помощью которой фиксируется готовность принять людей другой национальности как граждан государства, делового партнера, соседа, друзей, жену или супруга, сына, дочери, сестры, брата. Если человек готов к семейному, дружескому общению, то тем

¹ Солдатова Г.У. Указ. раб. С. 23.

² Там же. С. 25.

более он расположен к другим видам социальных контактов. В ходе многолетних исследований отечественными и зарубежными исследователями было установлено, что избегающие контакта с представителями какой-то одной национальности, как правило, преубеждены и против других.

Готовность к межэтническому общению в различных сферах жизнедеятельности человека (деловой, неформальной, в том числе семейной) находится под влиянием множества факторов. Например, в производственной сфере отношение к межэтническим контактам может формироваться как соперничество за рабочие места, особенно престижные, в том числе во властных структурах, обеспечивающих доступ к собственности. В то время как в семейно-брачной сфере установки на межэтническое общение находятся под сильным влиянием национальных традиций, часто тесно связанных с религиозными предписаниями: «у народов мусульманской культуры при добром расположении к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки»¹. Таким образом, межэтнические установки и поведение формируются в течение длительного исторического периода и зависят от социально-экономической, политической ситуации, уровня социально-экономического развития, наличия или отсутствия неравного статуса народов, а также психологических факторов (доверие, взаимное уважение и т.д.).

В нашем исследовании важным является изучение особенностей межэтнического общения в этноконтактных зонах республики. В ходе социологического опроса сознательно не затрагивался процесс стереотипизации, потому что респонденты очень «чувствительны» при оценке качеств, или другими словами характеристик, как своего, так и рядом проживающих народов. В основном внимание было акцентировано на процессе межэтнической коммуникации, ее характере и частотности этноконтактов (см. таб. № 17).

Социальная дистанцированность в многонациональном сообществе зависит от предпочтительности или избегания этноконтактирования и зрелость этнической идентичности характеризуется частотностью межнациональных контактов. С другой стороны, высокая/низкая степень интенсивности этноконтактов свидетельствует о стабильности или нестабильности межнациональной ситуации в полиэтнических территориях.

¹ Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003. С. 45.

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос «*Бывают ли у Вас этноконтакты с представителями других народов и как часто они случаются?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Совсем не контактирую	Контактирую постоянно	Контактирую редко	Контактирую вне работы, учебы и т.д.
Аварцы	11,5	52,4	21,9	6,9
Азербайджанцы	10,8	70,3	13,5	2,7
Даргинцы	15,8	62,0	16,5	3,2
Кумыки	13,5	50,7	29,5	5,2
Лакцы	6,9	75,9	13,8	0
Лезгины	1,3	81,3	5,3	10,7
Ногайцы	36,8	21,1	15,8	15,8
Русские	4,9	75,5	11,2	3,5
Чеченцы	19,4	67,7	9,7	3,2
Другие	20,8	62,5	12,5	8,3
Всего:	11,5	60,5	18,9	5,3

Полученные результаты констатируют, что дагестанские народы находятся в постоянном социальном взаимодействии и преобладает суждение «*контактирую постоянно*», причем практически не избегает межнационального общения большая часть опрошенных аварцев, азербайджанцев, даргинцев, русских, лакцев, лезгин и чеченцев. Выделяются, проживающие в полинациональном населенном пункте (с. Бабаюрт) «*совсем не контактирующие*» ногайцы. Далее «*редко*» вступают в межнациональное общение каждый третий опрошенный среди кумыков и аварцев, каждый четвертый среди ногайцев. Здесь необходимо уточнить, что в выборку включены, проживающие в Бабаюртовском районе кумыки и ногайцы и полученные результаты заставляют задуматься о состоянии межнациональной ситуации в этом районе, хотя в средствах массовой информации больше внимания обращают на взаимоотношения переселенцев-аварцев с местным населением. По совокупности результатов двух вариантов ответа «*совсем не контактирую*» и «*контактирую редко*» каждый третий опрошенный не вступает в межнациональное общение.

«Этноиндифференты» с представителями других народов «*контактируют постоянно*» (62,7 %), ибо для них «*в повседневном общении национальность не имеет значения*» и 62,3 % опрошенных «*го-*

товы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия».

«Этноцентристы» придерживаются мнения «взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей» (15,8 %), при этом каждый седьмой опрошенный «раздражается при близком общении с людьми других национальностей» (13,5 %) и избегает этноконтактирование; 12,4 % опрошенных «испытывают напряжение, когда вокруг себя слышат чужую речь».

По образовательному признаку, каждый седьмой опрошенный со средним и средним специальным образованием «совсем не контактирует» – 13,7 % и 14,4 %, соответственно, в то время как среди респондентов с высшим образованием доля таковых небольшая (8,8 %).

По возрастному критерию в этноконтактирование реже вступают респонденты в возрастной категории «до 20 лет», из которых 12,5 % «совсем не контактируют» и 23,8 % «контактируют редко». Выделяется старшее поколение в возрасте «от 60 лет и выше», несущественная часть которых «совсем не контактирует» (6,8 %).

В «контрольном» вопросе респондентов попросили охарактеризовать процесс межнационального взаимодействия (см. таб. № 18).

instituteofhistory.ru Таблица 18

Распределение ответов на вопрос «**Как бы Вы описали характер этноконтактов?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Контактирую с удовольствием	Контактирую в случае необходимости	Стараюсь избегать этноконтактов	При общении испытываю напряжение, дискомфорт
Аварцы	56,9	25,3	7,6	2,8
Азербайджанцы	54,1	21,6	16,2	2,7
Даргинцы	56,3	25,9	8,9	1,3
Кумыки	44,4	38,2	9,7	1,4
Лакцы	86,2	10,3	0	0
Лезгины	72,0	20,0	2,7	2,7
Ногайцы	68,4	15,8	5,3	0
Русские	51,0	38,5	4,2	2,1
Чеченцы	71,0	19,4	12,9	0
Другие	75,0	8,3	12,5	4,2
Всего:	56,3	28,4	7,8	1,9

Наше исследование показывает позитивную оценку межнационального общения и разница между суждениями «*контактирую с удовольствием*» и «*стараюсь избегать этноконтактов*» существенная. При этом среди опрошенных выделяются азербайджанцы, лакцы, лезгины и чеченцы. Противоречивое этническое поведение демонстрируют ногайцы, большая часть которых в первом вопросе подчеркнула позицию «*совсем не контактирую*», однако, во втором вопросе характеризуют процесс межнационального общения положительно – «*контактирую с удовольствием*». Таким же непоследовательным можно назвать и поведение опрошенных азербайджанцев и чеченцев, которые одновременно характеризуют этноконтактирование позитивно и при этом «*стараятся избегать*» межнационального взаимодействия. По всему массиву опрошенных статистически незначимая доля в процессе межэтнического общения «*испытывает напряжение и дискомфорт*» и относительно больше их среди аварцев, азербайджанцев и лезгин.

«Этноцентристы» «*контактируют в случае необходимости*», ибо «*испытывают напряжение, когда вокруг себя слышат чужую речь*» (38,4 %) и «*раздражаются при близком общении с людьми других национальностей*» (55,4 %).

Респонденты независимо от образовательного уровня «*контактируют в случае необходимости*» – 22,0 % со средним, 29,2 % средним специальным и 29,3 % высшим образованием. Среди избегающих межэтническое общение выделяются респонденты со средним образованием (12,9 %), хотя опрошенные со средним (57,3 %) и высшим образованием (60,2 %) «*контактируют с удовольствием*».

По возрастному признаку «*контактируют с удовольствием*» респонденты «от 20 до 40 лет» и «от 60 лет и выше» и среди них меньше всего избегающих межнациональное общение – 7,5 % и 6,8 %, соответственно. Результаты опроса констатируют, что для многонациональных районов республики характерна ориентация на поддержание межнационального контактирования, при этом вступающие в межэтническое общение положительно оценивают сам процесс и, доля, испытывающих в процессе этноконтактов отрицательные чувства, незначительна.

В процессе межнационального взаимодействия немаловажное значение имеет культурная схожесть, иными словами предпочтение отдается тем народам, которые обладают схожей системой материальной и духовной культуры (см. таб. № 19).

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос «*Какие народы Вам близки по обычаям, традициям и поведению?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Даргинцы	Лакцы	Кумыки	Лезгины	Русские	Никакой народ	Чеченцы	Все народы
Аварцы	63,5	33,7	15,3	27,4	10,1	9,4	2,8	2,8	2,1
Азербайджанцы	2,7	37,8	2,7	8,1	8,1	10,8	13,5	2,7	13,5
Даргинцы	31,0	42,4	8,9	25,9	6,3	10,1	6,3	1,3	3,8
Кумыки	19,1	28,1	9,0	48,6	9,0	5,9	11,5	4,9	1,4
Лакцы	51,7	41,4	55,2	27,6	17,2	10,3	3,4	3,4	0
Лезгины	16,0	8,0	13,3	6,7	45,3	12,0	18,7	2,7	6,7
Ногайцы	5,3	0	0	68,4	0	5,3	0	0	0
Русские	7,7	5,6	4,9	7,7	8,4	71,3	3,5	1,4	2,1
Чеченцы	51,6	9,7	6,5	22,6	6,5	9,7	16,1	35,5	3,2
Другие	50,0	12,5	8,3	16,7	8,3	12,5	25,0	37,5	4,2
Всего:	32,3	25,7	11,0	27,4	11,5	17,3	8,3	5,1	2,9

По всему массиву, опрошенные дагестанские народы близкими для себя по обычаям, традициям и поведению считают аварцев, на второй позиции располагаются кумыки, на третьей – даргинцы, на четвертой – русские. Респонденты-аварцы по этнокультуре близкими для себя считают даргинцев, кумыков и лакцев; даргинцы указывают на аварцев и кумыков; лезгины на аварцев, лакцев и русских; кумыки предпочтение отдают аварцам и даргинцам; лакцы выделяют аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и русских; небольшая доля русских близкими для себя считают аварцев, кумыков и лезгин; азербайджанцы – даргинцев и русских; чеченцы – аварцев и кумыков. Исследование показывает, что статистически небольшая часть опрошенных аварцев обозначают свою родственность по элементам духовной культуры с чеченцами, в то время как каждый второй опрошенный среди чеченцев считает аварцев близким для себя по традициям, обычаям и поведению. Основной массив опрошенных чеченцев совместно проживает с аварцами в с. Ленинаул Казбековского района и здесь межнациональная обстановка характеризуется как сложная, что обуславливает на психологическом уровне невосприятие чеченцами представителей аварского народа, которых они обвиняют в «присвоении» их земель,

домов и т.д. во время принудительного переселения в 1944 г. аварцев на территорию чеченцев-аккинцев.

На ухудшение межнациональных отношений может влиять престиж группы, который зависит и от того, какой уровень образования присущ ее членам в целом, какова их роль в формировании и воспроизводстве искусства, науки и политики¹. Л.М. Дробижева в сборнике исследований, посвященных социальному неравенству этнических групп, отмечает, что в постсоветской России «сложилась ситуация, когда в одних автономных республиках титульные национальности уже в течение сравнительно долгого времени имели свои высокообразованные кадры. Представители политической и культурной элиты не только широко и активно участвовали здесь в органах управления, создавали научные труды и произведения искусства, обучали молодежь, вершили судебные дела и т.п., но и стимулировали развитие национального самосознания, конструировали общественное мнение, способствовали сплочению своих этнических общностей. В ряде же других республик процесс формирования своей интеллигенции имел менее длительную историю, а у репрессированных народов был в силу известных причин приостановлен, деятельность по поддержанию статуса групп была не столь эффективна»².

Однако, относительно большая доля опрошенных лезгин, кумыков, азербайджанцев и чеченцев придерживается суждения, что им ни один из народов не близок по традициям, обычаям и этническому поведению. Далее относительная большая часть опрошенных азербайджанцев считает, что им «все народы» близки по духовной культуре. По возрастному критерию, респонденты «до 20 лет» обозначают культурное сходство с аварцами (45,0 %), кумыками (31,3 %) и даргинцами (16,7 %); «от 20 до 40 лет» указывают на аварцев (30,1 %), даргинцев (27,1 %), кумыков (23,1 %), русских (14,7 %), лезгин (11,8 %); «от 40 до 60 лет» выделяют даргинцев и кумыков (по 29,6 %), аварцев (24,3 %), русских (23,4 %), лакцев (13,0 %), лезгин (10,9 %); «от 60 лет и выше» ближе кумыки (37,0 %), русские (31,5 %), аварцы (34,2 %), даргинцы (31,5 %), лакцы (16,4 %) и лезгины (15,1 %). Заметно выше доля отметивших, что по этнокультуре им не близок «никакой народ» среди респондентов в возрастной подгруппе «от 20 до 40 лет» (10,5 %) и «от 40 до 60 лет» (7,1 %), впрочем, как и выделяют-

¹ Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 153.

² Дробижева Л.М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002. С. 29.

ся респонденты со средним специальным (9,1 %) и высшим образованием (8,0 %).

В следующем вопросе прослеживается последовательность позиций опрошенных, и они отметили народы, с которыми им комфортно поддерживать этноконтактирование (см. таб. № 20).

instituteofhistory.ru

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос «С какими из народов Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Даргинцы	Лакцы	Лезгины	Кумыки	Русские	Ни с каким дагестанским народом	Чеченцы	Со всеми, не имеете значения
Аварцы	61,5	36,8	24,7	19,8	39,2	33,0	1,0	9,0	14,2
Азербайджанцы	10,8	43,2	8,1	13,5	18,9	29,7	0	2,7	27,0
Армяне	55,6	55,6	55,6	44,4	55,6	66,7	0	44,4	11,1
Даргинцы	43,0	46,2	21,5	19,6	44,3	32,9	3,2	3,2	14,6
Кумыки	35,1	41,3	15,3	12,2	49,3	34,0	1,4	6,3	10,1
Лакцы	75,9	51,7	65,5	31,0	51,7	48,3	0	6,9	10,3
Лезгины	49,3	24,0	28,0	41,3	26,7	32,0	2,7	1,3	16,0
Ногайцы	26,3	21,1	5,3	0	52,6	36,8	0	5,3	0
Русские	29,4	27,3	16,1	23,8	25,9	56,6	1,4	6,3	14,7
Чеченцы	61,3	25,8	32,3	22,6	51,6	38,7	6,5	32,3	22,6
Другие	58,3	29,2	33,3	25,0	54,2	45,8	4,2	37,5	20,8
Всего:	44,9	37,0	22,0	20,1	40,6	37,2	1,9	8,0	14,0

Результаты опроса демонстрируют, что проживающие в полиэтнической среде народы предпочитают в процессе межэтнического общения отдавать 4 народам – аварцам, даргинцам, кумыкам и русским. С заметным разрывом располагаются лакцы и лезгины, при этом респонденты также предпочитают поддерживать добрососедские отношения «со всеми народами» и небольшая часть опрошенных избегает этноконтактирование.

Респонденты независимо от образовательного статуса межэтническое общение предпочитают с тремя дагестанскими народами: со *средним образованием* – с аварцами (52,0 %), кумыками (41,4 %) и даргинцами (30,8 %), *средним специальным* – с аварцами (39,7 %), кумыками (37,8 %), даргинцам (37,8 %), *высшим* – с аварцами (44,1 %), кумыками (41,7 %) и даргинцами (39,2 %). Далее выделяются несхожие по этнокультуре и исповеданию русские, с которыми комфортно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения и их отметили 24,7 % со средним, 35,9 % средним специальным и 41,7 % высшим образованием. По возрастному признаку предпочтение в процессе межнационального общения русским отдают респонденты «от 60 лет и выше» (50,7 %), «от 40 до 60 лет» (47,0 %), «от 20 до 40 лет» (34,8 %) и заметно ниже доля таковых среди опрошенных «до 20 лет» (22,1 %).

Далее респонденты указали на народы с кем они предпочитают не вступать в межнациональный диалог и избегают любой вид общения (см. таб. № 21).

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос «*С какими из народов Вам неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Даргинцы	Лакцы	Лезгины	Кумыки	Ногайцы	Нет таких народов
Аварцы	2,1	5,6	10,4	12,2	16,0	12,8	35,4
Азербайджанцы	5,4	5,4	10,8	10,8	10,8	5,4	54,1
Даргинцы	6,3	3,8	9,5	17,7	8,9	1,3	38,0
Кумыки	16,3	6,6	13,9	15,6	5,2	9,0	33,7
Лакцы	0	0	0	13,8	3,4	0	58,6
Лезгины	4,0	10,7	10,7	1,3	26,7	1,3	44,0
Ногайцы	10,5	5,3	5,3	21,1	31,6	0	10,5
Русские	16,8	7,7	6,3	6,3	4,9	4,2	42,7
Чеченцы	3,2	6,5	12,9	16,1	3,2	29,0	29,0
Другие	8,3	4,2	16,7	20,8	4,2	37,5	33,3
Всего:	8,7	6,1	10,4	13,2	10,6	8,2	37,6

В массовом сознании дагестанских народов доминирует суждение – «нет таких народов», с которым опрошенным было бы комфортно поддерживать межнациональное общение, хотя небольшая часть указала на аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин и ногайцев. Необходимо уточнить, что указывающие на ногайцев кумыки проживают на одной с ними территории, в то время как ногайцы практически на кумыков не указывают, а выделяют аварцев и лезгин. Респонденты «до 20 лет» не желают поддерживать межэтнические контакты с несколькими народами, среди них аварцы (10,8 %), лакцы (11,7 %), кумыки (11,3 %), ногайцы (14,6 %) и лезгины (16,7 %), в то время как «от 20 до 40 лет» отметили три народа – лакцев (11,8 %), кумыков (11,3 %) и лезгин (12,6 %); «от 40 до 60 лет» и «от 60 лет и выше» только лезгин – 12,4 % и 11,0 %, соответственно.

Респонденты со средним образованием демонстрируют низкую степень толерантности и выделяют несколько народов, с которыми им неприятно общаться, дружить и поддерживать добрососедские отношения. Среди них лакцы и кумыки (по 10,1 %), ногайцы (11,0 %), лезгины (16,3 %), хотя опрошенные с более высоким образовательным статусом – со средним специальным образованием придерживаются аналогичной позиции, отметив лакцев (10,5 %), кумыков (11,0 %) и лезгин (14,4 %), в то время как с высшим образованием указали только на 2 народа – лезгин (12,1 %) и кумыков (10,6 %). Таким образом, предположение, что степень толерантных установок зависит от образовательного уровня и возраста респондента, не подтверждается: интолерантность демонстрируют опрошенные обладающие как низким, так и высоким образовательным статусом, хотя проявление терпимости по отношению к представителям иных этнических образований проявляют представители старшего поколения. Также необходимо отметить, что респонденты, особенно старшего поколения, выражали свое недовольство сформулированными в анкете вопросами «*С какими из народов Вам приятно/неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?*» и посчитали их некорректными, поэтому большая доля опрошенных не обозначила своего мнения по этим вопросам. Причина, надо полагать, кроется в сохранившихся в сознании старшего поколения принципах интернационального воспитания, которые в постсоветской России оказались невостребованными и, предпринимаемые в последние годы органами государственной власти меры для преодоления существующих в данной области проблем во многом носят декларативный и половинчатый характер, поэтому не достигают желаемого результата.

В межэтническом поведении проявляется стремление опрошенных дагестанских народов обозначить свое отношение к совместному проживанию. Если по всему массиву опрошенных, в общественном сознании доминирует негативное отношение к переселению в свой населенный пункт представителей других народов, то при определенных условиях респонденты отмечают народы, с которыми они предпочли бы проживать на одной территории (см. таб. № 22).

Таблица 22

Распределение ответов на вопрос *«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то с каким народом предпочли бы жить?»* (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Даргинцы	Русские	Лакцы	Кумыки	Не имеет значения, безразлично	Аварцы	Чеченцы	Евреи	Мусульмане, арабы
Аварцы	13,5	14,6	2,8	9,0	26,7	2,1	3,5	0,7	2,8
Азербайджанцы	5,4	16,2	0	2,7	37,8	0	0	2,7	0
Даргинцы	1,9	16,5	1,3	7,0	35,4	10,1	1,9	0	0
Кумыки	8,0	20,5	0,7	0,3	25,7	8,3	1,7	0,3	0,7
Лакцы	6,9	6,9	0	3,4	41,4	10,3	6,9	0	0
Лезгины	6,7	10,7	1,3	0	44,0	13,3	1,3	0	1,3
Ногайцы	10,5	10,5	0	26,3	47,4	10,5	0	0	0
Русские	4,2	5,6	0,7	7,0	48,3	1,4	0	0,7	0
Чеченцы	6,5	9,7	0	12,9	19,4	12,9	0	0	6,5
Другие	0	8,3	0	12,5	16,7	16,7	0	4,2	8,3
Всего:	7,4	14,4	1,2	5,4	33,1	6,6	1,8	0,6	1,4

По всей выборке дагестанские народы подчеркивают, что для них *«никакого значения не имеет с кем проживать»*, в то же время предпочтение отдают русскому народу, хотя они как причину миграции русских из республики отмечали *«у нас разные обычаи, культура, поэтому совместно жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами трудно»*. Доля выбирающих совместное проживание с русскими относительно больше среди аварцев, азербайджанцев, даргин-

цев, кумыков, ногайцев и наименьшая среди лакцев. Из народов, которые имеют с ними культурное сходство опрошенные выделяют аварцев, даргинцев и кумыков.

Методической основой измерения межнациональных установок явилась шкала социальной дистанции Богардуса, позволяющая выявить психологическую готовность и ориентированность дагестанских народов к сближению или отторжению представителей инациональной общности независимо от их личностных характеристик. Суждение опрошенного на вопрос в качестве кого он принимает представителя другой этнической группы позволяет определить социальную дистанцию, определяемую респондентом между собой и другими этническими образованиями.

В нашем исследовании модифицированная шкала Богардуса включает 7 позиций, каждая из которых характеризует готовность принять представителя другой национальной принадлежности в различных сферах этноконтактирования (см. таб. № 23).

Приведенные в таблице результаты опроса демонстрируют отсутствие у опрошенных дагестанских народов явных этнических барьеров. Наиболее толерантно респонденты ориентированы на принятие представителя иной этнической принадлежности в качестве *«жителя республики»*, *«коллеги по работе»*, *«соседа по дому, квартире»*, *«партнера в совместном деле»*, и уже несколько снижается их позиция в отношении принятия *«непосредственным начальником»*, *«своего (-ей) супруга (-и)»* и *«супруга (-и) своих детей»*, т.е. социальная дистанция увеличивается на уровне семейно-брачных отношений.

Однако нужно учитывать, что декларируемое этническое поведение несколько отличается от реальной. При ориентации на межэтнические контакты во многих сферах межличностного общения (друзья, соседи, партнеры в совместном деле и т.д.) в практической жизни народам свойственно неприятие межнациональных браков, более того и их избегание. Наше исследование демонстрирует, что социальная дистанция, по сравнению с другими опрошенными, заметно выражена в позициях опрошенных аварцев, азербайджанцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин и чеченцев, которые дистанцируются от других народов. Причем негативное отношение к представителю иной этнической принадлежности проявляется в неприятии в качестве *«непосредственного начальника»* – здесь выделяются аварцы и азербайджанцы, впрочем, как и в семейно-брачной сфере. Опрошенные отрицательно относятся к смешанным бракам и невоспринимают как собственное, так и решение своих детей к заключению межнационального брака.

Таблица 23

Распределение ответов на вопрос «*Готовы ли Вы принять человека другой национальности в качестве...*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Жителя Вашей республики		Партнера в сов-местном деле		Непосредственного начальника		Соседа по дому, квартире		Коллеги по работе		Супруги (-а) Ваших детей		Вашей супруги (-а)	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Аварцы	81,6	2,4	65,3	14,9	48,3	30,9	72,9	9,7	73,6	7,6	41,0	36,8	42,4	35,4
Азербайджанцы	78,4	8,1	59,5	21,6	45,9	27,0	64,9	10,8	73,0	5,4	45,9	32,4	48,6	29,7
Даргинцы	77,2	5,1	67,1	13,3	55,1	21,5	72,8	7,0	74,7	1,9	48,7	30,4	45,6	32,3
Кумыки	72,6	5,2	56,9	13,9	46,5	23,3	63,5	8,0	69,8	4,9	38,2	30,2	37,8	28,5
Лакцы	82,8	0	82,8	0	72,4	10,3	72,4	10,3	79,3	10,3	51,7	31,0	55,2	27,6
Лезгины	88,0	6,7	74,7	14,7	61,3	25,3	81,3	10,7	78,7	8,0	49,3	38,7	48,0	40,0
Ногайцы	47,4	0	26,3	5,3	15,8	15,8	42,1	5,3	47,4	0	36,8	5,3	21,1	15,8
Русские	79,0	1,4	59,4	19,6	58,0	20,3	69,2	9,8	79,3	7,0	36,4	41,3	30,8	44,1
Чеченцы	93,5	3,2	87,1	9,7	77,4	16,1	83,9	12,9	83,9	6,5	48,4	41,4	51,6	41,9
Другие	91,7	4,2	83,3	8,3	75,0	16,7	83,3	8,3	83,3	4,2	54,2	37,5	54,2	37,5
Всего:	79,4	3,8	64,8	14,3	53,4	24,1	70,9	9,1	74,8	5,8	42,6	34,8	41,5	34,8

Довлльно подробно сеамейно-брачные установки дагестанских народов рассмотрены в исследованиях Э.М. Загирова¹.

По сравнению с другими возрастными категориями, относительную толерантность к межэтническому браку как собственному, так и своих детей демонстрируют молодые люди в возрасте «до 20 лет» – 50,0 % и 54,2 %, соответственно, в то время как по 37,4 % в возрастной категории «от 20 до 40 лет» отрицательно относятся к межэтни-

¹ *Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Загирова Э.М.* Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Республики Дагестан) // Вестник ИИАЭ. 2015. № 1 (41); *Загирова Э.М.* Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования // Кавказ и мир. Международный научный журнал. Тбилиси, 2015. № 20; *Загирова Э.М.* Роль религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов // Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: культурное проектирование и формирование нравственного облика молодежи» / под. Ред. Р.М. Абакаровой. Махачкала: ИП Гаджиева С.С., 2015 (3 – 6 ноября 2015 г.); *Vereshchagina A.V., Nurilova A.Z., Akimova A.A., Zagirova E.M.* The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic) // The Social Sciences. 2015. № 10 (9).

ческому браку своих детей и не принимают человека иной этнической принадлежности в качестве супруга (-и). Обе позиции разделяют опрошенные в возрасте «от 60 лет и выше» – 35,6 % и 32,9 %, соответственно. Далее, по сравнению с респондентами, имеющими низкий образовательный уровень, опрошенные с высшим образованием не воспринимают представителя иной этнической общности в качестве брачного партнера, как своих детей, так и своего (-ей) супруга (-и) – 37,0 % и 38,1 %, соответственно.

Далее в социологическом опросе выявлялась важность / неважность этнической принадлежности человека в разных сферах этноконтактирования (см. таб. № 24).

instituteofhistory.ru

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос «**В какой степени для Вас важна национальная принадлежность человека при выборе друзей/супруга (-и)?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	При выборе друзей			При выборе супруга (-и)		
	Для меня очень важна национальная принадлежность	Для меня не очень важна национальная принадлежность	Затрудняюсь ответить	Для меня очень важна национальная принадлежность	Для меня не очень важна национальная принадлежность	Затрудняюсь ответить
Аварцы	6,9	65,2	9,4	38,5	42,4	13,9
Азербайджанцы	13,5	81,1	0	21,6	62,2	10,8
Даргинцы	8,2	69,0	10,1	31,6	45,6	12,7
Кумыки	5,9	69,4	18,1	38,9	39,9	13,2
Лакцы	6,9	89,7	3,4	34,5	48,3	10,3
Лезгины	6,7	81,3	13,3	36,0	41,3	12,0
Ногайцы	26,3	63,2	5,3	31,6	42,1	15,8
Русские	9,8	74,1	8,4	45,5	39,2	9,1
Чеченцы	0	74,2	19,4	38,7	51,6	12,9
Другие	4,2	70,8	16,7	37,5	50,0	12,5
Всего:	7,9	74,5	11,6	38,6	42,2	12,3

¹⁴⁵**instituteofhistory.ru**

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что фактор этнической принадлежности при выборе друзей и партнеров по трудовой деятельности в наибольшей степени важен опрошенным азербайджанцам и ногайцам, и несущественен для остальных респондентов. По сравнению с другими опрошенными, сильно отличается позиция чеченцев, которые вообще не указали на значимость этнической принадлежности будущего друга.

По *возрастному признаку* на важность этнической принадлежности будущего брачного партнера обращает внимание каждый второй респондент в возрастной категории «от 60 лет и выше» (47,9 %) и «от 40 до 60 лет» (45,3 %), в то время как «до 20 лет» и «от 20 до 40 лет» подчеркивают незначимость национальной принадлежности партнера в смешанном браке – 42,9 % и 45,5 %, соответственно. Причем, доля указывающих на важность национальной принадлежности будущего брачного партнера, выше среди респондентов с высшим и средним специальным образованием – 41,1 % и 39,7 %, соответственно, и ниже среди имеющих среднее образование (32,2 %).

Отмеченное в массовом сознании относительное нежелание поддерживать межэтнические контакты свидетельствует о некоторой психологической изолированности опрашиваемых, диктуемых, видимо, желанием сохранить свой этнический облик, страхом подавления своей национальной культуры иными этнокультурами. Более того, можно сделать вывод о существовании в латентной форме интолерантных установок в их общественном сознании, демонстрируемое ими через избегание как межэтнического общения, так и нежеланием иметь представителя иной национальной принадлежности в качестве соседа, друга, начальника, брачного партнера и т.д. Вместе с тем в позициях респондентов проявляется тенденция снижения, характерной для недавнего прошлого, напряженности в межэтнических отношениях и для опрошенных актуализируется формирование культуры межнационального общения в полиэтнической среде. Наличие, хотя и относительно в слабой форме, интолерантности в процессах межнационального контактирования можно объяснить издержками воспитания, трансформациями российского общества, потерей многих ценностных установок социалистического периода.

ГЛАВА III. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

3.1. Религиозная идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности

Исследователи подчеркивают, что последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределенности культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и в большей степени содержат «примеси» классических религиозностей. Это проявляется в том, что «люди стремятся продемонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этнических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения»¹. По мнению М.П. Мчедлова, «в системе идентичностей ситуативные (социальные, политические, международные) отличаются как от примордиальных (этнических, религиозных) идентичностей не только своей длительностью, но и механизмом формирования. В первом случае превалируют сознательные, рациональные факторы, во втором – естественные (неизменные пол, раса), в третьем – немалую роль играет сила исторической инерции»².

Применительно к западным государствам Р. Норри подчеркивает, что независимо от религиозного состава европейских государств, конституционное и фактическое отделение церкви от государства больше будет положительным образом влиять на рост гражданского общества, причем религия будет все в большей степени присутствовать в гражданской религиозности и оказывать влияние не только на политическую сторону гражданского общества. При этом он убежден, что чем более независима от государства позиция церкви, тем в большей степени она оказывает влияние на религиозные убеждения и религиозную практику, причем отсутствие преференций по отношению к определенной религии способствует развитию «менее самодовольных», но более жизненно важных для общества религий³.

¹ Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 112.

² Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 33.

³ Каргина И.Г. Указ. раб. С. 112.

Происходящие не только в современной России, но во всем мире противоречивые религиозные процессы, свидетельствуют о тесной связи, вернее синтезе этнической и религиозной идентичностей, поэтому широкое распространение получила этноконфессиональная идентичность. В европейских странах остро обозначилась проблема миграции носителей иной религиозной веры, сопряженная с трудностями их социальной адаптации в инокультурной и иноэтнической среде. При этом мигранты проявляют своеобразие «этнического поведения» в форме нежелания приспособливаться в инонациональной среде: «не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население»¹.

В настоящее время не менее важным в российском обществе является определение численности идентифицирующих себя с определенной религией (православие, ислам, католицизм, протестантизм и т.д.), не говоря о национальных и других восточных религиозных течениях и сектах, которые получили широкое распространение на постсоветском пространстве. Отсутствие в переписи населения данных об отношении к религии вынуждает исследователей оперировать результатами социологических опросов. По данным Фонда «Общественное мнение» в 2000 г. доля православных христиан в России составляла 58 %, доля прочих христиан – 2 %, мусульман – 5 %, последователей других религий – 1 %, неверующих – 31 %.

По мнению исследователей, в начале 80-х гг. XX столетия религиозность населения в РСФСР определялась на уровне 25 %. Сегодня на этом же уровне измеряется нерелигиозность, т.е. за короткий срок количественные показатели религиозности и нерелигиозности населения поменялись местами. По данным ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение», доля неверующих россиян сократилась в период с 1989 г. по 2002 гг. с 53 % до 31 %. По данным Отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, доля неверующих снизилась в 1999 – 2005 гг. с 31 % до 22 % (см. таб. № 25)².

Увеличение степени религиозности уточняется понятием «о номинальности религиозных ориентаций людей», называющих себя верующими, которое подтверждается тем, что «доля воцерковленных людей значительно меньше, чем доля религиозного населения.

¹ Старые и новые лики национальной проблемы / Отв. ред. А.А. Галкин. М., 2005. С. 22.

² Чеснокова В.Ф. Тесным путем. М., 2005. С. 8.

Таблица 25

Распределение ответов на вопрос «*Верите ли Вы в Бога, и если да, то к какому вероисповеданию себя относите?*»
(РФ, 1989 – 2002 гг. % от числа опрошенных)

Отнесли себя к	1989	1990	1991	1992	1997	2000	2002
Неверующим	53	45	40	28	35	31	31
Православным	20	25	34	47	54	56	58
Верующим	9	13	10	10	7	8	7
Затруднились ответить	18	17	16	15	3	5	4

Но, во-первых, доля "церковного народа" составляет не 5 – 7 %, как утверждается во многих исследованиях, а 29 %. Во-вторых, качественные изменения идут вслед за количественными и осуществляются медленно»¹. В.В. Локосов и Ю.Ю. Синелина подчеркивают, что «уровень религиозности "использовал" экстенсивный потенциал роста и приближается к своей естественной границе, которая примерно находится на отметке 80 %. Далее начинается экстенсивный рост – воцерковление населения, которое тоже имеет свои ограничения. Ссылки на социокультурные и этнические причины конфессиональной идентификации населения справедливы. По мнению большинства россиян, влияние религии ограничено в социально-политической сфере и имеет основное направление воздействия в сфере духовно-нравственных отношений, этнокультурной преемственности. Но это не отрицает тенденции роста уровня и степени религиозности. Главное – люди идут к церкви, т.е. важен вектор, а "нерелигиозные" причины, даже если они в начальный момент определяют этот вектор, в дальнейшем могут отойти на вспомогательные роли. В целом, не преувеличивая значения и интенсивности роста религиозности, следует признать, что повышение социального статуса Церкви обусловлено реальными качественными изменениями отношения к религии со стороны значительного числа россиян»². Вместе с тем в России существует опасность политизации межрелигиозных отношений и характерное для исламских республик распространение радикальных течений является угрозой сохранению межнациональной, религиозной, политической и социальной стабильности.

¹ Локосов В.В., Синелина Ю.Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 107.

² Локосов В.В., Синелина Ю.Ю. Указ. раб. С. 107.

Далее исследователи, при изучении отношения к религии, подчеркивают важность применения критерия культурной религиозности, по которому, например, дагестанские народы являются приверженцами мусульманской религии, без подразделения их на суннитов и шиитов, не говоря о мазхабах. На тесную связь этнического и религиозного компонентов в идентификационных процессах обращает внимание А.В. Малашенко: «влияние ислама на формирование идентичности кавказцев в 90-е гг. возросло. В наибольшей степени это характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также карачаевцев и балкарцев. Для Дагестана являло себя верующим, в постсоветский период к этому пределу от 81 % до 95 %»¹. Иными словами, отечественной науке характерно рассматривать религию как существенный элемент культуры этнонаследия и из такого подхода необходимо вытекает понимание религии как неотъемлемого компонента в процессах воспроизводства этнической идентичности.

Поэтому в иерархии этнообъединяющих маркеров «религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности, вносит существенный вклад в формирование чувства "мы". Общая вера является значимым символом этногрупповой солидарности»². Однако, несмотря на то, что религия не выполняет роль ведущего этноинтегрирующего и этнодифференцирующего маркера, ее значимость в процессах становления этнической идентичности довольно высока. Далее религиоведы отмечают, что сегодня этноконфессиональная идентичность, складывающаяся на основе традиционных российских конфессий, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная мировоззренческая идентичность: социологические опросы показывают, что количество людей, идентифицирующих себя с той или иной религиозной традицией, оказывается значительно больше, чем количество верующих и стремящихся к соблюдению предписанных конфессией правил (касающихся как внешнего поведения, так и моральных норм)³.

¹ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 62.

² Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 62.

³ См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественной жизни современной России. М., 2005; Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006; Широкалова Г.С., Аникина А.В. Политический выбор РПЦ как фактор, определяющий ее будущее // Социологические исследования. 2007. № 10; К. Каарияйнен, Д. Фурман Религиозность в России в 90-е годы // URL: http://www/religare.ru/article_print.php?num=58; Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 100.

Исходя из роста исламского компонента в процессах этнокультурной идентификации мусульманских народов Северного Кавказа, А.В. Малащенко выделяет несколько ее уровней. На *первом уровне* («личностном») важным является вера во Всевышнего, хотя «получить объективные сведения на сей счет непросто даже при социологических опросах. Свидетельством в пользу роста религиозности служит то, что она всегда усиливается при обострении ситуации в обществе, во время войны, т.е. тогда, когда человек нуждается в дополнительной защите, в покровительстве высшей силы, которая дает ему душевный покой и апелляция к которой способна оправдать многие, в том числе спорные с точки зрения общественной морали поступки». *Второй уровень*, на котором реализуется влияние ислама на северокавказскую идентичность, – традиционно-обрядовый. Здесь степень приобщенности к исламу определяется регулярностью совершения обрядов, соблюдением исламских нормативов поведения, в том числе разного рода запретов. По данным на 1995 г., среди кавказских мусульман наибольшее значение соблюдению обрядности придают даргинцы (43 %), чеченцы (36 %), аварцы (34 %) и ингуши (28 %) ¹.

При рассмотрении типов социальной идентичности возникает вопрос о соотношении, входящих в ее структуру, разных типов идентичности. По мнению П.И. Пучкова, «этнические и конфессиональные общности – два разных вида социальных общностей людей. Нередко они функционируют на одном территориальном пространстве и представлены в одной совокупности людей. При этом границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой» ².

Проблема соотношения национального и религиозного образований имеет длительную историю. В советский и постсоветский периоды при подготовке переписи населения, этот вопрос неоднократно поднимался и обсуждался. Если в дореволюционный период определение соотношения этнического и конфессионального относительно спокойно воспринималось, то в 1937 г. такая попытка была жестко пресечена, потому что в «новом атеистическом обществе», разумеется, невозможно было ставить вопрос о степени религиозности применительно к новому поколению людей, которые строили социалистическое (атеистическое) общество. Однако и в «другой», в современ-

¹ Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 63.

² Пучков П.И. Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 87.

ной России, со свободой вероисповедания, включить пункт о соотношении национального и религиозного компонентов в программу переписи населения, к сожалению, не удалось. Существование такого подхода, не поддающегося научному объяснению, создает определенные сложности для исследователей. В связи с этим возникает вопрос: «Зачем нужно выявлять соотношение этнического и конфессионального?». А это имеет несколько аспектов, в частности, «выяснение приоритета этнического или религиозного в сознании человека, определение конфессиональной структуры этносов, определение этнического состава конфессий, возникновение этноконфессиональных групп и т.д.»¹.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что тесная связь между этническим и религиозным составляющими значительно выпячивается в ситуации межнационального или религиозного противостояния, потому что очень часто национальные конфликты окрашиваются в межрелигиозные, и наоборот. По мнению Э. Паина, «сегодня невозможно предсказать, где именно проявится очаг (межэтнического противостояния – Авт.), поскольку этнические конфликты все теснее переплетаются с религиозными, а последние – с терроризмом. В Волгограде на следующий день после теракта 21 октября 2013 г., неизвестные забросали "коктейлями Молотова" здание мечети. Еще через два дня произошла вторая попытка отомстить за теракт поджогом мечети, уже расположенной в другом районе города»².

По мнению Г.Н. Юсуповой, для многих этнических групп религия является неотъемлемой и важной частью культуры. В целом религия имплицитно присутствует в любой культуре: Р. Вильямс рассматривал религию в двух смыслах: как культуру и как идеологию. Религия как культура, по его мнению, формирует идентичность, чувство солидарности, влияет на моральные отношения членов группы, мотивирует верующих к действиям. Религия как идеология влияет на политические отношения, поскольку она играет важную роль в создании символических миров, где разделяют данную систему мировоззрения. В этом смысле религия влияет на политическую жизнь как бы «за спиной» участников; ее влияние часто бывает эффективным без активного осознания теми, кто его испытывает. В своих рассуждениях ученый ссылается на Р. Ватноу и М. Виттена, называвших религию «неявной» культурой, паттерны которой так глубоко укоренены в

¹ Пучков П.И. Указ. раб. С. 88.

² Пайн Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1 – 2 (62). С. 43.

обществе, что часто не осознаются. В совершенно различных вопросах политические соперники используют «культурную власть» религиозных символов, чтобы заставить их работать на общественную повестку дня. Как отмечает Ф. Паркин, практики исключения часто оправдываются отсылками к различиям вероисповеданий, цвета кожи, языков. В реальности, когда речь идет о легитимации особого статуса этнической группы, если она отличается и по вероисповеданию, различия между факторами религиозности и этничности редко бывают четкими. По мнению американского ученого С. Апплеби, «религия и этническая принадлежность часто взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга». Это происходит из-за того, что, стремясь к религиозной эндогамии, группа, проживающая в полиэтничном сообществе, воспроизводит этническую эндогамию¹.

В связи с вышесказанным, в рамках данного исследования для нас важно установление значимости этнической и религиозной идентичностей в массовом сознании дагестанских народов, выявление существующей между ними взаимосвязи. В работе уже было отмечено, что религия, как неотъемлемая часть традиционного культурного наследия, является значимым элементом этнической идентичности. На взгляд автора, не совсем правильным является рассмотрение актуализации мусульманской идентичности не как возрастающей религиозной активности населения и его возврат к мусульманской вере, а скорее как повышение потребности в устойчивых культурно-цивилизованных характеристиках в жизни индивида и общества².

Автор придерживается позиции, что наряду с такими критериями этнической принадлежности как «язык», «культура», «обычаи и обряды», «территория (родная земля, природа)», религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности и играет важную роль в процессах формирования этногрупповой солидарности. По мнению Л.С. Васильева, уже на самых ранних этапах развития общества в феномене этноцентризма наиболее наглядно проявилась интегрирующая функция религии: «любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения»³.

¹ Цит. по: Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 155.

² Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009. С. 134.

³ Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1983. С. 5.

В нашем социологическом исследовании 2014 г. респондентам заново был задан вопрос, позволяющий определить индикаторы воспроизводства этнической идентичности и место маркера «религия» в иерархии этноопределителей (см. таб. № 26).

Таблица 26

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего:
Национальный язык	65,7	70,0	68,8	67,2	70,4	69,3	57,4	51,4	65,8	65,5
Национальные традиции и обычаи	71,0	65,0	77,9	72,1	70,4	62,8	57,4	59,5	78,1	68,5
Совместная жизнь на определенной территории	48,5	31,7	40,3	52,5	37,0	34,3	28,7	48,6	38,4	41,3
Религия	60,2	53,3	49,4	62,3	44,7	50,4	44,4	45,9	53,4	54,0
Национальная литература, народное творчество, национальная музыка	23,8	25,0	36,4	34,4	40,7	33,6	29,6	16,2	32,9	28,8
Национальная одежда, жилище, быт	17,3	13,3	11,7	8,2	22,2	9,5	5,6	16,2	9,6	12,8
Историческая территория моего народа	27,2	30,0	40,3	18,0	25,9	24,1	18,5	24,3	21,9	25,8
Общность характера, схожесть поведения	19,8	20,0	27,3	29,5	33,3	19,7	47,2	35,1	24,7	25,8
Историческое прошлое	26,2	33,3	31,2	34,4	37,0	31,4	36,1	37,8	27,4	30,5
Ничего не объединяет	0,9	0	2,6	1,6	0	2,9	5,6	0	0	1,8

По всему массиву опрошенных доминирует индикатор «*национальные традиции и обычаи*», на второй позиции располагается «*национальный язык*», на третьей «*религия*», на четвертой «*совместная жизнь на определенной территории*», на пятой – «*историческое прошлое*». В этой связи возникает вопрос «Почему признак "национальный язык", который всегда доминировал над другими индикаторами, хотя и с небольшой разницей, но занимает вторую позицию?». Ответ кроется в том, что в выборочную совокупность попал большой массив городского населения, и, как известно, в городской местности статус национального языка заметно снижен и он не является, как в сельской местности, в котором общение в основном происходит на родном языке, для респондентов значимым этнообъединяющим индикатором. Так в суждениях 63,8 % опрошенных в сельской местности признак «*национальный язык*» доминирует, маркер «*национальные традиции и обычаи*», с небольшой разницей, занимает второе ранговое место (60,3 %), в то время как в позициях горожан индикатор «*национальные традиции и обычаи*» занимает первое место (70,8 %), а «*национальный язык*» второе место (66,0 %). При этом из массива выделяются опрошенные, исповедующие ислам, больше половины которых указали на «*религию*» в качестве этноинтегрирующего индикатора (55,3 %).

Представляется необходимым, в рамках изучаемой проблематики, показать иерархию этнообъединяющих маркеров по типу религиозности респондентов (см. таб. № 27).

Приведенные в таблице № 27 результаты опроса показывают, что для «убежденно верующих» и «верующих» маркер «*религия*» имеет большое значение, в то время как в других подгруппах ее важность заметно ниже. В то же время можно констатировать, что независимо от религиозных убеждений респондентов, так называемые этнические признаки доминируют над индикатором «*религия*». При этом доля выбравших суждение «*ничего не объединяет*», относительно больше в подгруппах «колеблющихся» и «неверующих». Таким образом, для опрошенных дагестанских народов важнейшими этноинтегрирующими маркерами являются этнические признаки и тип религиозности не влияет на выбор того или иного индикатора, несмотря, например, отсутствие в исламском вероучении дефиниции «этнос», при значимости понятия «умма», основанное именно на конфессиональной принадлежности человека.

Таблица 27

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Уровень религиозности	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Национальный язык	66,4	66,3	56,3	47,6	50,0	65,2
Национальные традиции и обычаи	64,9	73,8	56,3	47,6	25,0	68,5
Совместная жизнь на определенной территории	43,8	41,4	29,2	33,3	25,0	41,4
Религия	58,6	54,6	37,5	28,6	0	54,3
Национальная литература, народное творчество, национальная музыка	23,8	29,5	35,4	42,9	0	27,8
Национальная одежда, жилище, быт	14,9	12,8	2,1	9,5	25,0	13,0
Историческая территория моего народа	27,4	25,6	27,1	9,5	25,0	26,0
Общность характера, схожесть поведения	24,1	27,3	22,9	23,8	25,0	25,7
Историческое прошлое	30,1	31,7	35,4	19,0	50,0	31,1
Ничего не объединяет	0,9	1,8	6,3	9,5	0	1,9

Установление компонентов воспроизводства этнической идентичности предполагает выявление соотношения типов социальной идентичности и их выраженность в массовом сознании дагестанских народов (см. таб. № 28).

По всей совокупности опрошенных, равные позиции имеют осознание себя на территории Дагестана «*представителем дагестанского народа*» и «*россиянином*», и по сравнению с социологическим опросом 2013 г., национально-государственная идентичность вплотную приблизилась к республиканской. Также можно заметить и укрепление позиций этнической идентичности. В то же время религиозная идентичность, «*осознание себя представителем своей религии*», занимает предпоследнее место, пропустив вперед другие типы социальной идентичности.

Таблица 28

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Представителем своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии (ислама, православия и т.д.)
Аварцы	16,4	26,9	33,0	4,6	20,4
Азербайджанцы	21,7	33,3	31,7	10,0	5,0
Даргинцы	19,5	37,7	19,5	5,2	18,2
Кумыки	14,8	44,3	18,0	6,6	14,8
Лакцы	22,2	33,3	22,2	11,1	18,5
Лезгины	16,8	32,8	30,7	10,2	12,4
Русские	24,1	24,1	48,1	5,6	3,7
Чеченцы	16,2	18,9	29,7	13,5	18,9
Другие	16,4	42,5	24,7	12,3	9,6
Всего:	18,0	31,1	31,1	7,3	14,6

Практически все опрошенные последовательны в своих позициях – подчеркнув важность маркера «религия» как этноопределителя, они, хотя и не столь ярко, самоидентифицируются как последователи определенной конфессии. Из общего массива выделяются респонденты-азербайджанцы: каждый второй из опрошенных выделил «религию» как этноинтегрирующий маркер, однако среди них меньше всего осознающих себя «представителем своей религии», хотя доля «убежденно верующих» и «верующих» среди азербайджанцев довольно высока – 38,3 % и 48,3 %, соответственно, более того, позицию «неверующие» и «убежденно неверующие» не отметил ни один из опрошенных азербайджанцев.

Аналогичное респондентам-азербайджанцам противоречивое поведение демонстрируют опрошенные русские, у которых по значимости маркер «религия» в иерархии этнопризнаков занимает чет-

вертое место, но осознают себя «представителем своей религии» статистически незначимая доля. Для характеристики группы со слабовыраженной религиозной идентичностью, можно применить предложенную С.В. Рыжовой классификацию типов православной идентичности: *первый тип* – *внеинституциональная* православная идентичность, носителями которой являются стихийно верующие, невоцерковленные христиане, которые, будучи крещеными, называют и считают себя православными, но не участвуют в таинствах церкви.

Они отличаются тем, что отказывают или уходят от институционализации, по самым разнообразным причинам. Второй тип – *групповая* по форме православная идентичность, которая формируется в результате социализации в православном социуме через приобщение к нормам вероисповедания, жизни и поведения. Благодаря своим институциональным рамкам она существенно поддерживает чувство психологической безопасности, давая возможность реализоваться многим социальным и экзистенциальным потребностям человека.

Третий тип – *индивидуально-личностная* православная идентичность, складывающаяся как результат личного общения христианина с Богом, вовлекает его в пространство мистического христианства и содержит крупицы индивидуального опыта, представленного в святоотеческой литературе и слагаемого собственными попытками следования аскетическому христианскому пути. Четвертый тип – *социально-личностная* православная идентичность, в отличие от предыдущей, нацеленная на деятельностное преобразование мира. Ее отличительная черта – открытость к любому социальному взаимодействию, принятие мира в его многообразии. Если индивидуально-личностная идентичность черпает силы в этике монашеского служения, то социально-личностная идентичность остро нуждается в «мирянской» социальной этике православного участия, ориентированной на современный мир, в богословской разработке которой, по оценкам экспертов, присутствует явный дефицит¹.

Далее степень выраженности типов социальной идентичности показывает заданный респондентам «контрольный вопрос» (см. таб. № 29).

¹ Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. С. 180 – 182.

Таблица 29

Распределение ответов на вопрос «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?»
(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	С представителями своего народа	С представителями всех дагестанских народов	С россиянами	С людьми моей религии	С людьми одного возраста со мной	С людьми близкими мне по политическим взглядам	С людьми моей профессии	Ни с кем из перечисленных выше групп
Аварцы	25,0	37,0	25,3	42,3	9,3	5,6	12,0	0,6
Азербайджанцы	35,0	51,7	26,7	5,0	8,3	1,7	5,0	8,3
Даргинцы	26,0	49,4	20,8	29,9	11,7	6,5	6,5	1,3
Кумыки	26,2	59,0	13,1	14,8	4,9	4,9	4,9	1,6
Лакцы	25,9	63,0	14,8	25,9	14,8	0	14,8	0
Лезгины	30,7	51,1	28,5	19,7	13,1	8,8	2,9	1,5
Русские	27,8	37,0	22,2	10,2	30,6	13,0	20,4	2,8
Чеченцы	16,2	32,4	29,7	27,0	2,7	8,1	10,8	0
Другие	23,3	50,7	23,3	23,3	19,2	4,1	0	4,1
Всего:	26,5	44,4	24,0	28,1	13,6	6,5	9,3	1,6

Полученные на вопрос «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» результаты показывают совершенно иное поведение опрошенных. Если в вопросе «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» в массовом сознании дагестанских народов, в равной степени, проявились республиканская и национально-гражданская типы идентичности, то чувство общности опрошенные ощущают с «представителями всех дагестанских народов» и данный фактор, с заметным отрывом, доминирует над другими; на второй позиции располагается чувство общности «с людьми своей религии» и на третьей «с представителями своего народа», отодвинув на четвертое место ощущение чувства общности «с россиянами». Выделяются респонденты-аварцы, поставившие на первое место важность чувства общ-

ности «с представителями своей религии», у даргинцев на втором месте, у чеченцев на третьем месте. Последовательны в своих позициях опрошенные азербайджанцы и русские, у которых чувство общности «с людьми своей религии» находится на невысоком уровне и, если можно так сказать, ее идентификационный «вес» заметно ниже, по сравнению с другими типами социальной идентичности.

В отличие от носителей мусульманской религии, для православных важным является поколенческая идентичность, в форме осознания общности с людьми одного с ними возраста, также среди них выше доля отметивших сопричастность с людьми одной профессии и близких им по политическим взглядам. По сравнению с православными, в идентификационных процессах мусульман чувства поколенческой, профессиональной и политической общности оказываются практически неважными – 11,3 %, 7,8 % и 5,7 %, соответственно. Далее каждый четвертый опрошенный, исповедующий ислам и православие, подчеркивает значимость этнической идентичности; среди мусульман, по сравнению с православными (10,21 %), в три раза больше осознающих свою сопричастность с представителями своей религии (30,5 %). Таким образом, можно сделать вывод о наличии у опрошенных дагестанских народов глубоких расхождений при выборе оснований в определении типа социальной идентичности и чувства общности.

В разрезе отношения к религии («убежденно верующие»), как и следовало ожидать, подчеркивают свою общность «с людьми своей религии» (42,3 %), в отличие от «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», для которых важнее чувство общности «с представителями всех дагестанских народов» – 49,8 %, 47,9 %, 42,9 % и 25,0 %, соответственно. При этом, по сравнению с другими подгруппами, большей части «колеблющихся» (29,2 %) и «неверующих» (38,1 %) характерна демонстрация национально-государственной идентичности через ощущение общности «с россиянами». В этой связи актуально звучит мысль дагестанских исследователей, что «с кризисом межнациональных отношений в Дагестане религиозное сознание все более активно выступает как средство возрождения и развития этнонационального самосознания коренного населения региона...

Тенденции к интеграции населения по конфессиональным и национальным признакам проявляется все заметнее, но, тем не менее, пока не стала определяющей. Этому препятствуют политические, социально-экономические интересы определенных групп и этносов,

сложные миграционные процессы. В результате осложнились отношения между различными этническими группами, в том числе принадлежащими к одной конфессии, что нередко ведет к конфликтным ситуациям»¹.

Безусловно, исторически сложившееся переплетение религиозной и этнической принадлежности следует учитывать при анализе отношения дагестанских верующих к национальным проблемам, поэтому в ходе исследования религиозной идентичности была поставлена задача определить статусы (значимость/незначимость) религиозной и национальной принадлежности и их соотношение в массовом сознании дагестанских народов (см. таб. № 30).

Таблица 30

Распределение ответов на вопрос «*Какое из суждений для Вас важнее?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна только моя религиозная принадлежность	Для меня очень важна только моя национальная принадлежность	Для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности	Для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности
Аварцы	19,4	3,1	62,7	7,1
Азербайджанцы	20,0	10,0	48,3	13,3
Даргинцы	16,9	7,8	63,6	6,5
Кумыки	11,5	6,6	68,9	8,2
Лакцы	14,8	14,8	51,9	18,5
Лезгины	24,1	5,8	52,6	12,4
Русские	9,3	9,3	31,5	38,0
Чеченцы	37,8	5,4	40,5	8,1
Другие	19,2	5,5	54,8	9,6
Всего:	18,8	6,0	55,1	12,6

¹ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 60 – 61.

Полученные результаты опроса показывают характерную опрошенным «двойственную» или «множественную» идентичность, т.е. желание одновременно демонстрировать важность *«национальной и религиозной принадлежности»*. Каждый второй опрошенный подчеркивает, что для него *«очень важна религиозная и национальная принадлежности»* и таковых больше среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин. Разделяющих это суждение, по сравнению с другими опрошенными, относительно меньше среди русских, причем каждый третий из них с небольшой разницей подчеркивает противоречивые позиции: *«для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности»* и *«для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности»*. Придерживающихся позиции *«для меня очень важна только моя национальная принадлежность»* меньше всего среди опрошенных аварцев и чеченцев. Сравнение полученных результатов по двум вопросам **«С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?»** и **«Какое из суждений для Вас важнее?»** показывает существующую в массовом сознании опрошенных противоречивость: с одной стороны, наблюдается актуализация этнической идентичности дагестанских народов, важность осознания чувства общности с представителями своего народа, с другой стороны, респонденты подчеркивают незначимость конкретно национальной принадлежности, при превалировании позиции *«для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности»*, сопровождающийся тесной связью между этими двумя типами социальной идентичности. Иными словами, наше исследование демонстрирует характерную дагестанским народам этноконфессиональную идентичность. Исторически российским народам, в нашем случае дагестанским, свойственно демонстрировать, вернее, отождествлять два фактора – национальный и конфессиональный: *«часто на уровне обыденного сознания, понятие "мусульманин" приобретает не только религиозное, но и этническое содержание»*¹.

Акцент на значимости своей национальной принадлежности делает статистически небольшая группа опрошенных среди *«убежденно верующих»* (5,4 %) и *«верующих»* (4,6 %); доля подчеркивающих важность этнической принадлежности среди *«колеблющихся»* и *«неверующих»* почти в 2 – 4 раза выше – 10,4 % и 19,0 %, соответственно.

¹ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Указ. раб. С. 60.

Заметны расхождения между суждениями о важности национальной и религиозной принадлежности в разрезе отношения к религии. Подгруппы «убежденно верующих» (56,3 %) и «верующих» (59,7 %) подчеркивают важность *«религиозной и национальной принадлежности»*, в отличие от «колеблющихся» (39,6 %), «неверующих» (47,6 %) и «убежденно неверующих» (100 %) придерживающихся позиции *«для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности»*. Подгруппы мусульман (58,3 %) и православных (31,5 %) отмечают важность *«национальной и религиозной принадлежности»*, хотя каждый пятый опрошенный среди мусульман подчеркивает важность только *«религиозной принадлежности»*, а таковых среди православных каждый одиннадцатый опрошенный.

С целью глубокого изучения значимости религиозной идентичности в массовом сознании дагестанских народов им был задан «контрольный вопрос» (см. таб. № 31).

Таблица 31

Распределение ответов на вопрос **«В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?»** (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Аварцы	71,9	6,5	1,5
Азербайджанцы	46,7	21,7	1,7
Даргинцы	58,4	11,7	3,9
Кумыки	67,2	14,8	1,6
Лакцы	59,3	25,9	0
Лезгины	51,1	17,5	2,9
Русские	29,6	24,1	22,2
Чеченцы	62,2	5,4	0
Другие	57,5	17,8	2,7
Всего:	58,6	13,7	4,4

Конкретизация вопроса показывает изменение в суждениях респондентов: если в вопросе **«Какое из суждений для Вас важнее?»** опрошенным характерна демонстрация «двойственной идентичности», можно сказать этноконфессиональной идентичности, (*«для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности»*), то

во втором вопросе, больше половины опрошенных подчеркивают суждение «*для меня очень важна моя религиозная принадлежность*», причем наблюдается рост значимости конфессиональной принадлежности даже в тех подгруппах, которые не выделяли маркер «*религия*» в качестве этноинтегрирующего компонента, не осознавали себя «*представителем своей религии*» и не испытывали чувство общности «*с представителями своей религии*».

В разрезе отношения к религии, «убежденно верующие» (70,8 %) и «верующие» (57,5 %) подчеркивают важность своей религиозной принадлежности, в то время как «колеблющиеся» (41,7 %) и «неверующие» (38,1 %) последовательны в своих позициях и отмечают суждение «*для меня не очень важна моя религиозная принадлежность*»; «убежденно неверующим» (75,0 %) ближе позиция – «*для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность*». Респонденты, исповедующие мусульманство, подчеркивают важность «религиозной принадлежности» (62,6 %), а среди православных доля таковых в 2 раза меньше (29,6 %). Надо отметить, что в позициях православных наблюдается «размытость» в определении статуса (важности/неважности) религиозной принадлежности: так каждый четвертый опрошенный (24,1 %) придерживается суждения «*для меня не очень важна моя религиозная принадлежность*» и каждый пятый (22,2 %) «*для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность*». По совокупности суждений – *для меня не очень важна моя религиозная принадлежность*» и «*для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность*» – в общественном сознании православных превалируют над позицией о значимости конфессиональной принадлежности. Разделяющих эти позиции среди мусульман, по сравнению с православными, значительно меньше – 12,3 % и 2,0 %, соответственно.

Рост религиозности рассматривают как меру религиозной идентичности, потому что «уровень религиозности принято считать базовой характеристикой религиозной идентичности»¹. Кроме того, критериями определения уровня религиозности являются индикаторы, определяющие отношение к вере («Верите ли Вы в Бога?», «Вы верующий?») и религиозное поведение, выражающееся в религиозной практике (соблюдение религиозных обрядов, ритуалов, выполнение религиозных предписаний и в данном контексте очень важным является частотность их соблюдения). В современной науке есть понятия

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня.... С. 111.

«традиционно верующие», соблюдающие религиозные обряды и обычаи и «номинально верующие», не соблюдающие религиозные обычаи и обряды. В нашем опросе мы также решили выявить степень выраженности религиозности у дагестанских верующих (см. таб. № 32).

instituteofhistory.ru Таблица 32

Распределение ответов на вопросы «*Вы верите в Бога?*» и «*К какой религии Вы себя относите?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им	98,2	93,0	54,2	23,8	25,0	90,8
Я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы	1,2	0,4	0	4,8	0	0,8
Я допускаю существование Аллаха (Бога) или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом	0	5,3	37,5	54,2	0	6,1
Я не верю в Аллаха (Бога), я атеист	0	0,7	2,1	14,3	75,0	1,2
К исламу	90,8	75,6	45,8	23,8	25,0	78,3
Православию	2,4	12,8	14,6	23,8	0	9,0
В Аллах (Бога) верю, но не исповедую конкретную религию	0,6	3,7	16,7	23,8	0	3,7
Я себя ни к какой религии не отношу, я атеист	0	0,4	4,2	28,6	75,0	1,5

instituteofhistory.ru

Сравнение результатов двух вопросов «*Вы верите в Бога?*» и «*К какой религии Вы себя относите?*» показывает, что в массовом сознании дагестанских верующих доминирует суждение «*я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им*», при этом доля причисляющих себя к конкретной религии заметно ниже. Далее результаты нашего исследования показывают противоречивость в проявлении

религиозности опрошенных: каждый четвертый опрошенный в подгруппах «неверующий» и «убежденно неверующий» подчеркивает «*я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им*», при одновременной самоидентификации с конкретной религией. Более того, разница между суждениями «*я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им*» и «*я не верю в Аллаха (Бога), я атеист*» довольно высока, причем доля идентифицирующихся как атеисты статистически незначима, и таковых больше в подгруппах «неверующих» и «убежденно неверующих».

В первой главе была охарактеризована, предложенная Н.П. Алексеевым классификация основных мировоззренческих групп: верующие (активные, пассивные), неверующие (активные, пассивные), колеблющиеся (последовательные, непоследовательные). Если применить данную методику в отношении дагестанских верующих, внутри групп «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих» обнаруживаются подгруппы соответствующие данной классификации. Результаты нашего опроса показывают, что только каждого седьмого опрошенного из подгруппы «неверующих» и каждого второго опрошенного из подгруппы «убежденно неверующих» можно отнести к подгруппе активных, которым ближе позиция «*я не верю в Аллаха (Бога), я атеист*», но при этом они самоидентифицируются как последователи мусульманской религии.

В то же время каждый четвертый опрошенный в этих же подгруппах разделяет мнение «*верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им*», соответственно обозначает свою принадлежность к исламу/православию. Полученные результаты являются основой и для другого вывода: так если суммировать ответы «неверующих», которые отнесли себя «*к исламу*» (23,8 %), с вариантами «*в Аллаха (Бога) верю, но не исповедую конкретную религию*» (23,8 %) и «*я себя ни к какой религии не отношу, я атеист*» (28,6 %), то по совокупности они превалируют над самоидентификацией с конкретной религией (исламом или православием). Таким образом, с одной стороны, данная группа обозначают важность конфессиональной принадлежности, с другой, для нерелигиозной части населения не характерен рост конфессиональной самоидентификации.

Для полноты картины мы решили определить уровень религиозности у самоидентифицирующихся последователями ислама и православия: среди представителей мусульманской религии доля «верующих» составляет 48,2 %, «убежденно верующих» – 42,9 %, «колеблющихся» – 3,1 %, «неверующих» – 0,7 %, «убежденно неверующих»

– 0,1 %; среди православных доля «верующих» равна 69,9 %, «убежденно верующих» – 9,6 %, «колеблющихся» и «неверующих» 8,4 % и 6,0 %, соответственно.

Не менее важным в ходе исследования является выявление существующих в массовом сознании дагестанских народов тенденций относительно самоидентификации с конкретной религией и степенью религиозности, поэтому в ходе анализа были сопоставлены вопросы об отношении к вере и самоидентификации (см. таб. № 33).

Таблица 33

Распределение ответов на вопросы «*Вы верите в Бога?*» и «*К какой религии Вы себя относите?*» (%)

Варианты ответов	Я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им	Я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы	Я допускаю существование Аллаха (Бога) или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом	Я не верю в Аллаха (Бога), я атеист
Я отношу себя к исламу	97,0	0,8	1,5	0,1
Я отношу себя к православию	67,5	1,2	31,3	0
В Аллаха (Бога) верю, но не исповедую конкретную религию	60,6	3,0	33,3	0
Я себя ни к какой религии не отношу, я атеист	7,1	0	14,3	64,3
Всего:	91,2	0,9	6,0	1,2

Сравнение результатов вышеназванных вопросов показывает, что доля самоидентифицирующихся с «исламом» и «православием» с верой «в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им» превалирует, однако в массовом сознании ассоциирующих себя с православием имеет место и другая позиция – «я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы». Последовательны в своих позициях атеисты, которые подчеркивают свою нерелигиозность, соответственно, не относят себя к какой-либо конкретной религии.

Далее, при большей доле опрошенных русских ассоциирующих себя с последователями православия, среди них, по сравнению с носителями ислама, меньше всего определивших себя как «убежденно верующие». В этой связи можно допустить предположение, что опрошенным русским характерно обозначение своей сопричастности с православной культурой и демонстрация культурной самоидентификации, однако такой вывод не в полной мере будет соответствовать реальности, хотя бы потому, что возникает проблема их причисления к определенной группе по типу религиозности.

Например, к какой категории относить людей, которые в зрелом возрасте принимают крещение, венчаются, в дни крупных православных праздников принимают участие в богослужениях и в то же время о них нельзя сказать, что они ориентированы на поддержание активного культового поведения. Если вернуться к вопросу о культурной самоидентификации, то в ответах на вопрос «**Согласны ли Вы с суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?**» каждый второй опрошенный среди русских дал утвердительный ответ, в то же время каждый четвертый опрошенный не считает православие составной частью культуры своего народа.

Можно сказать, что на первый взгляд складывается впечатление, что респонденты-русские демонстрируют несоответствие между самоидентификацией с конкретной религией и уровнем религиозности, однако пассивное культовое поведение опрошенных русских не является основанием для вывода, что у них невысокое проявление религиозности. Иными словами, в настоящее время наблюдается как рост, так и уменьшение количества верующих, сопровождающийся их самоидентификацией с определенной религией – исламом или православием.

Однако эти процессы не свидетельствуют о коренных и качественных сдвигах в мировоззрении: опрошенным характерно отождествлять себя с определенной религией, но при этом уровень выраженности у них религиозности не совпадает с исповедуемой ими ре-

лигией. Следовательно, возникает вопрос: «Можно ли считать всех, кто обозначил свою конфессиональную принадлежность, реальными приверженцами конкретной религии?». В частности, в социологическом сообществе сформировалось устойчивое представление о том, что конфессиональная идентичность «православные» в том виде, как она сложилась в настоящее время, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная идентичность «верующие»¹. Проявляется это в том, что количество людей, идентифицирующих себя как «православные», неуклонно растет – по данным Левада-Центра, с 17 % в 1989 г. до 73 % в 2009 г., приближаясь в процентном отношении к доле русского населения страны.

Но при этом доля убежденных верующих среди православных, тех, кто безусловно верит в Бога (согласие с суждением «Я знаю, что Бог существует, и не испытываю в этом никаких сомнений»), значительно ниже доли православных по самоидентификации и, отражая динамику роста православной идентичности, составляла в 2009 г. 42 % (в 1991 г. 36 %, в 1998 и 2008 г. 39 %)². В такой ситуации можно предположить, что «значительная, если не подавляющая, часть респондентов идентифицирует себя с тем или иным вероисповеданием скорее по случайным, нежели устойчивым религиозным и глубоким критериям, а иногда – просто формально»³. Если 71,3 % респондентов-русских самоидентифицируются как последователи православной религии, то заметно ниже доля, выражающих степень своей религиозности «я верю в Бога, создавшего мир и управляющего им» (64,8 %) и каждый третий опрошенный разделяет суждение «я допускаю существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом».

Таким образом, полученные результаты социологического опроса показывают характерные для религиозности сложнейшие процессы: с одной стороны, проявление в массовом сознании опрошенных даге-

¹ См.: Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // URL: http://www.religare.ru/article__print.php?num=58; Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2; Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7; Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4; Возьмитель А.А. Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2; Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.

² Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2. С. 72.

³ Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 139.

станских народов чувства общности с «представителями всех дагестанских народов» и «осознание себя представителем дагестанского народа», с другой, подчеркивается важность «религиозной и национальной принадлежности» (этноконфессиональная идентичность), с уточнением каждым вторым опрошенным важности своей религиозной принадлежности. По мнению М.Н. Губогло, процесс, который, как он считает, не вполне удачно именуется религиозным ренессансом, и означающий более широкое, чем в прежние советские времена, приобщение или манифестацию приобщения к религии, скорее можно назвать неоконфессионализацией¹.

Однако, следует отметить, что наряду с ростом приобщения к различным конфессиям, в том числе и традиционным, на постсоветском пространстве происходит процесс неоконфессионализации, базирующийся на тесной взаимосвязи этноконфессионализма, этнического и конфессионального в самосознании, нормативных представлениях, праздничной и бытовой культуре².

В массовом сознании довольно часто религия выступает как фактор этнической принадлежности, и базой для такого восприятия является огромная роль историко-культурных традиций. Если мировые религии не принимают во внимание фактор этнической принадлежности, несмотря на то, что национальная принадлежность стремится, по мнению А.А. Белик, «дать каждой этнической религии национально-особенное содержание»³, то, например, русскими православие рассматривается как «своя» религия и составная часть национальной культуры своего народа.

Совершенно правомерно мнение Г. Косач: «если это самоотождествление со своими "национальными" религиями считать реальностью, то для изучения сходства и различий... религиозных сознаний нужно было бы обращаться не к итогам социологических опросов, а к религиозным книгам православия и ислама, как и к литературе по сравнительному религиоведению. На самом же деле, такого рода самоотождествление, фактически ставшее элементом этнической идентификации ("я русский, значит, я – православный", "я – мусульманин"), мало что говорит о реальном содержании сознания и может

¹ Губогло М.Н. Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама. 2000. № 3. С. 4.

² Мусина Р.Н. Современные этноконфессиональные процессы и проблемы идентичности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ. М., 2012. С. 178.

³ Белик А.А. Культура и личность. М., 2001. С. 275.

быть совершенно формальным», т.е. представители тех или иных этнических общностей «могут отождествлять себя с православием или исламом, вообще не веря в Бога. Сознание "неверующих мусульман" и "неверующих православных", несмотря на их самоидентификацию, предельно близко друг к другу. Религиозные различия должны влиять лишь на сознание подлинных верующих, или хотя бы "колеблющихся"»¹.

В исследованиях отечественных социологов красной нитью проходит мысль, что религия играет важную роль в формировании и развитии этносов, поэтому этноконфессиональная связка «русский – православный» – это не только обращенная в прошлое идентичность, это реалья сегодняшнего дня². Изучение специфики проявления религиозности в настоящее время показывает, что самоидентификация «мы-православные» для подавляющего числа россиян сегодня является не столько религиозной, сколько культурной идентичностью³.

Православным человек может считать себя не столько потому, что он верует в Бога, а скорее потому, что крещеный и живет в стране с православными традициями. Такой статус идентичности не подразумевает потерю веры, скорее он свидетельствует о том, что в возрождении православности проявляется массовая потребность в историко-культурной идентификации с Россией, в возрождении и новом воссоздании российского мифа⁴. Мы соглашаемся с тем, что, несомненно, роль религиозного фактора огромна в процессе становления и развития этноса, однако восприятие религии как составной части этнокультуры неодинаково проявляется в массовом сознании дагестанских народов. Поэтому в нашем исследовании была поставлена задача определить место религии в структуре духовной культуры дагестанских народов и восприятие респондентами религиозного компонента в рамках культурного наследия своего этноса (см. таб. № 34).

¹ Косач Г.Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // Россия и мусульманский мир. Научно-информационный бюллетень. №1 (187). 2008. С. 67.

² Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М. 2001. С. 527.

³См.: Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7; Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 100; Возьмитель А.А. Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2.

⁴ Рыжова С.В. Православная идентичность в гражданском обществе: ресурсы и риски становления // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Секция 2. М., 2012. С. 255.

Таблица 34

Распределение ответов на вопрос «*Согласны ли Вы со следующим суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Аварцы	67,3	8,0	15,1
Азербайджанцы	68,3	8,3	18,3
Даргинцы	67,5	7,8	16,9
Кумыки	72,1	4,9	13,1
Лакцы	48,1	11,1	29,6
Лезгины	58,4	5,8	24,8
Русские	50,0	26,9	18,5
Чеченцы	67,6	8,1	13,5
Другие	64,4	6,8	23,3
Всего:	63,5	9,7	18,3

По сравнению с другими опрошенными, как было отмечено, среди респондентов-русских больше всего не считающих «*религию своего народа составной частью культуры своего народа*». Если, на основе исследований в других российских регионах делают вывод о тесной связи между конфессиональностью и этничностью, подчеркивается значимость религии, в частности православия как культурного наследия народа для русского человека, то в позициях дагестанских русских ситуация заметно отличается. Результаты нашего социологического исследования показывают, что у дагестанских русских сильнее проявляется религиозность (вера в Бога), при низкой частотности соблюдения религиозных предписаний и обрядов православия.

Также надо отметить, что в выборку вошли русские, проживающие в городской местности, соответственно, имеющие возможность посещать православные культовые учреждения и при желании соблюдать предписанное им религиозное поведение. Заметно от православных отличаются носители мусульманской религии: каждый второй опрошенный разделяет позицию «*религия моего народа есть составная часть культуры моего народа*», при этом среди респондентов лакцев больше всего «*затруднившихся ответить*». При исследовании религиозного компонента однозначно возникает вопрос о роли религии в современном обществе, поэтому в опросе 2008 г. респондентам был задан вопрос «*Какое влияние оказывает религия на со-*

*временную жизнь?»*¹. По всему массиву, 72,0 % опрошенных подчеркнули возможность религии в сохранении национальных традиций и обычаев, против 12,6 % не согласных с этим тезисом. Среди тех, кто негативно оценил роль религии в сохранении традиционной культуры дагестанских народов, выделяются респонденты-лезгины и респонденты-лакцы – 36,0 % и 34,3 %, соответственно. Результаты опроса показывают наличие в массовом сознании дагестанских народов позитивной оценки роли религиозного фактора в сохранении культурно-исторического наследия дагестанских народов и мусульманские народы, в основной своей массе, многие религиозные предписания в бытовой сфере воспринимают как элементы национальной культуры своего народа.

3.2. Установки религиозной толерантности в массовом сознании дагестанских верующих

Российский опыт многовекового совместного бытия разных конфессий и религий показывает необходимость поиска средств и путей, обеспечивающих комфортное и уважительное их сосуществование. Среди прочего тут важно видеть различие между объективными процессами углубления научно-технического, информационного сотрудничества и опасностями унификации, обезличивающей народы, экономической и политической интеграции, ставящей под вопрос сохранение их «особости». Во все времена попытки нивелировать культурно-духовные и религиозные идентичности вызывали сопротивление у их носителей.

В течение длительного периода времени, практика толерантного сосуществования различных религий и этносов при сохранении их самобытности значительно углубилась. Ныне цивилизованный мир видит основное требование толерантной культуры в следующем: беспрепятственное исповедание каждым гражданином, общественной группой свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений, лояльное, терпимое, не враждебное и уважительное отношение к аналогичному выбору других. Толерантность базируется на признании, уважении прав и свобод всех людей и общностей; она является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствии боязни сравнения и

¹ *Шахбанова М.М.* Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. С. 212.

конкуренции с другими воззрениями, боязни утратить свойственные ему различия¹.

При исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни, будь то мирный или острый конфликтный период, важно исходить из того, что в основе противостояний, столкновений, конфликтов лежат реальные социально-экономические и политические факторы. Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих противостояний на происходящие процессы зависит от исторических условий, особенностей социально-политического строя, демократических и культурных традиций данного общества, от уровня правового и нравственного развития его членов, амбиций его лидеров, нередко представляющих собственные интересы в качестве интересов всей культурной общности. Религия, не будучи при этом первопричиной, лишь дает дополнительный импульс, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность². При этом важным является понимание того, что, в свою очередь, глубина и характер влияния религиозной идентичности на другие типы социальной идентичности зависят от региональных, этнических, конфессиональных, социальных, политических особенностей различных групп населения³.

По мнению А. Малашенко, в нынешней России сложились весьма благоприятные условия не для формирования религиозной толерантности, а для распространения религиозной нетерпимости. Поэтому для ее смягчения «необходимы общие усилия политиков, экспертов, представителей духовенства, от которых требуются не только объективность, постоянная тактичность, но и глубокое проникновение в суть каждого отдельно связанного с ксенофобскими чувствами вопроса»⁴.

Многовековые традиции совместного проживания, культурно-бытовой и хозяйственной близости этносов, принадлежащих к различным конфессионально-культурным общностям во многом являются определяющими в формировании веротерпимости⁵ и, по мнению

¹ Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005. С. 364 – 365.

² Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 40.

³ Мчедлов М.П. Религиозная идентичность... С. 39 – 40.

⁴ Цит. по: Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А., Шадже А.Ю. Российская идентичность на Северном Кавказе. М. – Майкоп, 2010. С. 137.

⁵ Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 95.

председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина, Россия может служить для всего мира примером межконфессионального согласия, потому что она занимает особое место в мире и относится как к западным, так и восточным моделям цивилизации, на её территории проживает наибольшее количество мусульман среди стран Европы¹.

Если в целом в России состояние религиозной толерантности характеризуют негативно, то в Дагестане ни в социалистический, ни в постсоветский периоды не наблюдалось межконфессионального противостояния, не говоря об открытых межрелигиозных конфликтах. Вместе с тем наша республика имеет свои отличия в религиозной сфере, обусловленные наличием в Дагестане внутрирелигиозного противостояния между сторонниками традиционного ислама и салафитами, причем необходимо отличать умеренных салафитов от носителей идей радикального ислама и религиозного экстремизма.

Прежде чем перейти к характеристике состояния веротерпимости в Дагестане представляется необходимым изложить оценку дагестанскими народами современной религиозной ситуации в республике (см. таб. № 35).

instituteofhistory.ru Таблица 35

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы оцениваете религиозную (внутри ислама) ситуацию в Дагестане?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Напряженная	Конфликтная	Мирная	Мирная, но с некоторыми моментами сохранения напряженности во взаимоотношениях между верующими
Убежденно верующий	41,7	22,6	11,0	25,3
Верующий	47,1	18,3	5,7	27,8
Коллеблющийся	37,5	20,8	4,2	31,3
Неверующий	52,4	19,0	4,8	9,5
Убежденно неверующий	25,0	50,0	25,0	0
Всего:	44,5	20,3	7,8	26,4

¹ Исламские новости // Наука и религия. 2006. № 9. С. 36.

По сравнению с опросом 2008 г.¹, в исследовании 2014 г. позиция дагестанских верующих в оценке религиозной ситуации в Дагестане заметно изменилась. Респонденты, независимо от степени своей религиозности, характеризуют религиозную ситуацию в республике как *«напряженную»*. В опросе 2008 г. аналогичной позиции придерживались 31,2 %, в то время как 27,3 % опрошенных рассматривали ее как *«мирную, с некоторыми моментами сохранения напряженности во взаимоотношениях между верующими»* и 17,4 % считали ее *«конфликтной»*. По типу религиозности, среди неверующих выше доля, характеризующих религиозную ситуацию в республике как *«напряженную»*. Результаты социологического опроса 2014 г. показывают увеличение количества оценивающих религиозную ситуацию в Дагестане как *«напряженную»* – каждый второй опрошенный, каждый четвертый опрошенный характеризует ее как *«мирную, но с некоторыми моментами сохранения напряженности во взаимоотношениях между верующими»*.

Уже отмечалось, что в Дагестане не наблюдается религиозное противостояние между распространенными на территории республики религиями – исламом, православием и иудаизмом. Можно только припомнить массовые выступления в республике в 2006 г. в ответ на карикатурные изображения пророка Мухаммада, но и тогда они не сопровождались обвинениями и оскорблением в адрес другого вероисповедания. Вместе с тем, к огромному сожалению, в республике существует глубокий внутриисламский раскол, который дестабилизирует не только религиозную, но и политическую ситуацию в Дагестане.

Существующие в массовом сознании тенденции при характеристике состояния религиозной ситуации в Дагестане, роли религиозного компонента в межэтнических и межконфессиональных процессах требуют установления факторов, способных, по мнению респондентов, усилить межрелигиозную напряженность в республике, на что было обращено внимание в нашем исследовании² (см. таб. № 36).

¹ См.: *Шахбанова М.М.* Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. Социологический опрос по изучению религиозной ситуации в Республике Дагестан проведен в 2008 г. в Казбековском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Новолакском, Хасавюртовском, Табасаранском районах и в г. Махачкала, Буйнакске и Каспийске. N – 597.

² В таблице первая цифра – результаты социологического опроса 2008 г., вторая цифра – результаты социологического опроса 2014 г.

Таблица 36

Распределение ответов на вопрос «*Что приводит к возникновению напряженности в межрелигиозных отношениях между дагестанскими верующими?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Распространение новых, ранее не существовавших на территории республики религиозных течений	Деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях	Стремление исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе	Борьба и амбиции духовных лидеров за сферы влияния
Аварцы	63,0 / 72,8	15,1 / 29,9	6,8 / 9,6	18,8 / 13,6
Азербайджанцы	– / 73,3	– / 26,7	– / 6,7	– / 20,0
Даргинцы	51,7 / 70,1	27,6 / 32,5	5,2 / 14,3	13,8 / 11,7
Кумыки	52,0 / 72,1	17,6 / 37,7	7,8 / 6,6	23,5 / 14,8
Лакцы	54,3 / 63,0	14,3 / 59,3	18,6 / 7,4	14,3 / 7,4
Лезгины	64,0 / 65,0	8,0 / 30,7	12,0 / 18,2	16,0 / 5,8
Русские	55,6 / 64,8	18,5 / 39,8	7,4 / 19,4	25,9 / 27,8
Чеченцы	57,8 / 62,2	14,1 / 40,5	6,3 / 8,1	25,0 / 18,9
Всего:	58,2 / 69,7	16,4 / 33,7	8,6 / 12,1	18,9 / 13,9

За прошедший период, в массовом сознании опрошенных в обозначении причин ухудшения межрелигиозных отношений в дагестанском обществе, кардинальных изменений не произошло. По-прежнему, одним из факторов ухудшения межрелигиозных отношений между дагестанскими верующими является «распространение новых, ранее не существовавших на территории республики религиозных течений». Если в опросе 2008 г. респонденты не акцентировали внимание на других моментах, то в исследовании 2014 г. в 2 раза увеличилась доля, указывающих на «деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях». В опросе 2014 г. почти на одинаковых позициях находятся суждения «стремление исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе» и «борьба и амбиции духовных лидеров за сферы влияния». По сравнению с другими опрошенными, выделяются респонденты-русские, лакцы, кумы-

ки и чеченцы, сравнительно большая часть которых придерживается позиции, что ухудшению межрелигиозных отношений в дагестанском обществе способствовали две причины: *«деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях»* и *«борьба и амбиции духовных лидеров за сферы влияния»*.

Если посмотреть результаты, полученные на вопрос *«Что приводит к возникновению напряженности в межрелигиозных отношениях между дагестанскими верующими?»* в разрезе отношения к религии, то причиной усиления напряженности в межрелигиозных отношениях между дагестанскими верующими, по мнению *«убежденно верующих»* (71,4 %), *«верующих»* (70,4 %), *«колеблющихся»* (60,4 %), *«неверующих»* (57,1 %) и *«убежденно неверующих»* (50,0 %) является *«распространение новых, чуждых традиционному исламу религиозных течений»*. Далее суждения *«деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях»* придерживаются 35,2 % *«верующих»*, 33,3 % *«колеблющихся»*, 31,8 % *«убежденно верующих»* 25,0 % *«убежденно неверующих»* и 23,8 % *«неверующих»*; 13,7 % верующих и 19,0 % неверующих указывают на *«стремление исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе»*; *«колеблющиеся»* (20,8 %), *«неверующие»* (19,0 %), *«верующие»* (13,3 %) и *«убежденно верующие»* (12,2 %) причиной возможного ухудшения межрелигиозных отношений между дагестанским верующими считают *«борьбу и амбиции духовных лидеров за сферы влияния»*. Таким образом, опрошенным характерно неоднозначное отношение к деятельности духовных лидеров: очень часто в массовом сознании раздражение вызывает усиленное навязывание духовными лицами религиозных предписаний, их желание проникнуть во все сферы общества (как официальную, так и бытовую), стремление ориентировать человека, независимо от степени и уровня его религиозности, следовать религиозным требованиям.

В постсоветский период наблюдается усиление десекуляризации российского общества, что формирует нетерпимость по отношению к человеку с иными мировоззренческими взглядами, следовательно, индикатором распространенности толерантных и интолерантных установок в массовом сознании является самочувствие верующего человека, соблюдение его законных прав на свободу совести (см. таб. № 37)¹.

¹ Первая цифра в таблице – результаты опроса 2008 г., вторая цифра в таблице – результаты опроса 2014 г.

Таблица 37

Распределение ответов на вопрос «*Приходилось ли Вам или Вашим родственникам сталкиваться с дискриминацией прав из-за Вашей религиозной принадлежности?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да	Нет	Не знаю / Затрудняюсь ответить
Аварцы	10,9 / 12,3	71,4 / 71,9	14,1 / 10,2
Азербайджанцы	– / 25,0	– / 51,7	– / 16,7
Даргинцы	15,5 / 11,7	63,8 / 66,2	15,5 / 20,8
Кумыки	6,9 / 16,4	70,6 / 62,3	19,6 / 14,8
Лакцы	2,9 / 22,2	58,6 / 48,1	38,6 / 25,9
Лезгины	16,0 / 21,2	68,0 / 61,3	16,0 / 14,6
Русские	25,9 / 19,4	55,6 / 58,3	14,8 / 21,3
Чеченцы	26,6 / 16,2	29,7 / 70,3	32,8 / 6,1
Другие	– / 19,2	– / 61,6	– / 15,1
Всего:	12,8 / 16,6	63,6 / 64,6	19,7 / 14,6

Сравнение результатов двух социологических опросов 2008 г. и 2014 г. свидетельствует, что за прошедший период картина почти не изменилась. По-прежнему, по всему массиву, каждый второй опрошенный придерживается позиции, что ни им самим, ни их родственникам не приходилось сталкиваться с дискриминацией их прав по причине религиозной принадлежности. Вместе с тем, если в опросе 2008 г., каждый восьмой опрошенный подчеркивал, что ему и его родственникам приходилось сталкиваться с ущемлением их прав из-за конфессиональной принадлежности, в опросе 2014 г. количество таковых увеличилось и данной позиции придерживается уже каждый шестой опрошенный. Среди тех, кто подчеркнул, что им и их родственникам пришлось столкнуться с нарушением своих прав по признаку религиозной принадлежности, относительно выше доля респондентов-азербайджанцев – каждый четвертый опрошенный, среди лакцев, лезгин и русских каждый пятый, среди кумыков каждый шестой. Меньше всего выбравших данное суждение среди опрошенных аварцев и даргинцев. В то же время выбравших позицию, что ни им самим, ни их родственникам не приходилось сталкиваться с ущемлением их прав из-за исповедуемой ими религии больше среди респондентов-аварцев и чеченцев, т.е. за минувший период среди опрошенных чеченцев уменьшилось количество, сталкивавшихся с дискрими-

нацией прав по конфессиональной принадлежности. Также за этот период немного уменьшилась доля русских, которые придерживались аналогичного с чеченцами мнения. Полученные результаты опроса позволяют утверждать, что опрошенные, хотя и сталкивались с давлением и ущемлением своих прав, но не так часто и, в целом, в российском обществе превалирует толерантное восприятие представителей иных конфессий и за истекший период произошли позитивные сдвиги.

Одним из факторов формирования интолерантных установок в массовом сознании и поведении является распространение прозелитизма, имеющий глубокие исторические корни. Широко известна миссионерская деятельность христиан и мусульман, их попытки, как мирными средствами, так и в ходе военных действий распространять свое вероучение на территориях проживания народов, не исповедовавших эти религии. Местное население по-разному относилось к прозелитизму, но и в настоящее время в той или иной форме он проявляет себя, и в Дагестане имеет место попытка широкого привлечения населения в религиозные общины протестантского направления – «Свидетели Иеговы», «Осанна» (Пятидесятники), Адвентисты Седьмого дня. На республиканском уровне слабо, но предпринимались попытки критиковать распространение других, неисламских религиозных течений в Дагестане. По мнению С.Б. Халидовой, одной из причин напряженности религиозной ситуации в республике является массированная атака иностранных "религиозных" миссий на традиционный духовный менталитет северокавказских народов. Например, в период пребывания в Дагестане миссионеры активно пропагандировали и распространяли среди жителей Дербентского, Табасаранского, Хивского и Магарамкентского районов протестантское вероучение. В процессе длительной и целенаправленной работы им удалось обратить в свою веру свыше 100 чел. и сформировать устойчивое религиозное общество. Деятельность иностранцев способствовала нарастанию напряженности и конфессионального противостояния на юге Дагестана.

Прежде чем охарактеризовать существующее в массовом сознании отношение к прозелитизму, представляется необходимым изложить сущность данного феномена. Прозелитами в Библии обычно именовали обращенных в иудейскую веру язычников, причем такое обращение не обязательно связывалось с добровольным религиозным выбором. В дальнейшем прозелитизмом стали называть деятельность по переманиванию последователей одной христианской конфессии в другую, но более полно этим понятием охватываются практикуемые

рядом деноминаций попытки изменить религиозный выбор человека посредством целенаправленной пропаганды, далеко не всегда правдивой, нередко с использованием средств нерелигиозного характера (угроз, обещаний материальных благ и т.п.)¹.

В нашем исследовании также были заданы вопросы, позволяющие установить отношение дагестанских народов к прозелитической деятельности на территории Дагестана (см. таб. № 38).

Таблица 38

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, чтобы распространять мусульманскую/православную религиозную веру среди людей, не исповедующих ислам/православие?»
(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да, если делается разумными и мирными доводами	Да, всем религиям нужно дать возможность проповедовать среди представителей другой религии	Да, не ограничение проповеди любой религии позволит улучшить межнациональные отношения	Нет, распространение других религий ухудшит межнациональные отношения между представителями разных религий	Нет, каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена и больше всего ее последователей	Нет, проповедь других религий ухудшит отношения между представителями разных религий
Аварцы	72,8	28,1	15,4	3,4	5,9	3,4
Азербайджанцы	58,3	18,3	16,7	13,3	5,0	8,3
Даргинцы	67,5	24,7	11,7	13,0	10,4	5,2
Кумыки	82,0	13,1	14,8	1,6	6,6	1,6
Лакцы	51,9	11,1	18,5	3,7	11,1	14,8
Лезгины	54,7	20,4	11,7	10,9	10,2	8,8
Русские	38,9	17,6	12,0	21,3	20,4	15,7
Чеченцы	59,9	24,7	6,8	15,1	8,2	4,1
Другие	58,3	18,3	16,7	13,3	5,0	8,3
Всего:	63,9	22,3	13,3	8,8	8,7	6,3

¹ Логинов А.В. Этико-правовые основы свободы совести как предпосылки свободной самоидентификации личности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 44.

В массовом сознании дагестанских народов существует позитивное отношение к распространению иного религиозного учения при условии, что прозелитизм проводится *«разумными и мирными доводами»*. При этом в позициях каждого четвертого опрошенного выражены толерантные установки на вероятность существования иного религиозного мировоззрения, с мотивацией предоставления широкого круга возможностей *«проповедовать среди представителей другой религии»*. При этом в прозелитизме каждый седьмой опрошенный усматривает потенциал для *«улучшения межнациональных отношений»*. Негативно к распространению другого религиозного мировоззрения среди людей, не исповедующих ислам или православие, относятся относительно небольшая доля опрошенных, придерживаясь позиций: 1. распространение другого вероучения может ухудшить межнациональные отношения между представителями разных религий, 2. каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена и больше всего ее последователей, 3. проповедь других религий ухудшит отношения между представителями разных религий.

Если посмотреть полученные результаты на этот вопрос в разрезе отношения к религии, то респонденты независимо от уровня своей религиозности положительно относятся к прозелитизму, причем в подгруппе *«убежденно верующих»*, *«верующих»* и *«колеблющихся»* превалирует доля разделяющих суждение *«если делается разумными и мирными доводами»* – 71,1 %, 62,8 %, 56,3 %, соответственно. По сравнению с *«убежденно верующими»*, *«верующими»* и *«колеблющимися»*, в подгруппах *«неверующих»* и *«убежденно неверующих»* больше доля отрицательно настроенных в отношении прозелитической деятельности с мотивацией *«проповедь других религий ухудшит отношения между представителями разных религий»* – 38,1 % и 25,0 %, соответственно. В последних подгруппах, по совокупности ответов *«распространение других религий ухудшит межнациональные отношения между представителями разных религий»*, *«каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена и больше всего ее последователей»* и *«проповедь других религий ухудшит отношения между представителями разных религий»* доминирует над положительным отношением к прозелитизму, хотя, по идее, негативно к прозелитизму должны были быть настроены в когорте *«убежденно верующих»* и *«верующих»*, которые ориентированы на широкое внедрение в массы именно своего религиозного мировоззрения и укрепления позиций именно своей религии.

В социологическом опросе 2008 г.¹ положительно к распространению другой религиозной веры, *«если это делается разумными и мирными доводами»* относилось 36,6 %, против 34,1 % опрошенных. За прошедший период в массовом сознании дагестанских верующих наблюдается крен в сторону позитивной оценки прозелитизма. Мы ранее приводили мнение Е.А. Кублицкой, которая считает, что типичной чертой мировоззрения *«колеблющегося»* является *«незавершенность»* религиозного выбора, который, в свою очередь, формирует благоприятные условия, во-первых, для широкого распространения прозелитизма, во-вторых, усиления восприимчивости к миссионерской и прозелитической деятельности. Результаты нашего социологического опроса показывают, что респонденты независимо от уровня религиозности позитивно настроены в отношении прозелитизма, усматривая в нем потенциал *«улучшения межнациональных отношений»* в республике.

В современном обществе существует неоднозначная оценка прозелитизма, особенно в среде верующих людей, поэтому представляется необходимым показать отношение мусульман и православных к распространению на территориях традиционного функционирования определенной религии (ислама или православия) иных вероучений. Так последователи ислама (67,3 %) позитивно относятся к прозелитизму, при условии, что процесс этот сопровождается *«разумными и мирными доводами»* и таковых почти в два раза меньше среди дагестанских православных (38,9 %). Более того, среди православных в процентном соотношении больше негативно настроенных к прозелитизму: *«распространение других религий ухудшит межнациональные отношения между представителями разных религий»* (21,3 %), *«каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена и больше всего ее последователей»* (20,4 %), *«проповедь других религий ухудшит отношения между представителями разных религий»* (15,7 %). Среди мусульман, доля разделяющих вышеприведенные суждения, почти в 3 раза меньше – 7,2 %, 7,2 % и 5,0 %, соответственно.

Степень религиозности общества проявляется через обозначение предпочтительности того или иного государственного строя, в частности, где доминирует религиозный компонент или светские ценности, или попыткой их сочетания в государственной идеологии. Суще-

¹ См.: *Шахбанова М.М.* Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. С. 254.

ствующие в массовом сознании дагестанских верующих установки на государственное устройство см. таб. № 39.

Таблица 39

Распределение ответов на вопрос «**В каком государстве Вы хотели бы жить?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)¹

Варианты ответов // Отношение к религии	В исламском государстве (с нормами шариата)	В православном государстве	В светском, атеистическом государстве	В светском государстве, со свободой вероисповедания	Безразлично
Убежденно верующий	40,2	1,5	0,9	39,3	7,1
Верующий	22,5	0,9	3,3	59,5	5,3
Колеблющийся	4,2	2,1	6,3	60,4	4,2
Неверующий	0	9,5	0	85,7	14,3
Убежденно неверующий	0	0	25,0	75,0	0
Всего:	27,7 / 41,2	1,4 / 0,8	2,5 / 3,6	52,4 / 45,3	6,1 / 3,2

Результаты опроса 2014 г., по сравнению с опросом 2008 г., демонстрируют отсутствие в массовом сознании опрошенных крайних точек зрения – «в исламском государстве (с нормами шариата)/в православном государстве» и «в светском, атеистическом государстве». Для респондентов предпочтительным является государственное устройство, гармонично сочетающее светские ценности, без ущемления религиозных прав и свободы вероисповедания. Также следует обратить внимание на то, что в подгруппе «убежденно верующих», по сравнению с «верующими», в 2 раза больше предпочитающих проживать «в исламском государстве (с нормами шариата)». При этом в позициях подгруппы «убежденно верующих», по сравнению с другими подгруппами, разница между суждениями «в исламском государстве (с нормами шариата)» и «в светском государстве,

¹ Вторая цифра в таблице – результаты опроса 2008 г.

со свободой вероисповедания» несущественная. По этническому признаку ответы распределились следующим образом: суждение *«в исламском государстве (с нормами шариата)»* выбрали 37,3 % опрошенных аварцев, 27,3 % даргинцев, по 27,0 % лезгин и лакцев, 26,2 % кумыков, 26,0 % чеченцев и статистически незначимая доля опрошенных русских выбрала *«в православном государстве»* (3,7 %), причем изменений в их позициях за истекший период не наблюдается.

Вместе с тем можно констатировать кардинальные изменения в массовом сознании дагестанских верующих, исповедующих исламскую религию: почти вдвое снизилась доля, отдающих предпочтение государству с доминированием религиозного компонента, при росте количества предпочитающих проживать *«в светском государстве, со свободой вероисповедания»*; этой же позиции придерживаются 77,8 % православных. При этом всего 2,0 % исповедующих ислам хотели бы жить *«в светском, атеистическом государстве»*, и таковых почти в 3 раза больше среди православных (5,6 %).

По возрастному признаку, респондентам «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет», в отличие от других возрастных подгрупп, ближе суждение *«в исламском государстве (с нормами шариата)»* – 36,0 % и 31,0 %, соответственно. С ростом образовательного статуса заметно уменьшается доля разделяющих данное суждение: если 51,6 % со средним базовым образованием отдают предпочтение *«исламскому государству (с нормами шариата)»*, то доля таковых среди имеющих среднее, среднее специальное и высшее образование составляет 31,9 %, 23,9 % и 21,4 %, соответственно. Таким образом, результаты опроса показывают, что в массовом сознании дагестанских верующих существует установка отделения религиозного составляющего от государственного устройства, которая за минувший период усилилась и необходимость соблюдения пропорции между светской идеологией и религиозным мировоззрением.

Обозначенное респондентами желание проживать *«в светском государстве, со свободой вероисповедания»* требует более детального анализа, в частности, выявления отношения к принципам общественного устройства и взаимодействия (см. таб. № 40).

В позициях дагестанских верующих превалирует установка *«мой народ должен строить общество, основанное на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии»*, в то же время каждому третьему опрошенному ближе суждение *«мой народ должен строить общество, основанное на ре-*

лигиозных ценностях и традициях моего народа». В прямой зависимости от уровня образования находится ориентированность респондентов на общественное устройство «основанное на религиозных ценностях и традициях моего народа» – 54,7 % с базовым средним, 39,1 % средним, 27,5 % средним специальным и 27,0 % высшим образованием.

Таблица 40

Распределение ответов на вопрос «С каким из суждений Вы согласны...» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Мой народ должен строить общество, основанное на религиозных ценностях и традициях моего народа	Мой народ должен строить общество, основанное на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии
Убежденно верующий	47,6	39,9
Верующий	26,0	66,3
Колеблющийся	8,3	83,3
Неверующий	9,5	66,7
Убежденно неверующий	25,0	75,0
Всего:	33,0	57,0

При этом респонденты с более высоким образовательным статусом отдают предпочтение «обществу, основанному на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии» – 60,9 % со средним специальным и 64,5 % высшим образованием. Среди имеющих базовое среднее образование и среднее образование, также большая часть опрошенных разделяет данное мнение – 40,6 % и 47,9 %, соответственно. По сравнению с другими возрастными подгруппами, в возрасте «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет» выше доля предпочитающих «общество, основанное на религиозных ценностях и традициях своего народа» – 39,4 % и 38,0 %, соответственно, хотя во всех возрастных подгруппах доминирует позиция «общество, основанное на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии» – на нее указал каждый второй опрошенный из всего массива.

Сравнение полученных ответов на вопросы «*В каком государстве Вы хотели бы жить?*» и «*С каким суждением Вы согласны...*» показывает, что дагестанские народы независимо от образовательного статуса, типа религиозности и возраста ориентированы на проживание в светском государстве, основанном не на этнических и конфессиональных признаках и принципах, а сочетающем общечеловеческие ценности, при соблюдении права на свободу вероисповедания.

Очень важным для современного российского общества является зрелость не только межнациональной толерантности, но и веротерпимости. На основе проведенного в 2005 г. социологами университета западного Мичигана В. Карповым и Е. Лисовской опроса был сделан вывод, что православные гораздо более нетерпимы к мусульманам, чем мусульмане к православным, а уровень нетерпимости представителей обеих религий к иудеям и другим исповеданиям еще выше¹. При этом В. Карпов подчеркнул, что «попытки дискредитации "нетрадиционных" религий существенным образом повлияли на общественное мнение, сформировав по отношению к ним негативную установку»², несмотря на то, что в вероучительных документах православия и ислама содержатся очевидные призывы к терпимости по отношению к другим религиям: «характерно, что уровень терпимости в регионах, где православные и мусульмане живут в соседстве, гораздо выше, чем в целом по стране»³.

Развитию установок нетерпимости в обществе могут способствовать выступления политиков, предлагающих в законодательном порядке разделить существующие в России религиозные организации, исходя из численности одного народа, сделать их религию государственной, апеллируя при этом к европейскому опыту. Как известно, слепое копирование опыта иных стран не приводит к позитивной тенденции в общественном развитии. Поэтому возникают закономерные вопросы: «Кто определил численность верующих относящихся к той или иной конфессии? Если русские являются государствообразующей нацией в России, то какова среди них численность верующих, которые постоянно придерживаются религиозных ритуалов?». На основе ряда проведенных исследований был сделан вывод, что «наибольший прирост произошел в период с 1991 г. по 1997 г. (16 %). Далее число православных увеличивалось примерно на 5 – 7 % каждые 5 лет. По-

¹ Цит. по: Ханбабаев К.М. Этноконфессиональная толерантность в постсоветской России: проблемы и методологии и практики // Толерантность в поликонфессиональном регионе. Махачкала, 2007. С. 58.

² Цит. по: Ханбабаев К.М. Указ. раб. С. 58.

³ Там же. С. 58.

видимому, можно ожидать, что людей причисляющих себя к православию, может достигнуть 70 – 75 % к 2015 – 2020 гг.»¹.

Межконфессиональный конфликт редко проявляется сам по себе, однако наличие религиозного компонента значительно усиливает конфликт любой другой природы – межэтнический, экономический и политический. С данной точки зрения эксперты отметили следующие причины, способные привести к межрелигиозным конфликтам: 1. недостаточно строгое регулирование законодательством деятельности различных религиозных сект; 2. «раздувание» в СМИ межэтнических противоречий, которые могут перерасти в межконфессиональные; 3. отсутствие эффективной политики интеграции иммигрантов, многие из которых находятся в бесправном положении и подвергаются эксплуатации; 4. потенциальное изменение религиозной политики властей, которое может привести к мировоззренческому расслоению и противопоставлению друг другу людей, исповедующих разные религии; 5. невысокий уровень общей культуры населения и практическое отсутствие традиций толерантности в российском обществе; 6. возможная борьба конфессий за лидерство и власть, которая может сводиться к умелому разжиганию межрелигиозной розни и сознательному провоцированию конфликтных ситуаций; 7. значительное количество радикальных молодежных организаций, которые могут выступить вероятными инициаторами конфликтов².

Несомненно, что вопросы, связанные с религиозной принадлежностью, способны отразиться на национальных чувствах представителей иных конфессий и одним из методов достижения межэтнической и межконфессиональной толерантности должен быть диалог, учитывающий мнение и интересы всех сторон, а основой его может быть только равноправное сотрудничество, опирающееся на учет различий и не доказывающее свое превосходство. Для достижения необходимой цели, в процесс межрелигиозного диалога должны быть вовлечены не только представители духовенства, но и простые граждане, представляющие ту или иную конфессию и, находясь в постоянном контакте, массы способны усилить согласие во всех сферах жизнедеятельности народов.

¹ См.: Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006.

² Шутков А. Межконфессиональные отношения в Москве: диагностика ситуации // Россия и мусульманский мир. 2007. № 3. С. 16 – 17.

3.3. Религиозное поведение дагестанских верующих

Скудость позитивных последствий неолиберального этапа трансформации российского общества, отмечают исследователи, смягчается за счет реконструкции религиозных отношений. Церковь как социальный институт вернула себе субъектный статус в общественной жизни, не претендуя на изменение светского характера российского государства, хотя традиционные конфессии активно участвуют в социокультурном, социально-политическом становлении российского общества. Об этом свидетельствует принятие на Архиерейском соборе «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.) и «Декларации о правах и достоинстве человека» (2006 г.) на X Всемирном Русском Народном соборе и «подобных документов в истории Русской Православной церкви не было»¹.

М.П. Мчедлов важными факторами восстановления статуса религии и усиления ее роли в современном российском обществе считает «политические, правовые перемены в стране, ухудшение экономического и экологического положения, социально-политическую нестабильность, межэтнические противоречия, необходимость преодоления бездуховности, нравственный кризис, повышение национального самосознания, необходимость ограничить антигуманные, разрушительные последствия прогресса»². При этом действительная приверженность и реальное следование религиозным предписаниям, иными словами, религиозность проявляется через различные типы и формы религиозного поведения.

В работе мы отмечаем последствия карикатурных изображений пророка, протесты мусульманских общин в европейских государствах, которые могут негативно отразиться на межнациональных и межрелигиозных отношениях и «дело не только в том, что согласно мусульманской традиции нельзя воспроизводить изображение человека, тем более пророка, главное, что карикатурное изображение пророка для них (мусульман – Авт.) вовсе не безобидное сатирическое творчество, а прямое оскорбление их религии, главной святыни – пророка, всех его последователей... В отличие от европейской традиции, которая рассматривает религиозные вопросы как область частной, личной жизни, на Востоке они касаются жизни всего мусульман-

¹ Локосов В.В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 82.

² См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005. С. 65 – 71.

ского сообщества, составляя основу его солидарности»¹. В социологическом опросе 2006 г.² респондентам был задан вопрос «*Считаете ли Вы допустимым карикатурные изображения пророков и святых других религий?*». Верующие и неверующие однозначно подчеркнули недопустимость посягательства на религиозные символы – 95,2 % и 88,6 %, соответственно. Далее верующие (89,0 %) и неверующие (88,6 %) акцентировали внимание на том, что карикатурные изображения пророков и святых разных религий «оскорбляют религиозные чувства верующих». Более того, верующие (70,7 %) и неверующие (65,0 %) придерживаются мнения, что карикатуры на пророков и святых «способствуют появлению нетерпимости и агрессии в отношениях людей разных вероисповеданий».

Исследование специфики религиозного поведения современного верующего россиянина, независимо от исповедуемой религии, актуализировано по причине усиления роли религиозного компонента и религиозных организаций на постсоветском пространстве. В массовом сознании россиян существует стереотипное восприятие религиозного поведения, например, православных и мусульман. Если первых считают более суеверными, то вторых воспринимают и оценивают как фанатично верующих, порой и агрессивно настроенных в религиозном отношении: «православные отличаются идейной эклектикой и религиозной неопределенностью. Что же касается ценностных ориентаций, в СМИ часты рассуждения о противоположности систем ценностей у представителей этих двух конфессий. Такие рассуждения приводят к выводу о якобы неизбежном цивилизационном конфликте православных и мусульман»³.

Наличие такого «противостояния» в религиозном сообществе обусловлено усилением роли религиозных центров, в том числе РПЦ и духовных управлений мусульман в российских регионах. По мнению религиоведов, «повышение социального статуса Церкви в российском обществе не вызывает сомнений у большинства ученых. Разногласия касаются в основном двух вопросов. **Первый:** Обусловлен

¹ Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 36.

² См.: Шахбанова М.М. Межэтническая толерантность в полиэтничном регионе: состояние и тенденции (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2007. Социологический опрос по изучению состояния межнациональной толерантности в Республике Дагестан проведен в 2006 г. в Казбековском, Кизилюртовском, Новолакском, Хасавюртовском районах и в г. Махачкала. N – 336. С. 238.

³ Синелина Ю.Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 89.

ли этот процесс реальным изменением российского менталитета, ростом уровня и степени религиозности, или речь идет о поверхностной, модной демонстрации своего позитивного отношения к религии, связанного с ростом этнонационального сознания, поиском культурной идентичности? **Второй:** Какие последствия в долгосрочной перспективе развития социума влечет за собой наблюдаемая реконструкция религиозных отношений, не приведет ли она к клерикализации социальных отношений и межконфессиональной розни?»¹.

Реальную приверженность религиозному вероучению и степень религиозности, по мнению религиоведов, следует определять с учетом характера различных форм религиозного поведения, которое можно выявить путем установления частотности соблюдения тех или иных религиозных предписаний, поэтому важным является анализ соотношения степени или типа религиозности и религиозного поведения людей. Уже отмечалось, что выделяются «традиционно верующие», т.е. те, кто соблюдает религиозные обряды и обычаи и «номинально верующие», те, кто не соблюдает религиозные обычаи и обряды, поэтому для нас также интерес представляет выявление этих групп (см. таб. № 41).

Полученные результаты опроса показывают существующую в массовом сознании дагестанских верующих иерархию религиозных правил. По важности, первое ранговое место занимает религиозное предписание «*совершать намаз (читать молитвы)*», причем на него указывают респонденты независимо от типа религиозности, на втором – «*соблюдать пост (Ураза)*», на третьем – «*праздновать религиозные праздники (Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Пасха, Рождество и т.д.)*», на четвертом – «*читать религиозные тексты (Коран, Библия, хадисы, нашиды и т.д.)*», на пятом – «*посещать религиозные службы (рузман, богослужения)*», на шестом – «*регулярно посещать мечеть (церковь)*» и, чуть меньше опрошенных отмечают, что верующий человек должен «*совершить паломничество (хадж)*», и «*выплачивать религиозный налог (закят)*». Выделяется подгруппа неверующих, которая при слабом проявлении религиозности, демонстрирует ориентированность на активное культовое поведение – «*праздновать религиозные праздники (Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Пасха, Рождество и т.д.)*», «*совершать намаз (читать молитвы)*», «*регулярно посещать мечеть (церковь)*» и «*соблюдать пост (Ураза)*».

¹ Локосов В.В., Синелина Ю.Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 106.

Таблица 41

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к вере	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Регулярно посещать мечеть (церковь)	49,4	36,1	33,3	38,1	50,0	41,3
Соблюдать пост (Ураза)	84,5	70,3	52,1	47,6	25,0	74,0
Читать религиозные тексты (Коран, Библия, хадисы, нашиды и т.д.)	65,2	45,6	35,4	28,6	25,0	52,1
Совершать намаз (читать молитвы)	87,8	74,0	62,5	47,6	25,0	77,9
Посещать религиозные службы (рузман, богослужения)	54,2	35,7	31,3	14,3	0	41,9
Праздновать религиозные праздники (Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Пасха, Рождество и т.д.)	63,7	60,8	37,5	57,1	50,0	60,5
Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	1,8	11,2	12,5	9,5	0	7,5
Исповедоваться	1,2	4,8	4,2	9,5	0	3,5
Причащаться	0,6	4,4	0	9,5	25,0	2,9
Выплачивать религиозный налог (закят)	32,7	25,8	14,6	9,5	25,0	27,5
Совершить паломничество (хадж)	33,3	26,7	14,6	9,5	0	28,0

Такое противоречие между типом религиозности и соблюдением религиозных предписаний предполагает установление, кого опрошенные относят к группе «истинно верующих» (см. таб. № 42).

Таблица 42

Распределение ответов на вопрос «*Кого Вы считаете истинно верующим человеком?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Отношение в вере // Варианты ответов	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Того, кто соблюдает требования имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)	73,2	59,0	35,4	14,3	0	61,9
Того, кто регулярно посещает мечеть (церковь)	29,5	14,8	8,3	9,5	25,0	20,0
Того, кто соблюдает пост (Уразу)	27,4	22,2	8,3	9,5	50,0	23,3
Того, кто регулярно читает религиозные тексты (Коран, Библия, хадисы, нашиды и т.д.)	22,3	13,0	4,2	4,8	0	15,9
Того, кто посещает святые места (зияраты и т.д.)	16,7	11,5	4,2	14,3	0	13,1
Того, кто постоянно посещает религиозные службы (рузман и т.д.)	18,8	12,6	4,2	4,8	0	14,3
Того, кто постоянно празднует религиозные праздники своей религии	16,1	11,7	2,1	4,8	0	12,6
Того, кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания (шахада, намаз, Ураза-пост, закят, хадж)	44,9	36,8	29,2	14,3	0	38,8
Нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере	19,6	26,2	39,6	28,6	25,0	24,4
Истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек	34,8	44,1	45,8	71,4	25,0	41,1

Того, кто живет по законам шариата	25,3	12,8	2,1	0	0	16,8
Того, кто постоянно причащается	0	1,1	0	4,8	0	0,7
Того, кто постоянно исповедуется	0,3	0,4	2,1	9,5	0	0,7
Того, кто постоянно выплачивает религиозный налог (закят)	13,4	8,4	0	0	0	9,6
Того, кто совершил паломничество (хадж)	15,2	11,7	2,1	0	0	12,2

Полученные результаты социологического опроса показывают, что опрошенные к категории «истинно верующего» относят *«того, кто соблюдает требования имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)»* и *«истинно верующим человеком может быть только нравственный человек»*; на третью позицию они определили *«того, кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания (шахада, намаз, Ураза-пост, закят, хадж)»*. Примечательно, что респонденты пытаются «сочетать», на первый взгляд, противоположные позиции: «истинно верующим» может быть признан не только человек, прилежно соблюдающий религиозные установки и в повседневной жизни руководствующий религиозными нормами, но и ведущий нравственный образ жизни. Однако это не свидетельствует о наличии в позициях опрошенных противоречия, потому что строжим религиозных учений, как известно, являются нравственные установки. Только вопрос в том, как часто, вернее «правильно», «истинно верующий человек» руководствуется ими в своем повседневном поведении, поэтому неслучайно каждый четвертый опрошенный придерживается позиции, что «истинно верующим» можно считать *«нравственного человека, независимо от своего отношения к вере»*. Следует также обратить внимание на то, что респонденты независимо от типа своей религиозности подчеркивают значимость нравственного начала, выбрав суждение *«истинно верующим человеком может быть только нравственный человек»* и среди них выделяются подгруппы «верующих», «колеблющихся» и «неверующих». Далее, эти же подгруппы относят к когорте «истинно верующих» *«нравственного человека, независимо от своего отношения к вере»*.

С целью выявления существующего в массовом сознании дагестанских верующих соотношения между религиозным сознанием и

религиозным поведением, мы решили сопоставить между собой вопросы «*Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?*» и «*Кого Вы считаете истинно верующим человеком?*». Сравнение полученных результатов на эти вопросы показывает существующую в массовом сознании дагестанских верующих картину. Если первый вопрос акцентирует внимание на том, что должен делать верующий человек, то второй вопрос показывает критерии определения «истинно верующего человека». По мнению опрошенных, верующий человек обязан 1. совершать намаз (читать молитвы), 2. соблюдать пост (Уразу), 3. праздновать религиозные праздники, 4. посещать мечеть (церковь), 5. читать религиозные тексты, 6. посещать религиозные службы, 7. выплачивать религиозный налог (закят), 8. совершить паломничество (хадж). Мерой, позволяющей относить человека к группе «истинно верующий» является «*соблюдение требований имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)*» и данная позиция с большим отрывом доминирует над иными суждениями, которые определяют культовое поведение человека. Заслуживает внимания позиция опрошенных, акцентирующая внимание на необходимости причисления к группе «истинно верующих» «*нравственного человека, независимо от своего отношения к вере*», сопровождающаяся уточнением – «*истинно верующим может быть только нравственный человек*».

Если обратиться к классификации Н.Н. Алексеева, то опрошенных можно сгруппировать по подгруппам: так среди выделенных групп можно увидеть подгруппы «активных» по мировоззренческим убеждениям, в частности, для нас интерес представляют подгруппы «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», которые при относительно слабо выраженной религиозности подчеркивают важность соблюдения многих религиозных предписаний, т.е. обозначают важность активного культового поведения. В работе отмечалось, что в каждой подгруппе могут быть люди, которые обозначают себя как «верующие», но при этом под верой понимают не веру в единого Аллаха (Бога), а в какие-то сверхъестественные силы, и, наоборот, самоидентифицирующиеся как «неверующие», но при этом в полной мере не отрицающие существования божественного начала, соответственно, и необходимости соблюдения некоторых религиозных предписаний. Кроме того, при обозначении своего отношения к вере, «неверующие» и «убежденно неверующие» подчеркивают и свою принадлежность к конкретной религии. Далее основанием при-

числения вышеназванных подгрупп к «активным» является их позиция в определении «истинно верующего человека» – «*тот, кто соблюдает требования имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)*»).

В вопросе «**Считаете ли Вы себя верующим человеком?**» вырисовывается ответ на другой вопрос «Почему опрошенные по важности на второй позиции расположили суждение "истинно верующим может быть только нравственный человек"?", поэтому мы сопоставили между собой два вопроса «**Кого Вы считаете истинно верующим человеком?**» и «**Считаете ли Вы себя верующим человеком?**». По мнению «убежденно верующего человека, который всегда соблюдает религиозные предписания и обряды» (по классификации Алексева «активно верующий»), «истинно верующим» является тот, кто «*соблюдает требования имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)*» (77,2 %), «*кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания (шахада, намаз, Ураза-пост, закят, хадж)*» (42,8 %), «*нравственный человек*» (31,2 %) и «*кто соблюдает пост (Уразу)*» (30,5 %).

«Убежденно верующий человек, который не всегда соблюдает религиозные предписания и обряды» (по классификации Н.П. Алексеева «пассивно верующий») к категории «истинно верующего человека» относит соблюдающего «*требования имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)*» (62,4 %), «*нравственного человека*» (45,5 %), «*кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания (шахада, намаз, Ураза-пост, закят, хадж)*» (42,3 %). Значимость морального аспекта в определении «истинно верующего» возрастает в подгруппе относящих себя к «убежденно верующим, которые вообще не соблюдают религиозные предписания и обряды» («пассивно верующий») (55,3 %), «*скорее, неверующий человек, который не всегда соблюдает религиозные предписания и обряды*» («непоследовательный колеблющийся») (57,1 %) и «*неверующих, вообще не соблюдающих религиозные предписания и обряды*» («активно неверующий») (63,6 %). По всему массиву, респонденты при определении содержания «истинно верующий человек», по значимости нравственные качества человека поставили на второе место (42,3 %), пропустив вперед важность «*соблюдения требований имана (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священных*

ные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)» (62,5 %) и на третьей позиции располагается «кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания (шахада, намаз, Ураза-пост, закят, хадж)» (39,6 %). Иными словами, в общественном сознании дагестанских верующих в определении «истинно верующий человек» проявляется стремление сочетать религиозные предписания с общечеловеческими ценностями и нормами поведения. Таким образом, можно сделать вывод, что для опрошенных важное значение имеет не только культовое поведение, степень религиозности, частотность соблюдения религиозных обрядов, но и следование общечеловеческим нравственным ценностям и нормам поведения. По мнению автора, с осторожностью можно предположить существование в позициях дагестанских народов заметного различия между религиозным сознанием и необходимостью добросовестно соблюдать, предписанные религией правила культового поведения, которое объясняется наличием в каждой подгруппе «активных» и «пассивных» верующих и неверующих.

Отсутствие в отечественной социологии религии, впрочем, как и зарубежной, строго определенных методологических и универсальных подходов изучения религиозности и религиозного поведения, индикаторов позволяющих измерить соотношение между типом религиозности и религиозным поведением обуславливает существование самых разнообразных позиций. Автор разделяет позицию М.Ю. Смирнова: «претензия на объективность критериев, выраженных в светской терминологии, не всегда уместна в отношении сложившейся религиозной традиции, которая самовыражается в совершенно ином понятийном аппарате, нежели язык научного объяснения. Зачастую нейтрально настроенные к религии исследователи вольно или невольно руководствуются образом "истинно верующего православного", все и скрупулезно практикующего, отказывая в религиозной принадлежности тем, кто не соответствует строгим показателям конфессиональной идентичности. Тем самым игнорируется мотивация, по которой респонденты соотносят себя с религиозной традицией, даже не имея при этом отчетливых представлений об ее вероучительных и обрядовых нормах»¹ и далее, «руководствуясь идеальными мерками конфессиональной идентичности, социолог религии самонадеянно выступает сродни арбитру, по строго формальным признакам определяющему – действительно ли перед ним последователь конкретного

¹ Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 140.

вероисповедания. Поступая таким образом, исследователи (особенно сами не исповедующие изучаемую религию) берут на себя чужую функцию, как бы заменяя собой конфессиональную среду, которая только и может признать или отвергнуть чьи-то притязания на пребывание в ней»¹.

Существование категории людей, которым характерно идентифицировать себя «верующим человеком», при этом, иногда или вообще не соблюдающим те или иные элементы религиозного поведения требует более подробного изложения. Социологическое исследование по изучению вопросов исламского возрождения в Республике Дагестан позволяет обрисовать эту ситуацию (см. таб. № 43)².

Таблица 43

Распределение ответов на вопрос «Если Вы считаете себя верующим, то какие из следующих обязанностей мусульманина Вы выполнили (выполняете)?» (%)

Варианты ответов // Столпы ислама	Убежденно верующий	Верующий	Всего:
Шахада	57,0	17,5	25,5
Пятикратный намаз	88,2	48,5	57,9
Ураза	82,8	65,3	69,4
Закят	44,1	21,3	26,8
Хадж	20,4	2,8	7,7

На основе полученных данных З.М. Абдулагатов делает вывод о наличии высоких показателей «по выполнению отдельных обязательных требований ислама», причем превалирует доля соблюдающих Уразу и заметно ниже совершающих пятикратный намаз, еще меньше доля придерживающихся остальных религиозных предписаний. В то же время он считает, что «в отличие от низких показателей по намазу и хаджу, трудно найти объяснение, в особенности оправдательное, низким процентам по шахаде и закяту». Определенное несоответствие между обозначением своего отношения к религии и стремлением соблюдать ее базовые правила способствует возникновению другого, не менее важного вопроса: «Руководствуются ли опрошенные в повседневной жизни своими религиозными убеждениями?». По всему

¹ Смирнов М.Ю. Указ. раб. С. 141.

² Абдулагатов З.М. Исламское массовое сознание в постсоветской России. Махачкала, 2014. С. 140.

массиву, на вопрос *«Соотносите ли Вы, Ваши действия в различных жизненных ситуациях с Вашими религиозными убеждениями или заповедями Вашей религии?»*, 77,1 % опрошенных *«при принятии любого решения принимают во внимание предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения»* и для 13,9 % *«никакого значения не имеют предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения»*. Первое суждение разделяют 89,3 % «убежденно верующих», 74,0 % «верующих», 49,7 % «колеблющихся», и таковых значительно меньше среди «неверующих» (23,8 %) и «убежденно неверующих» (25,0 %). Второе мнение ближе «колеблющимся» (49,7 %), «неверующим» (57,1 %) и «убежденно неверующим» (75,0 %), впрочем, как и для каждого шестого опрошенного из подгруппы «верующих» (15,4 %). Если посмотреть полученные на этот вопрос результаты по возрастному критерию, то существенных различий в возрастных подгруппах не наблюдается: 78,5 % опрошенных в возрасте «от 50 до 60 лет», 78,3 % «от 20 до 30 лет», 78,2 % «до 20 лет», 78,1 % «от 30 до 40 лет», 73,8 % «от 60 лет и выше», 71,4 % «от 40 до 50 лет» *«при принятии любого решения принимают во внимание предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения»*; отрицательно ответивших, относительно больше в подгруппе «от 40 до 50 лет» (22,3 %). Доля утвердительно ответивших на этот вопрос больше в подгруппах с неполным средним образованием (84,4 %), окончивших медресе (83,3 %), средним (78,6 %), высшим (76,0 %) и чуть меньше среди имеющих среднее специальное образование (73,2 %). Вместе с тем нельзя упускать из виду, что декларирование необходимости учета в повседневной жизни религиозных предписаний очень сильно отличается от реального поведения человека, самоидентифицирующегося как «верующий человек».

Далее 82,4 % опрошенных, из подгруппы исповедующих ислам, при принятии любого решения принимают во внимание *«предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения»* в отличие от небольшой части, для которой *«никакого значения не имеют предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения»* (7,6 %). Доля разделяющих первое суждение среди православных, по сравнению с мусульманами, заметно ниже (54,2 %) и 42,2 % православных подчеркивают незначимость религиозных предписаний, исповедуемой ими религии.

При изучении степени религиозности и религиозного поведения представляется необходимым выявить оценку респондентами роли

религии в их личной жизни и периодичность соблюдения различных правил религиозного поведения (см. таб. № 44).

Таблица 44

Распределение ответов на вопрос *«Какую роль играет религия в Вашей личной жизни?»* (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Очень важную	Не очень важную	Никакую
Убежденно верующие	70,8	5,7	0,9
Верующие	51,8	19,2	4,8
Колеблющиеся	20,8	52,1	12,5
Неверующие	9,5	28,6	33,3
Убежденно неверующие	0	25,0	50,0
Всего:	56,2	16,0	4,6

По всему массиву, в личной жизни каждого второго опрошенного религия выполняет *«очень важную»* функцию. По совокупности двух позиций *«не очень важную»* и *«никакую»* у «колеблющихся», можно сделать вывод, что религия и религиозные предписания в их жизни особого значения не имеют. Если объединить «убежденно верующих» и «верующих», то в среднем 61,3 % опрошенных в обеих подгруппах подчеркивают значимость религии в их личной жизни, в то время как в подгруппе «неверующих» и «убежденно неверующих» средний показатель считающих, что религия в их личной жизни никакой роль не играет составляет 41,7 % и 26,8 % отмечают суждение *«не очень важную»*.

Далее установление отношения и понимания «истинно верующий человек» предполагает выявление степени религиозности респондентов (см. таб. № 45).

Приведенные в таблице результаты показывают превалирование суждения *«я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды»*, при этом только каждый третий опрошенный считает себя *«убежденно верующим человеком, так как всегда соблюдает религиозные предписания и обряды»*. Разница между «убежденно верующим» и «верующим», всегда соблюдающими религиозные предписания существенная. Вместе с тем, подгруппе «верующих» ближе позиция *«я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды»*, ее также разде-

ляет каждый третий опрошенный в подгруппе «убежденно верующих». Определенную сложность представляет выявление критерия отнесения к категории реально верующих, и, видимо, здесь нужно опираться не только на самоидентификацию опрошенных, но, и следует более пристальное внимание уделить религиозному поведению респондентов – периодичности соблюдения ими религиозных предписаний

instituteofhistory.ru

Таблица 45

Распределение ответов на вопрос «*Считаете ли Вы себя верующим человеком?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Отношение в вере // Варианты ответов	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	55,7	19,4	0	0	25,0	32,0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	36,3	61,5	25,0	14,3	0	48,2
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	3,9	11,5	25,0	14,3	0	9,3
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	0,3	1,8	27,1	23,8	0	3,1
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	0	0,4	10,4	19,0	0	1,3
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Бога (Аллаха)	0	0,4	4,2	28,6	50,0	1,4

Рост религиозности, кроме уровня религиозного сознания (доля лиц, идентифицирующих себя с верующими), сопровождается и религиозной практикой, которая прослеживается через частотность посещения культовых зданий (мечетей, храмов), совершение молитвы, соблюдение религиозных правил и т.д. Представляется необходимым выявить религиозную активность дагестанских верующих, для чего мы опираемся на предложенную Ф.Н. Ильясовым методику измерения религиозности, сущность которой заключается в сопоставлении признака «вера» с «участием в религиозной (атеистической) деятельности». При анализе данного вопроса, мы решили сопоставить собственное исследование с результатами социологического опроса З.М. Абдулагатова (в таблице № 46 – **первая цифра** – опрос 2014 г. М.М. Шахбановой, **вторая цифра** – опрос 2004 г. З.М. Абдулагатова)¹.

Таблица 46

Распределение ответов на вопрос «**Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Показатель «Вера»	Показатель «Участие в религиозной (атеистической) деятельности»			
	Всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей	Всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии	Иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии	Вообще не принимаю участия ни в каких религиозных обрядах моей религии
Убежденно верующий	20,8 / 29,0	36,6 / 47,3	31,0 / 16,1	6,3 / 5,4
Верующий	4,8 / 2,4	24,0 / 28,5	49,3 / 52,2	15,4 / 9,6
Коллеблющийся	2,1 / 0	4,2 / 11,6	52,1 / 44,2	39,6 / 41,9
Неверующий	0 / 0	9,5 / 0	57,1 / 52,4	38,1 / 38,1
Убежденно неверующий	0 / 0	25,0 / 33,3	50,0 / 33,3	25,0 / 16,7
Безразличный	– / 0	– / 0	0 / 40,0	0 / 60,0
Всего:	10,8 / 15,7	27,5 / 30,2	42,5 / 39,7	13,8 / 28,6

¹ Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 76.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов опроса необходимо изложить, принятую в отечественной социологии религии типологию религиозности. Исследователи исходят из того, что существуют только «чистые», идеальные типы: 1. «убежденно верующий», который *«всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей»*, 2. «верующий» – *«всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»*, 3. «колеблющийся» – *«иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии»*, 4. «неверующий» – *«вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии»*, 5. «убежденно неверующий» – *«участвует в атеистической работе»*¹. Однако на практике религиоведы сталкиваются с существованием типа верующих и неверующих, не вписывающихся в рамки перечисленных типов религиозности, что доказывает и проведенное нами социологическое исследование. Так, по религиозной активности, *«убежденно верующий»* может оказаться в подгруппе «верующих» и «колеблющихся», *«верующий»* подгруппе «колеблющихся» и «неверующих», *«колеблющийся»* подгруппе «верующих» и «неверующих», *«неверующий»* и *«убежденно неверующий»* подгруппе «верующих» и «колеблющихся».

Существующую противоречивость между типом религиозности и религиозной практикой показывают результаты, приведенные в таблице № 46. По совокупности, доля «убежденно верующих» (38,9 %) и «верующих» (52,6 %) преобладает над другими подгруппами («колеблющиеся» – 5,6 %, «неверующие» – 2,4 % и «убежденно неверующие» – 0,5 %), но при определении частотности и вовлеченности их в религиозную практику проявляется низкий уровень участия: только каждый пятый опрошенный *«всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»* и больше половины опрошенных *«иногда участвуют в некоторых религиозных обрядах своей религии»*.

Далее, если провести анализ с учетом типа религиозности, то «убежденно верующий» по религиозной активности демонстрирует крен в сторону «верующих» (*«всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»*) и, с небольшой разницей, характерную «колеблющимся» религиозное поведение (*«иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии»*). При этом культовое поведение «колеблющихся» характерно каждому второму опро-

¹ См.: Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 52.

шенному в подгруппах «верующих», «неверующих» и «убежденно неверующих»; каждый третий опрошенный в подгруппе «колеблющихся» показывает типичное «неверующим» религиозное поведение; «убежденно неверующие» демонстрируют характерное «верующим» культовое поведение – каждый четвертый опрошенный *«всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»*.

Автор полагает, что здесь речь идет о соблюдении опрошенными, которые самоидентифицируются как «неверующие» и «убежденно неверующие», определенных религиозных ритуалов (похоронные, в семейно-брачной сфере, празднование религиозных праздников и т.д.), что подтверждается результатами на вопрос *«Каким праздником Вы отдаете предпочтения?»*. Так 63,2 % опрошенных предпочитают праздновать все праздники, независимо от их характера: *«религиозные и светские праздники одновременно (Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Новый год, 23 февраля, 8 Марта и т.д.)»*, 29,7 % отмечают *«только религиозные праздники»* и 2,1 % *«только светские праздники»*. В зависимости от типа религиозности, «убежденно верующие» (44,9 %), «убежденно неверующие» (50,0 %), «верующие» (74,0 %), «колеблющиеся» (79,2 %) и «неверующие» (85,7 %) отдают предпочтение *«религиозным и светским праздникам одновременно (Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Новый год, 23 февраля, 8 Марта и т.д.)»*, в то время как суждение *«только религиозные праздники»* ближе 50,0 % «убежденно верующих» и 18,7 % «верующих».

По мнению З.М. Абдулагатова, «отклонение религиозного поведения от "чистых" типов может происходить по различным причинам социального и несоциального характера. Одной из социальных причин является то, что ряд респондентов воспринимают религиозные обряды как национальные традиции, религиозные нормы поведения, как составляющие национальной этики. В отдельных обязательных случаях просто нет иного, ставшего традицией обряда, который мог бы успешно заменить религиозный. Это в особенности касается похорон. Более того, некоторые, казалось бы устоявшиеся традиции светских форм бракосочетания (свадьбы) заменяются религиозным обрядом мавлид. Синкретичность национального и религиозного – явление объективное, хотя их нерасчлененность носит относительный характер», следовательно, «оценки респондентами отдельных обрядов позволяет в некоторой степени объяснить значительно малую численность "чистых типов" по сравнению с обычными типами»¹.

¹ Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 77.

В работе отмечалось восприятие дагестанскими верующими религиозных традиций и обрядов, как элементов национальной культуры. На таблице № 47 приведены результаты социологического исследования З.М. Абдулагатова.

instituteofhistory.ru

Таблица 47

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы считаете, мусульманские обряды бракосочетания, похорон, суннат, имянаречения – это...*» (%)

Оценки мусульманских обрядов // Типы отношений к вере	Исключительно религиозные обряды, касающиеся только верующих	Национальные традиции, религиозные лишь по форме, а потому касаются всех	Затрудняюсь ответить
Убежденный верующий	54,8	37,6	7,6
Верующий	34,4	50,9	10,7
Колеблющийся	9,3	62,8	17,9
Безразличный	10,0	60,0	30,0
Неверующий	0,0	52,4	42,9
Убежденный неверующий	0,0	66,7	33,3
Не думал над этим вопросом	0,0	78,6	21,4
Другое	0,0	66,7	33,7
Общее	32,4	50,7	16,9

На основе проведенного исследования, З.М. Абдулагатов констатирует, что «процент опрошенных, считающих мусульманские обряды имеющими характер национальных традиций, оказался значительно выше доли выборки, которая видит в этих обрядах исключительно религиозный характер... Исходя из данных таблицы можно попытаться объяснить, почему большая часть колеблющихся, неверующих и даже убежденно неверующих участвуют в мусульманских обрядах: для них это народные, нерелигиозные традиции»¹.

Если вернуться к анализу взаимосвязи типа религиозности и религиозной активности, то определенную сложность представляет принятое в отечественной и западной науке требование при измерении уровня религиозности подгруппу «колеблющихся» причислять к религиозной части общества. Наше исследование показывает, что в ответах на вопрос «*Вы верите в Аллаха (Бога)?*» каждый третий

¹ Там же. С. 78.

опрошенный в подгруппе «колеблющихся» придерживается позиции «я допускаю существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом», т.е. они демонстрируют фактически свое неверие, поэтому представляется некорректным относить эту подгруппу к религиозной части населения.

С целью объяснения вышесказанного представляется необходимым заново обратиться к классификации Н.П. Алексеева, охватывающих религиозных людей: *верующие* а) активные, б) пассивные), *колеблющиеся* а) последовательные, б) непоследовательные), *неверующие* а) активные, б) пассивные)¹. Рассмотренные типы религиозности и религиозного поведения дагестанских верующих является основанием для допущения гипотезы о наличии в подгруппах «верующих» и «неверующих» а) активных и б) пассивных, «колеблющихся» а) последовательных и б) непоследовательных. Основой для такой классификации дагестанских верующих является характерное им религиозное поведение, частотность участия в религиозной практике и, как показывают результаты опроса, они демонстрируют существующее противоречие между религиозным сознанием и культовым поведением: с одной стороны, обозначая себя как «убежденно верующий» и «верующий человек», с другой, пассивность в соблюдении религиозных предписаний. Респонденты, самоидентифицирующиеся как «убежденно верующий» и «верующий», в реальности показывают характерное «колеблющимся» и «неверующим» культовое поведение. Сказанное, ни в коем случае, не ставит под сомнение уровень религиозности опрошенных, потому что верующие не всегда могут строго следовать предписаниям своей религии и соблюдать их в силу самых разных объективных и субъективных причин. Более того, мы можем наблюдать, когда верующий человек в повседневной жизни демонстрирует не соответствующее религиозному мировоззрению поведение, в то время как ассоциирующие себя как «неверующие» и «убежденно неверующие» являются носителями общечеловеческих норм поведения, демонстрируя толерантные установки и терпимое отношение к инакомыслящим, в отличие от первых двух подгрупп.

Характерное для постсоветского периода усиление роли религии имело как позитивные, так и негативные последствия, о которых ранее было сказано. Особую тревогу в этой связи вызывает широкая вовлеченность молодого поколения в религиозные процессы. И причина

¹ См.: Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. 1967. Выпуск 3. С. 131 – 150.

заключается не в том, что среди молодежи больше верующих, ибо это личное дело каждого человека, а их активное участие в террористической деятельности, как на территории республики, так и за ее пределами, тем самым, формируя интолерантные установки в отношении носителей мусульманской религии в целом, так к Дагестану и дагестанским народам в частности. В этой связи важным является установление характерного разным возрастным группам культового поведения (см. таб. № 48).

Таблица 48

Распределение ответов на вопрос **«Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?»** (варианты ответов даны по возрастным группам в % от общего количества опрошенных)

Возраст	Показатель «Участие в религиозной (атеистической) деятельности»			
	Всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей	Всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии	Иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии	Вообще не принимаю участия ни в каких религиозных обрядах моей религии
До 20 лет	9,3	21,1	49,5	16,6
От 20 до 30 лет	10,9	23,3	43,4	15,9
От 30 до 40 лет	12,4	30,7	38,7	13,9
От 40 до 50 лет	10,7	36,6	41,1	8,0
От 50 до 60 лет	9,2	47,7	32,3	4,6
От 60 лет и выше	11,9	28,6	28,6	21,4
Всего:	10,5	27,4	42,9	14,3

Приведенные результаты опроса показывают, что с возрастом заметно увеличивается доля активно участвующих «в главных религиозных обрядах своей религии», относящиеся по типологии к «верующим», в то время как в возрастных подгруппах «до 20 лет», «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет» и «от 40 до 50 лет» выше количество «ино-

гда участвующих в некоторых религиозных обрядах своей религии». Можно сделать вывод, что отношение к религии и включенность в культовую деятельность имеет возрастную специфику (их, строго говоря, можно отнести к типу «колеблющихся»), несмотря на то, что они по всему массиву опрошенных обозначили себя как «убежденно верующие» и «верующие» в пределах от 37,1 % до 50,2 %), обусловленную рядом факторов: отсутствие у молодых людей достаточного религиозного опыта из-за неглубоких знаний религиозных предписаний. Также имеет право на существование предположение, что они демонстрируют номинальное участие в религиозной деятельности, сопровождающееся формальным выполнением тех или иных религиозных догматов, ибо «по мере взросления может появиться комплекс нравственно-эмоциональных переживаний, т.е. религиозное чувство и опыт, на основе которого в более зрелом возрасте возникает осознанное стремление к знакомству с содержанием религиозной доктрины... с возрастом происходит последовательное включение индивида в религиозную деятельность вначале на поведенческом уровне, затем эмоциональном, а позднее когнитивном»¹.

По нашему опросу, 28,8 % респондентов с высшим, 27,5 % средним специальным и 24,4 % средним образованием *«всегда принимают участие в главных религиозных обрядах своей религии».* При этом довольно большая часть опрошенных со средним (47,5 %), высшим (43,5 %) и средним специальным образованием (41,3 %) *«иногда участвуют в некоторых религиозных обрядах своей религии».* По гендерному признаку, почти одинаковое количество мужчин (26,4 %) и женщин (27,8 %) *«всегда принимают участие в главных религиозных обрядах своей религии»*, 42,4 % мужчин и 43,4 % женщин *«иногда участвуют в некоторых религиозных обрядах своей религии»*, т.е. можно констатировать наличие практически равной религиозной активности («активные», «пассивные», «непоследовательные») в этих подгруппах.

Если применить предложенную Ф.Н. Ильясовым методику в определении моделей религиозной типологии, то опрошенные мусульмане по показателю участия в религиозной практике демонстрируют поведение характерное типу «колеблющихся» – *«иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии»* (41,6 %), впрочем, как и православные (52,8 %). К типу «убежденно верующих», активно участвующих в религиозной жизни и исповедующих ислам, от-

¹ См.: Ильясов Ф.Н. Указ. раб.

носится каждый девятый опрошенный, «неверующим» («вообще не принимающим участия ни в каких религиозных обрядах своей религии») каждый восьмой (12,3 %) и «верующим» («всегда принимающим участие в главных религиозных обрядах моей религии») каждый четвертый опрошенный (28,4 %). Из опрошенных православных 4,6 % «всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей», 17,6 % «всегда принимают участие в главных религиозных обрядах своей религии», 28,7 % «вообще не принимают участие ни в каких религиозных обрядах своей религии», 52,8 % «иногда участвуют в некоторых религиозных обрядах своей религии». Пассивность религиозного поведения проявляется в ответах на другие вопросы, выявляющие частотность посещения опрошенными культовых учреждений своей религии (см. таб. 49).

Таблица 49

Распределение ответов на вопрос «**Как часто Вы посещаете мечеть/церковь?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к вере	Я постоянно посещаю мечеть/церковь	Я часто посещаю мечеть /церковь	Я редко посещаю мечеть/церковь	Я вообще не посещаю мечеть/церковь
Убежденно верующий	10,1	31,3	35,4	19,0
Верующий	4,2	14,8	37,9	40,5
Коллеблющийся	4,2	4,2	22,9	66,7
Неверующий	0	0	33,3	66,7
Убежденно неверующий	0	0	25,0	75,0
Всего:	6,4	20,2	35,9	34,4

Из всего массива, каждый третий опрошенный редко посещает мечеть/церковь, при этом большой религиозной активностью не отличается подгруппа «верующих», подчеркнувшая «вообще не посе-

щую мечеть/церковь»; доля выбравших позицию «я постоянно посещаю мечеть/церковь» очень маленькая и среди «убежденно верующих», не говоря о других подгруппах. Разница между позициями «часто посещаю мечеть/церковь» и «редко посещаю мечеть/церковь» в подгруппе «убежденно верующих» небольшая, в то время как в группе «верующих» она заметно отличается. По возрастному признаку «вообще не посещают мечеть/церковь» относительно молодое поколение – «до 20 лет» (41,5 %) и «от 20 до 30 лет» (39,5 %); «редко посещают мечеть/церковь» в подгруппах «от 30 до 40 лет» (40,1 %) и «от 50 до 60 лет» (41,5 %), т.е. поколение, которое обладает сравнительно большим религиозным опытом и знаниями. По образовательному статусу, относительно интенсивное культовое поведение демонстрируют респонденты со средним базовым образованием (29,7 %), в сравнении с другими подгруппами с пассивным религиозным поведением: 35,7 % высшим, 37,4 % средним и 39,1 % средним специальным образованием «редко посещают мечеть/церковь»; в когорте со средним и высшим образованием относительно выше доля «вообще не посещающих мечеть/церковь» – 35,7 % и 37,3 %, соответственно.

Полученные при сопоставлении вопросов «**Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?**» и «**Как часто Вы посещаете мечеть/церковь?**» результаты исследования показывают, что подгруппа, демонстрирующая активное культовое поведение («всегда участвую во всех религиозных обрядах своей религии и привлекаю других людей») 33,3 % опрошенных «часто посещают мечеть/церковь», 30,2 % «постоянно посещают мечеть/церковь», 26,0 % «редко посещают мечеть/церковь» и 10,4 % «вообще не посещают мечеть/церковь». В подгруппе, которая «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии», доля «постоянно посещающих мечеть/церковь» составляет всего 6,9 %, 30,4 % «часто посещают мечеть/церковь» и 37,2 % «редко посещают мечеть/церковь». Те, кто «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии» 44,6 % «редко посещают мечеть/церковь» и 37,4 % «вообще не посещают мечеть/церковь»; из придерживающихся позиции – «вообще не принимаю участие в религиозных обрядах моей религии» – 71,5 % «вообще не посещают мечеть/церковь».

В вопросе «**Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?**» опрошенные по важности необходимость совершения намаза (чтения молитвы) поставили на первое место, а частотность его соблюдения отражена в таб. № 50.

Таблица 50

Распределение ответов на вопрос «**Как часто Вы совершаете намаз/читаете молитвы?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к вере	Я постоянно совершаю намаз/ читаю молитвы	Я от случая к случаю совершаю намаз/читаю молитвы	Я вообще не совершаю намаз/читаю молитвы
Убежденно верующий	75,3	8,6	12,2
Верующий	41,6	16,1	35,2
Колеблющийся	6,3	18,8	72,9
Неверующий	0	9,5	85,7
Убежденно неверующий	0	0	100
Всего:	50,9	13,1	29,9

Каждый второй опрошенный из всего массива регулярно «*совершает намаз (читает молитвы)*», в то же время каждый третий опрошенный его вообще не совершает. При этом, если позиция «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих» поддается объяснению, то трудность представляет пояснение позиции «верующих», большая доля которых «*вообще не совершает намаз/не читает молитвы*». По возрастному признаку, суждение «*я постоянно совершаю намаз/читаю молитвы*», отметили 44,6 % в разрезе «до 20 лет», 45,7 % «от 20 до 30 лет», 47,6 % «от 60 лет и выше», 53,8 % «от 50 до 60 лет», 61,6 % «от 40 до 50 лет» и 63,1 % «от 30 до 40 лет»; доля «*вообще не совершающих намаз/не читающих молитвы*», по сравнению с другими подгруппами, больше в возрастной подгруппе «до 20 лет». Респонденты независимо от образовательного уровня «*постоянно совершают намаз/читают молитвы*», причем, чем выше образовательный статус, тем ниже доля таковых: 64,1 % с базовым средним, 57,2 % средним специальным, 49,5 % высшим и 44,1 % средним образованием; далее, среди имеющих среднее и высшее образование, каждый третий опрошенный «*вообще не совершает намаз/не читает молитвы*».

Респонденты, которые по *характеру участия* относятся к подгруппе «убежденно верующих» («*всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей*»), «верующих» («*всегда принимают участие в главных религиозных обрядах своей религии*»), «колеблющихся» («*иногда участвуют в некоторых религиозных обрядах своей религии*») «*постоянно совершают*

намаз/читают молитвы» – 79,2 %, 72,5 % и 41,2 %, соответственно, в отличие от подгруппы, которая «вообще не принимает участие в религиозных обрядах своей религии» и «вообще не совершает намаз/не читает молитвы» (70,8 %).

Не менее важным в религиозной практике является умение читать религиозные тексты, тем более, что в республике широко распространены курсы по обучению чтению Корана и их посещают люди, относящиеся к разным социально-демографическим группам (см. таб. № 51).

Таблица 51

Распределение ответов на вопрос «**Как часто Вы читаете религиозные тексты?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к вере	Я постоянно читаю религиозные тексты (Коран, Библия и т.д.)	Я редко читаю религиозные тексты (Коран, Библия и т.д.)	Я вообще не читаю религиозные тексты
Убежденно верующий	30,4	48,8	12,2
Верующий	7,7	46,0	39,9
Колеблющийся	4,2	31,3	66,7
Неверующий	4,8	9,5	81,0
Убежденно неверующий	0	25,0	75,0
Всего:	16,2	45,3	31,7

Результаты опроса показывают, что каждый второй опрошенный редко читает и каждый третий опрошенный вообще не читает религиозные тексты. Среди тех, кто «всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей» 44,8 % опрошенных «постоянно читают религиозные тексты», 38,5 % «редко читают религиозные тексты». Последнюю позицию разделяют 52,2 % опрошенных в подгруппе «всегда принимающих участие в главных религиозных обрядах своей религии», 50,3 % «иногда участвующих в некоторых религиозных обрядах своей религии»; 73,1 % вообще не читают религиозные тексты из подгруппы «вообще не принимающих участие в религиозных обрядах своей религии».

Далее, по всему массиву опрошенных, 46,0 % «всегда соблюдают пост (Уразу)», 30,4 % «иногда соблюдают пост (Уразу)» и 14,8 %

«вообще не соблюдают пост (Уразу)». По подгруппам первое суждение отметили 66,4 % «убежденно верующих» и 37,7 % «верующих»; вторую позицию – 19,0 % «убежденно верующих», 25,0 % «убежденно неверующих», 28,6 % «неверующих», 37,7 % «верующих» и 41,7 % «колеблющихся»; 16,1 % в подгруппе «верующих» «вообще не соблюдают пост (Уразу)». Однако и эти результаты можно подвергнуть сомнению, например, в исламе существует мнение, что «человек обязан хотя бы три дня поститься, чтобы он мог выплатить "саа" («закятуль-фитр»)»¹. В настоящее время также практикуется, что верующий, который по тем или иным причинам не постился, может выплатить, так называемый «муд»², стоимость которого определяется, исходя из стоимости «саа».

Одной из обязанностей мусульманина является выплата религиозного налога с имущества (закят). **Закят** – в исламском праве обязательная ежегодная выплата части средств (одна сороковая часть) в пользу нуждающихся, совершаемая с намерением заслужить довольство Аллаха. Этот вид обязательной (фард) милостыни является одним из столпов ислама. *Закят* выплачивают только обеспеченные люди, для которых это является одним из видов служения Аллаху. По результатам нашего опроса доля «вообще не выплачивающих» и «всегда выплачивающих религиозный налог» варьируется от 26,5 % до 28,5 % и 19,6 % «редко выплачивают религиозный налог». При этом в подгруппах «убежденно верующих» и «верующих» доля таковых составляет 20,5 % и 29,5 %, соответственно. Далее в ответах на этот вопрос респонденты от руки записывали, что они по своему материальному положению не могут и не должны выплачивать религиозный налог, а

¹ **Закят аль-Фитр** – милостыня, которая должна быть выплачена нуждающимся мусульманам до наступления праздника Рамадан. Закят аль-Фитр является в шариате обязательным деянием (*ваджиб*). Глава семьи выплачивает Закят аль-Фитр за всех членов своей семьи (включая детей), которые находятся на его попечении. Он может отдать его целиком одному нуждающемуся мусульманину, либо же распределить на нескольких человек. Размер милостыни Фитр на каждого члена семьи должен быть не менее 1 саа. **Саа** – это мера веса, равная 3500 гр. (в ханафитском мазхабе), либо 1680 гр. (в остальных суннитских мазхабах). Лучше всего выплатить Закят аль-Фитр в виде продуктов, а не их денежным эквивалентом. Например, этими продуктами являются пшеница, ячмень, финики // ULR: <http://slovar-islam.ru/books/f.html> (дата обращения: 19.09.2014).

² **Фидйа** – выкуп, выплата определенного шариатом количества средств взамен исполнения обязательного религиозного служения; искупительная милостыня. Например, если мусульманин по болезни или старости не в состоянии держать пост в месяце Рамадан, то взамен каждого дня поста он обязан выплатить фидйа, размер которого равен размеру закята аль-фитр // ULR: <http://slovar-islam.ru/books/f.html> (дата обращения: 19.09.2014).

также в материальном положении несамостоятельные опрошенные (студенты) отмечали, что религиозный налог выплачивают их родители. Полученные на этот вопрос результаты опроса также вызывают сомнение в своей достоверности, потому что выплачивают религиозный налог с имущества относительно состоятельные люди, а каково материальное положение опрошенных нам неизвестно и при составлении анкеты социологического опроса, вопрос, позволяющий выявить материальное благополучие и неблагополучие респондентов, сознательно не затрагивался.

Из массива опрошенных в отдельную группу следует выделить, исповедующих православие русских, с отличающейся от ислама культовой практикой. Исследование показывает, что среди дагестанских русских, существует заметный разрыв между идентифицирующимися как «православные» (71,3 %) и самоопределяющихся как «верующие» (56,5 %); доля «убежденно верующих» составляет 13,9 %, «колеблющихся» 11,1 %, «неверующих» 10,2 %, «убежденно неверующих» 1,9 %. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что респонденты русские соотносят себя как с православной культурой, так и православной верой. Однако, несмотря на демонстрацию высокого уровня религиозности и религиозной идентичности, существование определенных религиозных, в данном случае православных традиций, опрошенные русские показывают пассивное религиозное поведение, ограничивающееся выполнением, причем «иногда» некоторых, наименее обременительных религиозных предписаний (см. таб. № 52).

Приведенные в таблице результаты показывают, что религиозное поведение как мусульман, так и православных не отличается высокой активностью. Если остановиться на каждой группе в разрезе исповедуемой религии, то опрошенные последователи ислама религиозную активность показывают всего в двух обязательных для мусульманина предписаниях – в совершении намаза, соблюдении поста (Ураза), на третьей и четвертой позиции располагаются регулярное чтение религиозных текстов и выплата религиозного налога (закят), в то время как частотность посещаемости культовых мероприятий, что у первых, что у вторых небольшая. По данным З.М. Абдулагатова, «в отношении обязательных требований ислама, "убежденно верующие" и "верующие" показывают более высокий уровень исполнения. От общей выборки наибольший процент респондентов исполняют требования Уразы (60,7 %). Причем, это связано не только с религиозным поведением верующих и колеблющихся, но и других групп респондентов, которые и этот обряд воспринимают как этническую традицию.

Таблица 52

Распределение ответов на вопросы «Как часто Вы посещаете мечеть/церковь?», «Как часто Вы совершаете намаз (молитесь)?», «Как часто Вы читаете религиозные тексты (Коран, Библия и т.д.)?», «Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?», «Как часто Вы исповедуетесь?», «Как часто Вы причащаетесь?», «Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?» (%)

Варианты ответов	В % респонденты-мусульмане	В % русские респонденты
Как часто Вы посещаете мечеть (церковь)?		
Я постоянно посещаю мечеть (церковь)	6,7	3,7
Я часто посещаю мечеть (церковь)	20,9	11,1
Я редко посещаю мечеть (церковь)	33,4	54,6
Я вообще не посещаю мечеть (церковь)	35,6	29,6
Как часто Вы молитесь (совершаете намаз)?		
Я постоянно совершаю намаз (молюсь)	54,0	23,1
Я от случая к случаю совершаю намаз (молюсь)	10,3	33,3
Я вообще не совершаю намаз (не молюсь)	29,4	38,9
Как часто Вы читаете религиозные тексты (Библия, Коран и т.д.)?		
Я постоянно читаю религиозные тексты (Коран, Библия)	16,6	9,3
Я редко читаю религиозные тексты (Коран, Библия и т.д.)	45,9	38,9
Я вообще не читаю религиозные тексты (Коран, Библия)	30,4	47,2
Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?		
Я всегда соблюдаю пост (Уразу)	49,7	12,0
Я иногда соблюдаю пост (Уразу)	31,3	27,8
Я вообще не соблюдаю пост (Уразу)	10,3	50,9
Как часто Вы исповедуетесь?		
Я постоянно исповедуюсь	–	4,6
Я редко исповедуюсь	–	28,7
Я вообще не исповедуюсь	–	59,3
Как часто Вы причащаетесь?		
Я постоянно причащаюсь	–	2,8
Я редко причащаюсь	–	30,6
Я вообще не причащаюсь	–	53,7
Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?		
Я всегда выплачиваю религиозный налог (закят)	31,9	–
Я редко выплачиваю религиозный налог (закят)	21,1	–
Я вообще не выплачиваю религиозный налог (закят)	30,0	–

Надо также отметить, что респонденты наиболее приемлемым для себя в этом смысле считают "саадака" (раздача милостыни) – 75,7 %, которая, вообще говоря, не входит в число столпов ислама, но является элементом религиозного сознания. 60,0 % колеблющихся, 42,9 % неверующих говорят о том, что они раздают "саадака"¹.

Если перейти к нашему исследованию, то результаты опроса констатируют, что православные русские, аналогично мусульманам, относительно активное религиозное поведение показывают в чтении молитвы и соблюдении поста, в то время как другие очень значимые для православия религиозные предписания (исповедь, причащение), опрошенными практически не соблюдаются. И это несмотря на то, что больше половины опрошенных русских самоидентифицируются, во-первых, как последователи православия, во-вторых, как верующие, т.е. наблюдается существенный разрыв между уровнем религиозности и религиозной практикой. Подтверждением являются полученные на вопрос *«Как часто Вы участвуете в религиозной деятельности?»* результаты, свидетельствующие о том, что индекс «воцерковленности» («В-индекс») среди дагестанских русских имеет низкий показатель, хотя 64,8 % опрошенных русских *«верят в Бога, создавшего мир и управляющего им»* и каждый третий опрошенный (30,6 %) *«допускает существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом»*. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень проявления религиозных практик сравнительно ниже уровня религиозного сознания, которое, в свою очередь, не дотягивает до уровня конфессионального.

Если обратиться к В-индексу В.Ф. Чесноковой, то в нем важными являются 1. частота посещения храма, 2. частота причащения, 3. регулярность чтения текстов Священного Писания, 4. форма молитвы и 5. пост, на основе которого анализируется степень воцерковленности человека. С учетом вышеперечисленных показателей контингент «православных» подразделяют на 5 типологических подгрупп по степени воцерковленности: *«группа О»*, *«группа С»*, *«группа Н»*, *«группа П»*, *«группа Ц»*. Приведенные результаты опроса позволяют причислить каждого второго опрошенного среди православных к *«группе О»* – те, кто не поднялся ни разу даже до второй шкалы (*«вообще не посещаю церковь»*, *«вообще не совершаю молитву»*, *«вообще не читаю религиозные тексты»*, *«вообще не исповедуюсь»*, *«вообще не соблюдаю пост»*). В *«группе Ц»* (*«церковный народ»*) оказывается статисти-

¹ Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 79.

чески небольшая доля опрошенных. Вместе с тем, каждый третий опрошенный среди респондентов-русских по шкале поднялся на третью позицию. Установление низкого индекса воцерковленности опрошенных русских не свидетельствует о слабости проявления их религиозного сознания.

При составлении анкеты опроса, к сожалению, был упущен такой важный момент как определение отношения к религии – «крещенный»/«не крещенный» человек. Процедуру крещения человек может пройти в любом возрасте: если в крещении детей, которые мало что понимают в религиозном учении и культовом поведении, активную позицию занимают родители, большей частью бабушки и дедушки, то когда желание креститься изъявляют зрелые и состоявшиеся люди, то это свидетельствует об определенном переломе в сознании взрослого человека. Также, к сожалению, было упущено выявление отношения к такому важному религиозному ритуалу – у православных венчание, у мусульман заключение брака по исламским канонам. Если в православии проведение обряда венчания допускается в любое время, то в исламе в этом отношении существует жестко фиксированное правило, обязательно до свадьбы, а вот значимость данного ритуала для опрошенных мусульман не была выявлена.

Обряд причащения в православии является относительно сложным процессом, но и сам причащающийся также нуждается в определенной подготовке. Приблизительно за неделю до совершения обряда причащения верующим необходимо по возможности посещать церковь. В день совершения таинства нужно отстоять утреннюю службу полностью. Во время подготовки к причащению необходимо придерживаться тех же правил, что и при соблюдении поста, т.е. воздерживаться от приема пищи животного происхождения, алкогольных напитков, развлечений и пустословия. В день совершения обряда причащения, обязательно перед началом Божественной Литургии нужно исповедаться перед священником.

Автор полагает, что видимо многоступенчатостью соблюдения различного рода правил объясняется небольшой процент постоянно причащающихся православных, впрочем, как и исповедующихся. Характерная для православия «открытость» исповеди, видимо не воспринимается верующими, поэтому они стараются избегать и данный обряд. Таким образом, пассивное культовое поведение требует разъединения понятий «верующий человек» и «религиозный человек», на что совершенно справедливо указывает З.М. Абдулагатов: «верующий человек и религиозный человек – понятия не совпадающие. Если

человек заявляет о себе как о верующем, но за этим нет ни реального религиозного поведения, ни составляющих религиозного сознания, называть его религиозным человеком будет не верно»¹.

Не менее важным является выявление отношения респондентов к религиозной принадлежности с установками коммуникации в повседневной жизни, т.е. какова роль религиозного компонента в процессах межличностного контактирования с представителями иных конфессий и, насколько часто в плане личностного взаимодействия, опрошенные готовы к социальному взаимодействию (см. таб. № 53).

Таблица 53

Распределение ответов на вопрос «*Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе...*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности		Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего:
Вашей супруги (-а)	Да	78,7	81,7	76,6	72,1	59,3	71,5	49,1	67,6	67,1	71,7
	Нет	13,6	11,7	11,7	19,7	33,3	22,6	46,3	21,6	24,7	20,8
Супруги (-а) Ваших детей	Да	70,7	78,3	71,4	70,5	63,0	69,3	48,1	56,8	65,8	67,1
	Нет	15,1	13,3	14,3	18,0	22,2	22,6	46,3	32,4	23,3	21,6
Коллеги по работе	Да	20,7	11,7	23,4	9,8	3,7	13,9	2,8	18,9	6,8	14,7
	Нет	59,9	76,7	64,9	82,0	81,5	73,0	89,8	67,6	75,3	70,7
Друзей	Да	33,0	15,0	24,7	16,4	11,1	16,1	6,5	35,1	23,3	22,9
	Нет	47,8	75,0	59,7	73,8	77,8	67,9	85,2	54,1	63,0	62,3
Места жительства	Да	31,8	16,7	20,8	16,4	14,8	20,4	11,1	35,1	13,7	22,8
	Нет	46,3	66,7	59,7	73,8	66,7	67,2	81,5	45,9	69,9	60,5
Непосредственного начальника	Да	22,2	13,3	22,1	11,5	11,1	14,6	5,6	18,9	13,3	16,5
	Нет	59,0	75,0	61,0	77,0	74,1	72,3	85,2	67,6	72,6	68,5
Соседа по дому, квартире	Да	25,9	10,0	24,7	13,1	7,4	14,6	7,4	35,1	17,8	19,1
	Нет	54,0	78,3	59,7	78,7	81,5	72,3	84,3	54,1	65,8	65,9

Полученные результаты показывают, что по всему массиву опрошенные демонстрируют позитивное отношение к личной и дело-

¹ Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 82.

вой коммуникации с представителями иной религиозной принадлежности, за исключением семейно-брачной сферы. Если каждый второй опрошенный готов принять человека иного вероисповедания в качестве «коллеги по работе», «друга», «при выборе места жительства», «непосредственного начальника» и «соседом по дому, квартире», то такая же часть не приемлют иноверца в качестве собственного, а также своих детей брачного партнера. Опрошенные, независимо от возраста, образовательного уровня и гендерного положения демонстрируют негативное отношение к межконфессиональным бракам.

Однако следует отметить, что женщины (76,8 %) более толерантны в отношении как собственного межконфессионального брака, так и возможности его заключения своими детьми (72,6 %), в отличие от мужчин, доля которых заметно ниже – 66,6 % и 62,2 %, соответственно. Также отличия проявляются в возрастных подгруппах: если на важность религиозной принадлежности при заключении брака указывают в возрасте «от 30 до 40 лет» (71,5 %), «от 50 до 60 лет» (72,3 %), «до 20 лет» (72,7 %), «от 20 до 30 лет» (75,6 %), то таковых относительно меньше в возрастной категории «от 40 до 50 лет» (66,1 %) и «от 60 лет и выше» (57,1 %). Можно сказать, что исторически существовавший консерватизм в отношении заключения межконфессионального брака по-прежнему играет заметную роль в массовом сознании дагестанских народов.

Таким образом, полученные результаты социологического опроса позволяют сделать вывод об ориентированности опрошенных дагестанских народов на поддержание межличностных и деловых контактов, более того, можно говорить о существовании в их массовом сознании толерантных установок, при одновременном присутствии негативного отношения к возможности заключения межконфессионального брака. Также следует обратить внимание на то, что в разрезе религиозной принадлежности, вышеназванные тенденции сохраняются, причем в большей степени в установках исповедующих ислам, в отличие от православных русских, среди которых, по сравнению с другими опрошенными, заметно больше доля позитивно настроенных на принятие человека иного вероисповедания в качестве собственного брачного партнера, впрочем, как и брачного партнера своих детей.

В ходе опроса, для нас важным является установление влияния типа религиозности опрошенных на процесс социального взаимодействия (см. таб. № 54).

В разрезе отношения к религии, приведенные результаты показывают, что подгруппы «убежденно верующих» и «верующих» не

воспринимают межконфессиональный брак, в отличие от «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», которые демонстрируют толерантное отношение к заключению брака с последователями иной религии.

Распределение ответов на вопрос «*Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе...*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Вашей супруги (-а)		Супруги (-а) Ваших детей		Коллеги по работе		Друзей		Места жительства		Непосредственного начальника		Соседа по дому, квартире	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Убежденно верующий	81,0	11,0	73,5	13,1	25,9	58,0	38,4	46,4	32,7	48,5	28,0	56,0	31,0	51,8
Верующий	70,9	23,1	68,5	22,5	8,4	78,9	15,0	71,4	18,1	67,2	9,9	76,9	13,4	74,0
Колеблющийся	35,4	58,3	35,4	54,2	2,1	89,6	6,3	81,3	10,4	81,3	6,3	81,3	4,2	87,5
Неверующий	33,3	47,6	19,0	57,1	4,8	71,4	4,8	71,4	0	76,2	0	76,2	0	76,2
Убежденно неверующий	25,0	75,0	25,0	75,0	25,0	75,0	25,0	75,0	25,0	75,0	25,0	75,0	25,0	50,0
Всего:	71,7	21,2	67,2	21,7	14,8	71,7	23,4	62,2	22,9	60,1	16,6	68,9	19,5	66,0
Мусульмане	74,7	17,3	69,7	18,2	16,3	68,1	25,1	59,2	24,4	57,7	18,0	66,2	20,7	63,4
Православные	49,1	46,3	48,1	46,3	2,8	89,8	6,5	85,2	11,1	81,5	5,6	85,2	7,4	84,3

Также можно видеть заметную социальную дистанцированность между носителями ислама и православия: среди первых относительно выше доля, не принимающих иноверца не только в качестве брачного партнера, но и в качестве друзей, коллеги по работе, непосредственного начальника, соседом по дому и при выборе места жительства, в то время как среди православных статистически небольшая часть опрошенных обозначают значимость религиозной принадлежности в процессе межличностного взаимодействия. Иными словами, мусульманам характерно яркое проявление социальной дистанцированности, более того, можно предположить возможность существования в их массовом сознании интолерантных установок, в то время как опрошенным православным не характерен такой консерватизм.

В ответах на «контрольный вопрос» **«Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?»**, против возможности заключения брака с человеком другой конфессиональной принадлежности выступает каждый второй опрошенный (46,2 %), 33,1 % допускает его и 16,0 % затруднились выразить свое мнение. Позитивно возможность заключения межконфессионального брака оценивают, в отличие от других подгрупп, только респонденты в возрасте «от 60 лет и выше» (57,1 %), мужчины (39,6 %) и доля женщин, не допускающих возможность вступления в родственные отношения с представителями иной религии заметно выше (58,4 %), хотя в предыдущем вопросе женщины, в отличие от мужчин, отмечали незначимость религиозной принадлежности при выборе брачного партнера. Последователи ислама обозначают невозможность заключения межконфессионального брака (49,7 %) и таковых среди православных в 2,5 раза меньше (21,3 %). Каждый второй опрошенный среди православных позитивно оценивают возможность вступления в брачные отношения с представителем иной конфессиональной принадлежности (61,1 %) и таковых в 2 раза меньше среди мусульман (28,1 %).

В ходе анализа полученных результатов опроса мы сопоставили два вопроса **«Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?»** и **«Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе будущего супруга (-и)/супруга (-и) Ваших детей?»**. В подгруппе, допускающей возможность заключения межконфессионального брака 44,2 % подчеркивают, что для них определенное значение имеет религиозная принадлежность будущего брачного партнера, а отрицательно относящаяся к межконфессиональному браку часть опрошенных последовательно отмечает важность религиозной принадлежности будущего супруга (-и) (90,3 %). Такое же отношение демонстрируют опрошенные и к межконфессиональному браку своих детей: позитивно к нему относятся 43,2 % и 84,3 % не воспринимают брак с человеком другого вероисповедания. Результаты опроса показывают, что опрошенные не очерчивают социальную дистанцию от последователя иного вероучения во многих сферах межличностного контактирования, за исключением семейно-брачной сферы, хотя и здесь наблюдается заметное изменение отношения к межконфессиональному браку.

3.4. Общественное мнение о влиянии религиозного компонента на межэтнические отношения и оценка деятельности Духовного управления мусульман Дагестана

В отношении дефиниции «религиозное возрождение» в современной социологии религии существуют самые различные подходы, например в работах А.В. Малашенко, Р.М. Мухаметшина, М.Н. Губогло, Р.Н. Мусиной и т.д.¹. Характерное для современного российского общества усиление значимости религиозного компонента, религиоведы рассматривают как десекуляризацию, своеобразный религиозный ренессанс, «ярким свидетельством которого является стремительный рост количества храмов (церквей, мечетей и т.п.), религиозных общин»². В перестроечный и последующий периоды в нашей республике также наблюдалось увеличение количества культовых учреждений, часто их строительство происходило за счет собранных благотворительных средств, а также на личные средства состоятельного человека. В одно время стало даже «модным» афишировать, что, благодаря финансовой поддержке того или иного человека появилась мечеть в том или ином населенном пункте. В тот же период возникло большое количество исламских учебных заведений, находящихся на балансе крупных торговых фирм. В отношении исламских учебных заведений возникает вопрос о качестве обучения в них, который, к сожалению, не контролируется, а в отношении культовых учреждений, с учетом их количества, о частотности и массовости их посещения.

На следующей таблице приведено количество религиозных организаций в Республике Дагестан (см. таб. № 55).

¹ См.: Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998; Мухаметшин Р.М. Конфессиональный компонент этнической идентичности // Казанский федералист. № 4 (20). Казань, 2006. С. 96; Губогло М.Н. Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама. 2000. № 3. С. 4; Мусина Р.Н. Современные этноконфессиональные процессы и проблемы идентичности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М., 2012. С. 170.

² Мусина Р.Н. Современные этноконфессиональные процессы и проблемы идентичности // [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М., 2012. С. 170.

Таблица 55

**Число религиозных организаций в Республике Дагестан
на 1 января 2013 года¹**

	Всего зарегистри- ровано	В том числе по видам			
		Централизо- ванные рели- гиозные ор- ганизации	Местные религи- озные ор- ганизаци- и	Духовные образова- тельные учреждения	Религи- озные учрежде- ния
Все религиоз- ные организации	2530	1	2429	97	3
По конфесси- ям:					
Русская Пра- вославная Церковь	19	–	19	–	–
Старообрядцы	1	–	1	–	–
Римско- католическая Церковь	–	–	–	–	–
Армянская апостольская церковь	2	–	2	–	–
Ислам	2475	1	2374	97	3
Иудаизм	5	–	5	–	–
Евангельские христиане- баптисты	10	–	10	–	–
Евангельские христиане	1	–	1	–	–
Христиане ве- ры евангель- ской- пятидесятники	5	–	5	–	–
Адвентисты седьмого дня	6	–	6	–	–
Свидетели Иеговы	6	–	6	–	–

¹ URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/ (дата обращения: 19 мая 2014).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что на небольшой территории нашей республики функционирует довольно большое количество религиозных организаций. Вместе с тем возникает вопрос об эффективности работы этих культовых учреждений и об их роли в процессах формирования толерантных установок в массовом сознании и поведении. Все это актуализировано по причине наличия в российском обществе нетерпимости и агрессии в отношении носителей иного вероисповедания, непризнания учения другой религии, и интолерантность большей частью проявляется в убеждениях и поведении студенческой молодежи. К сожалению, очень сложно дать объяснение наличию религиозной нетерпимости в студенческой молодежной среде, хотя можно выдвинуть предположения об активном культовом поведении студенчества, которое практически не пропускает религиозные службы, старается исправно соблюдать основополагающие религиозные правила (посещать богослужения, совершать намаз, соблюдать пост и т.д.) и свои знания в основном черпают при посещении культовых учреждений.

Следовательно, получаемые ими знания зависят, во-первых, от степени подготовленности человека, с которым они соприкасаются, во-вторых, от его отношения к иным конфессиям и их религиозным учениям. Поэтому, неслучайно при изучении межэтнических отношений и религиозного фактора исследователи выделяют ксенофобию, религиозную и этническую интолерантность, этноконфессиональные противоречия, роль и место религиозного компонента в сохранении стабильности и согласия в обществе.

Всесторонне и глубоко рассматривая вышеназванные проблемы, ученые не делают их основой выработки концептуальных основ улучшения этнорелигиозных отношений, несовершенство которых является деструктивным моментом. По мнению С.А. Мозгового, «для любой религии наряду с этносегрегерирующей функцией, ведущей к противопоставлению народов и последователей разных вероисповеданий, характерны интегративная и регулятивная функции, которые позволяют устанавливать связи между единоверцами, поддерживать конфессиональную и этническую общность, регулировать поведение людей... мировые религии, объединяющие людей самых различных национальностей, способствовали сближению народов, взаимовлиянию и взаимообогащению их культур, сглаживанию межнациональных противоречий»¹.

¹Мозговой С.А. Этнорелигиозный фактор проблемы межнационального и межконфессионального согласия в России // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. М., 2000. С. 153 – 154.

Существуя на протяжении многих столетий, религия вплетена в национальное самосознание народов, оставляет свой след на развитии их культуры, быта, традиций, способствует как обострению, так и регулированию межнациональных отношений. Истории известны многочисленные примеры, когда религия породила или усиливала национальную дискриминацию и национальные конфликты. В свою очередь, и религия испытывает немалое влияние этнических моментов. Национальная принадлежность людей, исповедующих ту или иную теорию, накладывает определенный отпечаток на религиозный культ и религиозные традиции.

В работе уже отмечалось, что религиозное возрождение имело не только положительные, но и негативные последствия, ибо конфессиональный фактор может способствовать как консолидации общества, так и разъединению людей, связанный с проявлением национальной и религиозной неприязни. Формированию межэтнической и межконфессиональной нетерпимости может привести существующее в обществе неравенство прав религиозных меньшинств, противопоставление одной религии другой, национальные и религиозные стереотипы, подчеркивающие превосходство собственного народа и религии. Иными словами, возрождение ислама не привело к качественному росту нравственности у мусульман республики, впрочем, как и не способствовало консолидации дагестанского общества, единению дагестанских народов, как это прогнозировали некоторые политические и религиозные деятели.

Неоднозначное отношение к роли религии в современном обществе, требует изучения воздействия религиозного компонента на состоянии межконфессиональных и межэтнических отношений (см. таб. № 56).

Сравнение результатов двух опросов 2008 г. и 2014 г. показывает, что в общественном сознании дагестанских народов сохраняется позитивная оценка религиозного влияния на состояние межконфессиональных и межнациональных отношений. Так, по мнению опрошенных, религия выполняет положительную роль в процессе *«улучшения взаимопонимания между народами»*, *«в повышении нравственности людей»* и *«в улучшении взаимоотношений между представителями разных религий»*, причем, за прошедший период наблюдается увеличение количества придерживающихся этих позиций. Вместе с тем растет количество усматривающих отрицательные последствия рели-

¹ Аширов Н. Ислам и нации. М., 1975. С. 3.

гиозного возрождения по ряду причин: во-первых, «ухудшение отношений между народами», во-вторых, «появление противостояния между религиями и верующими», в-третьих, «появление противостояния между представителями одного народа».

Таблица 56

Распределение ответов на вопрос «*Какое влияние возрождение религии оказало на развитие межнациональных и межрелигиозных отношений в дагестанском обществе?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)¹

Варианты ответов // Национальности	Положительное, улучшилось взаимопонимание между народами	Положительное, повысилась нравственность людей	Положительное, улучшились взаимоотношения между представителями разных религий	Отрицательное, ухудшились отношения между народами	Отрицательное, появилось противостояние между религиями и верующими	Отрицательное, появилось противостояние между представителями одного народа	Затрудняюсь ответить	Отрицательное, появился раскол внутри религий (2014 г.)
Аварцы	31,3 / 45,4	17,7 / 29,9	8,3 / 24,4	6,3 / 9,9	5,2 / 13,6	3,6 / 5,6	32,3	11,1
Азербайджанцы	36,7	33,3	15,0	10,0	13,3	11,7	–	11,7
Даргинцы	41,4 / 39,0	20,7 / 33,8	8,6 / 18,2	5,2 / 13,0	5,2 / 14,3	6,9 / 7,8	22,4	10,4
Кумыки	28,4 / 41,0	20,6 / 32,8	7,8 / 14,8	11,8 / 11,5	6,9 / 11,5	3,9 / 6,6	21,6	9,8
Лакцы	12,9 / 25,9	28,6 / 18,5	35,7 / 7,4	2,9 / 25,9	0 / 29,6	10,0 / 11,1	11,4	18,5
Лезгины	40,0 / 31,4	0 / 24,1	0 / 13,9	24,0 / 11,7	4,0 / 21,2	0 / 7,3	32,0	10,9
Русские	14,8 / 20,4	3,7 / 13,9	14,8 / 16,7	22,2 / 27,8	18,5 / 21,3	3,7 / 15,7	33,3	22,2
Чеченцы	21,9 / 40,5	53,1 / 18,9	4,7 / 8,1	4,7 / 2,7	0 / 10,8	4,7 / 0	15,6	2,7
Другие	28,8	38,4	11,0	5,5	24,7	2,7	–	11,0
Всего:	28,0 / 36,7	21,2 / 27,8	11,0 / 17,8	9,8 / 12,5	5,9 / 16,8	4,6 / 7,4	23,9 / –	– / 12,2

Среди опрошенных выделяются респонденты-русские, относительно большая часть которых подчеркивает роль религии в ухудшении

¹ Первая цифра в таблице – результаты опроса 2008 г., вторая цифра в таблице – результаты опроса 2014 г.

межрелигиозных и межнациональных отношений в республике, причем они обращают внимание на то, что религиозное возрождение способствовало возникновению противостояния между разными вероисповеданиями и верующими. Видимо такая оценка русскими роли религии в современном дагестанском обществе объясняется тем, что на протяжении последних лет мы являемся свидетелями террористических актов за пределами Дагестана, совершаемых «смертниками» под знаменем ислама, формируя в глазах русского населения негативный образ как самой мусульманской религии, так и самого мусульманина.

При этом следует указать на то, что и в самой республике наблюдается отрицательное отношение к духовным лицам, женщинам в хиджабах, деятельности духовных учреждений. У светски одетых людей на обыденном уровне можно встретить неприязненное отношение к носящим мусульманскую одежду, особенно часто такой негатив проявляется в отношении молодых девушек, одетых во все черное. В целом, в массовом сознании дагестанских народов существует противоречивое отношение к деятельности ДУМД и при оценке роли религии в современном обществе: с одной стороны, большая часть опрошенных положительно оценивает работу Духовного управления и роль религии в укреплении нравственности, межнациональных отношений и т.д., но при этом подчеркивают их «косвенную» роль в обострении внутрирелигиозной и межрелигиозной напряженности.

Усиление роли религии на всем постсоветском пространстве, стремление религиозных организаций и учреждений влиять на образовательный процесс, государственное устройство и т.д. вызывает отторжение и критику не только со стороны атеистов, но и со стороны верующих людей. В этой связи актуальным становится определение существующих в массовом сознании тенденций в очерчивании сфер религиозной деятельности и религиозного влияния (см. таб. № 57).

Полученные результаты социологического опроса показывают, что респонденты независимо от отношения к религии, придерживаются двух взаимосвязанных мнений, что сферой деятельности религиозных организаций должны быть *«духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения»* и *«религиозная деятельность»*. По мнению З.М. Абдулагатова, «еще один практический аспект проблемы заключается в выявлении того, насколько ислам в сознании дагестанцев играет нравственно-этическую роль, насколько исламские ценности принимаются в качестве компоненты национальной культуры и в качестве этнообразующей составляющей»¹.

¹ Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 8.

Таблица 57

Распределение ответов на вопрос «С какой сферой общественной жизни Вы связываете деятельность религиозных организаций?»
(варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно ве- рующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неве- рующий	Всего:
С религиозной деятельностью	52,1	40,5	29,2	42,9	25,0	44,4
С духовно-нравственным воспитанием подрастающего поколения	54,5	49,6	39,6	33,3	0	50,3
Со сферой милосердия и благотворительности	19,6	24,2	20,8	19,0	50,0	22,2
Со сферой разрешения межнациональных разногласий	9,5	13,0	16,7	14,3	0	11,8
С налаживанием диалога между разными религиями	12,2	15,6	37,5	19,0	25,0	15,6

Наличие в массовом сознании суждения, что сферой общественной жизни религиозных организаций должна быть «религиозная деятельность» объясняется характерной для постсоветской России клерикализацией общества, проникновением религиозного компонента практически во все сферы общества, будь то образование, армия, государственное устройство и т.д. Хотя в массиве опрошенных, доля относящих себя к «неверующим» и «убежденно неверующим» статистически незначима, 2,4 % и 0,5 %, соответственно, однако респондентам характерно стремление «оградить» себя от влияния и «контроля» со стороны религиозных учреждений. Если обратиться к исследованию 2008 г., то опрошенные связывали деятельность религиозных организаций с следующими сферами общественной жизни: «с привлечением религиозных организаций в процессы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения» (31,0 %), «только с религиозной деятельностью» (26,6 %), «сферой милосердия и благотворительности» (25,6 %), «ликвидацией проблем наркомании и т.д.» (11,3 %), «при разрешении межнациональных разногласий» (10,8 %) и «налаживанием диалога между различными религиями» (10,6 %).

Ориентированность опрошенных дагестанских народов жестко очертить сферы деятельности религиозных учреждений, предполагает выявление их отношения к Духовному управлению мусульман Дагестана. Чтобы проследить динамику в оценке деятельности Духовного управления мусульман Дагестана представляется необходимым обратиться к опросу 2008 г. (см. таб. № 58).

Таблица 58

Распределение ответов на вопрос **«Как Вы оцениваете роль Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) в современном дагестанском обществе?»** (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Верующие	Неверующие	Всего:
Положительно, ДУМД способствует разрешению межнациональных разногласий	22,9	9,1	22,4
Положительно, ДУМД способствует разрешению религиозного противостояния	11,2	9,1	11,1
Положительно, ДУМД способствует укреплению дружбы между дагестанскими народами	28,4	40,9	28,9
Отрицательно, ДУМД способствует появлению противостояния между дагестанскими народами	7,3	4,5	7,1
Отрицательно, ДУМД погрязло в финансовых махинациях и наживе	17,1	18,2	17,1
Отрицательно, ДУМД сводит счеты с теми, кто не согласен с их политикой	5,1	0	4,9
Отрицательно, ДУМД допустило появление ваххабизма на территории республики	11,4	13,6	11,5
Отрицательно, ДУМД допустило обострение межрелигиозных отношений	6,3	9,1	6,4

Полученные результаты свидетельствуют, что респонденты, в основном положительно оценивая роль Духовного управления мусульман Дагестана, вместе с тем подметили и отрицательную роль, связанную, по их мнению, с тем, что *«ДУМД погрязло в финансовых махинациях и наживе»* и по значимости его поставили на третье место.

На таблице № 59 приведены результаты социологического опроса 2014 г.

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы оцениваете роль Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) в современном дагестанском обществе?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Положительно, потому что ДУМД способствует разрешению межнациональных разногласий	46,4	32,4	22,9	23,8	0	37,0
Положительно, потому что ДУМД способствует разрешению существующего внутри ислама религиозного противостояния	46,4	31,1	31,3	19,0	0	36,6
Положительно, потому что ДУМД способствует укреплению дружбы между дагестанскими народами	43,8	36,8	35,4	28,6	0	39,0
Отрицательно, потому что ДУМД способствовал ухудшению межнациональных отношений в Дагестане	11,3	16,1	10,4	19,0	0	13,9
Отрицательно, потому что ДУМД способствует появлению противостояния между дагестанскими верующими	7,1	8,8	8,3	19,0	0	8,3
Отрицательно, потому что ДУМД допустило обострение межрелигиозных отношений в Дагестане	14,3	19,4	18,8	19,0	75,0	17,6

Результаты опросов 2008 г. и 2014 г. показывают сохранение положительной оценки деятельности Духовного управления мусульман Дагестана: по-прежнему важным и эффективным в работе ДУМД остается его роль в «укреплении дружбы между дагестанскими наро-

дами», разрешении «межнациональных разногласий» и «существующего внутри ислама религиозного противостояния». Вместе с тем отрицательными моментами в деятельности ДУМД, по мнению опрошенных, являются то, что «ДУМД допустило обострение межрелигиозных отношений в Дагестане», «способствовало ухудшению межнациональных отношений в Дагестане» и «способствовало появлению противостояния между дагестанскими верующими». Причем негативное отношение к деятельности Духовного управления Дагестана демонстрируют опрошенные независимо от степени своей религиозности, поэтому возникает необходимость выявить уровень доверия мусульманской части опрошенных к Духовному управлению мусульман Дагестана и православных-русских к Русской Православной церкви (см. таб. № 60).

Таблица 60

Распределение ответов на вопрос «**Вы доверяете Духовному управлению мусульман Дагестана (ДУМД)/Русской Православной церкви (РПЦ)?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Да, доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Нет, не доверяю	Средний балл
Убежденно верующий	46,7	28,0	11,9	8,9	1,8
Верующий	30,6	37,0	14,5	9,7	2,0
Колеблющийся	16,7	50,0	18,8	8,3	2,2
Неверующий	9,5	33,3	14,3	23,8	2,6
Убежденно неверующий	0	0	0	75,0	4,0
Всего:	35,5	34,0	13,7	10,0	–

Полученные результаты опроса показывают наличие высокого уровня доверия, который колеблется в пределах от 35,5 % до 10,0 % «нет, не доверяю». По сравнению с другими подгруппами, относительно высокий уровень недоверия демонстрируют «неверующие» и «убежденно неверующие». Сравнительный анализ результатов таблиц № 59 и № 60 свидетельствует, что в массовом сознании дагестанских верующих, независимо от исповедуемой религии, сохраняется тенденция положительной оценки деятельности ДУМД для мусульман и РПЦ для православных, сопровождающийся при этом высоким уровнем доверия к ним. Так 43,5 % опрошенных русских Русской Право-

славной церкви «доверяют», 30,6 % «скорее доверяют», 8,3 % «скорее не доверяют» и 5,6 % «не доверяют», иными словами, для православных авторитет РПЦ имеет определенный вес. Далее в ходе исследования было установлено, что в позициях опрошенных мусульман, с несущественной разницей, доминирует суждение «скорее доверяю» (34,7 %), против 33,7 % «доверяю». Вместе с тем, по сравнению с православными, среди мусульман больше доля выбравших позиции «скорее не доверяю» (14,4 %) и «не доверяю» (10,7 %), т.е. среди исповедующих ислам, при позитивной оценке деятельности ДУМД, каждый седьмой опрошенный обозначает свою позицию «скорее доверяю» и каждый девятый опрошенный «не доверяю» и такая оценка заставляет задуматься.

Одной из возможных причин обострения межрелигиозных отношений в поликонфессиональном обществе является статус распространенных на его территории религий, в нашем случае ислама и православия. В ходе проведения опроса, мы сознательно не включили в выборку евреев, исповедующих иудаизм, по причине сложности проведения среди них социологического опроса. Существующие в общественном сознании опрошенных дагестанских народов позиции о статусе, распространенных на территории Дагестана религий см. таб. № 61.

Таблица 61

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в республике все религии должны обладать равными правами?» и «Согласны ли Вы с утверждением, что ислам должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике?» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Согласны ли Вы с утверждением, что в республике все религии должны обладать равными правами		Согласны ли Вы с утверждением, что ислам должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике	
	Да	Нет	Да	Нет
Убежденно верующий	69,0	22,6	49,7	36,0
Верующий	81,7	13,2	33,5	57,9
Колеблющийся	91,7	4,2	18,8	72,9
Неверующий	90,5	4,8	14,3	76,2
Убежденно неверующий	100	0	0	75,0
Всего:	77,6	16,1	38,4	50,8

Опрошенные независимо от типа религиозности придерживаются мнения, что *«в республике все религии должны обладать равными правами»* и таковых заметно больше во всех подгруппах, за исключением подгруппы «убежденно верующих». Среди «убежденно неверующих», «колеблющихся» и «неверующих», по сравнению с другими подгруппами, больше придерживающихся положительного отношения к статусу других религий на территории Дагестана. Опрошенные последовательны в своей позиции и разногласие в определении прав конкретно ислама в республике проявляется через суждение – *«ислам не должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике»*. Так, если «убежденно верующие» считают, что *«ислам должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике»*, то каждый второй опрошенный среди «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих» придерживаются противоположного мнения.

По национальной принадлежности позиции, что *«в республике все религии должны обладать равными правами»* придерживаются 88,9 % опрошенных русских, 88,9 % лакцев, 88,3 % азербайджанцев, 79,6 % лезгин, 79,2 % даргинцев, 71,9 % аварцев, 70,5 % кумыков и 64,9 % чеченцев; в то же время относительно большая часть опрошенных кумыков (14,8 %), лезгин (16,8 %), аварцев (21,9 %) и чеченцев (29,7 %) убеждены в противоположном; суждение *«ислам должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике»* ближе аварцам (46,6 %), чеченцам (86,5 %), в то время как опрошенные русские (89,8 %), азербайджанцы (61,7 %), лезгины (60,6 %), лакцы (59,3 %), кумыки (50,8 %) и даргинцы (50,6 %) выступают против наделения ислама большими правами, чем остальные, функционирующие на территории республики, религии.

Сравнение результатов вопросов **«Согласны ли Вы с утверждением, что в республике все религии должны обладать равными правами?»** и **«Согласны ли Вы с утверждением, что ислам должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике?»** через религиозную самоидентификацию, показывает наличие в позициях опрошенных, исповедующих как ислам, так и православие последовательности: мусульмане (76,4 %) и православные (88,9 %) считают, что *«в республике все религии должны обладать равными правами»* против 17,5 % (мусульмане); с другой стороны, 45,9 % мусульман и 89,8 % православных не разделяют суждение *«ислам должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике»* против 42,8 % (мусульмане). Такая по-

зиция характерна православным русским, несмотря на то, что на территории республики существует высокий уровень веротерпимости и, ни само православие, ни их культовые учреждения в Дагестане никогда не подвергались преследованиям. Объяснение кроется, надо полагать, в существовании в массовом сознании русского человека определенного страха перед исламским учением, с проповедью джихада, угрозой перед террористическими актами и т.д.

Следует обратить внимание на то, что если на «официальном уровне» дагестанские мусульмане проявляют веротерпимость, то в повседневной жизни, на бытовом уровне, в определенной степени проявляет себя и интолерантность. Например, в ходе опроса один из респондентов отмечал, что мусульмане в дни своих религиозных праздников, при раздаче милостыни последователям своей религии, обходят их, стараются держаться от них отчужденно, что негативно воспринимается русскими респондентами. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод, что в общественном сознании дагестанских народов существуют толерантные установки на статус всех религий на территории Дагестана, дополненное как ранее в работе отмечалось позитивным отношением к прозелитизму.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IV. ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

4.1. Российская идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности

Прежде чем перейти к анализу сущности российской идентичности представляется необходимым изложить имеющиеся в отечественной науке ее понимание и типологию. В работе «Новая российская идентичность: исследование по социологии знания» А.Н. Малинкин предлагает следующие типы дискурса новой российской идентичности:

1. *Революционаристский тип*, представители которого радикально настроены «западники» и Россия для них является «задворками Западной Европы, евро-американской или мировой цивилизации». Сторонники данного типа либо вообще не признают самобытности России, либо признают ее только как негативный балласт «вековой отсталости России от Запада». Выходом из данной ситуации они считают радикальное изменение традиционной российской национальной идентичности, оцениваемую ими крайне отрицательно. Более того, нет оснований рассуждать о какой-то загадочной «русской душе», особой «русской стати», специфическом «русском менталитете», причем такие рассуждения они оценивают как «абсолютно непродуктивные, бессмысленные и смехотворные».

Таким образом, необходимо отказаться безоговорочно как от иррациональных русофильских мифов, так и от всего советско-тоталитарного, чтобы как можно быстрее осуществить модернизацию России. Это путь прогресса, ведущий к либерализму, гарантирующему свободу личности, права человека, минимум государственного вмешательства в социальную жизнь, экономическое процветание, политическую демократию, право наций на самоопределение вплоть до отделения, мультикультурализм и т.д. Россия отстает от Запада, но чем более радикально она будет модернизировать общество и все его подсистемы, тем больше у нее шансов быстрее его догнать.

По мнению А.Н. Малинкина, «появляется явно выраженный русофобский и антироссийский мотив: по мнению авторов, относящихся к этому типу, надо честно признать, что российский народ (прежде всего русский) с его заскорузлым "совковым", фашизоидным менталитетом – главное препятствие на пути реформ. С ним не построить

гражданского общества, ибо русскому народу, его национальному характеру больше всего подходит коммунизм, сущностно родственный фашизму и чреватый тоталитаризмом»¹. Формирование новой российской идентичности подразумевает а) признание превосходства западной культуры, выработанных ею образцов жизни и универсальных «общечеловеческих ценностей» над отечественной культурой, ее образцами жизни и ценностями, б) принятие западных культур, образа жизни и ценностей как свои собственные, научиться по ним жить.

2. *Либералистского типа* придерживаются умеренные новые «западники», для которых Россия – это Восточная Европа. Признавая особость России, они исходят из понимания ее самобытности, как и самобытности любой другой страны, но при учете российской специфики нельзя ее преувеличивать и переоценивать. Сторонники либералистского типа склонны рассматривать развитие общества скорее по западной шкале ценностей (универсально-прогрессивной, либеральной), чем по российской. Формирование новой российской идентичности требует изменения традиционной национальной идентичности России в сторону ее большей «либерализации», которая означает трансформацию, перерождение некоторых традиционных элементов национального русского характера, прежде всего тех, которые мешают россиянам приспособиться к рыночному хозяйству и демократии в политической, социальной, производственной сферах.

Модернизация, безусловно, требуется России, но слишком радикальные, революционные меры по реформированию общества будут опережать его социально-психологическую готовность. Россия должна быть открытой миру, но ее интеграция в мировое сообщество, соответственно, подключение к процессу глобализации должны происходить поэтапно, то есть по мере ее внутренней готовности (формирования национальной идентичности) и с учетом ее исторически и геополитически сложившихся связей².

3. К *центристскому типу* причисляют интеллектуалов и политиков, которые не относятся ни к новым «западникам», ни к новым «славянофилам», потому что в их взглядах можно найти черты и тех, и других. Россию они рассматривают как огромное восточно-европейское и одновременно евроазиатское государство с самобытной национальной и политической культурой. При этом они склонны признавать особый русский национальный характер, неповторимую специфику российского менталитета, которые необходимо принимать

¹ См.: Малинкин А.Н. Указ. раб. С. 82.

² Малинкин А.Н. Указ. раб. С. 83.

во внимание. По их представлениям, сформировать новую российскую идентичность, значит построить новое политически сильное и экономически благополучное российское государство по принципу «нация-государство», сохранив лучшие традиции российской национальной и политической культуры. Для этого нужны усилия самого российского народа, всех этносов и конфессий. Но важна и открытость миру, готовность взять все лучшее у всех мировых цивилизаций, в том числе и у Запада, но не в духе преклонения перед ним как единственным источником просвещения, а в духе взаимовыгодного партнерства, на базе сравнительной методологии¹.

4. *Консервативный тип* предполагает рассмотрение России как северо-евразийской, славяно-тюркской, или православно - мусульманской, государство-цивилизация с собственными геополитическими интересами и задачами, ядро которой составляет русский народ со своей самобытной национальной традиционной культурой. Они подчеркивают, что у россиян особый национальный характер и менталитет, которые обязательно надо учитывать, чтобы понять историю Российской империи, СССР и то, что происходит в России сейчас.

В «русской идее», в самобытности русской культуры, специфике российского менталитета нет ничего иррационального, недоступного здравому смыслу. Сформировать новую российскую идентичность в новых исторических условиях, то есть в постиндустриальную информационную эпоху, когда Запад бросил России вызов «глобализации», означает сохранить евразийскую (имперскую) цивилизационную и русскую национально-культурную идентичность России, возродить традиции сильной государственности, но не впасть в крайность теократического панславизма, который столкнул бы Россию одновременно и с Западом, и с мусульманским миром.

Интеграция России-Евразии (империи) в мировое сообщество должна быть геополитически выверенной и сбалансированной, то есть ориентированной в зависимости от национальных приоритетов и интересов в разной мере на разные государства и регионы мира. Она должна происходить по мере выхода России из глубочайшего общественно-системного кризиса, формирования новой российской идентичности по принципу диалога культур и исключать одностороннее влияние, а тем более идеологическое вмешательство².

5. *Фундаменталистский тип* разделяют преимущественно русофилы и их национализм имеет откровенно этноцентрический харак-

¹ Там же.

² *Малинкин А.Н.* Указ. раб. С. 84.

тер. Россия для них представляет собой русскую цивилизацию, Святую Русь и страну для русских. Они не довольствуются утверждением, что Россия – самобытная цивилизация с уникальной национальной культурой, собственной традиционной системой ценностей, что у нее особый реально-исторический путь, особая идейно-историческая миссия, и настаивают на цивилизационной исключительности России, ее богоизбранности, национальном превосходстве русских над другими народами.

По их убеждению, исконные российские особенности («загадочная русская душа», «российский менталитет», «русская духовность» и т.п.) не просто составляют специфику социальной реальности в России, но лежат в основе российской общественной жизни и истории. Более того, они не доступны для понимания нерусских¹. Формирование новой российской идентичности требует вернуться к исконным истокам русской национальной культуры, отыскать нетленные духовные семена предков. Возвращение государства российского в когорту великих мировых держав из нынешнего упадка, до которого его довели спецслужбы Запада вкупе с агентами влияния, захватившими средства массовой информации, банки и большинство естественных монополий, возможно только через победу России в противостоянии с Западом, начавшим новый «крестовый поход» на Россию как главного врага посредством так называемой глобализации².

Таким образом, можно сделать вывод о существовании в современной отечественной науке самых разнообразных, порой и кардинально отличающихся друг от друга концепций рассмотрения российской идентичности и наличие таких подходов обусловлено тем, что дефиниция государственно-гражданская или национально - гражданская идентичность являются достаточно новыми понятиями для российской научной литературы, ибо «исторически сложилось в России понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия, как государственная идентичность, россияне, российская идентичность»³. Закономерно возник вопрос, а затем в политический и научный лексикон вошло понимание нации как граждан государства, как это происходит в современных западных государствах, например, во Франции, Велико-

¹ *Малинкин А.Н.* Указ. раб. С. 85.

² Там же. С. 85.

³ *Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М., 2008. С. 218.

британии, США. По мнению Л.М. Дробижевой, в этих инициативах заключен «политический смысл», потому что «если под нацией понимается государственная общность, то снимется или во всяком случае подрывается в законодательном пространстве право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Право на суверенитет в таком случае закрепляется за государственной (российской) общностью»¹.

Национально-гражданская идентичность *включает не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм)*. Также как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний). Политические, социально-культурные, экономические изменения в обществе находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях развития общества, но и сама идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Именно с этих точек зрения рассматривают идентичность россиян как ресурс государства и общества и в то же время как некий барометр их изменений².

За прошедший период существования «новой России», поколение советских людей ощутило на себе тяжелые последствия распада огромного государства, сопровождавшийся ростом и усилением этнического фактора практически во всех сферах общества, появлением национальных движений, которые ставили вопросы о суверенизации национальных республик, стремлением этнолидеров обозначить и укрепить этнополитический статус своих народов. На фоне таких противоречивых процессов происходило укрепление вертикали власти и оценка демократизации российского общества. В этот период наблюдалось формирование «новых социальных слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурной сферах, смены политического устройства общества»³.

¹ Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность..... С. 219.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 217.

По мнению Л.М. Дробижевой, государственная – российская – идентичность складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян. Идентификация себя как граждан России, или россиянина, фиксирует наличие именно государственной идентичности. Гражданское же самосознание, формируется гораздо сложнее, так как это связано с переориентацией общества на «деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за судьбу и жизнь окружающих»¹.

Государственная идентичность, как и этническая, в отечественной научной литературе понимается не только как самоотождествление, представление о своем народе, языке, национальной культуре, территории проживания, национальных интересах, но включает в себя эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность защищать эти представления. Как осознание принадлежности к определенному политическому образованию государственная идентичность может быть выражена через такие категории, как «российский народ», «российская нация» и «россияне». Конструирование гражданской идентичности – задача более высокого уровня, требующая не только демонстрации значимости принадлежности к государству, но и гражданского самосознания².

Вместе с тем нужно учитывать, что идентичность россиян представляет собой сложный конгломерат новой российской идентичности: ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной, следовательно, возрастает необходимость рассмотрения «позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности», с целью определения размеров распространения позитивных смыслов при гражданской идентификации и при идентификациях с людьми своей национальности. Когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории, российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности. Когни-

¹ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 13 – 14.

² Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4 – 5. С. 23.

тивное наполнение той и другой идентичности не исключает, оно способно дополнять друг друга, что позволяет говорить о совместимости этих идентичностей, которая возможна при определенных условиях¹.

Важнейшим условием сочетания государственной и этнической идентичностей является способность государства построить систему отношений, основанную на взаимопонимании и обеспечении участия, ибо в стране, где «русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также их интересам и ценностям»².

А.Н. Малинкин считает, что «борьба части интеллектуальной элиты России, сосредоточенной главным образом в городах федерального значения и ориентированной космополитически, против якобы ретроградного "субстанциализма" и "эссенциализма" в трактовке этноса, против его мнимой "натурализации" и "реификации" увеличивает и без того колоссальный отрыв интеллигенции от основной массы российского народа, живущего в регионах, в средних и малых городах, поселках и деревнях. Это происходит потому, что, с одной стороны, "птичий язык" постмодернистского мультикультурализма обычные люди просто перестают понимать. С другой стороны, он не позволяет адекватно решать реальные острые наболевшие проблемы межнациональных и федеративных отношений в РФ, так как не соответствует отечественным социальным реалиям, ориентируясь на иные, более продвинутые в политико-экономическом отношении западные образы социальной реальности.

Область практического применения понятий и их дефиниций (типа "этнос – это гипертекстуальный код этнологического дискурса") резко сужается, происходит что-то вроде интеллектуалистской возгонки концепции, ее замыкания на саму себя. Зато вместо гуманитарно-научной "зауми" до народа доходят ясные и грубые человеконенавистнические лозунги ультранационалистов и нацистов, а здравомыслящие интеллектуалы, переключая иногда свое внимание с Запада на Россию, позиционируются в роли сторонних наблюдателей за тревожными событиями в родной стране»³.

¹ Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробичевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ См.: Малинкин А.Н. Указ. раб. С. 66 – 86.

Таким образом, государственно-гражданская идентичность подразумевает самоотождествление с общностью в масштабах страны, «образ мы» и интересы. «Образ мы» в данном случае включает, кроме представлений об общей истории, языке, территории, представления о месте страны в мире. Используя термин «государственно - гражданская идентичность», мы имеем в виду не просто лояльность к государству (которую можно было бы назвать государственной идентичностью), но и представления о сообществе граждан государства, их ценностях и ориентациях. Возможность именовать граждан России россиянами появится тогда, когда само понятие «россияне» будет избавлено «от национальной или конфессиональной коннотации»¹. Но на сегодняшний день можно констатировать наличие сложного содержания понятий «русский», «российский» и «невозможности жесткого разделения» этих понятий².

Не менее важным является установление характера позитивной/негативной национально-государственной идентичности в сопоставлении с этнической идентичностью, а также отражение их соотношения на характер и частотность межнациональной коммуникации. При исследовании типов социальной идентичности в основном акцент делают на установлении корреляции между ними, причем одним из значимых аспектов является соотношение и взаимовлияние общегражданской и этнической идентичностей в структуре социальной идентичности. Обозначенная проблематика важна «не только вследствие того, что часто становится в центр политических дискуссий, ведущихся в обществе», но и потому, что через нее «становится возможным понять возможности реализации каждого из социальных проектов, претендующих на то, чтобы стать для России линией дальнейшего развития»³. В настоящее время существуют следующие социальные проекты – консервативный, либеральный, народнический и социал-демократический, причем каждый из них может быть локализован в русле двух широких парадигм – парадигмы, ориентированной на концепцию народа, и парадигмы, ориентированной на формирование этнических иерархий.

В исследованиях Института сравнительных социальных исследований, который принимал участие в Европейском социальном исследовании (ESS) были получены результаты, показывающие выраженность государственно-гражданской идентичности у россиян (см. таб. № 62).

¹ Сампиев И.М. Институализация самоопределения народов в политических процессах на постсоветском Северном Кавказе. Назрань, 2010. С. 380.

² Тишков В.А. Российский народ: Книга для учителя. М., 2010. С. 77.

³ Черныш М.Ф. Этнические и общегражданские ценности в сознании россиян // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 103.

Распределение ответов на вопрос «*О каких из перечисленных групп Вы можете сказать "Это мы"?*» (динамика российской идентичности)

Время и масштаб опроса	Организация, проводившая опрос	Выбрали ответ «Мы граждане России»
Начало 1992 г. (г. Москва)	ИЭА РАН	24,0
2002 г., РФ	ИС РАН	63,0
2006 г., РФ	RLMS	65,0
2006 г., РФ	ESS	66,0
2008 г., РФ	ESS	68,0
2011 г., РФ	ИС РАН	95,0

Полученные результаты социологических опросов свидетельствуют об увеличении доли ассоциирующихся россиянами и укреплении в общественном сознании граждан российской идентичности, хотя нельзя сбрасывать со счетов востребованность, особенно для дагестанских народов, республиканской и этноконфессиональной идентичностей. Таким образом, можно сделать вывод, что миф о возможности понимания этничности через конструктивистский подход, который сам по себе был очень важный, корректировался, а практики изучения этнически маркированной социальной реальности стали применяться там, где это было необходимо, через «конструктивистский структурализм». Л.М. Дробижева считает, что этот подход может быть эффективным и для изучения российской идентичности, ибо ее социологическое изучение сделало необходимым разделить понимание российской идентичности как государственной и гражданской идентичности.

Гражданская идентичность – это отождествление себя именно с гражданами страны, гражданской общностью, представления о ней и переживания, связанные с этим, ответственность за судьбы людей в стране, готовность действовать в связи с этим¹. В одних случаях идентификация себя с Россией – это только государственная идентичность, в других – это идентификация себя с политической нацией, согражданами. Именно поэтому во время опросов исследователи акцентируют внимание на необходимости разводить эти понятия через систему идентификаторов. Но в целом, в исследованиях, в общей

¹ Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 432.

форме, говорят о национально-гражданской или государственно-гражданской идентификации.

Изучение проблематики становления государственной и гражданской идентичности, способствовало появлению в отечественной науке разработок сопоставляющих данные понятия с дефиницией политической идентичности, установления соотнесенности «граждан с политическими институтами» и их вовлеченности в политико - институциональное взаимодействие в рамках политической общности.

Политическая идентичность опирается на самоидентификацию с выступающими от имени граждан политическими сообществами и представляющими их структурами и с разными формами объединений участников политического процесса – партиями, массовыми движениями, группами интересов. Политическая идентичность индивида утверждается в ходе сопоставления собственных представлений о приоритетах общественного развития с идейными ориентирами и целями политических акторов.

Такой выбор закрепляется средствами символической политики, которая вырабатывает разделяемые членами группы имиджи, знаки и ритуалы, создавая узнаваемые символические опоры политической идентичности больших сообществ. В гражданской идентичности соединяются микроуровень (идентичность индивида как гражданина – члена политической нации) и макроуровень (идентичность государственной общности, которая поддерживает институциональные основания политической нации и обеспечивает реализацию гражданских прав через общественные институты).

В то же время в понятии «гражданская идентичность» заложено и нормативное содержание, предполагающее, помимо сугубо правового статуса, и полноту соотнесения гражданином себя с государственно-политической общностью. Оно наполняет гражданскую идентичность эмоциональным содержанием и может трансформироваться в политическое действие. Таким образом, в сформировавшейся современной политике гражданская идентичность, которая является основанием политического самоопределения индивида, структурирует идентичность политическую¹.

Российские политологи, политтехнологи акцентируют внимание на том, что в современной России гражданское общество находится в

¹ Семененко И.С., Фадеева Л.А., Лапкин В.В., Панов П.В. Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2011. // URL: <http://vse-uchebniki.com/politiki-sotsiologiya/identichnost-kak-predmet-politicheskogo.html> (дата обращения: 22 апреля 2015).

зачаточном состоянии и только формируется. И акты гражданской активности¹, хотя и совершенно очевидны, но пока не массовые.

Отсюда критика использования понятий «гражданская идентичность», «политическая нация» применительно к российским гражданам говорят о нашей гражданской идентичности скептически, можно сказать, как о создаваемом мифе. Естественно, гражданская идентичность, так же как политическая российская нация является конструктом. Но каркас этой конструкции очевидно достаточно успешный для его инициаторов². В ходе реализации проекта «Российская идентичность в Центре и регионах» Е.М. Арутюнова, анализируя выступления В.В. Путина, показала, как наполнялся этот каркас изменяющимся идеологическим содержанием. Сравнивая мнения и установки населения по материалам исследований, данным «Левада-Центра», можно сказать, что основание для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемых людьми потребностей реальной жизни было: это сильное государство, обеспечение благосостояния, безопасности, гордость за культуру и историю.

По мнению Л.М. Дробижевой, отдавая должное важности статистических замеров общероссийской идентичности необходимо указать на целесообразность глубокого исследования ее содержания и динамики складывания. В этом контексте необходимо, как минимум:

1. дать реальную оценку и перспективность интегрирующих общность ценностей;
2. определить какой тип идентичности (государственно - гражданский, региональный, этнический и т.д.) будет превалирующим, какие факторы станут влиять на российскую ментальность в перспективе;
3. оценить модернизационные, традиционалистские и амбивалентные тенденции применительно к регионам и стране в целом и выявить доминирующие перспективные направления³.

¹ См.: *Халий И.А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2007; *Халий И.А.* Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 6. М., 2007. С. 265 – 280; *Яницкий О.Н.* Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924>; *Кинсбургский А.В.* Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2006. С. 214 – 230; *Климова С.Г.* Профсоюзы в поисках влияния // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2006. С. 231 – 247.

² См.: *Тишков В.А.* Народы и государство // Коммунист. 1989. С. 50 – 59; *Тишков В.А.* Российская нация и российские национальности // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2008.

³ *Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 70.

С начала постсоветского развития Российской Федерации, с утратой советской макроидентичности, российская идентичность неуклонно росла. Если в 1992 г. в Москве не более четверти ощущали себя россиянами¹, то во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. уже 53 % москвичей «часто» ощущали себя гражданами России². Данные «Европейского социального исследования» (2008 г.), «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ, 2006 г.) показывали, что не менее 65 – 68 % населения ощущали себя российскими гражданами. По данным исследований под руководством М.К. Горшкова, в 2009 г. россиянами самоидентифицировались 85 % опрошенных. Правда, не только данные Института социологии, но и Института этнологии и антропологии РАН, проекта «Будущее России» (2006 г.) показывали достаточно большое разнообразие доли людей с такой идентичностью. В каких-то районах с доминирующим русским населением с россиянами себя идентифицировали до 65 – 90 % (Томск, Екатеринбург, Якутия), в других – до 70 % и более (Калининград, Владивосток), а в Чеченской республике – 35 %³.

В 2008 г. исследование российской нации с использованием социологических методов в ряде районов осуществил Институт этнологии и антропологии РАН под руководством В.А. Тишкова, который пришел к заключению: «мы делаем фундаментальный вывод, что поддержка и укрепление региональных и этнических сообществ россиян есть одно из важнейших условий формирования российского народа – исторической и социально-политической общности, которая представляет собой "единство в многообразии"». И далее: «Среди множества идей и проектов по поводу того, что есть Россия, наиболее актуальной и адекватной является стратегия утверждения российской идентичности среди граждан страны, прежде всего, *в форме воспитания патриотизма, обретения знания о стране, ее истории и культуре* (выделено – Авт). В этом и состоит исходная предпосылка формирования российской нации»⁴.

¹ Исследование Отдела этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН осуществлено в 2006 г. (Руководитель исследования Ю.В. Арутюнян) // <http://www.isras.ru/>.

² Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2010. С. 157.

³ Цит. по: *Дробижева Л.М.* Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 433.

⁴ Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2008. С. 3 – 4.

Одним из важнейших аспектов в нашем исследовании является установление показателей и соотношения государственно - гражданской (российской) и этнической идентичностей дагестанских народов, их место в иерархии типов социальной идентичности (см. таб. № 63).

Таблица 63

Распределение ответов на вопрос «*Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Представителем своего народа	14,1	22,2	16,7	8,8	23,0	25,9	27,8	0	22,5	22,8	18,1
Представителем своей религии	20,0	16,7	18,5	17,5	7,1	21,6	11,1	17,4	22,5	11,4	17,1
Представителем дагестанского народа	15,9	22,2	19,4	22,5	16,8	22,4	19,4	21,7	15,0	16,5	18,3
Россиянином	19,7	22,2	16,7	10,0	20,4	11,2	36,1	34,8	17,5	6,3	17,3
Представителем своего народа и дагестанцем	21,4	27,8	25,0	17,5	23,0	19,0	25,0	34,8	17,5	27,8	22,4
Представителем своего народа и россиянином	26,9	16,7	23,1	32,5	34,5	23,3	22,2	21,7	30,0	32,9	27,6
Представителем своего народа и своей религии	34,5	11,1	23,1	23,8	19,5	25,9	16,7	30,4	30,0	30,4	27,4

Результаты исследования показывают превалирование в массовом сознании дагестанских народов «двойственной» или «множественной идентичности» с формулировками «представителем своего народа и россиянином» и «представителем своего народа и своей религии», причем разница между данными суждениями незначительная. По сравнению с другими опрошенными, в позициях русских респон-

дентов доминирует российская идентичность. Следует отметить, что русским характерно своеобразное восприятие понятий «представитель своего народа» и «россиянин», даже можно предположить, что они их отождествляют, на что указывает Ю.В. Арутюнян: «некоторые теоретики и наблюдатели воспринимают понятия "россияне" и "русские" как синонимы. Между тем в общественном сознании эти понятия по разному воспринимаются и ассоциируются в одном случае как этническое, а в другом, в образе россиян, как преимущественно гражданское сообщество»¹.

По сравнению с опросом 2013 г., в опросе 2015 г. дагестанским народам характерно стремление одновременно подчеркнуть важность республиканской и этнической идентичностей – *«представителем своего народа и дагестанцем»*. Из всего массива, каждый шестой опрошенный осознает себя на территории Дагестана *«россиянином»* и данное суждение занимает шестое место среди предложенных семи вариантов ответов. Далее каждый четвертый опрошенный среди русских и лезгин обозначил важность этнической идентичности, хотя по результатам социологического опроса 2013 г. был сделан вывод о слабовыраженности этнической идентичности дагестанских народов. Разумеется, в процессах формирования новой российской идентичности и, не теряющей своей важности этнической идентичности, существует определенная взаимосвязь, причем, по мнению исследователей, «развитие общегосударственной российской идентичности на базе интегрирующих ценностей (история страны, русскоязычная культура, экономические достижения) не противоречит этнической идентичности и служит опорой для социально-политической интеграции страны»².

Если посмотреть по возрастному признаку, этническая идентичность сильнее выражена в подгруппе «от 40 до 50 лет» (27,6 %), религиозная идентичность в возрасте «от 20 до 30 лет» (21,2 %), республиканская идентичность «от 50 до 60 лет» (26,2 %), российская идентичность «от 60 лет и выше»; респонденты «до 20 лет» и «от 60 лет и выше» на территории Дагестана осознают себя *«представителем своего народа и дагестанцем»* – 25,7 % и 29,3 %, соответственно; далее совмещенность этнической и российской идентичности прослежива-

¹ Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в русской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 43.

² Дробижева Л.М. Противоречит ли этническая идентичность общероссийской? // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. С. 460.

ется в ответах респондентов в возрасте «от 50 до 60 лет» (52,3 %), «от 60 лет и выше» (36,6 %) и «от 40 до 50 лет» (33,7 %); этноконфессиональная идентификация с формулировкой *«представителем своего народа и религии»*, по сравнению с другими подгруппами, демонстрирует молодое поколение «до 20 лет» (36,5 %) и «от 20 до 30 лет» (31,4 %), в то время как с возрастом наблюдается ее заметное снижение: «от 50 до 60 лет» (10,8 %), «от 30 до 40 лет» (15,5 %), «от 60 лет и выше» (19,5 %), «от 40 до 50 лет» (20,4 %).

По образовательному признаку, имеющие среднее и среднее специальное образование подчеркивают важность этнической идентичности – 19,8 % и 19,6 %, соответственно; по сравнению с другими подгруппами, среди имеющих базовое среднее образование больше доля обозначающих значимость религиозной идентичности (36,4 %); сильнее республиканская и российская идентичности выражены в подгруппе имеющих высшее образование – 20,6 % и 21,2 %; двойная идентификация – *«представителем своего народа и дагестанцем»* – характерна практически всем подгруппам: 18,4 % со средним специальным, 22,2 % высшим, 22,7 % базовым средним и 25,2 % средним образованием; суждение *«представителем своего народа и россиянином»* разделяют 25,2 % опрошенных со средним, 27,5 % высшим и 33,5 % средним специальным образованием и статистически меньшая доля с базовым средним образованием (6,8 %).

В начальный период перестроечных реформ российского общества, этническая идентичность стала одной из самых существенных групповых идентичностей, тем самым возмещая потерянную для многих идентичность советского человека и став своего рода психологическим прибежищем в трудные времена. В 2011 г., впервые за время существования новой России, отмечено, что российская идентичность на уровне страны стала более значимой и интенсивной, чем этническая и остальные групповые идентичности¹. Разумеется, в процесс формирования российской идентичности заметный вклад вносит дискурс политических элит, ориентированный на стимулирование национализма, в частности, таких востребованных идеологов как воспитание чувства достоинства, самооценности граждан². Вместе с тем возникает очень важный для данного процесса вопрос: «Может ли сегодня этническая идентичность стать фактором развития россий-

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011. С. 214.

² Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 54.

ской идентичности, насколько широки ее возможности и не приведет ли усиление этнической идентичности к росту национализма и националистических тенденций, которые характерны полиэтническим сообществам?»).

Несомненно, этническая идентичность способна подпитывать государственно-гражданскую идентичность и содействовать ее укреплению при наличии в российском обществе толерантных установок в массовом сознании и поведении граждан, по ряду причин, среди которых следует выделить, ее вовлеченность «в процессы современного нациестроительства» ибо «актуализированная этническая идентичность обладает мотивирующей и мобилизующей силой», поэтому в формировании российской макроидентичности можно использовать «потенциал чувств, представлений и установок, развивающихся в русле толерантного вектора этнической идентичности»¹. Также обращает на себя внимание заметная выраженность религиозной идентичности в позициях каждого пятого опрошенного среди аварцев, лезгин и чеченцев, причем респонденты также демонстрируют значимость этноконфессиональной идентичности.

Формирование российской идентичности тесно связано с интеграцией и усилением частотности межэтнических контактов. Данный вопрос является очень важным для российского государства в силу объективных факторов, к числу которых относятся ее национальная, культурная и религиозная гетерогенность. Более того, межнациональный климат, характер и частотность межэтнической коммуникации играют важную роль в сохранении стабильности и согласия в России и, по мнению Ю. Левады, от решения этих задач в значительной степени зависит перспектива российской государственности². Самосознание россиян, считает М.К. Горшков, остается весьма противоречивым, ибо проявляется слабость и недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер³.

В коллективном сознании населения нашей страны легко можно выделить как традиционалистские (этнонационалистические), так и модернизационные (интегративные) тренды. Подобная двойственность объясняется тем, что российская идентичность, определяющая принадлежность к национально-государственной общности, имеет

¹ Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2010. С. 161.

² Левада Ю.А. От мнения к пониманию. М., 2000. С. 434.

³ Горшков М.К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. № 1. С. 177.

как формально-правовое, так и реальное наполнение. В первом случае речь обычно идет об общей для граждан Российской Федерации атрибуции, когда они все определяются как «россияне». Во втором случае имеется в виду внутренне осознанная принадлежность индивида к российской полиэтничной общности, т.е. национально - государственное самосознание¹.

Российская идентичность включает и государственную идентичность – лояльность государству, представление о его истории, нормах и чувства, переживаемые в связи с ними. И в тоже время она включает и гражданскую идентичность, представления и чувства общности с гражданами страны, солидарности с ними, ответственность за свою судьбу и жизнь окружающих. В кросс-культурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется обычно принятием ответственности за дела в стране ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (выборах и т.п.), чувством солидарности. В частности, в проектах российских социологов данному аспекту уделялось большое внимание: так, по мнению респондентов, «для того, чтобы считаться настоящим россиянином», важно иметь «чувство ответственности за страну» (88 %), «быть патриотом, любить Россию» (88 %). Причем 67 % считали эти характеристики «очень важными». Свыше 65 % гордились природными богатствами и более 70 % историей России. Но тем, что создается живущим поколением (образование, успехи в науке) гордились заметно меньше².

По мнению Ю.В. Арутюняна, «стимулирование этноинтегративных тенденций, ведущих к складыванию гражданской нации, относится к числу задач первостепенной важности. В российском политическом дискурсе пока нет консенсуса относительно существования в нашей стране общности указанного типа. С одной стороны, в лексикон системных политиков прочно вошли такие категории, как "российская государственная идентичность", или "россияне", а понятие "нация" используется не в узком этнокультурном смысле, но для обозначения гражданской общности»³.

¹ Арутюнян Ю.В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологов // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 91.

² Цит. по: Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // *Вестник Института социологии РАН*. 2010. № 1. С. 434.

³ Арутюнян Ю.В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологов // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 91.

Если обратиться к недавнему историческому прошлому России, то Б.Н. Ельцин употреблял естественное для него понятие «россияне». В.В. Путин стал активно использовать консолидирующее понятие нации – не в значении этнокультурной общности (русские, татары, якуты и т.д.), а в значении гражданского, государственно-политического сообщества – политической нации. Такое понимание вкладывается в дискурсе через определение «российская нация» и аналогичные ему – «единый народ России», «граждане России»: *«мы как нация», «мы многонациональный, но мы единый народ. Мы – народ России, многонациональный народ России»*. В таком значении понятие нации и производное определение «национальный» (доход, интересы и т.д.) в послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2000 г. употреблялись 10 раз, в 2007 – 18 раз. Консолидирующие местоимения *«наш»* – в 2000 г. – 33 раза, в 2007 г. – 90 раз, а *«мы»* («нас», «нам») в 2000 г. – 63 раза, в 2007 – 90 раз¹.

Установление выраженности типов социальной идентичности дагестанских народов предполагает выявление содержания, которое опрошенные вкладывают в каждый из выделенных типов, поэтому в нашем исследовании респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. таб. № 64).

Таблица 64

Распределение ответов на вопрос **«Что для Вас лично означает "быть россиянином"?»** (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Иметь российское гражданство	33,8	22,2	34,3	35,0	30,1	28,4	33,3	13,0	30,0	27,8	31,3
Жить на территории России	39,3	16,7	26,9	30,0	35,4	26,7	30,6	30,4	42,5	31,6	33,3
Ощущать свою причастность к судьбе современной России	15,5	44,4	15,7	22,5	12,4	15,5	25,0	30,4	25,0	29,1	18,7

¹ Цит. по: Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 32.

Чувствовать гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе и т.д.	35,9	27,8	38,0	27,5	31,9	23,3	50,0	43,5	35,0	34,2	33,7
Чувствовать свою причастность к российской истории и культуре	10,7	5,6	11,1	10,0	9,7	8,6	13,9	4,3	12,5	7,6	10,0
Ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы	35,5	16,7	43,5	32,5	42,5	44,0	52,8	52,2	40,0	41,8	39,6
Чувствовать свое отличие от представителей других стран	9,0	0	5,6	8,8	8,0	3,4	5,6	0	2,5	8,9	6,9
Воспринимать Россию как правопреемницу Советского Союза	6,6	0	10,2	3,8	8,8	6,0	16,7	0	2,5	5,1	6,8
Чувствовать себя европейцем	0,3	0	0,9	0	0,9	1,7	0	4,3	0	3,8	1,0
Ничего не означает	5,9		3,7	5,0	2,7	7,8	5,6	0	12,5	6,3	5,5

В позициях дагестанских народов проявляется стремление обозначить консолидационные индикаторы, позволяющие обозначить себя россиянином: каждый второй опрошенный придерживается позиции «ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы», каждый третий опрошенный указывает на маркеры, позволяющие «чувствовать гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе и т.д.», «жить на территории России» и «иметь российское гражданство». Суждение «ощущать свою причастность к судьбе современной России» разделяет каждый пятый опрошенный. Вместе с тем для опрошенных дагестанских народов оказались не очень востребованными индикаторы – «чувствовать свое отличие от представителей других стран», «воспринимать Россию как правопреемницу Советского Союза», «чувствовать себя европейцем» и статистически небольшая доля опрошенных отметила,

что для них «быть россиянином» *«ничего не означает»*. Относительно противоречивое поведение демонстрируют опрошенные, которые, с одной стороны, обозначают свою гордость за культурные, спортивные, литературные и иные достижения российских народов, с другой стороны, только каждый десятый опрошенный подчеркивает важность *«чувствовать свою причастность к российской истории и культуре»*.

В принципе, национальное происхождение само по себе никак не может быть критерием, сколько-нибудь определяющим отношение к миру и, тем более, диктующим поведение. Преодоление порой значительной искусственной (наносной) дистанции в этнонациональном самосознании и культуре – результат политики и, что важнее, социальной зрелости общества¹.

В работе уже было подчеркнуто, что распад Советского Союза имел тяжелые потери не только социально-экономического, политического, территориального характера, но и привел к утрате духовных ценностей, кризису идентичности и прежнего социального статуса, который очень тяжело переживал старшее поколение, прошедшее через горнило гражданской войны, политических репрессий, Великой Отечественной войны. В одночасье оказалось, что страна, которую они защищали и заново отстроили, по решению нескольких политических лидеров, которые не до конца понимали последствия своего решения для многих людей, перестала существовать. В этой связи для нас важным является установление оценки и отношения к понятию «россиянин» по возрастному признаку (см. таб. № 65).

Приведенные в таблице № 65 результаты опроса показывают, что доля разделяющих суждения *«ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы»* и *«чувствовать гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе и т.д.»* с возрастом увеличивается. Далее для каждого второго опрошенного в подгруппе «от 30 до 40 лет» «быть россиянином» подразумевает *«иметь российское гражданство»* и *«проживание на территории России»*; каждый третий опрошенный в возрасте «от 60 лет и выше» указал на необходимость *«ощущать свою причастность к судьбе современной России»*; по сравнению с другими подгруппами, в большей степени чувствуют *«гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе и т.д.»* в возрасте «от 20 до 30 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше».

¹ Арутюнян Ю.В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологов // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 94.

Таблица 65

Распределение ответов на вопрос «**Что для Вас лично означает "быть россиянином"?**» (варианты ответов даны по возрастным группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	До 20 лет	От 20 до 30 лет	От 30 до 40 лет	От 40 до 50 лет	От 50 до 60 лет	От 60 лет и выше	Всего:
Иметь российское гражданство	26,0	32,2	40,8	33,7	29,2	34,1	31,5
Жить на территории России	29,6	32,2	46,5	36,7	29,2	19,5	33,3
Ощущать свою причастность к судьбе современной России	19,1	14,3	14,1	24,5	29,2	31,7	18,9
Чувствовать гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе и т.д.	28,6	36,7	31,0	34,7	30,8	58,5	33,4
Чувствовать свою причастность к российской истории и культуре	10,2	6,9	10,6	10,2	15,4	14,6	9,9
Ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы	34,5	38,0	39,4	42,9	50,8	61,0	39,6
Чувствовать свое отличие от представителей других стран	6,3	6,1	9,2	7,1	6,2	7,3	6,8
Воспринимать Россию как правопреемницу Советского Союза	3,3	4,1	5,6	11,2	21,5	17,1	6,7
Чувствовать себя европейцем	1,0	0,8	1,4	0	0	4,9	1,0
Ничего не означает	6,6	4,9	3,5	7,1	3,1	7,3	5,5

Доминирующее, по всему массиву опрошенных, суждение «ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы» подчеркивает умудренное опытом старшее поколение после 50 лет, в то время как в других возрастных подгруппах его разделяет заметно меньшее количество. Обращает на себя внимание тот факт,

что позицию «*воспринимать Россию как правопреемницу Советского Союза*» ближе поколению после 40 лет, выросшему при Советском Союзе, которое в полной мере и по сей день не может принять распад огромного государства, в котором они жили. За все промахи и ошибки позднего СССР, его распад и невиданное в истории геополитическое отступление несет ответственность советская элита.

Почему же российская политическая элита, сменившая советскую, не последовала примеру немецкой, которая никогда – даже в условиях полного разгрома – не признавала справедливость отторжения от исторической Германии ГДР и добилась, в конечном счете, мирного воссоединения расчлененной нации? Ответ на этот вопрос следует искать в ее происхождении. Крах коммунистической империи привел к острому идейному кризису, вылившемуся в кризис российской государственности, именно потому что советская элита (т.е. российская советизированная элита) была начисто лишена национально-го самосознания.

Эта элита, десятилетиями изолированная от мира, толком не знавшая и не понимавшая его, взяла на вооружение псевдолиберальные и псевдодемократические принципы и ценности. Вместо того чтобы воссоздавать российское государство, она увлеклась далекими от реальностей современного мира идеями «демократического братства и солидарности», «мирового цивилизованного сообщества», что было сродни пролетарскому интернационализму коммунистов. Национальные интересы России, необходимость отстаивания в мире своих экономических и политических позиций оказались на периферии формационного преобразования страны¹.

Позицию «*ничего не означает*» разделяет относительно большая часть диаметрально противоположных возрастных подгрупп – «до 20 лет» и «от 60 лет и выше». Доля чувствующих «*гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе и т.д.*» и ощущающих «*Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы*» увеличивается с повышением образовательного статуса: первое суждение разделяют 29,7 % опрошенных со средним специальным, 30,7 % средним, 31,8 % базовым средним и 35,2 % высшим образованием; второе суждение ближе 27,3 % опрошенных с базовым средним, 36,6 % средним, 40,3 % высшим и 45,6 % средним специальным образованием. При этом на важность «*иметь российское гражданство*» и «*жить на территории России*» указывает каждый второй опрошенный со средним специальным образованием; последнее суждение

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009. С. 418.

разделяет каждый третий опрошенный с базовым средним, средним и высшим образованием; 19,1 % с высшим образованием подчеркивают ориентированность на ощущение своей причастности к «судьбе современной России». Для каждого седьмого опрошенного с низким образовательным статусом, суждение «быть россиянином» не имеет какого-либо значения.

Содержательно российская идентичность подразумевает общую лояльность населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином, а также эмоциональную привязанность к стране¹, включает в себя отождествление (идентификацию) с гражданами страны², подкрепленную политической и общественной самоорганизацией³. Восстановление российской идентичности может произойти только в результате решительного разрыва с идентичностью советской и возвращения к преемственности с исторической Россией. Это касается, в первую очередь, трех сфер – государственного права, отношений собственности и исторических идеалов. Если удастся решить проблему преемственности в этих трех сферах, то откроется перспектива для решения вопроса об исторической преемственности во внешнеполитической, в том числе и территориальной, области, т.е. о восстановлении нашей страны в границах исторической России⁴.

В нашем исследовании также была поставлена цель выявить существующие в массовом сознании дагестанских народов позиции и оценки в понимании содержания термина «россиянин» (см. таб. № 66).

Результаты исследования на вопрос «Как Вы думаете, кто может считаться россиянином?» показывают важность патриотических чувств («тот, кто любит Россию») для каждого третьего опрошенного, причем заметно выделяются респонденты аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки и лакцы, дополненное суждением о важности «трудиться во благо России»; в то же время своей значимости не теряет необходимость обозначения себя «патриотом России» и «гордиться своей страной». Опрошенные также указали, что россиянином может считаться тот, кто «имеет ответственность за страну», что свидетельствует о существовании тенденции к формированию

¹ См.: Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9.

² См.: Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой и Е. Головахи. Киев, 2007. С. 12.

³ Цит. по: Социальные факторы консолидации российского общества... С. 148.

⁴ Картунов С.В. Указ. раб. С. 437.

осознанных представлений гражданства, при относительно слабой выраженности «активной гражданской позиции».

Таблица 66

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы думаете, кто может считаться россиянином?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Тот, кто имеет ответственность за страну	Тот, кто любит Россию	Тот, кто считает себя патриотом России	Тот, кто занимает активную гражданскую позицию	Тот, кто гордится своей страной	Тот, кто трудится во благо России
Аварцы	17,9	31,4	18,6	6,2	20,3	26,9
Азербайджанцы	11,1	38,9	38,9	5,6	0	16,7
Даргинцы	16,7	34,4	24,1	5,6	24,1	20,4
Кумыки	15,0	31,3	18,8	10,0	16,3	26,3
Лакцы	11,5	33,6	26,5	10,6	23,0	23,9
Лезгины	18,1	22,4	19,0	6,0	21,6	25,0
Русские	19,4	22,2	22,2	16,7	22,2	27,8
Табасаранцы	21,7	21,7	30,4	17,4	17,4	39,1
Чеченцы	25,0	25,0	17,5	7,5	15,0	22,5
Другие	15,2	19,0	19,0	13,9	12,7	26,6
Всего:	16,8	29,0	21,2	8,4	19,6	25,4

Развитие именно гражданского сознания, а не просто отождествления себя с людьми, живущими в стране (что, конечно, мы встречаем при количественной фиксации российской идентичности) возможно при доверии к властным институтам. Только тогда происходит эффективный контакт с властью самоорганизующегося общества, которое только и можно будет называть гражданским обществом. Однако по данным РМЭЗ, возможность взаимопонимания и сотрудничества «между простыми людьми и теми, у кого много власти», признают в России около половины населения (48,6 %). Если граждане будут привыкать к диалоговому режиму взаимоотношений с властью, это будет уже важным заделом¹.

¹Дробижеева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М., 2008. С. 222.

Суждение «ответственность за страну», являющееся индикатором именно гражданского сознания¹, и свидетельствующий о гражданской идентичности в России, именно как о государственно-гражданской идентичности россиян, занимает предпоследнее место среди предложенных вариантов ответов, что свидетельствует о слаборазвитости у опрошенных дагестанских народов гражданской идентичности. Более того, аргументом, подтверждающим, что гражданская идентичность – это не только лояльность государству, являются данные опросов о доверии власти.

Разные центры изучения общественного мнения фиксируют невысокие показатели доверия разным институтам власти в стране. По результатам опросов Левада-Центра (20 – 24 сентября 2013 г.) органам безопасности вполне доверяют 36 %, армии – 43 %, областным, краевым, республиканским органам власти – 32 %, правительству России – 30 %, прокуратуре – 26 %, судам – 21 %, полиции – 18 %, а Государственной думе и Совету Федерации – 25 – 24 %². В социологическом исследовании Р.М. Мамараева, в ответах на вопрос *«Пользуются ли у Вас авторитетом депутаты Народного Собрания РД?»* получены следующие результаты: позиции *«нет»* придерживаются 68,6 % опрошенных, из них 77 % даргинцев, 72 % лезгин, 67 % лакцев, 65 % аварцев, 60 % кумыков. Авторитетом депутаты Народного Собрания Дагестана пользуются у 12,8 % опрошенных, из которых 18,2 % кумыков, 14,9 % аварцев, 14,8 % лезгин, 11,9 % лакцев и 4,5 % даргинцев; по сравнению с другими институтами власти, больше всего опрошенные доверяют *«федеральной власти»* (24,6 %), хотя преобладает суждение *«никому не доверяю»* (59,5 %) и статистически небольшая доля опрошенных доверяет *«республиканской власти»* (4 %) ³.

Наш вывод о малозначимости гражданской идентичности в установках дагестанских народов подтверждается и низким уровнем суждения *«активная гражданская позиция»*, которая, можно предположить, обусловлена тем, что «в России представление о гражданском сообществе как политической нации только формируется, и чаще люди, отвечая на вопрос о гражданстве, гражданской идентичности,

¹ См.: Дробижеева Л.М. Российская идентичность и межэтнические отношения // Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011. С. 216.

² Цит. по: Дробижеева Л.М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 13.

³ Мамараев Р.М. Новая избирательная реформа глав регионов современной России // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 1. С. 155.

имеют в виду именно принадлежность к государству. Государственная идентичность формируется значительно проще. Волей лидера, политической элитой через средства образования и СМИ государственные символы и знаки оформляются, распространяются и закрепляются в официальных документах, воздействуя на общественное сознание.

instituteofhistory.ru

Намного сложнее с образованием гражданского самосознания, чувством общности с гражданами, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного самосознания, идентичности (иногда его называют государственным) и гражданского только начинается¹. Сложность состоит в том, что в консолидирующих факторах и государственной, и гражданской общности много общего. В повседневном, массовом сознании государство далеко не всегда воспринимается только как властные учреждения по управлению, силовые структуры, обеспечивающие правопорядок, защиту границ, но и как страна, образ которой формируется в семье, школе, в кругу неформального общения, СМИ.

Респонденты «от 40 до 50 лет» считают, что россиянином может считаться человек *«ответственный за страну»* (27,6 %); опрошенные в возрасте «до 20 лет» и «от 60 лет и выше» придерживаются суждения, что россиянином является тот *«кто считает себя патриотом России»* – 25,0 % и 39,0 %, соответственно, в то время как в других подгруппах доля таковых заметно ниже. При этом каждый пятый опрошенный в возрасте «от 60 лет и выше», в отличие от других подгрупп, подчеркивает значимость *«активной гражданской позиции»*; по мнению респондентов в возрастных подгруппах «от 20 до 30 лет» (21,2 %) и «от 30 до 40 лет» (27,3 %), россиянином может считаться тот, *«кто гордится своей страной»*.

Полученные на вопросы *«Как Вы думаете, кто может считаться россиянином?»* и *«Что для Вас лично означает "быть россиянином"?»* результаты показывают, что, по мнению опрошенных дагестанских народов, россиянином может считаться *«тот, кто любит Россию»*, быть россиянином означает *«ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы»*. Вместе с тем возникает необходимость в установлении эмоционального компонента в проявлении российской и этнической идентичностей, потому что, уже ранее было отмечено, что в категории гражданско - государ-

¹ Дробижеева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С.

ственной идентичности, так же как и в республиканской, локальной, этнической идентичности, присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы¹ (см. таб. № 67).

Таблица 67

Распределение ответов на вопросы «*Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы представитель своего народа?*» и «*Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы россиянин?*»
(варианты ответов даны по группам национальностей
в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы представитель своего народа?				Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы россиянин?			
	Чувство гордости и достоинства	Чувство сопричастности со своим народом	Чувство обиды и униженности	Безразличие	Чувство гордости и достоинства	Чувство сопричастности со своим народом	Чувство обиды и униженности	Безразличие
Аварцы	72,1	19,0	1,7	5,5	64,5	20,7	2,8	10,0
Азербайджанцы	66,7	22,2	0	16,7	61,1	16,7	5,6	11,1
Даргинцы	63,9	20,4	1,9	5,6	64,8	14,8	5,6	13,9
Кумыки	75,0	12,5	2,5	6,3	62,5	16,3	2,5	11,3
Лакцы	64,6	28,3	0,9	3,5	50,4	31,9	2,7	14,2
Лезгины	69,0	22,4	1,7	8,6	45,7	19,8	3,4	23,3
Русские	58,3	33,3	0	11,1	55,6	25,0	0	19,4
Табасаранцы	69,6	21,7	0	0	56,5	17,4	0	21,7
Чеченцы	80,0	12,5	7,5	0	50,0	15,0	7,5	17,5
Другие	58,2	22,8	3,8	11,4	50,6	17,7	8,9	19,0
Всего:	68,4	20,9	2,0	6,3	57,7	20,4	3,8	14,6

Наше исследование показывает, что чувство принадлежности как своему, так и российскому народу у опрошенных дагестанских народов вызывает «чувство гордости и достоинства», хотя принадлежность своему народу и испытываемые при этом чувства заметно выражены, по сравнению с ощущением российской идентичности. Важ-

¹ Дробизева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2. С. 68.

ность этнической принадлежности и испытываемое при этом чувство гордости и достоинства, по сравнению с другими опрошенными, сильнее проявляется в позициях чеченцев, аварцев, кумыков, лезгин и табасаранцев. Каждый пятый опрошенный дополняет чувство гордости *«сопричастностью со своим народом»* и таковых заметно больше среди респондентов лакцев и русских. При этом статистически небольшая доля опрошенных испытывает *«чувство обиды и униженности»* за то, что они являются представителями как своего, так и русского сообщества, причем выделяются респонденты чеченцы (каждый тринадцатый опрошенный). Если у каждого седьмого опрошенного безразличие вызывает ощущение принадлежности российскому народу, то в 2 – 3 раза меньше таковых среди обозначающих принадлежность своему народу.

По возрастному признаку, больше половины опрошенных «от 30 до 40 лет» (78,9 %), «до 20 лет» (69,7 %), «от 20 до 30 лет» (69,4 %), «от 60 лет и выше» (63,4 %), «от 40 до 50 лет» (63,3 %) и «от 50 до 60 лет» (50,8 %) отмечают, что у них принадлежность к своему народу вызывает *«чувство гордости и достоинства»*. Данное суждение разделяют 71,5 % респондентов со средним специальным, 69,5 % высшим и 67,3 % средним образованием. В возрастной подгруппе «от 50 до 60 лет», каждый второй опрошенный как представитель своего народа испытывает *«чувство сопричастности со своим народом»*, в подгруппе «от 40 до 50 лет» каждый третий, «от 20 до 30 лет» каждый пятый, «до 20 лет» каждый шестой, «от 30 до 40 лет» каждый седьмой респондент, впрочем, как и каждый четвертый опрошенный с высшим образованием. При этом каждый десятый опрошенный в возрасте «от 60 лет и выше», каждый пятнадцатый с базовым средним образованием подчеркивает, что ощущение того, что он представитель своего народа вызывает у него *«чувство обиды и униженности»*. Далее каждому десятому опрошенному в подгруппе «до 20 лет» и имеющему базовое среднее образование безразлична его этническая принадлежность.

По возрастному признаку больше половины опрошенных подчеркивают, что ощущение того, что он россиянин вызывает у него *«чувство гордости и достоинства»*: 52,0 % «до 20 лет», 56,3 % «от 20 до 30 лет», 58,2 % «от 40 до 50 лет», 58,5 % «от 50 до 60 лет», 61,0 % «от 60 лет и выше» и 70,4 % «от 30 до 40 лет». Каждый второй респондент с базовым средним, больше половины опрошенных со средним, средним специальным и высшим образованием разделяют данное суждение. При этом ощущение себя россиянином вызывает *«чув-*

ство сопричастности со своим народом» в подгруппах «от 40 до 50 лет» (27,6 %), «от 50 до 60 лет» (35,4 %) и имеющих высшее образование (23,3 %).

Далее в нашем исследовании были сопоставлены между собой вопросы, чтобы установить взаимосвязь между процессом идентификации и испытываемым опрошенными чувствами принадлежности к определенной социальной группе (см. таб. № 68).

Таблица 68

Распределение ответов на вопросы «Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?» и «С каким из суждений Вы согласны?» (варианты ответов в %)

С каким из суждений Вы согласны? // Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?	Я горжусь тем, что я представитель моего народа	Я горжусь тем, что я дагестанец	Я горжусь тем, что я россиянин	Мне стыдно, что я представитель моего народа	Мне стыдно, что я дагестанец	Мне стыдно, что я россиянин
Представителем своего народа	40,4	39,1	26,7	1,2	1,9	1,9
Представителем своей религии	21,2	53,6	23,2	1,3	2,0	2,6
Представителем дагестанского народа	27,4	56,7	32,3	1,8	0,6	1,2
Россиянином	18,7	40,0	52,3	0,6	1,3	0
Представителем своего народа и дагестанцем	30,5	51,5	22,0	0	2,5	1,5
Представителем своего народа и россиянином	26,6	35,5	50,4	0,4	1,2	0,8
Представителем своего народа и религии	30,8	52,6	21,1	0,4	1,2	1,2
Всего:	27,9	46,4	32,5	0,7	1,6	1,4

Сопоставление двух вопросов и их сравнительный анализ показывает, что в массовом сознании опрошенных дагестанских народов доминирует чувство гордости за принадлежность к дагестанскому народу, что вполне объяснимо. По результатам нашего исследования

был сделан вывод о превалировании республиканской идентичности над иными типами социальной идентичности, дополненная чувством гордости. В установках *«осознающих себя представителем своего народа»* проявляется чувство гордости за то, что он является *«представителем своего народа»*, хотя также востребовано чувство гордости за принадлежность к дагестанскому народу и россиянам. При этом обращает на себя внимание, что испытываемые чувства находятся в прямой зависимости от типа социальной идентичности: ощущающие себя *«представителем дагестанского народа»*, *«россиянином»*, которым характерна двойственная идентичность – *«представителем своего народа и дагестанцем/россиянином»* испытывают чувство гордости за свою принадлежность к конкретной социальной группе. При этом доля респондентов, испытывающих чувство стыда за свою принадлежность дагестанскому народу/своему народу и россиянам статистически незначимая, что свидетельствует о важности ощущения чувства сопричастности с определенной социальной группой.

В нашем исследовании были сопоставлены между собой вопросы, позволяющие определить связь типа социальной идентичности с эмоциональным компонентом (см. таб. № 69).

Таблица 69

Распределение ответов на вопросы *«Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?»* и *«Какие чувства у Вас вызывает ощущение того, что Вы представитель своего народа?»* (варианты ответов в %)

Какие чувства у Вас вызывает ощущение того, что Вы представитель своего народа? // Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?	Чувство гордости и достоинства	Чувство сопричастности со своим народом	Чувство обиды и униженности	Безразличие
Представителем своего народа	68,3	20,5	3,1	5,0
Представителем своей религии	68,9	21,2	4,6	7,3
Представителем дагестанского народа	72,6	17,7	1,8	7,3
Россиянином	69,0	25,8	0,6	2,6
Представителем своего народа и дагестанцем	71,0	22,0	2,0	3,5
Представителем своего народа и россиянином	73,8	21,4	1,6	4,4
Представителем своего народа и религии	68,8	19,8	1,6	6,9

Результаты нашего исследования показывают, что опрошенные дагестанские народы, независимо от демонстрируемого ими типа социальной идентичности, испытывают «чувство гордости и достоинства», за ним с большим отрывом располагается суждение «чувство сопричастности со своим народом»; «чувство обиды и униженности» характерно статистически небольшой доле опрошенных и относительно больше таковых среди идентифицирующих себя «представителем своего народа» и «представителем своей религии».

Также в нашем исследовании мы предприняли попытку через тип социальной идентичности выявить существующее в массовом сознании дагестанских народов эмоциональное отношение к принадлежности российскому народу (см. таб. № 70).

Таблица 70

Распределение ответов на вопросы «Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?» и «Какие чувства у Вас вызывает ощущение того, что Вы россиянин?» (варианты ответов в %)

Какие чувства у Вас вызывает ощущение того, что Вы россиянин? // Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?	Чувство гордости и достоинства	Чувство сопричастности со своим народом	Чувство обиды и униженности	Безразличие
Представителем своего народа	53,4	22,4	8,1	12,4
Представителем своей религии	54,3	16,6	3,3	21,2
Представителем дагестанского народа	62,2	20,1	3,7	13,4
Россиянином	70,3	25,2	1,9	3,2
Представителем своего народа и дагестанцем	53,5	20,5	4,0	18,0
Представителем своего народа и россиянином	72,6	20,2	2,0	5,2
Представителем своего народа и религии	52,2	22,7	2,0	19,8

Наше исследование показывает, что у опрошенных дагестанских народов, независимо от типа самоидентификации, ощущение себя «россиянином» вызывает «чувство гордости и достоинства», причем заметно выше показатели разделяющих данное суждение среди

носителей российской («россиянин») и двойственной идентичности – «представителем своего народа и россиянином». В то же время, каждый двенадцатый опрошенный ассоциирующий себя «представителем своего народа» испытывает «чувство обиды и униженности» за то, что он является «россиянином». Каждый пятый опрошенный из подгруппы «представитель своей религии» и «представитель своего народа и религии», каждый шестой самоидентифицирующийся как «представитель своего народа и россиянин» подчеркивает, что принадлежность к российскому народу вызывает у него «безразличие», а доля таковых среди ощущающих себя «россиянином» статистически небольшая.

Таким образом, сопоставление между собой двух вопросов «*Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?*» и «*Какие чувства у Вас вызывает ощущение того, что Вы россиянин/представитель своего народа?*» показывает преобладание в позициях опрошенных дагестанских народов «чувства гордости и достоинства», хотя ради справедливости следует отметить, что доля безразлично относящихся к российской идентичности выше среди обозначающих свое отношение именно к российской идентичности.

Сформированность типа социальной идентичности (этнический, республиканский, государственно-гражданский) проявляется через степень существующей связи с теми социальными группами, с которыми респонденты самоидентифицируются, поэтому данный аспект вопроса был затронут в ходе нашего исследования (см. таб. № 71).

Полученные результаты социологического опроса показывают, что опрошенные дагестанские народы обозначают «сильную связь с представителями всех дагестанских народов», что вполне объяснимо на фоне демонстрации ими республиканской идентичности. На важность и интенсивность взаимодействия указывает больше половины опрошенных лезгин, русских, каждый второй опрошенный среди аварцев, даргинцев, лакцев и чеченцев, и меньше всего таковых среди респондентов азербайджанцев. На второй позиции располагается религиозная идентичность, которую обозначил каждый третий опрошенный, причем сильнее она выражена в позициях опрошенных аварцев, кумыков, лезгин и табасаранцев; третью позицию занимает суждение «ощущаю сильную связь с представителями своего народа». Если в вопросе «*Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?*», в структуре социальной идентичности заметно слабее проявила себя этническая идентичность на

фоне усиления «двойственной идентичности», то в вопросе «*С кем Вы испытываете сильную связь?*» заметно активизировался собственно этнический компонент с обозначением «*сильной связи с представителями своего народа*»: доля таковых заметно выросла среди опрошенных аварцев, азербайджанцев, табасаранцев, лезгин и лакцев.

Таблица 71

Распределение ответов на вопрос «*С кем Вы испытываете сильную связь?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Ощущаю сильную связь с россиянами	Ощущаю сильную связь с представителями всех дагестанских народов	Ощущаю сильную связь с представителями моего народа	Ощущаю сильную связь с людьми одного возраста со мной	Ощущаю сильную связь с людьми моей религии	Ощущаю сильную связь с людьми близкими мне по политическим взглядам
Аварцы	22,4	43,1	27,2	15,2	41,4	7,6
Азербайджанцы	5,6	33,3	44,4	22,2	27,8	16,7
Даргинцы	28,7	49,1	20,4	13,9	19,4	8,3
Кумыки	28,8	38,8	18,8	12,5	32,5	6,3
Лакцы	30,1	49,6	31,9	13,3	20,4	8,8
Лезгины	15,5	52,6	32,8	14,7	31,0	4,3
Русские	27,8	55,6	22,2	16,7	13,9	11,1
Табасаранцы	34,8	43,5	34,8	17,4	34,8	13,0
Чеченцы	20,0	47,5	25,0	22,5	25,0	5,0
Другие	17,7	50,6	19,0	15,2	26,6	12,7
Всего:	23,5	46,6	26,5	15,1	30,5	8,1

Обращает на себя внимание позиция респондентов табасаранцев, вообще не осознающих себя на территории Дагестана «*представителем своего народа*», но при этом каждый третий опрошенный среди них испытывает «*сильную связь с представителями своего народа*»; 27,8 % русских важна этническая идентичность, но при этом доля

ощущающих *«сильную связь с представителями своего народа»* заметно убавилась.

Суждение *«ощущаю сильную связь с россиянами»* по значимости занимает четвертое место среди предложенных шести вариантов ответов, причем выделяются опрошенные даргинцы, кумыки, лакцы, русские и табасаранцы и меньше всего таковых среди респондентов азербайджанцев. По сравнению с другими позициями, слабую связь опрошенные испытывают с *«людьми одного возраста»* и *«людьми близкими по политическим взглядам»*. Поколенческая связь сильнее выражена в позициях азербайджанцев и чеченцев; по сравнению с другими опрошенными, среди азербайджанцев больше доля выбравших суждение *«с людьми близкими по политическим взглядам»*.

С возрастом увеличивается доля, испытывающих сильную связь с *«россиянами»*: каждый второй опрошенный в подгруппе «от 60 лет и выше», каждый третий в разрезе «от 30 до 40 лет» и «от 40 до 50 лет» и имеющий среднее специальное образование, каждый четвертый «от 50 до 60 лет» и «от 20 до 30 лет», а также респонденты с высшим и средним образованием. Результаты нашего исследования показывают, что с возрастом и повышением образовательного статуса увеличивается доля обозначающих свою близость со всеми дагестанскими народами: 45,7 % опрошенных «до 20 лет», 50,7 % «от 30 до 40 лет», 51,0 % «от 40 до 50 лет», 55,4 % «от 50 до 60 лет»; данную позицию разделяют 43,2 % опрошенных с базовым средним, 43,6 % средним, 46,8 % высшим и 50,6 % средним специальным образованием. По возрастному признаку, больше половины опрошенных в разрезе «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет», каждый второй опрошенный «до 20 лет», «от 20 до 30 лет», каждый третий опрошенный «от 60 лет и выше» обозначает сильную связь *«с представителями всех дагестанских народов»*.

Вместе с тем обращает на себя внимание выраженность религиозной идентичности, о которой уже было сказано, сопровождающееся *«сильной связью с людьми своей религии (ислама, православия и т.д.)»*, заметно выраженная в подгруппе «до 20 лет» (36,8 %), «от 20 до 30 лет» (39,2 %) и с возрастом ослабевает – 20,4 % «от 30 до 40 лет», 19,4 % «от 40 до 50 лет», 16,9 % «от 50 до 60 лет», 12,2 % «от 60 лет и выше». Причем эту позицию разделяет каждый второй опрошенный с базовым средним, каждый третий опрошенный со средним и высшим, каждый четвертый опрошенный со средним специальным образованием.

С целью глубокого анализа полученной социологической информации были сопоставлены между собой вопросы, позволяющие установить степень выраженности или ослабленности этнической связи в отношении других социальных групп (см. таб. № 72).

Таблица 72

Распределение ответов на вопросы «*Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?*» и «*С кем Вы испытываете сильную связь?*» (варианты ответов даны в %)

Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан? // С кем Вы испытываете сильную связь?	Ощущаю сильную связь с россиянами	Ощущаю сильную связь с представителями всех дагестанских народов	Ощущаю сильную связь с представителями моего народа	Ощущаю сильную связь с людьми одного возраста со мной	Ощущаю сильную связь с людьми моей религии	Ощущаю сильную связь с людьми близкими мне по политическим взглядам
Представителем своего народа	28,0	47,8	30,4	13,0	19,9	6,2
Представителем своей религии	19,2	45,7	23,2	11,9	48,3	2,0
Представителем дагестанского народа	25,6	52,4	32,3	12,2	22,0	10,4
Россиянином	38,1	49,0	22,6	18,1	20,6	10,3
Представителем своего народа и дагестанцем	21,0	53,0	30,0	18,5	28,5	7,5
Представителем своего народа и россиянином	33,5	49,6	25,8	15,7	23,8	10,1
Представителем своего народа и религии	10,9	45,7	28,7	16,6	53,4	9,3

Сопоставление между собой вопросов «*Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?*» и «*С кем Вы испытываете сильную связь?*» показывает, что опрошенные дагестанские народы в основном подчеркивают сильную связь с теми подгруппами, с которыми они себя ассоциируют: осознающие себя «представителем своей религии» сильную связь ощущают с «людьми своей религии», осознающие себя «представителем дагестанского народа» указывает на «сильную связь с представителями всех дагестанских народов», впрочем, как и «представителем своего народа и

дагестанцем/россиянином», самоидентифицирующие «представителем своего народа и религии» подчеркивают сильную связь с людьми одного с ними вероисповедания.

Далее осознающие себя «представителем своего народа» сильную связь ощущают с «представителями всех дагестанских народов» (первое ранговое место), «представителями своего народа» (второе ранговое место), «россиянами» (третье ранговое место). Таким образом, наше исследование показывает, что массовому сознанию дагестанских народов характерно, с одной стороны, подчеркивать сильную связь с социальными группами, с которыми они самоидентифицируются, с другой стороны, стремление обозначить свою сопричастность более крупному образованию, в частности, дагестанский народ.

Установление существующей связи между социальными образованиями предполагает выявление и противоположной картины – с кем у опрошенных дагестанских народов слабее выражена связь (см. таб. № 73).

Таблица 73

Распределение ответов на вопрос «С кем **Вы не испытываете сильную связь?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Не ощущаю сильной связи с россиянами	Не ощущаю сильной связи с представителями всех дагестанских народов	Не ощущаю сильной связи с представителями моего народа	Не ощущаю сильной связи с людьми одного возраста со мной	Не ощущаю сильной связи с людьми моей религии
Аварцы	35,5	9,3	6,9	15,5	6,9
Азербайджанцы	11,1	16,7	11,1	11,1	22,2
Даргинцы	32,4	7,4	7,4	14,8	11,1
Кумыки	25,0	5,0	3,8	13,8	10,0
Лакцы	35,4	8,0	2,7	18,6	13,3
Лезгины	47,4	6,9	6,9	7,8	12,1
Русские	25,0	13,9	11,1	19,4	25,0
Табасаранцы	56,5	0	0	8,7	4,3
Чеченцы	37,5	2,5	10,0	30,0	5,0
Другие	19,0	1,3	7,6	11,4	3,8
Всего:	34,0	7,3	6,4	14,8	9,7

Опрошенные дагестанские народы последовательны в своих суждениях, поэтому небольшая их доля не ощущают сильной связи с «представителями всех дагестанских народов», «представителями своего народа» и «людьми своей религии». Некоторое удивление вызывает доминирование мнения «не ощущаю сильной связи с россиянами», потому что в вопросе «**Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?**» важным для опрошенных было суждение «представителем своего народа и россиянином», хотя осознание себя на территории республики «россиянином» не имело большого значения для дагестанских народов.

По возрастному признаку меньше всего связь с «людьми своей религии (ислама, православия и т.д.)» испытывают опрошенные в возрасте «от 60 лет и выше» (17,1 %), «от 40 до 50 лет» (17,3 %) и «от 50 до 60 лет» (29,2 %); в подгруппе «от 50 до 60 лет» каждый третий опрошенный «не ощущает сильной связи с людьми одного возраста»; в подгруппе «от 60 лет и выше» каждый восьмой опрошенный отметил, что «не испытывает сильной связи с представителями своего народа» и «с представителями дагестанских народов»; далее каждый второй опрошенный «до 20 лет», каждый третий опрошенный «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет» и «от 40 до 50 лет» «не ощущает сильной связи с россиянами». Последнее суждение ближе 54,5 % опрошенных с базовым средним, 35,8 % высшим, 32,2 % средним и 25,9 % средним специальным образованием.

Установление значимости типа социальной идентичности, выраженность их проявления в массовом сознании дагестанцев предполагает выявление эмоциональной наполненности существующих позиций (см. таб. 1374).

Полученные результаты опроса демонстрируют доминирование в позициях опрошенных дагестанских народов суждения «я горжусь тем, что я дагестанец» (первое ранговое место) и больше всего выбравших его среди табасаранцев и меньше всего среди чеченцев. В установках опрошенных народов наблюдается варьирование позиций в зависимости от ответа: если в вопросе «С кем Вы не испытываете сильную связь?» каждый третий опрошенный выбрал вариант ответа «с россиянами», то в вопросе «С каким из суждений Вы согласны?» позиция «я горжусь тем, что я россиянин» занимает второе ранговое место, отодвинув на третье место «я горжусь тем, что я представитель своего народа». По всему массиву, статистически небольшая доля опрошенных выбрала суждения «мне стыдно, что я представитель своего народа», «мне стыдно, что я дагестанец» и «мне стыд-

но, что я россиянин». По сравнению с другими подгруппами, относительно больше доля, выбравших эти суждения среди опрошенных азербайджанцев, кумыков, русских, табасаранцев и чеченцев.

Таблица 74

Распределение ответов на вопрос «С каким из суждений Вы согласны?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Я горжусь тем, что я представитель моего народа	Я горжусь тем, что я дагестанец	Я горжусь тем, что я россиянин	Мне стыдно, что я представитель своего народа	Мне стыдно, что я дагестанец	Мне стыдно, что я россиянин
Аварцы	26,2	47,9	30,9	0,7	1,7	1,4
Азербайджанцы	33,3	44,4	44,4	0	0	5,6
Даргинцы	23,1	47,2	25,9	0,9	0	0,9
Кумыки	13,8	45,0	40,0	1,3	2,5	1,3
Лакцы	36,3	38,1	38,9	0,9	0	0,9
Лезгины	27,6	49,1	23,3	0,9	0,9	1,7
Русские	38,9	44,4	44,4	0	2,8	0
Табасаранцы	26,1	60,9	26,1	0	4,3	0
Чеченцы	32,5	27,5	35,0	2,5	2,5	0
Другие	27,8	43,0	26,6	0	3,8	5,1
Всего:	27,2	45,3	31,6	0,8	1,6	1,6

По возрастному признаку суждение «я горжусь тем, что я представитель своего народа» отметили 34,7 % опрошенных в разрезе «от 40 до 50 лет», 34,1 % «от 60 лет и выше», 27,3 % с высшим образованием. Далее, больше половины опрошенных «до 20 лет», а также с базовым средним образованием гордятся тем, что он «дагестанец». Эту же позицию разделяет каждый второй опрошенный со средним, средним специальным и высшим образованием, а также в возрасте «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», каждый третий респондент в подгруппе «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше». При этом статистически небольшая доля опрошенных испытывает чувство стыда за то, что они являются дагестанцами (1,5 %) и россиянами (1,6

%). Таким образом, государственно-гражданская идентичность не исключает сохранения этнической идентичности по той причине, что они имеют разное содержание.

Формирование российской идентичности является довольно сложным процессом по ряду причин: многочисленные исследования перестроечного периода констатировали наличие в российском обществе этнофобий, внутри которой выделяются *кавказофобия*, *антисемитизм*, *синофобия* и религиозные фобии¹. Несомненно, от содержательной наполненности понятий «российский народ», «россиянин» во многом зависит стабильность российского государства. Неслучайно В.В. Путин акцентировал внимание на существовании в российском обществе ксенофобии и нетерпимости: «не только государственные органы, но и общество должно незамедлительно реагировать на любые проявления ксенофобии и религиозной нетерпимости, решительно бороться с ещё встречающимися проявлениями инфекции бытового национализма», и далее, «никаким великодержавным шовинистам, никаким националистам не растащить нас по их затхлым психушкам», призывая экстремистские организации запретить, а их лидеров и активных участников преследовать по закону².

Российская идентичность как формирующаяся национально-гражданская идентичность россиян имеет два источника развития, поэтому российская *государственная идентичность* проявляет себя через осознание общности в пределах всего государства. Государственная идентичность легче формируется, потому что она имеет наглядные символы солидаризации, и достижения России на международной арене могут служить мощным фактором ее укрепления³. Российская *гражданская идентичность* складывается через осознание себя в категориях гражданских групп, относительно независимых от государства, но пользующихся его поддержкой и защитой закона. Подобная идентичность формируется труднее и медленнее, для ее реализации необходимы усилия самих акторов, членов общества. Она предполагает развитие правосознания как систему «оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение»⁴, формирование от-

¹ См.: *Шахбанова М.М.* Межэтническая толерантность в полиэтничном регионе: состояние и тенденции (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2007.

² Цит. по: Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 35.

³ Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2010. С. 153.

⁴ Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 441.

ветственности за состояние страны. Эту двойкость российской идентичности хорошо озвучил В.В. Путин, неоднократно указывая на то, что Россия должна стать сильным государством, которое, в свою очередь, должно служить людям. Эти слова отражают специфику нынешнего развития России: поддержка демократических ценностей «сверху», через укоренение в России институтов гражданского общества и стимулирование становления государственно-гражданской российской идентичности¹.

Российские исследователи не один год в своих опросах затрагивали проблематику местоположения народов на российском пространстве (см. таб. № 75)².

Таблица 75

Мнения респондентов о том, насколько государство – общий дом для народов России (%)

Варианты ответов // Годы	1995	1998	2001	2004	2006	2007	2011
Россия должна быть государством русских людей	11	11	12	17	19	16	14
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом	14	20	20	24	31	31	31
Россия – общий дом для многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ	65	64	61	54	50	48	47
Затруднились ответить	10	5	7	5	0	5	8

Приведенные в таблице результаты исследования показывают заметный рост доли респондентов, придерживающихся позиции «Россия должна быть государством русских людей», пик которой пришелся на середину первой половины нулевых годов, который за-

¹ Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2010. С. 154.

² Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 47.

тем спал. При этом также наблюдалось увеличение доли респондентов, которым ближе суждение «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом» и надо признаться, что такая тенденция существует и не теряет своей актуальности. Причем, если в начале 2000-х мнение «Россия – общий дом для многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ» разделяли больше половины опрошенных, то к концу первого десятилетия XXI в. их доля, как показывает таблица, заметно снижается.

Вопросы государственного устройства России и отношение к ее многонациональности в силу его актуальности мы включили в анкету нашего исследования (см. таб. № 76).

instituteofhistory.ru Таблица 76

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы думаете...**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Россия должна быть государством русских людей и русские должны иметь больше прав	Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами	Было бы лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе имели бы право выхода из России
Аварцы	2,4	81,0	17,9
Азербайджанцы	0	88,9	16,7
Даргинцы	2,8	76,9	19,4
Кумыки	2,5	77,5	17,5
Лакцы	0,9	85,0	8,8
Лезгины	4,3	83,6	11,2
Русские	8,3	77,8	11,1
Табасаранцы	4,3	82,6	17,4
Чеченцы	2,5	87,5	15,0
Другие	5,1	73,4	17,7
Всего:	3,0	80,7	15,6

По всему массиву, с большим отрывом доминирует суждение «Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами»

и существование такой позиции обусловлено сложившейся полиэтничностью российского государства, которая корнями уходит в историческое прошлое. Таким образом, установленные отличия в проявлении этничности на уровне повседневной коммуникации не мешают формированию полезных для дальнейшего развития Дагестана этнополитических ориентаций населения.

При этом каждому шестому опрошенному характерно проявление сепаратистских установок: *«было бы лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе имели бы право выхода из России»*. Как известно, об этом много писали, в частности, наличие в Дагестане в 90-х гг. прошлого века национальных движений, которые вполне правильно и обоснованно заявляя о необходимости защиты национальных интересов своего народа, вместе с тем ставили вопрос о федеративном переустройстве республики, тем самым заметно ухудшив межнациональную ситуацию. Существование такой установки, которая в зависимости от политической ситуации в стране и расклада политических сил, с разной степенью интенсивности эксплуатировалась лидерами национальных движений, обуславливает существование такого взгляда на политическое устройство России.

По сравнению с другими опрошенными, такая точка зрения ближе каждому пятому среди опрошенных даргинцев, каждому шестому среди аварцев, азербайджанцев, кумыков, табасаранцев и меньше всего таковых среди лакцев. Несомненно, все российские народы должны обладать равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ. Далее суждение *«Россия должна быть государством русских людей и русские должны иметь больше прав»* разделяет статистически небольшая доля опрошенных, хотя больше всего придерживающихся данной позиции среди респондентов русских (каждый двенадцатый опрошенный).

При этом независимо от возраста и образовательного статуса статистически небольшая доля опрошенных придерживается позиции, что *«Россия должна быть государством русских людей и русские должны иметь больше прав»*, иными словами, в массовом сознании опрошенных дагестанских народов слабо выражены этноцентристские установки и ориентированность на этнодоминирование. Однако следует отметить, что характерное дагестанским народам проявление, если так можно выразиться, «сепаратистских установок» с мотивацией *«было бы лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе имели бы право выхода из России»*, можно интерпретировать с двух совершенно противоположных позиций – с одной стороны, как

стремление народов к обретению полной независимости и выхода из состава России, с другой, как один из механизмов избегания межнациональной конфронтации и межэтнического противостояния. Такие тенденции ярко проявлялись на постсоветском пространстве, можно вспомнить чеченские события в конце 90-х гг., в завуалированной форме они имели место в Татарстане и других национальных образованиях.

Если обратиться к другим индикаторам, то с образовательным статусом возрастает доля придерживающихся суждения «Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами» – 65,9 % с базовым средним, 78,7 % средним, 81,6 % средним специальным и 82,4 % высшим образованием. Доля разделяющих эту установку увеличивается с возрастом – с 78,3 % в подгруппе «до 20 лет» до 85,4 % «от 60 лет и выше». В массовом сознании россиян, особенно старшего поколения, устоялось восприятие России как «общего дома для всех народов», в котором превалирует толерантное отношение к иноэтническим общностям, культурному наследию, религиозным верованиям. К сожалению, постсоветский период способствовал кардинальному изменению жизненных ценностей и установок, особенно в среде молодого поколения, ориентированного на престижное потребление и карьеру, что, однако, не является негативным явлением, если молодежь не нивелирует иные символы и ценности. Наличие в массовом сознании установки, что в российском обществе все народы должны обладать равными правами и возможностями для самореализации является одним из фундаментальных принципов сохранения стабильности и согласия в межэтнической сфере.

В нашем исследовании представляется важным показать отражение типа социальной идентичности на отношении к многонациональности российского государства (см. таб. № 77).

Сравнение результатов двух вопросов «**Как Вы думаете...**» и «**Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?**» показывает, что независимо от типа социальной идентичности опрошенным дагестанским народам ближе позиция «Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами», причем их доля выше в подгруппах самоидентифицирующихся «россиянином», «представителем дагестанского народа», «представителем своего народа и дагестанцем», «представителем своего народа и россиянином». В то же время каждый пятый опрошенный осознающий себя «представителем своей религии» и «представителем дагестанского народа», каждый шестой опрошенный «представителем своего народа» и «представителем своего народа и дагестанцем»,

каждый седьмой ассоциирующийся «россиянином», каждый восьмой носитель двойственной идентичности – «представитель своего народа и россиянин» – придерживаются позиции *«было бы лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе имели бы право выхода из России»*.

Таблица 77

Распределение ответов на вопросы *«Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?»* и *«Как Вы думаете...»* (варианты ответов в %)

Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан? // Как Вы думаете...	Россия должна быть государством русских людей и русские должны иметь больше прав	Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами	Было бы лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе имели бы право выхода из России
Представителем своего народа	6,8	76,4	15,5
Представителем своей религии	4,0	78,1	18,5
Представителем дагестанского народа	2,4	80,5	18,3
Россиянином	1,3	89,7	14,2
Представителем своего народа и дагестанцем	1,0	86,0	15,5
Представителем своего народа и россиянином	1,2	86,3	13,3
Представителем своего народа и религии	4,5	79,8	11,7

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что в основе позитивной российской идентичности лежит такой значимый компонент как конструирование солидарности, которое позволит уменьшить значение этнического компонента и, в той или иной степени играет определенную роль в формировании социальной и политической дифференциации. Принцип солидарности позволит сохранить этническое многообразие России без ущемления национальных интересов каждого российского народа, при соблюде-

нии и развитии принципов равенства всех этносов, следовательно, сохранению межнационального согласия российском обществе.

Вместе с тем укрепление позиций российской идентичности, тесно связанной с этнической идентичностью, способствует росту интеграционных процессов в современном российском обществе. Однако наличие недовольства определенной прослойки общества уровнем социально-экономического положения, неудовлетворенность качеством жизни, увеличение доли социально незащищенных слоев общества, коррупция, беззаконие и т.д. обуславливают существование негативного отношения к существующей системе, и, как следствие, стремление противостоять неравенству и в данном процессе заметно выросла роль национальной гражданской платформы. Более того, можно сказать, что гражданское общество в современной России укрепляет свои позиции, растет ориентированность россиян на отстаивание своих политических прав и свобод. Однако заявление власти о «единстве российской нации» порой носит символический характер, призывы к национальной и религиозной терпимости, уважительного отношения к национальным и религиозным символам и ценностям иных народов должны соответствовать реалиям, которые очень часто не отвечают представлениям россиян. А это может способствовать, с одной стороны, активизации деструктивных и пассивных форм этнической идентичности, с другой стороны, ослабить государственно-гражданскую идентичность.

instituteofhistory.ru

4.2. Маркеры воспроизводства российской идентичности дагестанских народов

Основной характеристикой символического базиса «новой России» является преемственность, которая трактуется как продолжение и советского периода российской истории, и дореволюционной, имперской эпохи. В пояснении к описанию Государственного герба эта позиция четко выражена: «сегодняшний герб России – это новый герб, но его составные части глубоко традиционны» и «он отражает разные этапы отечественной истории, и продолжает их в преддверии третьего тысячелетия... Восстановление двуглавого орла как Государственного герба России олицетворяет неразрывность и преемственность государственной истории»¹.

Герб Российской Федерации наряду с гимном, повторяющим мелодию Гимна Советского Союза, и флагом, бело-сине-красным триколором, исторически учрежденным при Петре I как флаг торгового

¹ Государственная символика Российской Федерации.

флота и легитимированным в ходе августовских событий 1991 г., позволяют сделать вывод о ярко выраженной эксплуатации патриотической компоненты, военного героизма и великого прошлого России. Вид символики «будущее в прошлом» был не сразу положительно воспринят россиянами, однако на сегодняшний день эти символы узнаваемы в качестве государственных большинством граждан.

Более противоречивой выглядит ситуация с государственными праздниками, которые являются важным компонентом «изобретения традиций», значимой для конструирования гражданско - государственной идентичности. Представители новой российской власти в решении вопроса об исторической преемственности поспешили «откреститься» от советского прошлого: были отменены советские праздники, исчезли награды, памятники деятелям советской эпохи и другая атрибутика, напоминающая о советских временах. Появился праздник День согласия и примирения; 1 Мая – День международной солидарности трудящихся стал отмечаться как День весны и труда. Еще одним шагом в этом направлении стало возвращение официального статуса православным праздникам Рождества и Пасхи.

Государственно-гражданская идентичность, в работе уже отмечалось, включает лояльность государству, отождествление человека со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны, стремление служить на ее благо и процветание, испытываемые при этом эмоции.

Исследование процесса формирования государственно - гражданской идентичности требует установления консолидирующих российскую идентичность факторов, поэтому в нашем исследовании были затронуты вопросы, позволяющие выявить индикаторы воспроизводства российской идентичности (см. таб. № 78).

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов социологического исследования представляется необходимым охарактеризовать подходы российской политической элиты в обозначении значимости определенных индикаторов в процессе воспроизводства российской идентичности. В качестве консолидирующих идей для общества задавались идеологемы «сильная Россия», «сильное государство»: *«мы живем в одной сильной стране, в едином государстве Россия»*¹, которые впоследствии продолжились идеологемами державности: *«Все мы хотим видеть Россию процветающей, свободной, могучей и влиятельной державой»* в комплексе с идеологемами геополитического плана – *«возвращение и сохранение позиций в мире»* – *«нашим принципиальным*

¹ Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 36.

результатом должно стать возвращение России в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира».

Таблица 78

Распределение ответов на вопрос «**Что Вас объединяет с россиянами?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Общее государство	51,4	72,2	46,3	56,3	56,6	54,3	61,1	34,8	35,0	48,1	51,6
Ответственность за страну	20,3	5,6	14,8	21,3	10,6	9,5	19,4	21,7	27,5	22,8	17,4
Родная земля, общая территория проживания	37,9	50,0	39,8	33,8	38,1	27,6	41,7	56,5	40,0	36,7	37,3
Политические символы (герб, гимн, флаг)	8,6	5,6	10,2	8,8	6,2	8,6	8,3	13,0	5,0	6,3	8,2
Общее историческое прошлое, историческая память	17,2	11,1	20,4	16,3	21,2	14,7	30,6	17,4	17,5	15,2	17,9
Общие государственные праздники	5,5	5,6	3,7	7,5	6,2	7,8	5,6	4,3	7,5	11,4	6,4
Русский язык – как язык межнационального общения	40,0	22,2	37,0	42,5	41,6	37,9	47,2	30,4	32,5	38,0	39,0
Общая российская культура	6,6	11,1	11,1	11,3	4,4	7,8	16,7	17,4	12,5	6,3	8,4
Схожесть национальных традиций, обычаев	4,1	11,1	3,7	2,5	3,5	6,0	13,9	4,3	2,5	5,1	4,7
Единая правовая система	10,7	33,3	13,9	16,3	13,3	12,9	5,6	26,1	15,0	22,8	14,1
Ничего не объединяет	3,1	5,6	2,8	2,5	1,8	4,3	2,8	0	5,0	5,1	3,2

Кроме того, одним из важных компонентов общей идентичности являются представления об истории, на которую опирался президент В.В. Путин в обосновании современных направлений своих действий: *«наши предшественники научили нас, что такая страна, как Россия, может быть только сильной»*¹.

Несмотря на то, что в своих выступлениях В.В. Путин активно использует интегрирующую идеологию «многонациональный, многоконфессиональный народ России», очевидно, что православие имеет преференции в отношениях с властью, и год от года эти преференции становятся все заметнее, в том числе и с избранием нового председателя РПЦ в 2009 г. Это прослеживается в речах Президента, придающих православию и РПЦ особый статус: *«православие на Руси и Русская православная церковь – это самые корни нашей духовности», «православное духовенство веками являлось объединяющей силой для многонационального российского общества»*².

При рассмотрении идентичностей содержательно («Что объединяет со всеми россиянами?») становится понятной разница в уровне идентичности: ответы на вопрос *«Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?»* показывают важность для дагестанских народов двойственной идентичности с формулировками *«представителем своего народа и россиянином», «представителем своего народа и своей религии»* и *«представителем своего народа и дагестанцем»*, отодвинув на вторые позиции «чисто» республиканский, российский, религиозный и этнический типы идентификации. Существование данных позиций обуславливает востребованность собственно этнических и надэтнических индикаторов в процессе воспроизводства российской идентичности. Больше половины опрошенных интегрирующим маркером считают *«общее государство»*, каждый третий опрошенный указывает на *«русский язык – как язык межнационального общения»* и *«родную землю, общую территорию проживания»*, каждый шестой опрошенный подчеркивает необходимость иметь *«ответственность за страну»* и *«общее историческое прошлое, историческая память»*, каждый седьмой опрошенный *«единую правовую систему»*, в то время как статус признаков *«политические символы (герб, гимн, флаг)», «общая российская культура»* заметно ослаблены; по сравнению с другими подгруппами, среди опрошенных аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, русских, табасаранцев относительно больше доля выбравших суждение *«политические символы (герб, гимн, флаг)»* в качестве консолидирующего

¹ Там же. С. 33.

² Там же. С. 36.

фактора. Позиции *«ничего не объединяет»* придерживается статистически небольшая доля опрошенных, причем больше всего отметивших данное суждение среди азербайджанцев, чеченцев и лезгин.

По мнению российских исследователей, значительную роль в процессах формирования российской идентичности играют гражданские основания. Например, проведенные в Калининградской, Воронежской, Саратовской, Свердловской, Томской областях и Приморье исследования констатируют, что гражданский элемент российской идентичности проявляет себя через развитие основ правосознания населения: около 70 % опрошенных придерживаются позиции, что для того чтобы считаться настоящим россиянином «очень важно» соблюдать законы и уважать Конституцию государства. Как значимые критерии российской солидарности выступают характеристики, о которых говорилось как о важнейших для гражданской идентичности – «чувство ответственности за страну» (67,1 %) и «российское гражданство» (65,5 %) ¹. Несомненно, условия благоприятствующие формированию гражданской компоненты российской идентичности, могут развиваться только при условии становления в России основ гражданского общества.

По этнической принадлежности, больше половины опрошенных аварцев, азербайджанцев, кумыков, лакцев, лезгин, русских, каждый второй среди даргинцев, каждый третий среди табасаранцев и чеченцев подчеркивают признак *«общее государство»*. Данное суждение разделяют больше половины опрошенных в возрастном разрезе «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет» и каждый второй опрошенный в подгруппах «до 20 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше». С образовательным статусом возрастает доля, обозначающих *«общее государство»* как интегрирующий с россиянами индикатор: 34,1 % с базовым средним, 49,5 % средним, 52,1 % высшим, 58,9 % средним специальным образованием.

Государственную идентичность российская политическая элита предлагает формировать на основе русского языка и русской культуры, поскольку, как отмечает глава государства, *«понятие "русский мир" испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса»* ². На возможности *«русского языка – как языка межнационального общения»*, способного выполнить консолидирующую с россиянами роль указывает каждый второй опрошенный среди аварцев, кумыков, лакцев, русских,

¹ См. данные Проекта «Будущее России: социальная сфера»...

² Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 33.

каждый третий опрошенный среди даргинцев, лезгин, табасаранцев и чеченцев. Больше всего указавших на данный маркер, по сравнению с другими опрошенными, среди русских, аварцев, кумыков, лакцев и меньше всего среди чеченцев; с возрастом (от 34,5 % до 44,6 %) и ростом образовательного статуса (от 25,0 % до 48,7 %) увеличивается доля подчеркивающих важность *«русского языка – как языка межнационального общения»*.

Важность *«единой правовой системы»*, как объединяющего с россиянами признака, обозначена в суждениях каждого третьего опрошенного среди азербайджанцев, каждого четвертого среди табасаранцев, каждого пятого в подгруппе «от 40 до 50 лет», каждого шестого «до 20 лет» и «от 60 лет и выше»; меньше всего указавших на данный признак среди респондентов с базовым средним образованием (12,9 %).

На связывающий их с россиянами маркер *«общее историческое прошлое, историческая память»* указал каждый третий опрошенный среди русских, каждый пятый среди даргинцев и лакцев, в то время как доля таковых среди других дагестанских народов менее 20 %; по образовательному признаку данный индикатор выделяет каждый пятый опрошенный с базовым средним и высшим, каждый шестой со средним, каждый десятый со средним специальным образованием. По возрастному признаку выделяется подгруппа «от 60 лет и выше», в которой каждый четвертый опрошенный обозначил значимость данного признака.

Меньше всего, выбравших суждение *«ответственность за страну»*, как консолидирующий признак, в подгруппе с базовым средним образованием (6,8 %), в возрастном разрезе «до 20 лет» (13,5 %), в то время как каждый четвертый опрошенный в возрасте «от 50 до 60 лет» и каждый третий опрошенный «от 60 лет и выше» чувствуют свою *«ответственность за страну»*. Мы уже отмечали низкую оценку политических символов, но если посмотреть по возрастному признаку, то на их консолидирующую роль указывает каждый десятый опрошенный в подгруппе «до 20 лет» и имеющий базовое среднее образование.

Если вышеперечисленные признаки являются важнейшими в общественном сознании дагестанских народов при определении символов и ценностей их характеризующих, то в ходе исследования были выявлены и малозначимые для них символы, в частности, политические, которые оказались слабо выраженными в их массовом сознании.

Установление индикаторов воспроизводства российской идентичности предполагает выявление отношения дагестанских народов к

тем или иным историческим событиям. Одним из значимых факторов в становлении государственно-гражданской идентичности являются символы и ценности, сформированные в массовом сознании в течение длительного исторического периода, события вызывающие гордость и составляющие базу исторической памяти народа. По данным Л. Гудкова, победа в Великой Отечественной войне остается серьезным символом коллективного единства, и вместе с признанием роли Сталина, Петра I, маршала Жукова поддерживает мобилизационную солидарность и авторитарные установки российской идентичности¹.

Разумеется, в воспроизводстве позитивной государственно-гражданской идентичности россиян огромную роль играют события, вызывающие чувство гордости, закономерно сопряженные с событиями противоположного характера, вызывающими чувство стыда. Особенно часто историческое прошлое советского/русского государства с оттенком негативизма стали характеризовать в перестроечный период, и, к сожалению, оценка многих исторических событий, фактов и т.д. в постсоветский период была необъективной и односторонней. Либеральная интеллигенция умудрилась затронуть очень болезненную для советского человека тему Великой Отечественной войны, причем многие военные события, исторические битвы и деятельность советских маршалов преподносились исключительно с отрицательной характеристикой. Как же очень быстро оказались забыты достижения и победы советских военачальников, маршала Жукова стали именовать не иначе как «кровавый Жуков», хотя имеющие исторические данные о военных потерях показывают, что в подразделениях, находившихся под его командованием их было меньше всего. Можно сказать, что в перестроечный период началось внедрение в массовое сознание советских/русских граждан чувства вины и униженности за исторические события, образ России формировался как отсталой, варварской окраины Европы, крупные исторические события, например, Великая Октябрьская социалистическая революция, которая кардинально преобразовала основы Российской империи и позволила всем гражданам, независимо от социального статуса и положения получить доступ к образованию, здравоохранению, сформировала национальную интеллигенцию, способствовала открытию учебных заведений в национальных окраинах, развитию промышленности, сельского хозяйства и т.д. попытались предать забвению. Если обратиться к истории европейских государств, например, во Франции взятие Бастилии и свершение буржуазной революции отмечают как

¹См.: Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // URL: <http://club.fom.ru/182/183/204/library.html?pg=1> (дата обращения: 29.03.2015).

национальный праздник, хотя тогда тоже были казнены правители, однако у французов отсутствует оценка и восприятие данного исторического события исключительно с негативной позиции, в отличие от российской либеральной интеллигенции, которая во всем усматривает только отрицательные последствия для российского общества.

В демократическом государстве должна быть свобода слова, однако под демократическими ценностями нельзя прикрывать вседозволенность. Любому человеку хочется получить хорошее образование и качественную медицинскую помощь, иметь высокооплачиваемую работу и т.д. и незащищенность своих правовых, политических, социальных прав вызывает у них отторжение. Разумеется, многие события порождают у нас чувство стыда и униженности за нынешнее состояние России, поэтому мы должны иметь право критиковать неэффективную власть, но критика власти и негативное отношение к стране – это разные вещи: можно любить или не любить, уважать или не уважать руководителя любого ранга, но очень сложно бывает объяснить нелюбовь к Отчизне и стремление критиковать не государственную власть, а саму страну.

Осознание себя гражданином страны, ощущение связанности с ней и готовность активно действовать ради ее интересов тесно переплетаются с эмоциональным отношением к ней. Человек в большей мере хочет ощущать связанность со страной, к которой он позитивно относится, и наоборот – чем теснее ощущается связь, чем более «своей» воспринимается страна, тем лучше отношение к ней. Одной из наиболее сильных форм эмоционального отношения к стране являются переживания гордости или стыда. Гордость или стыд – переживание человеком оценки своей страны другими людьми (соответственно, позитивной или негативной). Если человек гордится, например, русской литературой, это значит, что он ожидает позитивной оценки этих достижений своих соотечественников со стороны значимых других и стремится привлечь их внимание к этим достижениям в расчете на подобную оценку (в роли значимых других выступают в данном случае представители других стран). Точно так же переживание стыда за те или иные стороны жизни страны означает ожидание их отрицательной оценки со стороны значимых других и стремление не предъявлять эти объекты для оценивания, прятать их от чужого взгляда¹.

При исследовании российской идентичности необходимо учесть, что ее формирование происходило в сложнейших условиях карди-

¹ Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 211.

нальных социально-экономических, политических, духовных преобразований, поэтому вполне объяснимо наличие чувства стыда у россиян за ее социально-экономическое положение.

В нашем исследовании в анкету опроса вошли вопросы, показывающие испытываемые дагестанскими народами чувства в отношении тех или иных событий и фактов (см. таб. № 79).

Таблица 79

Распределение ответов на вопрос «*Какие события в Дагестане у Вас вызывают чувство стыда?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Рост преступности	33,1	16,7	28,7	41,3	27,4	33,6	36,1	39,1	32,5	29,1	32,2
Религиозный экстремизм, террористические акты, совершаемые за пределами республики	44,1	72,2	42,6	46,3	42,5	56,0	50,0	73,9	32,5	43,0	46,4
Несоблюдение национальных традиций и падение нравов	16,2	5,6	13,9	21,3	15,9	19,8	16,7	43,5	27,5	13,9	17,6
Коррупция	35,2	33,3	36,1	43,8	46,0	39,7	36,1	56,5	35,0	34,2	38,4
Погоня за наживой	15,9	5,6	6,5	13,8	12,4	12,1	19,4	21,7	10,0	12,7	13,2
Потеря духовных ценностей, которых придерживались наши предки	27,2	16,7	22,2	28,8	16,8	29,3	19,4	34,8	17,5	17,7	24,1
Нежелание местных политиков возродить свою республику	15,2	38,9	17,6	23,8	33,6	25,9	11,1	39,1	27,5	17,7	21,6

По результатам нашего исследования, в наибольшей степени чувство стыда у опрошенных дагестанских народов вызывают следующие события: *«религиозный экстремизм, террористические акты, совершаемые за пределами республики»* (первое ранговое место), *«коррупция»* (второе ранговое место), *«рост преступности»* (третье ранговое место), *«потеря духовных ценностей, которых придерживались наши предки»* (четвертое ранговое место), *«нежелание местных политиков возродить свою республику»* (пятое ранговое место) и с заметным отрывом от них располагаются суждения *«несоблюдение национальных традиций и падение нравов»* и *«погоня за наживой»*.

По сравнению с другими дагестанскими народами, у опрошенных русских, кумыков, лезгин и табасаранцев чувство стыда и тревоги вызывает *«рост преступности»*, который дополняется *«религиозным экстремизмом, террористическими актами, совершаемыми за пределами республики»*, на который указывают больше половины опрошенных русских, лезгин, табасаранцев и азербайджанцев, каждый второй опрошенный среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, каждый третий среди чеченцев. По возрасту, на рост преступности указывает каждый третий опрошенный в разрезе «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет» и имеющие среднее, среднее специальное и высшее образование. Проблему *«религиозного экстремизма, террористических актов, совершаемых за пределами республики»* отмечает больше половины опрошенных в возрасте «до 20 лет», а также респонденты с базовым средним и высшим образованием. Далее, по сравнению с другими народами, относительно большая часть опрошенных чеченцев, каждый пятый опрошенный с базовым средним и высшим образованием, а также в возрасте «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет» указывает на *«несоблюдение национальных традиций и падение нравов»*.

Проблема коррупции, на нее указывает и руководство страны, является одной из самых болезненных для российского общества, поэтому у больше половины опрошенных табасаранцев, каждого второго среди опрошенных лакцев, кумыков, каждого третьего среди аварцев, азербайджанцев, даргинцев, лезгин, русских и чеченцев чувство стыда вызывает ее существование и масштабы распространения; с ростом образовательного статуса увеличивается доля, указывающих на коррупцию: 9,1 % с базовым средним, 32,2 % средним, 39,9 % средним специальным и 44,5 % высшим образованием; по возрастному признаку, индикатор «коррупция», как вызывающий чувство стыда подчеркивает каждый второй опрошенный в подгруппах «от 20 до 30

лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и каждый третий опрошенный «до 20 лет» и «от 60 лет и выше». Коррупция, с которой борется власть, причем не одно десятилетие, и, к сожалению, несмотря на принятие ряда законодательных актов, ужесточающих наказание за такого рода преступления, позитивных сдвигов в данном направлении не наблюдается. Практически на всех уровнях социального взаимодействия человек сталкивается с проявлениями коррупции, более того, он сам и «подпитывает» ее стремлением решить свои проблемы. Однако при этом нельзя упускать из виду, что получение качественного образования, медицинской помощи, впрочем, как и любое обращение человека в разные инстанции пускается на самотек, если он в «нужной форме не отблагодарит нужных людей». Что вызывает особую тревогу распространенность коррупции в сфере здравоохранения и образования, когда людей ставят в такие условия, что они вынуждены платить за услуги, которые им гарантированы Конституцией. И, к огромному сожалению, несмотря на заверения государственных чиновников, коррупция по-прежнему расцветает на всем постсоветском пространстве, о чем свидетельствуют коррупционные дела, в которых замешаны чиновники высокого ранга.

Каждого третьего опрошенного среди табасаранцев, лезгин, кумыков, каждого четвертого опрошенного среди аварцев, каждого пятого среди даргинцев волнует *«потеря духовных ценностей, которых придерживались наши предки»*. С образовательным статусом повышается доля, указывающих на утрату традиционных духовных ценностей: 13,6 % с базовым средним, 23,3 % средним, 24,1 % средним специальным, 25,6 % высшим образованием; данную позицию разделяют 29,0 % опрошенных «от 20 до 30 лет» и 26,2 % «от 50 до 60 лет».

Далее каждый третий опрошенный среди азербайджанцев, лакцев и табасаранцев, каждый четвертый опрошенный среди лезгин, кумыков и чеченцев, в подгруппах «от 20 до 30 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет», имеющие высшее образование, каждый шестой опрошенный со средним и средним специальным образованием указывает, что у них чувство стыда вызывает *«нежелание местных политиков возродить свою республику»*.

В постсоветской России появились, соответствующие новому государственному образованию праздники, например, День России, День народного единства, которые наполняют российскую идентичность современным содержанием. Также следует отметить, что российская идентичность одновременно выполняет интегрирующую роль и ориентирована на противостояние негативным формам прояв-

ления этничности и националистической идеологии. Более того, по мнению Ю.В. Арутюняна, в новой России прослеживается тенденция становления собирательного образа россиянина. Чтобы эта тенденция была действенной, она должна выходить за границы просто настроений, иметь жизненные проявления и безусловную устойчивость. А это возможно только при развитии в обществе осознанной, реальной демократической системы, когда народ не механически принимает политику межнациональной идентификации, а реализует, определяет и контролирует ее¹. Таким образом, наше исследование показывает, что опрошенные дагестанские народы независимо от национальной принадлежности, пола, возраста, образования акцентируют внимание на одних и тех индикаторах, которые вызывают у них чувство стыда за свою республику и, следует подчеркнуть, что данные факторы распространены в современном дагестанском обществе и на государственном уровне эффективные меры по их преодолению не принимаются, а существующие в полной мере или не работают, или до конца не проработаны на законодательном уровне, что вызывает нарекания со стороны общества.

instituteofhistory.ru

4.3. Патриотические установки в общественном сознании дагестанских народов

Изучение природы национализма и патриотизма, их соотношение, факторов формирующих националистические и патриотические установки, одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений в социальных науках последних десятилетий, что подтверждается не только растущим количеством публикаций, но и многообразием теорий, посвященных различным сторонам этого феномена. Но, несмотря на видимое разнообразие теоретических подходов, до сих пор не было предложено системного и эмпирически обоснованного представления о современном состоянии национализма – изменениях последних десятилетий и ожидаемых в обозримом будущем тенденций. Отчасти это связано с тем, что основные направления концептуализации и модернизации рассматривают национализм лишь как одно из многочисленных проявлений общей логики социальных трансформаций без учета его специфики.

¹ Арутюнян Ю.В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 97.

Согласно примордиализму, этносы возникают в примордиальный, доисторический период и подвергаются изменениям в плане периферийных особенностей и внешних проявлений при сохранении неизменной сущности и исторической преемственности. Альтернативная позиция, получившая название модернизма, напротив, исходит из того, что традиционные общества не обладали необходимыми институциональными и культурными ресурсами для нациогенеза, поэтому нации возникают вместе с началом эпохи модерна, которая для большинства стран Западной Европы датируется XVII – XVIII вв.

Теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона по сути примордиалистская, поскольку постулирует наличие эссенциальной, не подверженной каким-либо сущностным трансформациям природы цивилизаций, к одной из которых можно отнести любую нацию. Глобализация и распространение информационных технологий должны привести к актуализации национализма как политической идеологии и популяризации националистического мировоззрения. Противоположный прогноз содержится в теории Э. Хобсбаума, который аналогично С. Хантингтону рассматривает второй модерн как непосредственное продолжение первого, но видит в нем не обострение, а снятие противоречий ранней модернизации. По мнению Э. Хобсбаума, в условиях формирования глобального рынка, мирового информационного пространства и роста возможностей, выгод географической мобильности делает национализм высокочрезмерным и неоправданным, что должно привести не только к падению популярности данной идеологии, но и к постепенному стиранию межнациональных различий вплоть до исчезновения большинства национальных языков. Иначе говоря, национализм, появившийся с первым модерном, с ним и исчезнет.

Обе теории, несмотря на прямо противоположные основания и прогнозы, имеют ряд общих черт, особенно на уровне имплицитных предположений. Во-первых, в них неявно предполагается, что национализм имеет своей обратной стороной ксенофобию: признание исключительной роли своей нации и национальной идентичности взаимосвязано с неприятием других наций и враждебностью к их представителям. Во-вторых, и Хантингтон и Хобсбаум усматривают в современности переломный период в истории национализма, хотя и радикально расходятся в характере оценок. В-третьих, обе теории не подвергают сомнению наличие обратной зависимости между национализмом и другими релевантными идентичностями, хотя и расходятся во взглядах относительно их сравнительной силы и значимости.

В отечественной литературе термин «национализм» обычно понимался в негативном смысле как превосходство одного народа над другими и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Наиболее полноценное определение национализма в этой парадигме дал Я. Щепаньский: «национализм – это признание собственной нации наивысшей ценностью, иррациональное объяснение превосходства своей нации над другими, непризнание равенства народов, нетерпимость по отношению к другим нациям, нежелание смешиваться с ними (эксклюзивизм), недопустимость смешанных браков. Это идеология, политика и практика»¹. По мнению Э. Геллнера, «национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать. Национализм как чувство, или как движение, проще всего объяснить исходя из этого принципа. Националистическое чувство – это чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его осуществлением»². Причем гражданский национализм, по его представлениям, вполне совмещается с имеющимся качеством этнической самоидентификации, как в деятельностно-мобилизующей ее части, так и в ксенофобной.

Несмотря на то, что история национализма насчитывает не менее двух столетий, этот феномен по-прежнему вызывает непримиримые разногласия среди исследователей. Отсутствие общепринятой дефиниции привело к самым противоречивым его интерпретациям и оценкам: от осуждения как кризисного явления культурно-исторического процесса до культивирования в качестве здорового признака идентичности и независимости народа³.

Проблема этнической идентичности существует со времен первобытности (ее первое проявление – родовой тотемизм и его маркеры), но для эпохи формирования наций этническая идентификация, как и этнофобия строились почти исключительно на наборе культурных атрибутов (язык, верования, обычаи, образ жизни и т.п.). Национализм же – это преимущественно политическая форма манифестации этничности. Если вспомнить суть первых национальных теорий «одна нация – одно государство», то выходит, что первоначальный национализм преследовал цель отождествления политических и этни-

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. С. 193.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 23.

³ Малыгина И.В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 147.

ческих единиц. В таком контексте национализм воплощал «идею нации» – принципиально новый подход к мировому устройству, территориальному размежеванию народов, который в XVIII – XIX вв. пришел на смену полиэтническим монархиям, построенным по династическому признаку. Иными словами, под национализмом подразумевались теория и практика строительства государства, характеризующегося этнической и культурной однородностью¹.

Однако идея нации изначально содержала в себе неразрешимое онтологическое противоречие. Поскольку абсолютно гомогенное в этнокультурном отношении общество возможно только гипотетически, постольку трудно абстрагироваться от очевидности, что процесс строительства наций, целью которого является этнокультурная однородность, почти всегда основан на культурно-политическом доминировании одного из этносов в более или менее гетерогенной популяции «национализирующегося» государства. При этом все прочие народы и этнические группы, оказавшиеся в границах данного образования, попадают в зависимое положение от «государствообразующего» этноса. В таких условиях выбор методов достижения этнокультурной однородности зависит от меры гуманности и цивилизованности властвующей элиты или определяется конкретными государственно-политическими интересами и историческими обстоятельствами. Хорошо известно, что арсенал подобных методов не исключает принудительной культурной ассимиляции, ущемления прав национальных меньшинств, насильственной депортации неугодных народов, актов геноцида и т.д. Если добавить к этому активную колонизацию европейцами стран других континентов в XVII – XIX вв., станет понятно, почему последующая трансформация понятия «национализм» привела к исключительно негативному его употреблению, а именно в значении идеологии, политики и социальной практики подчинения одних народов другими².

По мнению И.В. Малыгиной, сегодня идеология национализма в России имеет чрезвычайно широкий спектр: от примитивной демонстрации идей шовинизма до более тонких форм, связанных с интерпретацией истории русского народа и его духовности. Тревогу в обществе вызывает активизация русского фашизма. Тем не менее, идеология национализма в ее негативных формах занимает в российском обществе маргинальное положение. С одной стороны, радикальные национал-патриотические силы находятся в оппозиции по отношению

¹ Там же. С. 147.

² Малыгина И.В. Указ. раб. С. 148.

к официальной политике государства, с другой – идеология нацистских, фашистских и иных ультранационалистических организаций и объединений (неформальных или обладающих организационной структурой) не находит массовой поддержки у россиян¹.

В отечественной политической жизни, по мнению ученых, присутствуют националистические движения, характерной чертой которых является маргинальность их представителей и отсутствие электората. Некоторые респонденты глубоко переживают ситуацию на Манежной площади, случаи агрессии скинхедов, наличие функционирующих националистических организаций, рассуждают о существовании нетерпимости, клише *Россия для русских*, приводят примеры из *сети Интернет*. Расизм институционален: он коренится не только в мировоззрении людей, но и в социальной политике, риторике представителей государственных институтов, проявляется в стигматизации и *наклеивании ярлыков посредством языковых практик*².

Онтологически фундированная, естественная почвенническая любовь к родине (патриотизм) как первичной феноменологической реальности жизненного мира личности, закономерно расширяющегося по мере возрастающей духовной эволюции личности концентрическими кругами «родной дом» – «малая родина» – «родина» – «человечество», постепенно вытесняется из сферы общественного внимания. Его место занимает когнитивистски, функционалистски и релятивистски понимаемая патриотичность массы как ее готовность к мобилизации и солидаризации, то есть реактивная, вторичная способность, часто лишь аффективная восприимчивость, или отзывчивость массы на определенные внешние стимулы. Аналогичный процесс социального протезирования наблюдается и в близкой сфере этнонациональных отношений³.

Кардинальная трансформация российского общества, формирование «нового общественно-политического строя», который и сегодня эксперты однозначно не могут определить то ли капитализм, то ли реформирование социалистической системы и плавный переход к рыночному государству, сопровождалось изменением содержательной наполненности государственной идеологии. Поэтому либеральные демократы акцентировали внимание не только на необходимости

¹ Там же. С. 151.

² *Ярская В.Н.* Расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 47.

³ См.: *Малинкин А.Н.* «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 66 – 86.

перестройки экономического уклада российского государства, но и мировоззрения. По мнению Л.М. Дробижевой, современная Россия, преодолевая последствия переходного периода, определяет свою позицию не только по политическому и экономическому (с соответствующими трансформациями в социальной структуре) векторам. Не менее важно и восстановление идеологической системы координат, в соответствии с которой выстраивается пространство меняющихся идентичностей и солидарностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал. В постсоветское время граждане Российской Федерации столкнулись с необходимостью переосмысления пространства страны, в которой они живут: ее новых территориальных очертаний, этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся социальной стратификации.

Подверженными такому преобразованию оказались и понятия «патриотизм» и «патриотическое воспитание», более того, данные дефиниции приобрели парадоксальный оттенок. На волне демократических преобразований звучали голоса о необходимости отказаться от советских праздников, например, от проведения парада Победы 9 Мая, который неоднозначно воспринимал поколение победивших в одной из самых трагических войн XX столетия. Отечественная интеллигенция по-своему реагировала на произошедшие в России перемены, например, по мнению Д.Б. Дондурей, после 1993 г. и до настоящего времени идет конкуренция между силами, которые пытаются присвоить понятие патриотизма. Нужно сразу сказать об огромных, непростительных идеологических ошибках так называемых реформаторов. Они сделали очень много для страны, осуществили бескровную социально-экономическую и социально-политическую революцию, но совершили преступление, отделив социально-экономические, политические, технологические и революционные процессы от мировоззренческих, идеологических, духовных. Они исходили из превратных представлений о том, что люди, увидев изменения жизни, одновременно сами будут менять свои представления о ней, и не занимались созданием новой мифологии, новой идеологии, которая поддерживала бы реформы. В результате к 2006 г. мы имеем уникальную ситуацию – обычно такие ситуации ведут к революциям. Экономика, социальные отношения, политическая, информационная система, пере-

¹Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 68.

движение людей, товаров и идей осуществляются по принципам современного рыночного общества и виртуального медийного развития, а представления людей об этих процессах существуют в другой системе координат. Нет стран, где бы население ненавидело условия, по которым эта страна существует. Немцы гордятся победой над фашизмом, французы – революцией 1789 г., американцы – своей революцией и Вашингтоном. А главный враг России – Ельцин и события 90-х годов¹.

По мнению С.В. Картунова, несправедливый раздел СССР, при котором историческая Россия потеряла свои исконные территории, равно как и последующая сдача ее геополитических позиций, произошли при попустительстве и поражении выросших из советской элиты (а точнее – денационализированной русской элиты) демократических сил, начавших преобразования, но сдавших затем страну российским псевдодемократам, таким же, как и они, лишенным чувства здорового русского национального самосознания².

На смену сложным, порой и трагическим 90-м гг. прошлого столетия пришли иные события: по сравнению с названным периодом удалось относительно стабилизировать экономическую ситуацию, впрочем, как и положение в других общественных сферах. Сам факт возрастания патриотических настроений граждан нашей страны не является неожиданным. Исследователи феномена патриотизма отмечают, что без него невозможно построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону, выработать сколько-нибудь плодотворную и самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь³.

Конечно, не все так радужно и позитивно в нашей стране, но были предприняты определенные шаги по урегулированию сложившейся ситуации. И одним из таких перемен является принятие двух государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 годы» (16 февраля 2001 г.) и «Патрио-

¹ Дондурей Д.Б. Мирно-патриотическое воспитание // Независимая газета. 24 октября 2006 г. // URL: http://www.ng.ru/scenario/2006-10-24/11_dondurey.html (дата обращения: 28.05. 2015).

² Картунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009. С. 415.

³ Баранов Н.А. Патриотизм в системе общероссийских ценностей // Человек и его потребности в социально-политической и социально-психологической сферах. Материалы

межвузовской научной конференции (10 декабря 2002 г.). СПб., 2003. С. 50.

тическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы» (11 июля 2005 г.), призванных формировать иные мировоззренческие установки в позициях россиян. По мнению Е.И. Демидовой и В.К. Криворученко, «патриотизм то, что связано со страной, народом, нацией, отечеством, большой и малой родиной; это нравственный и политический принцип, социальное чувство, выраженное в любви к родине. Патриот живет и действует для себя, но соотносит свои действия с интересами родины»¹.

В статье Е.И. Демидовой и В.К. Криворученко «Патриотизм в своей идее неизменен» дается хороший экскурс в историческое прошлое, показано отношение религиозного духовенства к данному феномену, в частности, высказывания Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «патриотизм, несомненно, актуален. Это чувство, которое делает народ и каждого человека ответственным за жизнь страны. Без патриотизма нет такой ответственности. Если я не думаю о своем народе, то у меня нет дома, нет корней... чувство любви к собственному народу столь же естественно для человека, как и чувство любви к Богу... Чувство патриотизма ни в коем случае нельзя смешивать с чувством враждебности к другим народам»².

Разумеется, человеку присуще проявлять патриотизм через обозначение испытываемого чувства гордости и достоинства, подчеркиванием уважительного отношения к российской символике (герб, гимн, флаг), впрочем, как и другой государственной атрибутике. В отличие от России, например, в США существует иной подход к политической символике своего государства, в дни торжественных праздников вешать флаг на свой дом, потому что «любовь к символам – и к флагу, гербу и так далее появляется тогда, когда есть некоторое чувство благодарности Родине, обществу, государству, которое так все делает – это совершенно естественно. И для американцев этот флаг понятно, почему означает»³.

Возникшее после распада Советского Союза, российское общество отреклось от советских идеалов, от многих исторических личностей, хотя кое-где сохраняются имена и изображения советских лидеров. По мнению некоторых российских исследователей, мы должны сменить «имена и образы советской пропаганды на имена древние,

¹ Демидова Е.И., Криворученко В.К. Патриотизм в своей идее неизменен // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. История. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/patriotism/> (дата обращения: 28.05. 2015).

² Там же.

³ Там же.

исторические, на те имена, которые действительно достойны подражания как величайшие деятели отечественной культуры, пламенные патриоты, созидатели и защитники России»¹.

Очевидно и то, что в современном российском обществе у большинства людей есть цементирующие ценности: сама страна, где ты родился и жил, Родина. Представления об этом обычно эмоционально окрашены и составляют компонент идентичности, именуемый патриотизмом².

В нашем исследовании при изучении места российской идентичности в структуре социальной идентичности дагестанских народов была затронута тесно связанная с государственно-гражданской идентичностью проблематика национализма и патриотизма. Патриотические чувства – эмоциональный компонент идентичности. Вряд ли кто-то любит государственные институты, в России их чаще критикуют и проявляют большую или меньшую лояльность к ним. А вот любить можно страну, людей, поэтому данный индикатор можно интерпретировать именно как эмоциональный элемент гражданской идентичности³.

Отечественные социологи по результатам своих исследований делают выводы о наличии в массовом сознании, особенно молодого поколения, националистической идеологии, которую порой трудно бывает отделить от патриотизма. Причем важным при установлении патриотических настроений является определение предпочтительности и характера межнациональной коммуникации дагестанских народов. Свойственным для России приходится считать и постоянное наличие антипатриотических настроений. Более того, российский антипатриотизм следует рассматривать как социально значимое явление. Как правило, он выходит на поверхность общественной жизни в переломные периоды истории и оказывает существенное влияние на историческую судьбу России⁴.

Патриотизм есть любовь к своей стране, чувство органической принадлежности к ней, взаимное чувство сопринадлежности к соответствующей общности, возникающее и существующее между людьми

¹ Картунов С.В. Указ. раб. С. 437.

² Дробижеева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 123.

³ Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробижеевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 31.

⁴ Шаповалов В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 124.

ми своей страны. Патриотизм – это любовь к природе страны и другим ее особенностям, но гораздо более важно *отношение* к человеку, выражающееся в заботе о сохранении его жизни и здоровья, личного достоинства, в стремлении обеспечить условия для благополучия и процветания¹.

Патриотизм определяется и тем, что развитие все более широких и тесных контактов между народами, расширение и укрепление международного сотрудничества не ведут к уничтожению различий народов, стран, континентов. На этот аспект патриотизма обратил внимание Д.И. Менделеев: «Любовь к Отечеству или патриотизм... некоторые из современных учений крайних индивидуалистов уже стремятся представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви к человечеству... Ложность такого учения становится... ясна не столько со стороны одних важнейших исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающее само возникновение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в коем будущем нельзя представить слияние материков и стран, уничтожение различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главную причину соревнования и прогресса... Любовь к Отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния»².

В.Ф. Шаповалов в статье «Российский патриотизм и российский антипатриотизм» дает хороший обзор и анализ истории российского патриотизма и антипатриотизма: «антипатриотизм явственно заявил о себе в период, примыкающий к 1917 г. Едва ли не менее отчетливо он проявился и в годы, примыкающие к 1991 г., когда немалая часть российских средств массовой информации была активно занята целенаправленной дискретизацией патриотизма. "Демократический" антипатриотизм продемонстрировал внутреннюю связь антипатриотического настроения с ощущением собственной неспособности обдуманно и планомерно решать стоящие перед страной проблемы в интересах ее граждан»³ и по этой причине перевод вопроса о патриотизме из нравственно-гуманитарной в плоскость политическую чреват расколом общества, обострением конфронтации. При этом понятие патриотизма неизбежно отдается на откуп самым крайним, экстремистским

¹ Шаповалов В.Ф. Указ. раб. С. 124.

² Цит. по: Шаповалов В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 125.

³ Шаповалов В.Ф. Указ. раб. С. 130.

политическим силам. Последние приобретают шанс повысить свою популярность, беззастенчиво спекулируя на понятии патриотизма, остающемся святым для большинства граждан¹.

В отечественной истории существовал неоднозначный подход к понятию «патриотизм». Представляется странным, что вроде бы термин, сущность, содержание и социальные функции которого настолько ясны подвергался довольно жесткому прессингу. М.П. Одесский и Д.М. Фельдман в статье «Идеологема "патриот" в русской, советской и постсоветской культуре» излагают исторические и современные подходы, а также оценки патриотизма: «примечательно, что слово *патриот* употреблялось поначалу довольно редко. Обуславливалось это спецификой представлений о государстве и месте в нем человека, о его отношениях с государством.

В сословном государстве, где права и обязанности каждого определяются прежде всего правами его сословия, вопрос о деятельном выражении любви к отечеству, то есть к отечеству в целом, а значит, и к обществу в целом, был не из актуальных. Там важнейшие политические характеристики – "верный слуга монарха", "верноподданный". Понятия "отечество" и "государство" в сословном государстве признаются тождественными, преданность законному монарху тождественная верности отечеству. Таким образом, отождествление «патриотизма» и «верноподданничества» обусловило формирование негативного отношения к дефиниции «патриотизм», более того, в определенные исторические периоды он приобретал презрительно-ругательный смысл. Разумеется, данные понятия следует строго разграничить: любовь к своей Отчизне (патриотизм) не означает любовь к государству и стремление сохранить его государственное устройство. Патриотизм – это чувство существующее независимо от политического, государственного фактора и не означает верность и преданность государственному лидеру и политической элите. Видимо отождествление понятий «отчизна» и «государство» способствуют существованию таких подходов и оценок в массовом сознании.

В условиях советского общества идеологической базой патриотизма являлся интернационализм, декларировавший право народов на свободное самоопределение, а также постулировавший принципы равенства и братства в отношениях между ними. Любовь к Родине рассматривалась как высшая гражданская и политическая ценность, ее формированию уделялось далеко не последнее место в рамках идео-

¹ Там же. С. 130.

² Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеологема "патриот" в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 110.

логического воспитания. Выполняя предписания КПСС, общественные организации и средства массовой информации стремились привить гражданам СССР чувство гордости за свою страну и ее достижения, неустанно подчеркивали преимущества советского образа жизни. В структуре патриотических ценностей советского периода ключевое значение имели: любовь к Родине, преданность коммунистическим идеалам, готовность к самопожертвованию, гордость за достижения народа в сфере науки, культуры и спорта, в экономике и т.п.¹.

Полученные результаты позволили сделать вывод о структуре патриотических ценностей и было установлено, что она включает в себя три основных компонента:

1. *ценности, направленные на поддержание социального порядка в обществе* (они проявляются в готовности защищать свою Родину при наличии внешней угрозы, в самопожертвовании во имя Родины, в готовности служить в армии, в знании государственных и национальных символов (герб, гимн, флаг), законов государства, в их соблюдении и в уважении к ним, в переживании чувства гордости за свою страну);

2. *ценности, образующие духовную составляющую патриотизма* (они «отвечают» за соблюдение традиций, за уважение к родному языку, умение грамотно говорить и писать, веру в будущее страны и переживание чувства гордости за достижения в науке, культуре, спорте);

3. *ценности, побуждающие к проявлению положительной социальной активности* (они способствуют формированию социальной солидарности, сплоченности в обществе, выражаются в поддержке политики правительства, в любви к «малой Родине», в помощи ветеранам, пенсионерам, в бережном отношении к природе, в стремлении учиться и работать как можно лучше)².

По нашему мнению, российская идентичность является костяком для воспитания патриотизма и патриотических чувств, как выражение любви к своей Родине, готовности жертвовать ради ее благополучия и процветания. Более того, в российском обществе давно уже сформированы ценности и потребности людей, выполняющие интегрирующую роль. Территория, страна, в которой человек родился и живет представляет определенную духовную ценность для людей. Видимо этим объясняется эмоциональное отношение к ней, которое входит в структуру идентичности и мы называем патриотизмом. Поэтому в

¹ Там же.

² *Цветкова И.В.* Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере Тольятти) // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 47.

нашем исследовании в анкету опроса включен блок вопросов, позволяющий выявить представления дагестанских народов о патриотизме и существующие в их массовом сознании патриотические установки (см. таб. № 80).

Таблица 80

Распределение ответов на вопрос «**Что для Вас значит быть патриотом России?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Любить свою Родину	Стремиться улучшить жизнь в стране	Гордиться своей страной	Готовность действовать ради благополучия своей страны	Говорить о России правду, какой бы не приятной она не была	Чувствовать ответственность за происходящее в стране	Занимать активную гражданскую позицию	Не критиковать свою страну
Аварцы	62,4	42,8	27,6	27,9	15,9	16,9	11,7	16,2
Азербайджанцы	50,0	22,2	44,4	50,0	16,7	11,1	11,1	16,7
Даргинцы	57,4	35,2	33,3	26,9	20,4	13,9	16,7	13,9
Кумыки	62,5	41,3	31,3	25,0	11,3	16,3	12,5	20,0
Лакцы	56,6	33,6	38,1	19,5	11,5	26,5	21,2	19,5
Лезгины	57,8	41,4	30,2	35,3	12,1	15,5	3,4	11,2
Русские	61,1	44,4	30,6	25,0	16,7	19,4	25,0	16,7
Табасаранцы	43,5	69,6	30,4	39,1	17,4	30,4	26,1	0
Чеченцы	45,0	47,5	37,5	25,0	22,5	17,5	15,0	10,0
Другие	65,8	39,2	22,8	32,9	16,5	24,1	10,1	17,7
Всего:	59,2	40,6	30,8	28,3	15,4	18,5	13,4	15,5

При изучении патриотизма возникает вопрос «Через какие индикаторы он проявляется?». Несомненно, патриотические настроения высвечиваются через мировоззренческие, нравственные установки и

представления, в следовании выработанным обществом нормам поведения, поступках и деятельности человека. Однако одним индивидуальным выражением не исчерпывается содержание феномена патриотизм, более того, он дополняется коллективными чувствами, оценками, отношением к историческому наследию, национальной культуре, ориентированностью ее поддерживать и развивать, признавая основополагающие ценности следовать национальному образу жизни своего народа. Полученные результаты нашего исследования показывают, что для опрошенных дагестанских народов проявление патриотизма заключается в том, чтобы *«любить свою Родину»* и данной позиции придерживаются больше половины опрошенных аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, русских, каждый второй опрошенный среди табасаранцев и чеченцев.

Провозглашенная респондентами *«любовь к Родине»* дополняется стремлением *«улучшить жизнь в стране»*. При этом каждый третий опрошенный из всего массива подчеркивает необходимость *«гордиться своей страной»* и *«готовностью действовать ради благополучия своей страны»*. Суждения *«говорить о России правду, какой бы неприятной она не была»* и *«не критиковать свою страну»* не нашли поддержки у опрошенных, более того, можно предположить, что массовое сознание дагестанских народов не воспринимает возможность негативно отзываться о своей Отчизне, выпячивать ее какие-то недостатки и проблемы. Первую позицию разделяет наибольшая доля опрошенных чеченцев, вторую – каждый пятый среди опрошенных кумыков и лакцев.

В массовом сознании дагестанских народов слабо выражено чувство *«ответственности за происходящее в стране»*, еще хуже выглядит ситуация с необходимостью *«занимать активную гражданскую позицию»*. По сравнению с другими подгруппами, опрошенные кумыки, русские и табасаранцы считают, что *«быть патриотом России»* подразумевает активную гражданскую позицию человека. Вместе с тем возникает вопрос *«А что такое активная гражданская позиция?»* и под ней чаще всего понимается участие граждан в политической жизни общества, стремление защищать и отстаивать свои права, в случае необходимости участие в протестных движениях. В работе уже было отмечено, что российские исследователи подчеркивают, что гражданское общество в современной России только складывается (Л.М. Дробижева), следовательно, этим и объясняется низкий уровень гражданской активности. Также необходимо принимать во внимание отсутствие на политической сцене российского общества

сильной оппозиции, которой доверяют россияне. В основном протестное движение в России представлено людьми, в перестроечной России занимавшим ведущие государственные должности, им на смену пришли иные политические лидеры, которые и отодвинули их от властных структур. Более того, находясь на высоких государственных должностях, люди которые в настоящее время возглавляют российскую политическую оппозицию, в свое время не способствовали улучшению социально-экономического положения в стране, соответственно, не вызывают доверия и не воспринимаются большинством россиян. Конечно, по сравнению с периферией, в центральных российских городах протестное движение в той или иной форме проявляет себя, но в целом, ее возможности и силы в настоящее время ограничены.

При рассуждении о патриотизме и патриотических чувствах возникает вопрос об акторах его конструирования. В патриотическом воспитании человека заметное место занимает ориентация граждан на защиту Родины и, разумеется, огромную роль в данном процессе выполняет семья, среда окружения, учебные заведения самого разного уровня (школы, вузы и т.д.), коллектив в котором занят человек. По мнению Н.П. Нарбут, И.В. Троцук, фактически российское руководство постулирует как одну из ключевых задач образовательной системы на всех её уровнях – необходимость «учить» патриотизму, хотя большинство федеральных и региональных программ сводит патриотическое воспитание либо к неким форматам (квази)военной подготовки, либо к попыткам сохранения и поддержания «аутентичности» национальных меньшинств, либо к воспроизводству определённой культурной автономии. При этом новая государственная идеология через усиление патриотической риторики нацелена на восполнение недоверия граждан к органам государственной власти, снижения сепаратистских настроений и сдерживания глобализационных тенденций в демографической и миграционной сферах¹.

При изучении патриотизма нельзя упускать из виду, что человеку характерно проявлять патриотизм не только «масштабно» на уровне готовности служить и защищать Отечество, но и через обозначение своей привязанности и любви к родному краю, республике, городу, селу и т.д. В нашем исследовании с целью прояснения существующих в общественном сознании дагестанских народов понима-

¹ Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодёжи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 108.

ния сущности «истинный патриот» респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. таб. № 81).

instituteofhistory.ru

Таблица 81

Распределение ответов на вопрос «Кого, на Ваш взгляд, следует считать истинным патриотом России?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Патриот России – это тот, кто имеет любовь ко всем ее народам	Патриот России тот, кто выполняет свой долг перед Отчизной, готов к ее защите	Патриот России, кто выполняет свои гражданские обязанности	Патриот России тот, кто гордится историческим прошлым совместной жизни наших народов	Патриот России тот, кто любит Россию и тогда, когда ему придется в ней плохо	Патриот России тот, кто интересы России ставит выше своих личных интересов
Аварцы	56,6	50,7	14,1	9,7	22,4	13,1
Азербайджанцы	38,9	55,6	16,7	5,6	11,1	11,1
Даргинцы	52,8	40,7	17,6	12,0	22,2	19,4
Кумыки	47,5	56,3	16,3	6,3	8,8	17,5
Лакцы	50,4	36,3	15,0	21,2	24,8	17,7
Лезгины	52,6	46,6	8,6	7,8	18,1	9,5
Русские	50,0	44,4	13,9	19,4	38,9	8,3
Табасаранцы	60,9	56,5	21,7	21,7	30,4	26,1
Чеченцы	45,0	55,0	10,0	12,5	12,5	15,0
Другие	57,0	46,8	10,1	12,7	16,5	7,6
Всего:	53,0	47,5	13,8	11,8	20,6	14,1

Полученные результаты опроса показывают превалирование позиции «патриот России – это тот, кто имеет любовь ко всем ее народам» (первое ранговое место) и на нее указывают больше половины опрошенных аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, русских, табасаранцев, каждый второй опрошенный среди кумыков и азербайджанцев. По возрастному признаку данное суждение разделяют больше половины опрошенных в разрезе «до 20 лет», «от 30 до 40

лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и каждый второй опрошенный в подгруппах «от 20 до 30 лет» и «от 60 лет и выше». Доля придерживающихся такой же позиции увеличивается с ростом образовательного статуса: 47,7 % с базовым средним, 54,5 % средним, 51,1 % высшим и 57,0 % средним специальным образованием.

Второе ранговое место занимает суждение *«патриот России тот, кто выполняет свой долг перед Отчиной, готов к ее защите»*, которое разделяет больше половины опрошенных аварцев, азербайджанцев, кумыков, табасаранцев и чеченцев, каждый второй опрошенный среди даргинцев, лезгин, русских, каждый третий опрошенный среди лакцев. Далее, доля придерживающихся этого мнения с возрастом уменьшается: 54,3 % «до 20 лет», 48,8 % «от 60 лет и выше», 45,3 % «от 20 до 30 лет», 44,4 % «от 30 до 40 лет», 42,9 % «от 40 до 50 лет», 40,0 % «от 50 до 60 лет», как и среди имеющих разный образовательный статус: больше всего считающих, что *«патриот России тот, кто выполняет свой долг перед Отчиной, готов к ее защите»* в когорте со средним образованием (49,5 %) и меньше среди имеющих среднее специальное образование (45,6 %).

Обращает на себя внимание следующая позиция опрошенных – *«патриот России тот, кто любит Россию и тогда, когда ему живется в ней плохо»*, которая близка каждому пятому опрошенному по всему массиву, и, по сравнению с другими подгруппами, больше придерживающихся данного мнения среди русских, лакцев и табасаранцев. Наличие в установках дагестанских народов позиции *«патриот России тот, кто любит Россию и тогда, когда ему живется в ней плохо»* свидетельствует о том, что, если можно так выразиться, мы сталкиваемся с проявлением чувства национальной гордости с оттенком латентной агрессии со стороны людей, переживших моменты национального унижения, к тем, кто не воспринимает наши политические, духовные, идеологические, семейные, нравственные устои.

И по сей день политологи и эксперты, анализируя произошедшие в 90-х гг. на постсоветском пространстве преобразования, связанные с развалом СССР и его последствий, отмечают, что советские люди испытывали чувство ущемленности своей национальной гордости, приниженности статуса государства, который славился своими военными, научными, культурными достижениями, они потеряли привычный образ жизни и социальный статус, что в целом негативно сказалось на их социальном самочувствии. Эмоциональные переживания люди пытаются «возмещать» за счет обращенности к исторической памяти и историческому наследию, культурным достижениям, успешным во-

енным кампаниям. Наше исследование является основанием для вывода, что политика, базирующаяся на таких категориях как гражданственность, демократизм и патриотизм, но независимое их друг от друга существование не способствует формированию понятной и взвешенной внутренней и внешней государственной политики.

Позиция *«патриот России тот, кто интересы России ставит выше своих личных интересов»* близка каждому четвертому из опрошенных табасаранцев, имеющих среднее специальное образование и возрастной категории «от 50 до 60 лет», каждому пятому из даргинцев, каждому шестому среди кумыков и лакцев, респондентам с высшим образованием и подгруппе «от 30 до 40 лет», каждому седьмому среди чеченцев и меньше всего таковых среди русских респондентов.

Далее *«патриот России тот, кто гордится историческим прошлым совместной жизни наших народов»* считает сравнительно большая доля опрошенных в возрастной подгруппе «от 50 до 60 лет» (18,5 %) и имеющие среднее специальное образование (13,3 %), а также каждый пятый опрошенный среди лакцев, русских и табасаранцев.

Патриотический настрой и патриотизм бывает основан за испытываемых человеком чувствах (гордости/стыда) за историческое наследие своей Отчизны, независимо от внешнего статуса России. Иными словами, чувство гордости за свою Родину является основой формирования патриотизма. К огромному сожалению, в позициях опрошенных дагестанских народов довольно слабо выражена собственно гражданская позиция и суждение *«патриот России, кто выполняет свои гражданские обязанности»* близка каждому пятому среди опрошенных табасаранцев, каждому шестому среди даргинцев, азербайджанцев, кумыков и меньше всего их в лезгинской подгруппе. В работе было отмечено, что под гражданской позицией понимается личная инициатива граждан, их ответственность за происходящее в России, ориентированность на отстаивание общественных потребностей, однако, реалии свидетельствуют о том, что в установках опрошенных народов отсутствует надежда на собственные силы и они полагаются исключительно на активную государственную поддержку.

Во всех странах консолидированная идентичность граждан считается необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. Эта идентичность (здесь неважно – гражданская или этническая) может рассматриваться и как самоотождествление с общностью на основе «образа мы» (то есть пред-

ставлений о ее культуре, языке, истории, территории), и как эмоциональное переживание упомянутых представлений и соответствующих этому действий. Если речь идет о действиях во имя граждан, то в международной науке и практике такая идентичность интерпретируется как гражданская. Но в нашей стране гражданское общество еще продолжает формироваться, поэтому возникает вопрос: когда респонденты заявляют о себе как о гражданах России, это идентификация – действительно гражданская или все же это идентификация с государством, то есть государственная идентичность, а точнее лояльность государству¹.

В нашем исследовании мы решили сопоставить между собой вопросы, чтобы выявить грань между суждениями «*быть патриотом России*» и «*истинный патриот России*» (см. таб. № 82).

Сравнительный анализ вопросов показывает, что респонденты, относящие к патриотам того, кто «*любит свою Родину*», «*стремиться улучшить жизнь в стране*», «*гордиться своей страной*», «*говорить о России правду, какой бы неприятной она не была*», «*не критиковать свою страну*» истинным патриотом считают того, «*кто имеет любовь ко всем ее народам*»; выбравшие суждения «*готовность действовать ради благополучия своей страны*», «*чувствовать ответственность за происходящее в стране*» и «*занимать активную гражданскую позицию*» истинным патриотом считают того, «*кто выполняет свой долг перед Отчизной, готов к ее защите*». Каждый четвертый опрошенный с позицией «*занимать активную гражданскую позицию*» акцентирует внимание на важности «*выполнять свои гражданские обязанности*», «*гордится историческим прошлым совместной жизни наших народов*» и «*любить Россию и тогда, когда ему живется в ней плохо*». Последнюю позицию разделяет каждый третий опрошенный, для которого быть патриотом России означает «*готовность действовать ради благополучия своей страны*», каждый четвертый опрошенный придерживающийся позиций «*не критиковать свою страну*» и «*чувствовать ответственность за происходящее в стране*». Далее каждый четвертый опрошенный, который считает необходимым «*занимать активную гражданскую позицию*» истинным патриотом считает того «*кто выполняет свои гражданские обязанности*».

¹ Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 120.

Таблица 82

Распределение ответов на вопрос «**Что для Вас значит быть патриотом России?**» и «**Кого, на Ваш взгляд, следует считать истинным патриотом России?**» (варианты ответов даны в %)

Что для Вас значит быть патриотом России? // Кого, на Ваш взгляд, следует считать истинным патриотом России?	Патриот России – это тот, кто имеет любовь ко всем ее народам	Это тот, кто выполняет свой долг перед Отчиной, готов к ее защите	Того, кто выполняет свои гражданские обязанности	Того, кто гордится историческим прошлым совместной жизни наших народов	Того, кто любит Россию и тогда, когда ему живется в ней плохо	Того, кто интересы России ставит выше своих личных интересов
Любить свою Родину	61,5	50,5	13,1	11,6	21,5	13,6
Стремиться улучшить жизнь в стране	53,0	51,9	18,3	13,1	19,7	15,3
Гордиться своей страной	55,9	54,5	15,1	15,1	23,3	15,8
Готовность действовать ради благополучия своей страны	42,4	58,8	14,8	11,7	26,8	18,7
Говорить о России правду, какой бы неприятной она не была	67,6	38,8	19,4	18,0	21,6	12,2
Чувствовать ответственность за происходящее в стране	47,6	54,8	18,1	19,9	24,1	22,3
Занимать активную гражданскую позицию	44,2	59,2	25,0	25,0	23,3	15,8
Не критиковать свою страну	59,7	46,0	10,1	12,2	24,5	18,7

Говоря о российской идентичности закономерным является обращение к событиям Второй мировой войны и ее составной части – Великой Отечественной войне. С 1945 г. в России сменилось не одно поколение, в стране произошли новые, не менее драматические события. В архив сдана коммунистическая идеология, под знаменем которой страна выстояла в войне, развенчан культ личности Сталина, рассекречены многие документы о преступлениях советской системы. Распались Варшавский Договор, социалистическое содружество, СССР, Ялтинский мировой порядок в целом. А День Победы – 9 Мая до сих пор остается не просто официальным праздником государственного календаря, но совершенно особой датой в сознании подавляющего большинства не только граждан России, но и других жителей бывшего Советского Союза (такой датой, к примеру, никогда не станет придуманный официальный праздник – 4 ноября «День народного единства», хотя освобождение Москвы от польских интервентов – важное событие в национальной истории)¹.

Для россиян 9 Мая, как завершение одной из трагических войн XX столетия, поражения на первых этапах военной кампании и последующие крупные победы, героизм защитников Брестской крепости, блокада Ленинграда, Сталинградская битва, Курская дуга и ряд подобных достижений остаются консолидирующими символами, которые выполняют немаловажную функцию в формировании национальной идентичности.

Жертвы Отечественной войны и предпринимаемые в европейских странах попытки фальсификации итогов Второй мировой войны, утверждения, что ценности СССР ничем не лучше ценностей гитлеровской Германии и что Вторая мировая война – это «схватка двух империй зла», в которой гуманистической была лишь третья сила, представленная США и Великобританией – «на Западе 1945 год стал годом победы добра над злом, а в сталинской части Европы зло разгромило зло»² вызывает возмущение.

Общее переживание гордости складывается из ощущений гордости различными аспектами жизни страны и можно предположить, что у россиян она проявляется неодинаково. По результатам нашего исследования установлено, что поводов для гордости опрошенные в основном усматривают в историческом прошлом, а для стыда в современном положении российского, в том числе и дагестанского общества. Условно индикаторы гордости можно подразделить на две под-

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009. С. 446.

² Там же. С. 451.

группы: 1. первая обусловлена чувством гордости за творческие достижения и успехи в области литературы и искусства, достижениями в спорте, научными и техническими открытиями; 2. вторые гордостью с защищенностью прав человека, экономическим ростом и улучшением качества жизни, социальной справедливостью и равноправием всех слоев общества и системой социальной защиты населения. Ранее были изложены исторические факты и события, вызывающие у опрошенных дагестанских народов чувство стыда за нынешнее положение нашей страны. А какие события формируют чувство гордости и достоинства за Россию у опрошенных дагестанских народов? (см. таб. № 83).

Таблица 83

Распределение ответов на вопрос «*Что у Вас вызывает наибольшую гордость за Россию?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Победа в Великой Отечественной войне	Мощь российской армии	Культурные достижения	Достижения российских спортсменов	Природные богатства	Исторические события	Независимая международная политика российского президента	Ничего не вызывает
Аварцы	71,4	31,0	30,7	27,2	34,5	9,3	31,4	2,8
Азербайджанцы	77,8	33,3	44,4	38,9	11,1	16,7	22,2	5,6
Даргинцы	73,1	28,7	31,5	27,8	26,9	11,1	31,5	0
Кумыки	72,5	23,8	26,3	20,0	25,0	11,3	16,3	1,3
Лакцы	81,4	27,4	42,5	18,6	19,5	8,8	32,7	2,7
Лезгины	65,5	30,2	37,9	35,3	31,0	11,2	18,1	6,9
Русские	83,3	30,6	47,2	30,6	13,9	19,4	27,8	2,8
Табасаранцы	69,6	43,5	34,8	47,8	26,1	17,4	30,4	0
Чеченцы	55,0	15,0	35,0	25,0	20,0	10,0	27,5	10,0
Другие	73,4	26,6	27,8	31,6	15,2	13,9	30,4	3,8
Всего:	72,2	28,8	33,8	27,8	26,6	11,1	27,9	3,2

Как известно, в перестроечный период российское государство на волне либерально-демократических реформ потеряло многие позиции на мировой арене, в частности, в сфере военно-промышленного комплекса, высокоточных научных разработок и т.д., и, по мнению ряда российских исследователей, отечественная промышленность по оснащенности современными научными технологиями очень сильно отстает от западноевропейских стран. Причинами такого положения является ориентированность либеральных экономистов-демократов перестроечного периода развивать исключительно сырьевые отрасли и взамен покупать западные промышленные разработки и технологии. К сожалению, прошедший период показал несостоятельность и уязвимость экономической политики реформаторов: на сегодняшний день российская экономика и практически все ее отрасли, особенно добывающая, сельское хозяйство, фармацевтическая и т.д., перед глобальными вызовами оказались совершенно неподготовленными к отражению экономического удара со стороны государств, которые в перестроечный период называли себя «друзьями России», но при этом последовательно вели антироссийскую внешнюю политику. Конечно, следует подчеркнуть, что большая часть вины за события почти четверть века давности лежит и на руководстве российского государства, в частности, ельцинской эпохи, воспоминания о которых у старшего поколения вызывает неприкрытую агрессию.

Наше исследование показывает преобладание в позициях опрошенных суждения *«победа в Великой Отечественной войне»* (первое ранговое место), за ним с большим отрывом располагаются *«культурные достижения»* (*космос, наука, литература, балет, кино, художественные произведения, разработки оборонного комплекса*), *«мощь российской армии»*, *«независимая международная политика российского президента»*, *«достижения российских спортсменов»*, *«природные богатства»*; вариант ответа *«исторические события (походы великих русских полководцев)»* отметил каждый девятый опрошенный и у статистически небольшой доли *«ничего не вызывает гордость за Россию»*. Выбравших последнее суждение, по сравнению с другими подгруппами, относительно больше среди опрошенных чеченцев, лезгин и азербайджанцев. Историю Великой Отечественной войны как минувшую социальную действительность, события и свершения прошлой общественной жизни людей нельзя изменить и поправить. Но историческое сознание, наши представления, взгляды, оценки, чувства, отношение к тем годам и людям подвержены изменениям и манипулированию. Наша историческая память представляет непрерывный диалог прошлого с настоящим. Меняемся мы, меняются власти, трансформируются представления о прошлом. Перманентное изменение взглядов на историю

Отечественной войны связано не только и не столько с открытием новой информации. С интересом наблюдаем, в каком направлении корректируется сегодняшнее освещение этого периода жизни страны, какие персонажи исчезают, какие появляются из небытия, как расставляются акценты при презентации новых архивных данных, под каким углом прочитываются привычные тексты. В этом смысле Россия – страна не только с неопределенным будущим, но и с непредсказуемым прошлым¹.

Однако, наше исследование показывает значимость патриотических установок в массовом сознании опрошенных, и видимо этим объясняется тот факт, что, по всему массиву, каждый четвертый опрошенный отмечает *«независимую международную политику российского президента»* (по этнической принадлежности – каждый третий среди аварцев, даргинцев, лакцев и табасаранцев). Поколение, выросшее при Советской власти, оказалось не востребованным в новых социально-экономических реалиях, что вызывает у них чувства обиды и униженности. Если в социалистический период они знали, что СССР – мощная держава, в которой провозглашен принцип социальной справедливости, имеют гарантированное право на получение качественного образования, услуг здравоохранения, на труд и выпускнику вуза, техникума и т.д. обеспечивалось трудоустройство, то, в настоящее время мы являемся свидетелями, когда человек с высоким образовательным статусом остается без работы, или предложенная работа настолько низкооплачиваемая, что вынуждает их пополнять ряды безработных. В такой сложной экономической ситуации, определенные факторы усиления российского государства в любой из сфер мирового правопорядка закономерно вызывает чувство гордости у россиян, в том числе и дагестанцев.

Суждение *«победа в Великой Отечественной войне»* отметила наибольшая доля опрошенных в возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» (83,1 %), в то время как в других подгруппах доля таковых чуть меньше: 67,3 % «от 20 до 30 лет», 69,1 % «до 20 лет», 73,2 % «от 60 лет и выше», 75,4 % «от 50 до 60 лет», 76,5 % «от 40 до 50 лет»; по сравнению с другими подгруппами, разделяющих данное мнение относительно меньше среди имеющих базовое среднее образование (50,0 %), в то время как гордость за *«победу в Великой Отечественной войне»* испытывают 67,8 % опрошенных со средним, 73,5 % высшим и 79,7 % средним специальным образованием. Образовательным учреждениям необходимо уделять больше внимания воспитанию подрастающего поколения и от-

¹ Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 29.

носителем низкие показатели в отношении к одному из крупнейших событий в отечественной и мировой истории XX в. вызывает тревогу.

С образовательным статусом меняются приоритеты в расстановке акцентов на события, которыми гордятся респонденты: так позицию «культурные достижения» (космос, наука, литература, балет, кино, художественные произведения, разработки оборонного комплекса) разделяют 29,1 % со средним специальным, 31,8 % базовым средним, 32,7 % средним и 35,6 % высшим образованием, каждый второй опрошенный в возрастном разрезе «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше», каждый третий опрошенный «до 20 лет» и «от 30 до 40 лет». На важность «природных богатств» указывает каждый третий опрошенный в возрасте «от 40 до 50 лет», в то время как молодое поколение «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет» среди индикаторов, вызывающих гордость за Россию отмечают «достижения российских спортсменов».

Прошлое нашей страны, каким бы трудным оно не было, это общее достояние граждан, а его изучение и сохранение в памяти народной – важнейшая политическая, нравственная, культурная задача. Что касается молодого поколения, то изучение истории Родины – необходимое условие формирования гражданственности и исторического сознания. В этом значение истории страны для личности и общества¹. Так «исторические события (походы великих русских полководцев)» вызывают гордость за Россию у диаметрально противоположных по возрасту групп: «до 20 лет» (16,8 %) и «от 60 лет и выше» (12,2 %), в то время как в других подгруппах, доля таковых менее 10 %. По образовательному признаку, последнее мнение разделяют 16,8 % опрошенных со средним образованием и в других подгруппах их доля заметно ниже: каждый пятнадцатый опрошенный с базовым средним и каждый четырнадцатый со средним специальным образованием. Далее у каждого одиннадцатого опрошенного с базовым средним образованием никакие события не вызывают чувство гордости за Россию. Видимо имеет право на существование позиция российских исследователей, что «в обществах, переживающих институциональную трансформацию, происходящая социальная ломка вызывает тектонические сдвиги в сознании людей: потеря привычных ценностных ориентиров порождает "кризис идентичности". В действительности речь идет об утверждении новой иерархии ценностей и поисках новых социокультурных скреп, и в молодых государствах правящая элита стремится придать им "длинное дыхание" за счет национальных проектов развития. Опорой молодой государственности становятся традиционные ценности, скрепленные цементом этнонационализма. Они вступают в конфликт с теми смыслами и моделями пове-

¹ Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Указ. раб. С. 29.

дения, которые формирует информационное общество и навязывает вездесущий коммерческий масскульт. В результате закрепляются социокультурные расколы»¹.

Далее в нашем исследовании мы решили выявить события и достижения, вызывающие гордость у опрошенных за Республику Дагестан (см. таб. № 84).

Таблица 84

Распределение ответов на вопрос «**Что у Вас вызывает наибольшую гордость за Дагестан?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Герои Отечественной войны 1941 – 1945 гг.	Герои Кавказской войны XIX в.	Герои событий 1999 г.	Дагестанцы – Герои Советского Союза	Дагестанцы – Герои России	Дагестанские традиции в культуре (златокузнецы, ковроткачество, танцы, языки, обычаи и др.)	Дагестанские спортсмены	Ничего не вызывает
Аварцы	57,6	30,3	13,4	33,8	22,4	41,0	35,2	3,8
Азербайджанцы	44,4	27,8	5,6	44,4	27,8	16,7	38,9	0
Даргинцы	56,5	22,2	16,7	30,6	21,3	37,0	29,6	1,9
Кумыки	53,8	26,3	6,3	35,0	25,0	35,0	32,5	2,5
Лакцы	66,4	19,5	13,3	46,0	20,4	41,6	38,9	2,7
Лезгины	50,9	34,5	15,5	25,0	19,0	32,8	41,4	1,7
Русские	50,0	19,4	5,6	33,3	19,4	44,4	13,9	8,3
Табасаранцы	43,5	30,4	17,4	26,1	21,7	39,1	52,2	8,7
Чеченцы	45,0	27,5	22,5	17,5	15,0	42,5	25,0	10,0
Другие	55,7	24,1	24,1	29,1	13,9	43,0	35,4	1,3
Всего:	55,7	27,0	14,4	32,8	20,7	38,9	34,8	3,3

¹Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2011. URL: <http://vse-uchebniki.com/politiki-sotsiologiya/identichnost-kak-predmet-politicheskogo.html> (дата обращения: 22.04. 2015).

Результаты нашего исследования показывают, что у опрошенных дагестанских народов чувство гордости за Дагестан вызывают «герои Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» (первое ранговое место), дополненное «дагестанскими традициями в культуре» и достижениями дагестанских спортсменов. Суждение «герои Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» отметили больше половины опрошенных аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, каждый второй опрошенный среди азербайджанцев, табасаранцев и чеченцев. Данную позицию разделяют 61,0 % опрошенных в возрасте «от 60 лет и выше», 60,2 % «от 40 до 50 лет», 59,2 % «от 30 до 40 лет», 58,5 % «от 50 до 60 лет», 55,9 % «от 20 до 30 лет» и их относительно меньше в подгруппе «до 20 лет» (51,6 %). Далее доля, выбравших данную позицию варьируется в пределах от 36,4 % имеющих базовое среднее образование до 71,5 % со средним специальным образованием. С повышением образовательного статуса увеличивается доля опрошенных, испытывающих гордость за Дагестан, благодаря «дагестанским традициям в культуре (златокузнецы, ковражка-чество, танцы, языки, обычаи и др.)»: 22,7 % с базовым средним, 34,2 % средним, 37,3 % средним специальным и 43,0 % высшим образованием; наибольшая часть разделяющих данное суждение в возрастной категории «от 40 до 50 лет» и наименьшее в подгруппе «от 60 лет и выше».

Далее у дагестанских народов чувство гордости за нашу республику вызывают «дагестанцы – Герои Советского Союза», «герои Кавказской войны XIX в.» и только каждый пятый опрошенный подчеркнул индикатор «дагестанцы – Герои России»; каждый третий опрошенный в подгруппах «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет» акцентирует внимание на значимости маркера «герои Кавказской войны XIX в.», в других возрастных подгруппах их доля ниже – каждый пятый и шестой опрошенный, меньше всего выбравших данную позицию среди респондентов старшего поколения «от 60 лет и выше» (12,2 %). Точно также, каждый пятый опрошенный в подгруппах «до 20 лет» и «от 60 лет и выше» отмечают значимость фактора «дагестанцы – Герои России» и меньше всего их в когорте «от 50 до 60 лет» – каждый седьмой опрошенный. Вызывает непонимание относительно низкая оценка значимости исторических событий пятнадцатилетней давности, когда на территорию республики, со стороны Чечни вторглись международные террористы и республика оказалась втянутой в военные действия. В Дагестане наблюдался рост патриотических настроений, жители Ботлихского и Новолакского районов, на территориях которых развернулись боевые действия, сплотились и готовы были дать отпор

наемникам, им на помощь отправлялись добровольцы со всех районов и городов республики. Хотя активная фаза военных действий велась исключительно военными, мирные жители в той или иной степени оказались вовлеченными в сентябрьские события 1999 г., однако в массовом сознании опрошенных, к сожалению, отсутствует их должная оценка.

С возрастом уменьшается доля испытывающих гордость достижениями дагестанских спортсменов: 44,7 % опрошенных «до 20 лет», 39,2 % «от 20 до 30 лет», 30,3 % «от 30 до 40 лет», 21,5 % «от 50 до 60 лет», 19,4 % «от 40 до 50 лет» и 9,8 % «от 60 лет и выше». Данную позицию разделяют респондентов со средним и высшим образованием – 40,6 % и 36,4 %, соответственно.

Среди выбравших суждение *«ничего не вызывает чувство гордости за Дагестан»*, по сравнению с другими опрошенными, относительно больше доля респондентов русских, табасаранцев и чеченцев, а также имеющие базовое среднее образование (11,4 %) и в возрастном разрезе «от 60 лет и выше» (7,3 %).

По мнению отечественных исследователей, сравнительно нетрудно обучить население стереотипным выражениям гордости. Но чтобы человек в условиях свободы информации самостоятельно и рационально пришел к осознанию гордости своей страной и разными сторонами ее жизни, усилия общества и элиты целесообразно направлять не на «воспитание патриотизма» через индоктринацию, а на улучшение реальной жизни. В случае России, как показывают результаты анализа, наиболее очевидный ресурс для повышения сознательного, осмысленного чувства гордости людей за свою страну – обеспечение сдвигов к лучшему в развитии экономики, демократии, равноправия, социальной справедливости и социальной защиты населения¹.

Таким образом, наше исследование показывает, что патриотические установки и патриотизм подразумевают развитие деятельной гражданской позиции индивида, гражданского самоопределения, понимания внутренней свободы и гражданской ответственности за политический выбор. Несомненно, формирование таких жизненных устоев требует соответствующих морально-психологических качеств, к числу которых относятся гражданская смелость, честность, порядочность, стремление и умение отстаивать собственную точку зрения на происходящие в современной России преобразования. Желание и

¹ Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 239.

убежденность в отстаивании своей точки зрения не предполагает формирование негативного отношения к иной точке зрения, более того, наличие несовпадающих позиций должно способствовать формированию толерантности в массовом сознании и поведении дагестанцев. Умение объективно оценивать иное мнение и критически переосмыслить собственное является залогом воспитания, особенно у подрастающего поколения, которое, к сожалению, является носителем националистической идеологии в силу объективных и субъективных факторов, принципов гражданственности и активной гражданской позиции.

4.4. Российская идентичность дагестанских народов в процессе межэтнической коммуникации и формирования толерантности

В работе уже было отмечено, что позитивная российская идентичность предполагает наличие толерантности, которая в своем социальном качестве представляет собой основу успешной коммуникации¹, базу формирования межнационального согласия и стабильности в современном российском обществе. В межэтнических отношениях толерантность выступает как взаимодействие на основе согласия², готовность иметь дело с представителем любого народа, несмотря на этнические и религиозные различия. Среди рецептов сохранения межнационального согласия часто предлагаются крайние меры: ликвидировать республики в Российской Федерации, полностью закрыть въезд в страну гражданам государств Центральной Азии, сменить политику сохранения и развития культур народов России на преимущественную поддержку русского народа³.

Несомненно, для поддержания межнационального согласия и взаимной этнической толерантности необходимо формирование гражданской, российской идентичности и позитивное развитие этнической идентичности, предполагающее благоприятное отношение к соб-

¹ См. Декларация принципов терпимости. Утверждена резолюцией от 16 ноября 1995 г. Генеральной Конференции ЮНЕСКО // URL: www.unesco.ru; Хомяков М.Б. Методология понимания термина толерантность // Социология межэтнической толерантности. М., 2003. С. 27 – 29.

² См.: Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 305.

³ Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межнационального согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 120.

ственной и другим этническим группам, отсутствие враждебности в отношении инонационального окружения, благожелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий. Межэтнические установки рассматриваются как чуткий индикатор направленности – позитивной или негативной – гражданской идентичности, уровня солидаризации и принятия культурного разнообразия¹. Социально-психологические условия развития такого вектора этнической идентичности складываются из чувств безопасности, относительного комфорта и отсутствия стресса.

В настоящее время российская национально-гражданская идентичность призвана обеспечить ценностный консенсус гражданского самосознания и способствовать формированию позиций и норм позитивного, основанного на принципах толерантности межэтнического взаимодействия. Универсальными, влияющими на характер формирования и поддержания межнациональной толерантности в масштабах всего российского социума, остаются макросоциологические факторы, к числу которых относятся доступ к ресурсам и участие во власти, социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью (работой, профессиональными перспективами) и сопутствующая ей социально-культурная адаптация, механизмы межкультурного восприятия, от отрицания и минимизации культурных различий к их принятию, адаптации и интеграции в поликультурное пространство². Позитивное воздействие данных факторов способствует формированию и поддержанию межнациональной толерантности.

Прежде чем перейти к изложению состояния межэтнической толерантности в современном дагестанском обществе представляется необходимым изложить понятие и сущность данного явления. События, происходившие на постсоветском пространстве (распад СССР, первая чеченская кампания, тяжелое социально-экономическое положение, особенно в дотационных республиках и т.д.) способствовали росту антикавказских настроений, появлению выражений, оскорбляющих национальное достоинство человека («лицо кавказской национальности»), увеличению количества активных и откровенно экстремистских, агрессивных националистических и неонацистских группировок. Несмотря на заявление В.В. Путина, что власть будет усиливать деятельность правоохранительных органов, чтобы скинхеды и

¹ Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 46.

² Цит. по: *Дробижева Л.М.* Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М., 2010. С. 171.

фашиствующие элементы исчезли с политической карты России, в данном направлении и в настоящее время, к сожалению, кардинальные перемены не произошли и, по-прежнему, в российском обществе преобладает нетерпимое отношение к представителям иной национальной, расовой и религиозной принадлежности.

Актуальность и широкую значимость проблема толерантности приобрела в период глобализации и информатизации общества, углубляющих дифференциацию частных интересов, соответственно, возникает вопрос: «Как нам жить вместе, не утрачивая свои различия и особенности?». Краеугольным камнем толерантного отношения к частным интересам и мнениям, к группам и индивидам их выражающим, становится признание естественности и неустрашимости из общественной жизни «инакомыслия». По мнению М. Уолцера, «смысл толерантности не в том, чтобы устранить "нас" и "их" (и, уж, конечно, не в том, чтобы устранить "меня"), а в том, чтобы обеспечить долговременное мирное сосуществование и взаимодействие».

Понятием «толерантность» чаще всего обозначается морально-нравственная установка на терпимость, снисходительность, понимание другого. В современной обществоведческой литературе под толерантностью понимают определенную мировоззренческую и нравственно-психологическую установку личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные прежде чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения. Таким образом, сущностью толерантности является терпимость к «чуждому», «иному», следовательно, возникает необходимость ее рассмотрения как характеристики любых социальных структур, фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами конфликтных ситуаций. Характерность этой ориентации заключается в стремлении понять позиции другой стороны, чаще противостоящей, с соответствующим изложением своих убеждений, с целью поиска взаимоприемлемого компромиссного решения.

При исследовании понятия «толерантность» необходимо учитывать то обстоятельство, что под «чуждыми» и «иными» не подразумеваются идеи, нравы, поведение, поступки, обряды, ритуалы, выполняющие разрушительную функцию. Проблема в данном случае возникает по причине того, что не сразу выявляется их разрушитель-

¹ Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 22.

² Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 54.

но-негативная сущность, соответственно, возникающие трудности при оценке этих идей, сложности в формировании определенного к ним отношения. С другой стороны, толерантное отношение, лишённое стремления сразу же запретить, заклеить, позволяет выявить подлинную сущность «иного». Из этого вытекает, что толерантность не предполагает обязательного отказа от критики, дискуссии и, тем более, от собственных убеждений.

В подготовленной ЮНЕСКО книге по вопросам толерантности, отмечается: «толерантность выражает саму суть социальной ответственности в плюралистическом обществе»¹ и она проявляется в признании и уважении прав других людей и культур. Данный тезис подчёркивается и в утверждённой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1995 г.) Декларации принципов толерантности: «толерантность – означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности»².

Толерантность может проявить себя по-разному: в обстановке, когда крайне опасно открыто выражать интолерантное отношение без негативных последствий для себя, толерантность может формироваться по типу смирения, покорности обстоятельствам. Такого рода толерантность предполагает бессмысленное соглашательство или насилие над собой, а интолерантность существует в виде латентного напряжения, глухого недовольства от неизбежности признания того, что на самом деле отвергается в душе, или же в бурных аффектах неприязни в межличностных и межгрупповых отношениях. Существующая в подобном виде толерантность имеет пассивный или даже негативный характер, задача же заключается в том, чтобы превратить ее потенциал и возможности в мощный ресурс активного, осмысленного отношения к действительности, несущего в себе продуктивное начало, конструктивные социальные цели.

Среди социальных феноменов, закономерно возникающих и определяющих особенности общественной организации в условиях социальной нестабильности, существенное место принадлежит нетерпимости по отношению к «чужим», которые в ситуации кризисов, сопровождающих процессы деинституционализации и болезненного становления новых социальных институтов, начинают выполнять функцию «козла отпущения», подвергаясь психологической изоляции, дискриминации, а в наиболее тяжелых обстоятельствах репрес-

¹ Риэрдон Б. Толерантность – дорога к миру. М., 2001. С. 6.

² Там же. С. 262.

сиям¹. Интолерантность можно наблюдать в самых различных общественных сферах и последствием разрушения социалистической институциональной системы является рост межнациональной напряженности и нетерпимости. Соответственно, этнические, социально-классовые, межрелигиозные проявления интолерантности возникают в рамках целостного национально-государственного образования, поэтому важнейшую роль в ее преодолении может сыграть развитость принципов национально-гражданской толерантности. Характерная для постсоветского пространства слабость межнациональной толерантности свидетельствует о наличии ксенофобии, «когда из-под пресса коммунистической идеологии и всеобщего подавления инакомыслия вырвался джинн нетерпимости, недоверия по отношению к "чужим", к другим социальным группам и слоям, в том числе и к другим национальностям. Нетерпимость к "чужим" во многом связана с формированием образа "своих", то есть с процессами социальной идентификации личности и групповыми идентичностями»².

Н.М. Лебедева, на основе исследований факторов, содействующих формированию межгрупповой интолерантности, установила достаточно сложную и противоречивую зависимость социальных идентичностей и нетерпимого отношения к «чужим»: базой интолерантности могут быть «неопределенность (маргинальность) этнической идентичности» и «выраженность социальной идентичности»³.

Проблема противоречивых, порой и взаимоисключающих отношений между групповыми идентичностями, разграничивающими человеческие сообщества, замыкающими людей в группах «своих», и межгрупповой толерантностью как центробежной силой, способствующей тяготению к «чужим» рассмотрел М.Б. Хомяков, по мнению которого, «процессы формирования идентичности и толерантности прямо противоположны друг другу», «идентичность и толерантность противоположны, сформированы фундаментально различными процессами и угрожают существованию друг друга», следовательно «одну из центральных задач современной политической теории можно было бы описать как задачу согласования идей социальной соли-

¹ Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 42.

² Там же. С. 43.

³ *Лебедева Н.М.* Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности – интолерантности в межкультурном диалоге // Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю.Мартыновой, В.А.Тишкова, Н.М.Лебедевой. М., 2003. С. 204 – 255.

дарности, толерантности и групповой идентичности, и построения на этой основе некоей модели общества, в которой данные идеи не препятствуют существованию друг друга, но, скорее, друг друга дополняют и усиливают» и это возможно, если идентичность имеет «минимальную нагруженность», что свойственно «гражданской идентичности» (в отличие от этнической и т.п.)¹.

В настоящее время своей актуальности не потеряла необходимость формирования толерантности в современном дагестанском обществе и установках дагестанских народов, поэтому данный аспект проблемы нашел свое отражение в нашем исследовании (см. таб. № 85).

Таблица 85

Распределение ответов на вопрос «**Что должно играть главную роль в формировании толерантности между дагестанскими народами?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Всего:
Осознание себя россиянином	36,9	27,8	39,8	40,0	35,2	25,9	44,4	34,8	36,2
Политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики	34,5	11,1	32,4	22,5	44,8	33,6	47,2	34,8	35,1
Деятельность неформальных лидеров народов, способствующая укреплению дружбы между народами	14,5	5,6	14,8	10,0	12,4	19,0	13,9	21,7	14,7

¹ Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 42, 46.

Воспитание интернационализма у всех дагестанских народов	45,9	27,8	49,1	43,8	41,0	32,8	52,8	34,8	43,4
Религиозная принадлежность, по которой этническая принадлежность не принимается во внимание	37,9	38,9	29,6	26,3	26,7	31,9	25,0	34,8	32,5
Воспитание подрастающего поколения в духе дружбы и сотрудничества между дагестанскими народами	68,6	66,7	69,4	66,3	79,0	65,5	80,6	82,6	70,8
Ограничение миграции на территорию республики представителей народов с отличной от нас национальной культурой	7,2	0	6,5	3,8	5,7	8,6	8,3	8,7	6,7
Налаживание межнационального диалога между дагестанскими народами	49,3	50,0	41,7	38,8	40,0	42,2	38,9	34,8	44,6
Знание и уважение национальной культуры (язык, песни, танцы, традиции, музыка) дагестанских народов	41,7	11,1	46,3	40,0	49,5	37,9	30,6	39,1	41,1
Осознание общей исторической судьбы дагестанских народов	30,3	27,8	38,0	26,3	29,5	34,5	30,6	43,5	32,1
Общие национальные символы (территория проживания, национальные герои, общая историческая память и т.д.)	25,2	33,3	20,4	27,5	34,3	25,9	16,7	30,4	26,3

Приведенные в таблице № 85 результаты нашего исследования показывают, что важнейшим фактором в процессе формирования толерантности в современном дагестанском обществе является *«воспитание подрастающего поколения в духе дружбы и сотрудничества между дагестанскими народами»*, на который указали больше половины опрошенных, хотя своей значимости не теряют суждения – *«воспитание интернационализма у всех дагестанских народов»*, *«налаживание межнационального диалога между дагестанскими народами»*, *«знание и уважение национальной культуры дагестанских народов»*, *«осознание себя россиянином»* и *«политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики»*. При этом в установках дагестанских народов практически неостребованными остаются *«деятельность неформальных лидеров народов, способствующая укреплению дружбы между народами»* и *«ограничение миграции на территорию республики представителей народов с отличной от нас национальной культурой»*. Вместе с тем следует отметить заметный рост значимости религиозного компонента в процессах воспитания терпимости у дагестанских народов, на который указали опрошенные – *«религиозная принадлежность, по которой этническая принадлежность не принимается во внимание»*. На данный фактор указывает каждый третий опрошенный с базовым средним, средним и высшим образованием, а также в подгруппах «до 20 лет», «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», каждый четвертый опрошенный со средним специальным, каждый пятый опрошенный в возрастном разрезе «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше».

В современном российском обществе вопросы плюрализма и культуры толерантности имеют свою конкретно-историческую специфику, потому что интолерантные установки, несоответствие интересов разных категорий населения являются не столько следствием постиндустриальных трансформаций, сколько результатом системного кризиса, повлекшего за собой разрушение сложившихся ранее разных форм социальных идентификаций, поэтому для России любое проявление идеологии национализма и ксенофобии является разрушительным в силу ее полиэтничности.

В постсоветской России политическая культура складывалась под влиянием ряда существенных факторов, к числу которых относятся «расколотость» общества, отчужденность подавляющего большинства людей от власти, их бессилия что-либо изменить в установившемся раскладе сил. Возникший психологический раскол на «мы» и «они» создал благодатную почву для воспитания нетерпимости – в качестве психологической компенсации за причиняемый дискомфорт.

В республике, как и на всем российском пространстве, идет активный процесс поиска оснований для построения гражданского общества, реальное объединение людей на основе общеразделяемых ценностей и интересов. Об успешности этого процесса говорят высокие показатели основных солидаризирующих гражданских идентичностей – российской, республиканской, локальной¹.

В нашем исследовании были сопоставлены между собой вопросы самоидентификации и совместного проживания с представителями своей и иноэтнической общности (см. таб. № 86).

Таблица 86

Распределение ответов на вопрос «*Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц Вашей/иной национальности?»* (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Вашей национальности			Иной национальности		
	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично
Аварцы	59,3	11,0	27,9	40,0	17,2	36,9
Азербайджанцы	38,9	0	50,0	33,3	11,1	50,0
Даргинцы	51,9	7,4	35,2	39,8	9,3	42,6
Кумыки	58,8	8,8	30,0	37,5	16,3	33,8
Лакцы	64,6	8,8	26,5	41,6	15,0	40,7
Лезгины	58,6	8,6	30,2	32,8	20,7	40,5
Ногайцы	68,4	0	15,8	31,6	47,4	5,3
Русские	50,0	8,3	41,7	25,0	11,1	55,6
Табасаранцы	43,5	4,3	43,5	34,8	4,3	52,2
Чеченцы	47,5	10,0	40,0	40,0	20,0	32,5
Другие	58,2	5,1	34,2	27,8	17,7	49,4
Всего:	57,1	8,7	31,6	37,1	15,8	40,5

Наше исследование показывает, что в массовом сознании дагестанских народов превалирует позитивное восприятие совместного проживания с представителями своего и другого народа. Однако обращает на себя внимание процентное соотношение результатов опро-

¹ Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 49.

са: положительно к миграции в свой населенный пункт представители своей этнической общности настроены больше половины опрошенных, в то время доля положительно оценивающих полиэтничность своего населенного пункта заметно ниже, причем в отношении представителей инонациональной общности доминирует суждение «безразлично»; респондентов отрицательно настроенных к представителям другого народа в 2 раза больше, в сравнении с отношением к представителям своей этнической группы. По сравнению с другими народами, среди опрошенных ногайцев (каждый второй) и лезгин (каждый пятый опрошенный) относительно больше доля отрицательно оценивающих возможность переселения в свой населенный пункт представителей другого народа.

В ходе анализа полученного социологического материала, мы сопоставили между собой вопросы, демонстрирующие выраженность типа социальной идентичности и отношение к совместному проживанию, чтобы выявить степень влияния типа социальной идентичности на межэтнические установки (см. таб. № 87).

Таблица 87

Распределение ответов на вопросы «Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?» и «Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт, по тем или иным причинам поселили большую группу лиц Вашей/иной национальности?» (варианты ответов даны в %)

Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт, по тем или иным причинам поселили большую группу лиц Вашей/иной национальности? // Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?	Вашей национальности			Иной национальности		
	Положительно	Отрицательно	Безразлично	Положительно	Отрицательно	Безразлично
Представителем своего народа	62,1	11,8	24,8	39,1	19,3	34,8
Представителем своей религии	54,3	6,6	34,4	35,8	19,2	38,4
Представителем дагестанского народа	58,5	7,9	29,9	40,2	15,2	37,2
Россиянином	58,1	8,4	31,0	43,2	12,9	39,4
Представителем своего народа и дагестанцем	57,0	9,5	29,0	36,5	16,5	41,0
Представителем своего народа и россиянином	54,0	9,7	35,5	38,7	16,5	39,1
Представителем своего народа и религии	62,8	8,5	27,1	38,1	16,6	39,3

Приведенные в таблице результаты исследования показывают, что опрошенные дагестанские народы, независимо от типа социальной идентичности, позитивно оценивают совместное проживание с представителями как своего, так и других народов. Однако следует отметить, что доля позитивно настроенных к совместному проживанию с представителями других этнических образований заметно ниже, по сравнению с теми, кто положительно воспринимает полиэтничность своего населенного пункта. Доля респондентов, негативно оценивающих миграцию в свой населенный пункт представителей иных народов заметно больше, чем испытывающих аналогичное отношение к представителям своего народа. Хотя ради справедливости следует отметить, что доля безразлично относящихся к совместному проживанию с представителями других народов больше, по сравнению с положительным отношением к совместному проживанию с представителями своего народа.

Установление отношения дагестанских народов к миграции в свой населенный пункт представителей своего и других народов требует выявления характера и частотности этноконтактирования (см. таб. № 88).

Таблица 88

Распределение ответов на вопрос *«Бывают ли у Вас этноконтакты с представителями других народов и как часто они случаются?»* (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Совсем не контактирую	Контактирую постоянно	Контактирую редко	Контактирую вне работы, учебы и т.д.
Аварцы	10,7	57,6	20,3	6,6
Азербайджанцы	11,1	55,6	22,2	5,6
Даргинцы	4,6	68,5	12,0	4,6
Кумыки	7,5	67,5	11,3	6,3
Лакцы	11,5	64,6	14,2	3,5
Лезгины	7,8	58,6	19,0	5,2
Ногайцы	36,8	21,1	15,8	15,8
Русские	8,3	77,8	11,1	5,6
Табасаранцы	8,7	73,9	4,3	13,0
Чеченцы	10,0	62,5	25,0	2,5
Другие	11,4	51,9	21,5	11,4
Всего:	9,3	61,7	17,2	6,1

Результаты исследования показывают, что опрошенные дагестанские народы находятся в состоянии интенсивной межнациональной коммуникации, и только каждый шестой опрошенный «контактирует редко», из них каждый четвертый опрошенный среди чеченцев, каждый пятый опрошенный среди аварцев, азербайджанцев и лезгин; каждый одиннадцатый опрошенный совсем не поддерживает личное межнациональное взаимодействие; из всего массива выделяются респонденты-ногайцы: каждый второй опрошенный выбрал позицию «совсем не контактирую».

Установление частотности этноконтактов требует выявления характера межнациональной коммуникации, на что было обращено внимание в ходе проведения исследования, ибо, по мнению автора, позитивная/негативная характеристика процесса межэтнического взаимодействия напрямую отражается на состоянии российской идентичности, более того, наличие в массовом сознании установок на игнорирование межэтнического общения свидетельствует о существовании межнациональной напряженности в обществе (см. таб. № 89).

Таблица 89

Распределение ответов на вопрос «**Как бы Вы описали характер этноконтактов?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Контактирую с удовольствием	Контактирую в случае необходимости	Стараюсь избегать этноконтактов	При общении испытываю напряжение, дискомфорт
Аварцы	62,8	23,8	7,9	2,4
Азербайджанцы	72,2	5,6	11,1	5,6
Даргинцы	72,2	9,3	6,5	1,9
Кумыки	68,8	12,5	8,8	2,5
Лакцы	61,9	23,0	7,1	0,9
Лезгины	55,2	23,3	6,0	4,3
Ногайцы	68,4	15,8	5,3	0
Русские	63,9	13,9	19,4	5,6
Табасаранцы	91,3	13,0	4,3	0
Чеченцы	65,0	17,5	10,0	5,0
Другие	59,5	27,8	7,6	1,3
Всего:	61,4	19,9	8,0	2,5

По всему массиву больше половины опрошенных характеризуют межнациональное общение позитивно с формулировкой «*контактирую с удовольствием*», причем выделяются респонденты-табасаранцы; вместе с тем каждый четвертый опрошенный среди аварцев, лакцев и лезгин «*контактирует в случае необходимости*»; каждый пятый опрошенный среди русских и каждый десятый опрошенный среди азербайджанцев «*старается избежать этноконтактов*». Среди опрошенных, при общении испытывающих «*напряжение, дискомфорт*» выделяются респонденты азербайджанцы, русские и чеченцы. Таким образом, наше исследование показывает наличие в массовом сознании дагестанских народов ориентированности на поддержание межэтнической коммуникации, причем ее характеризуют позитивно.

Далее, при анализе полученного социологического материала были сопоставлены между собой вопросы самоидентификации, частотности и характеристики этноконтактирования (см. таб. № 90).

instituteofhistory.ru Таблица 90

Распределение ответов на вопросы «*Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?*», «*Как часто Вы вступаете в межнациональное общение?*» и «*Как Вы описали бы характер этих контактов?*»
(варианты ответов даны в %)

Кем Вы, в первую очередь, ощущаете себя на территории Республики Дагестан?	Как часто Вы вступаете в межнациональное общение?				Как Вы описали бы характер этих контактов?			
	Совсем не контактирую	Контактирую постоянно	Контактирую редко	Контактирую вне работы, учебы и т.д.	Контактирую с удовольствием	Контактирую в случае необходимости	Стараюсь избегать этноконтактов	При общении испытываю напряжение, дискомфорт
Представителем своего народа	8,7	60,9	19,3	3,7	57,8	19,9	8,7	3,1
Представителем своей религии	9,9	56,3	19,9	6,0	62,3	17,2	11,9	2,0
Представителем дагестанского народа	12,2	67,7	14,0	3,7	67,1	19,5	7,3	3,7

Россиянином	8,4	66,5	14,8	6,5	62,6	24,5	8,4	2,6
Представителем своего народа и дагестанцем	9,0	61,5	18,0	5,0	66,0	17,5	9,5	1,5
Представителем своего народа и россиянином	7,7	64,5	16,1	6,0	66,5	21,4	4,4	0,4
Представителем своего народа и религии	10,5	55,5	19,4	9,3	65,2	20,6	7,3	2,4

По всему массиву, в установках опрошенных дагестанских народов превалирует позиция, что они находятся в процессе непрерывного этноконтактирования, причем выделяются подгруппы, осознающие себя «представителем дагестанского народа» и «россиянином». Часто вступающие в межнациональное общение, характеризуют его позитивно с формулировкой «контактирую с удовольствием». Доля, испытывающих дискомфорт в процессе межэтнической коммуникации статистически незначимая, хотя каждый пятый опрошенный, независимо от типа социальной идентичности «контактирует в случае необходимости». Таким образом, предположение, что характер и частотность этноконтактов зависит от самоидентификации опрошенных, результатами нашего исследования не подтверждается.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные исследователи одной из важнейших проблем обозначают поиск идентичности и «кризис идентичности», актуальность изучения которой определяется трансформацией мировой системы, развалом Советского Союза, усилением глобализационных и интеграционных процессов в мире. Более того, они придерживаются позиции, что глобализация, обусловившая «усиление неопределенности социальных отношений» способствовала росту индивидуализации и кризису идентичности. Разумеется, кризис идентичности затронул и российское общество, который объясняется изменением природно-географических и политических границ российского государства, соответственно, изменение статуса в мировой политической арене. В такой ситуации актуализировано изучение типов социальной идентичности, особенно для полинациональных и поликонфессиональных государств, к числу которых относится и Российская Федерация.

Заметному росту этнической идентичности способствовал распад СССР, который в течение длительного периода рассматривался как разрушение не только огромного государства, но и привел к потере большим пластом людей идентичности «советский человек», разрушению идеологических установок в массовом сознании и поведении россиян. Такие преобразования не проходят бесследно и выявились в форме агрессии и неприятия инокультурного окружения, в стремлении изолироваться с целью сохранения своей этнокультурной самобытности, с одной стороны, с другой, в желании народов обозначить свои национальные интересы и этнополитический статус своего народа в рамках республики. Кардинальные трансформации постсоветского периода, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами способствовали преобразованию социально-экономической, политической, духовной, идеологической сфер российского общества, которые отразились на состоянии типов социальной идентичности. В структуре социальной идентичности, по сравнению с другими типами идентичности, наиболее ярко проявляется этническая идентичность, которая может развиваться по совершенно разным направлениям от по типу «нормы» до гипоидентичности и гиперидентичности. В прямой зависимости от состояния этнической идентичности находятся другие типы социальной идентичности (республиканский, религиозный, государственно-гражданский и т.д.), которые могут иметь как позитивный, так и негативный характер.

В период модернизации и реформирования всей системы общественных отношений исследование особенностей формирования эт-

нической, республиканской, религиозной, государственно - гражданской идентичностей дагестанских народов, выявление их динамики, установление соотношения российской идентичности с этническим, религиозным и республиканским типами социальной идентичности приобретает особую значимость. Исследование обозначенной проблемы на основе исторического опыта народов Дагестана играет важную роль в процессе стабилизации и гармонизации межэтнических отношений в республике.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В российской и зарубежной научной литературе сформировались различные подходы к изучению этнического самосознания, этничности и этнической идентичности. Если для отечественных исследователей интерес представлял понятие «этническое самосознание», то в зарубежной науке больше внимания уделялось дефинициям «этничность» и «этническая идентичность». Однако в перестроенный период наблюдается усиление внимания к данным категориям и этническое самосознание, а позже и этническая идентичность становятся центральными объектами изучения. Российские исследователи заимствуют из западной науки дефиниции «этническая идентичность» и «этничность», с целью пояснения природы социальных и этнических конфликтов, межкультурных взаимодействий, политической активизации этнических меньшинств в индустриально развитых странах, социальных и политических изменений в постколониальном мире.

2. В современной отечественной и западной научной литературе выделяют основные концепции этничности и методологические подходы ее исследования: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский, хотя их разделение в определенной степени является условным, ибо эти концепции пересекаются между собой и взаимозависимы. Однако они имеют и принципиальные различия. Сторонники примордиализма рассматривают этничность как изначальную характеристику, присущую индивиду как члену реально существующей этнической группы и ее основой является кровное родство, общее происхождение и исконная территория проживания. Конструктивизм рассматривает этничность как ситуативный, нередко «навязанный» феномен и при ее объяснении исходит из позиции, что этничность коренится не «в сердцах», а «в головах» индивидов, которые являются членами этнических групп – «воображаемых сообществ» или «социальных конструкций». Инструментализм синтезирует положения примордиализма и конструктивизма и предлагает объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации национальных

общностей с целью защиты своих этнических интересов. Причем этничность выполняет функции политического инструмента, с помощью которого можно добиться права на привилегированное положение на определенной территории, получение определенных льгот, в частности, различных квот в кадровой сфере.

3. Российские исследователи рассматривают этническую идентичность как когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания и считают первое уже чем второе. Однако при этом уточняется, что этническая идентичность шире, так как содержит в себе также слой бессознательного. Следовательно, этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» – этническое бессознательное.

4. Индикаторами воспроизводства этнической идентичности в этноконтактных зонах республики являются: «национальный (родной) язык», «национальные традиции и обычаи», «совместная жизнь на данной территории», «религия», «национальная литература, народное творчество», «национальная одежда, жилище, быт», «историческая территория моего народа», «общность характера, схожесть поведения», «историческое прошлое», и незначительная часть опрошенных отмечает «ничего не объединяет». При этом, наряду с так называемыми этническими маркерами, заметное место в структуре этнической идентичности занимает индикатор «религия».

5. Проживающим в многонациональной среде дагестанским народам характерно противоречивое этническое поведение, с одной стороны, выделяя в качестве маркера самоидентификации «национальный язык», с другой, быть представителем своего народа подразумевает «знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа», т.е. статус «национального (родного) языка» несколько снижается. Однако уменьшение статуса национального языка в полинациональных районах республики не свидетельствует о наличии процесса ассимиляции, потому что, во-первых, национальный (родной) язык является доминирующим в иерархии этноопределителей, во-вторых, особое место в современном дагестанском обществе занимает русский язык, как язык межнационального общения, на фоне которого наблюдается относительное снижение значимости национального (родного) языка.

6. Отечественные этносоциологи выделяют формы трансформации этнической идентичности: 1. пассивная форма этнической идентичности в виде этноиндифферентности, этнонигилизма и амбивалентности, 2. деструктивная форма этнической идентичности – этно-

центризм, этнодоминирование, этнофаворитизм. Изменение этнической идентичности заключается в выявлении происходящих трансформаций относительно «позитивной этнической идентичности», сущность которой заключается в позитивном отношении к инонациональному окружению, в стремлении к межэтнической коммуникации при позитивном восприятии собственной этнической группы.

7. Этническая идентичность по типу «нормы» подразумевает наличие толерантных установок в массовом сознании и готовность к этноконтактированию. Однако позитивное восприятие иноэтнических образований и стремление к тесным межэтническим контактам не свидетельствует о выраженности идеологии космополитизма, потому что для любого человека является естественным стремление обозначить этнокультурную специфику своего народа, следовательно, подчеркивание и предпочтение этнокультурных ценностей своего народа. Специалисты обозначают эту стадию как «начальную ступень этноцентризма», когда стремление к позитивной этнической идентичности является необходимым условием сохранения целостности и неповторимости этнической общности в этнокультурном многообразии мира. Вместе с тем понятие «норма» в отношении этнической идентичности не подразумевает ее абсолютизации, что подтверждается и результатами социологического опроса, по которым доминирующим типом этнической идентичности является «нормальная идентичность».

8. От 80,0 % до 88,6 % опрошенных дагестанских народов являются носителями «позитивной» этнической идентичности, являющейся основой формирования, а в дальнейшем и сохранения стабильности в процессе межэтнической коммуникации. Более того, это существенный потенциал в подавлении межэтнической напряженности в этноконтактных зонах республики. Однако усиление «нормального» типа этнической идентичности сопровождается заметным ростом гипо- и гиперидентичных установок в общественном сознании дагестанских народов. Трансформация этнической идентичности по типу гипидентичности способствует появлению этнонигилистических тенденций, которые сопровождаются нежеланием поддерживать этнокультурную символику своего народа, а также в обозначении этнической неполноценности, чувства стыда за представителей своего этноса. Трансформация этнической идентичности по типу гиперидентичности происходит через предпочтение собственной этнической группы к абсолютной убежденности о превосходстве своего народа над «другими». Гипотеза, что в полиэтнической среде возможно доминирование деструктивных форм этнической идентичности (этно-

фаворитизм, этноцентризм, этнодоминирование), как инструментарий сохранения этнокультурной специфики своего народа, результатами социологического опроса не подтверждается. В массовом сознании дагестанских народов превалирует «нормальный» тип этнической идентичности, позитивно оценивающий как собственную этническую группу, так и инонациональное окружение. Однако, в относительно слабой форме, но проявляются пассивная и деструктивная формы этнической идентичности, хотя выраженность в массовом сознании этноиндифферентных установок может быть интерпретирована как начало процесса эрозии этнической идентичности.

9. По значимости доля этноиндифферентных респондентов, отнесших себя к категории людей, которые «никогда серьезно не относились к национальным проблемам» располагается на второй позиции, хотя выбор этого критерия сопутствовал выбор индикаторов «нормы» и гиперидентичности. При этом имеет право на существование гипотеза, что опрошенные с выраженной этноиндифферентной установкой практически не принимают участия в этнополитической жизни общества и являются носителями пассивного политического сознания. Гиперидентичность по типу «этнофаворитизм» занимает одно из последних мест, однако в большей степени его демонстрируют опрошенные ногойцы, азербайджанцы и чеченцы; у последних, по сравнению с другими подгруппами, заметно выражен этноцентризм. При этом гипоидентичные и гиперидентичные установки дополняются стремлением поддерживать межэтническую коммуникацию.

10. Доминирующим типом социальной идентичности является республиканский (общедагестанский) тип идентификации. Маркерами воспроизводства республиканской идентичности являются: «длительность совместного проживания на одной территории», «общая история всех дагестанских народов», «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры», «историческая память всех дагестанских народов», «национальный характер, национальная психология», «религия». Выделяются опрошенные ногойцы, которые наряду с русскими, отметили позицию «ничего не объединяет, мы самостоятельный народ». При превалировании республиканской идентичности у дагестанских народов проявляется и заметное «противопоставление» себя другим народам с формулировкой «мы по характеру немного другие», как стремление обозначить свою этнокультурную самобытность.

11. В массовом сознании дагестанских народов заметное место занимает государственно-гражданская идентичность, несмотря на низкую оценку как республиканской, так и общероссийской политической символики. «Осознание себя представителем своего народа»,

как проявление этнической идентичности, занимает одно из последних мест, что, с одной стороны, свидетельствует о «размывании» этнической идентичности, с другой, констатирует существование стабильной межнациональной ситуации в полиэтнических районах республики. Вместе с тем у народов, проживающих в этноконтактных зонах республики, ослабление этнической идентичности сопровождается усилением этноиндифферентных установок.

12. Историческое и современное этническое развитие республики способствовало формированию стабильности во взаимодействии дагестанских народов. При этом доминирование республиканской (общедагестанской) идентичности над другими типами социальной идентичности является одним из факторов сохранения межнационального согласия в Дагестане. Однако трансформация российского общества оказала негативное влияние на состояние межнациональных отношений в республике, что обуславливает наличие в латентной форме межэтнической напряженности в полиэтнических районах республики; особое внимание следует обратить на этническое самочувствие дагестанских русских.

13. В этноконтактных зонах республики не наблюдается ярко выраженной межэтнической напряженности, хотя респонденты характеризуют межнациональную обстановку как в целом по стране, так и в республике как «сложную». Дагестанские народы демонстрируют высокий уровень межэтнической коммуникации и стремление поддерживать этноконтакты. Более того, сам процесс этноконтактирования характеризуется позитивно, кроме прочего, этническому поведению респондентов не характерно невосприятие иноэтнических групп и ориентация на самоизоляцию; вместе с тем опрошенные дагестанские народы демонстрируют неприятие инонационального окружения. Несмотря на свое нахождение в полиэтнической среде, респонденты негативно относятся к возможности переселения в их населенный пункт представителей как своего народа, так и других этнических групп, поэтому опрошенные отмечают нежелание принимать на своей территории представителей иной национальной общности и отрицательно оценивают возможности полиэтничности своего населенного пункта.

14. Опрошенные дагестанские народы демонстрируют противоречивое этническое поведение, с одной стороны, ориентированность на поддержание межэтнического контактирования практически во всех сферах взаимодействия (деловой, дружеской, семейно-брачной и т.д.), с другой, при одновременно позитивной оценке смешанных браков подчеркивается важность учета этнической принадлежности

брачного партнера. Дагестанские народы последствия инокультурного воздействия оценивают положительно, усматривая в этом возможность обогащения этнокультуры своего народа, хотя в позициях опрошенных имеет место и негативная оценка культурного взаимодействия и влияния с мотивацией *«чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения»* и *«чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения»*.

15. Для республики сложной является проблема оттока русского населения из Дагестана. В качестве основных причин их отъезда указывают низкий уровень социально-экономического развития, распространение радикальных религиозных течений, сложная межэтническая и религиозная ситуация в республике. Сравнение результатов опроса по разным годам показывает заметные изменения в позициях респондентов-дагестанцев: «этнические дагестанцы» подчеркивают «незащищенность» русских на территориях их исторического проживания. Если в середине 90-х гг. подавляющее большинство опрошенных дагестанцев считало, что отток русского населения из республики с разной мотивацией является «надуманной проблемой», то социологическое исследование 2013 г. констатирует, что респонденты обозначили множество факторов, обуславливающих миграцию русских из Дагестана. Более того, коренные дагестанцы придерживаются позиции – *«в республике ущемляются права русского населения и они не защищены»*. Далее опрошенные дагестанские народы отмечают этнокультурное отличие русских, как представителей другого вероисповедания, но, при этом, в ситуации проживания с инациональной общностью предпочтение отдают представителям именно русского народа.

16. Этнокультурными компонентами воспроизводства этнической идентичности дагестанских народов являются, так называемые «этнические признаки»: «национальный язык», «национальные традиции и обычаи», «совместная жизнь на определенной территории», «историческая территория моего народа», «общность характера, схожесть поведения», «историческое прошлое». При этом очень важную роль в идентификационных процессах играет маркер «религия», значимость которого подчеркивает каждый второй опрошенный.

17. Несмотря на то, что маркер «религия» не выполняет функцию ведущего этнообъединяющего и этнодифференцирующего фактора, при доминировании важности иных этнокультурных компонентов воспроизводства этнической идентичности («национальный язык», «национальные традиции и обычаи» и т.д.) ее место и роль является

очень заметной в процессах формирования и выраженности этнической идентичности, потому что «бытовой ислам большинством населения воспринимается как определяющий, неотъемлемый элемент народных традиций, его влияние обеспечивается жестким общественным мнением» (Л.Н. Митрохин). Причем религия является очень важным компонентом в процессах укрепления внутригрупповой сплоченности, играет заметную роль в формировании этноконфессиональной идентичности.

18. В массовом сознании дагестанских верующих существует ориентация на общность религиозных ценностей, несмотря на высокий статус республиканского и российского типов идентичности, причем подчеркивается важность религиозной идентичности через самые различные индикаторы (этнообъединяющий признак, «религия моего народа есть составная часть культуры моего народа», важность учета религиозных убеждений и заповедей, исповедуемой религии в повседневной жизни, отождествление религиозной и этнической принадлежности (этноконфессиональная идентичность), что свидетельствует о важности религиозной идентичности дагестанских народов в иерархии типов социальной идентичности.

19. Заметных отличий в проявлении приоритетности различных типов социальной идентичности между дагестанскими мусульманами и дагестанскими православными не выявлено. Для первых определяющим типом социальной идентичности является республиканский и этнический, в то время как для православных государственно-гражданский (каждый второй опрошенный), этнический и республиканский. Однако среди православных, по сравнению с мусульманами (30,5 %), в 3 раза меньше ощущающих свою сопричастность с последователями одной с ними религии (10,2 %); носители исламской религии слабо ощущают общность с людьми своего поколения, придерживающихся схожих политических взглядов и профессии. Наоборот, среди православных в 3 – 4 раза больше ощущающих чувство поколенческой, политической и профессиональной общности. Такая подмена может быть обусловлена сохранением у исповедующих мусульманство традиционных семейных устоев и родственного единства поколений, которые, видимо православные в полной мере не сумели сохранить. Последователи ислама, в отличие от православных, в меньшей мере придают значение политическим взглядам, в то же время, обозначая значимость общности с представителями своей религии.

20. Опрошенные дагестанские народы демонстрируют противоречивое этноконфессиональное поведение: с одной стороны, они обо-

значают значимость индикатора «религия» как этноинтегрирующего компонента (третье ранговое место), с другой, в идентификационных процессах показывают наибольшую склонность к республиканскому типу идентичности, при этом своей значимости не теряет «ощущение чувства общности» с самыми разными социальными образованиями; важным в исследовании является установление того факта, что индикатор «религия» не является приоритетным интегрирующим и дифференцирующим маркером, хотя в процессах становления этнической идентичности религиозный компонент играет важную роль.

21. Дагестанские народы демонстрируют сложные идентификационные процессы: с одной стороны, акцентируют внимание, если можно так сказать на «официальных» типах идентичности, с другой, подчеркивают важность ощущения своей связи с представителями одного с ними вероисповедания, с миссионерскими дагестанскими народами характерно обозначение этнической религиозной идентичностей в форме одновременного обозначения а) «для меня очень важны мои национальная и религиозная принадлежности», б) «для меня очень важна моя религиозная принадлежность».

22. Индикаторы религиозности «Вы верите в Бога?» и «Вы верующий человек?» показывают существующие в массовом сознании дагестанских народов тенденции обозначать себя последователями определенных конфессий, в данном контексте, ислама и православия. Каждый второй опрошенный из всего массива обозначает свою принадлежность к конкретной религии, при одновременном отнесении себя по типу религиозности к подгруппам «убежденно верующих» и «верующих».

23. Роль религиозного компонента в массовом сознании дагестанских народов довольно высока и он не находится в сильной зависимости от типа религиозности и религиозной практики, поэтому опрошенным характерно констатировать связку «русский – православный», «представители дагестанских народов – мусульманине», при этом идентичность одновременно, причем на равных позициях, включает в себя не только религиозное, но и этническое содержание. Поэтому опрошенные дагестанские народы рассматривают «религию как составную часть своей национальной культуры»: выделяются респонденты-кумыки, относительная большая часть которых придерживается данного суждения и респонденты русские и лакцы, среди которых, по сравнению с другими опрошенными, относительно меньшая доля придерживающихся данной позиции.

24. В массовом сознании дагестанских народов существует характеристика состояния религиозной ситуации в Дагестане как

«напряженной», причем, по сравнению с социологическим опросом 2008 г., исследование 2014 г. показывает заметный рост количества придерживающихся данной позиции. Факторами ухудшения межрелигиозных отношений в республике опрошенные считают *«распространение новых, ранее не существовавших на территории республики религиозных течений»*, *«деятельность политических партий и лидеров, использующих религиозные чувства населения в своих узкополитических целях»*, *«стремление исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе»* и *«борьба и амбиции духовных лидеров за сферы влияния»*.

25. По сравнению с опросом 2008 г. немного выросла доля, отметивших, что им и их родственникам приходилось сталкиваться с дискриминацией прав из-за своей религиозной принадлежности, в то время как доля респондентов, не подвергавших ущемлению своих прав по конфессиональной принадлежности, осталась на прежнем уровне; причем позитивные сдвиги наблюдаются в установках опрошенных чеченцев.

26. Формированию межрелигиозной интолерантности может способствовать усиление прозелитической деятельности религиозных учений, которые пытаются укрепить свои позиции на территориях традиционного распространения иных религий. Дагестанские народы, независимо от типа религиозности, демонстрируют толерантное отношение к прозелитизму, при условии, что это сопровождается *«разумными и мирными доводами»*. Однако существуют заметные отличия между последователями православия и мусульманства в оценке распространения иного вероучения: так опрошенные православные, по сравнению с мусульманами, негативно настроены в отношении прозелитизма, с мотивацией *«распространение других религий ухудшит межнациональные отношения между представителями разных религий»*, *«каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена и больше всего ее последователей»*, *«проповедь других религий ухудшит отношения между представителями разных религий»*, в то время как среди исповедующих ислам в 2 раза больше позитивно оценивающих распространение другого вероучения, при условии, что это *«делается разумными и мирными доводами»*. Иными словами, последователи ислама, по сравнению с православными, в большей степени проявляют толерантные установки к иным религиозным учениям, соответственно, и их культовым учреждениям.

28. Большая часть опрошенных, независимо от степени своей религиозности, поддерживает светский характер российского государ-

ства. Предпочитающих проживание «в исламском государстве (с нормами шариата)/в православном государстве» статистически незначима, причем в массовом сознании проявляется обозначение ценности государственного устройства со свободой вероисповедания. Заметные отличия существуют в определении будущего общественного устройства, по возрастному разрезу, типу религиозности и образовательному статусу: опрошенные «до 20 лет», имеющие низкий образовательный уровень (базовое среднее образование) и «убежденно верующие» придерживаются позиции – *«мой народ должен строить общество, основанное на религиозных ценностях и традициях моего народа»*. Существующее в современном российском, в том числе и в дагестанском, обществе стремление религиозных организаций влиять на общественные сферы, порой и вмешиваться, являются вредными как для самого государства, так и для самих конфессий. При этом желательно было бы оградить сферу образования от интенсивной ее клерикализации.

29. В современном российском обществе, в том числе и дагестанском, наблюдается отчетливый рост, как уровня, так и степени религиозности населения. Факторами усиления религиозного компонента в массовом сознании являются отход от принципов советского (атеистического) общества, провозглашение принципов гласности и демократии. Однако религиозное возрождение в России имеет не только позитивные, но очень часто и негативные последствия, особенно на территориях распространения ислама, в форме укрепления позиций радикального ислама.

30. При изучении степени религиозности, исследователи «совершают» ошибку, когда пытаются опираться на «чистые», идеальные типы («убежденно верующий», который *«всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей»*), «верующий» – *«всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»*, «колеблющийся» – *«иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии»*, «неверующий» – *«вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии»*, «убежденно неверующий» – *«участвует в атеистической работе»*). По результатам нашего исследования установлено существование типов «убежденно верующий», «верующий», «колеблющийся», «неверующий» и «убежденно неверующий», выходящих за рамки данной типологии религиозности. По религиозной активности и частотности культового поведения, *«убежденно верующий»* оказался в подгруппе «верующих» и «колеблющихся», *«верующий»* в подгруппах «колеблющихся» и «неверующих», *«колеблющийся»* в подгруппах «верую-

щих» и «неверующих», *«неверующий»* и *«убежденно неверующий»* в подгруппах «верующих» и «колеблющихся».

31. При изучении религиозного поведения дагестанских верующих, независимо от исповедуемой религии, осознающих себя мусульманами/православными, по степени участия в религиозной практике можно подразделить на две группы – активные и пассивные. Демонстрирующие активное религиозное поведение быстро входят в религиозную жизнь и начинают часто посещать культовые учреждения своей религии (мечеть/церковь), рьяно чтить религиозную символику, тщательно соблюдать религиозные предписания (молитвы, пост, посещение богослужений, религиозные праздники и т.д.), причем они могут и не обладать ни глубокими религиозными знаниями, ни религиозным опытом, однако стремятся, как можно быстрее всему этому приобщиться. Вторая группа – пассивные, демонстрируют как отсутствие всякого желания приобщиться к основам религиозного вероучения, а если и пытаются, то это протекает очень медленно и создает для них определенные трудности.

32. Показатели, характеризующие религиозное поведение, остаются невысокими, т.е. значительная часть респондентов, идентифицирующих себя как «верующие», очень хорошо представляют во что верят, в то же время показывают инертность в культовом поведении. Однако слабое проявление религиозной активности не является основанием для вывода, что у опрошенных низкий уровень религиозности и религиозной идентичности. Более того, опрошенные отмечают, что в различных жизненных ситуациях они соотносят свои действия с предписаниями своей религии и своими собственными религиозными взглядами и убеждениями.

33. При некоторой культовой пассивности, религия является важной для дагестанских верующих, причем им характерно воспринимать религиозные традиции и обычаи, как часть национальной культуры своего народа. По результатам исследования, самый распространенный вид религиозной активности – посещение богослужений в мечетях/храмах (35,6 % у мусульман и 29,6 % у православных), наименее распространенный у православных – исповедь и причастие (4,6 % и 2,8 %, соответственно). Даже у более конфессионально вовлеченных групп, религиозное поведение ограничивается нерегулярным исполнением некоторых, наименее обременительных религиозных предписаний своего вероучения. Опрошенные мусульмане демонстрируют относительно высокую частотность религиозного участия – *«всегда выплачивают религиозный налог (закят)»* (31,9 %), *«всегда соблюдают пост (Уразу)»* (49,7 %), *«постоянно совершают*

намаз» (54,0 %). Православным, по сравнению с мусульманами, характерна низкая степень участия в религиозной деятельности – «*вообще не молюсь*» (38,9 %), «*вообще не читаю религиозные тексты (Библия и т.д.)*» (47,2 %), «*вообще не соблюдаю пост*» (50,9 %), «*вообще не причащаюсь*» (53,7 %), «*редко посещаю церковь*» (54,6 %) и «*вообще не исповедуюсь*» (59,3 %). Опрошенные, исповедующие как ислам, так и православие, частотность культового поведения проявляют в постоянном совершении намаза/чтении молитвы и соблюдении поста (Ураза). Даже можно сказать, что опрошенные, при характерной им глубокой религиозной вере, демонстрируют, на первый взгляд пассивное культовое поведение. Однако это мнение является ошибочным, по той причине, что большая часть самоидентифицирующихся как «верующие», как показывает практика, предпочитают соблюдать религиозные предписания и правила в домашних условиях, избегая демонстрации своего отношения к вере.

34. В массовом сознании дагестанских народов наблюдается ориентация на поддержание межличностных и деловых контактов практически во всех сферах социального взаимодействия, хотя существует относительно большая доля негативно настроенных в отношении межконфессионального брака. Отрицательное отношение как к собственному, так и своих детей межконфессиональному браку, по сравнению с православными, характерно носителям мусульманской религии.

35. Значимость религиозного фактора в повседневной жизни опрошенных проявляется через их стремление при принятии любого решения ориентироваться на «*предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения*», причем придерживающихся этой позиции, по сравнению с православными, значительно больше среди исповедующих ислам. Для опрошенных очень важным является определение функций и сфер деятельности религиозных организаций. В нашем опросе основную функцию культовых учреждений дагестанские народы усматривают в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения и в религиозной деятельности. Опрошенные деятельность Духовного управления мусульман Дагестана оценивают положительно: 1. ДУМД способствует укреплению дружбы между дагестанскими народами, 2. ДУМД способствует разрешению межнациональных разногласий, 3. ДУМД способствует разрешению существующего внутри ислама религиозного противостояния, хотя каждый шестой опрошенный относится к деятельности ДУМД отрицательно, потому что «*ДУМД допустило обострение межрелигиозных отношений в Дагестане*». По сравнению с право-

славными, у мусульман заметно ниже уровень доверия к ДУМД – от 33,7 % «доверяю» до 10,7 % «не доверяю» и к РПЦ от 45,3 % «доверяю» до 5,6 % «не доверяю». Опрошенные независимо от типа религиозности демонстрируют толерантные установки и придерживаются позиции, что «в республике все религии должны обладать равными правами», при этом, подчеркивая, «ислам не должен обладать большими правами и привилегиями, чем другие религии в республике».

36. За истекшее время существования новой России, ныне живущее поколение пережило немало последствий распада СССР: взрыв этничности и национальные движения, суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, укрепление вертикали власти и переосмысление демократизации первого этапа трансформации. Помимо смены политического устройства общества, это был период кардинальных социальных изменений: формирования новых слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурных сферах. Такого рода масштабные трансформации отразились на самосознании людей, их идентичности. Понятие «государственно-гражданская», или «национально-гражданская» идентичность понятие достаточно новое для нашей публичной сферы, да и для российской научной литературы, ибо в России исторически сложилось понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия, как «государственная идентичность», «россияне», «российская идентичность» (Л.М. Дробижева). По результатам нашего исследования в позициях опрошенных дагестанских народов довольно ярко проявляет себя содержательная сторона, связанная с пониманием, «что значит быть россиянином»: «чувствовать гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе», «ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы», «иметь российское гражданство», «жить на территории России», «ощущать свою причастность к судьбе современной России».

37. Гражданская идентичность как очень сложное социальное явление имеет динамический характер и может преобразовываться под воздействием активизации исторической памяти и исторического прошлого, политической и социально-экономической ситуации в государстве. По результатам нашего исследования индикаторами воспроизводства российской государственно-гражданской идентичности являются: «общее государство», «русский язык – как язык межнационального общения», «родная земля, общая территория проживания» при относительной неостребованности маркеров «ответственность за страну», «общее историческое прошлое, историческая память», «по-

литические символы (герб, гимн, флаг)», «общие государственные праздники», «общая российская культура», «схожесть национальных традиций, обычаев», «единая правовая система», когда в этнической идентичности этноинтегрирующими являются «национальный язык» и «национальные традиции и обычаи». Видимо этим можно объяснить, что российская и этническая идентичности в стабильной межнациональной ситуации не просто сочетаются, но и дополняют или подпитывают их содержание. В историческом прошлом есть не только свои значимые события для конкретного народа, но и общие для всех народов страны (в последнее время чаще всего вспоминают о пережитом в годы Великой Отечественной войны, говорят об олимпиадах); в культуре их объединяют не только высокопрофессиональное искусство, литература, но и общечеловеческие, традиционно принятые в стране нормы поведения. При дезинтеграции основ общества, объединяющий потенциал государственно-гражданской идентичности слабеет или трансформируется, свидетельством которого является утрата идентичности «граждане СССР», на смену которой пришла конкуренция между этнической и российской идентичностями. С учетом важности государственно-гражданской идентичности она может быть плодотворно дальнейшим развитии общества и сохранении в нем стабильности при наличии в ней позитивного содержания, которое исключает враждебность или дискриминацию прав каких-либо этнических групп, независимо от их численности.

38. Эмпирические исследования дают основание считать, что сегодня действенным стимулом для формирования общероссийской идентичности и солидарности являются благоприятные социально-экономические факторы и стабильные жизненные перспективы. Наше исследование показывает, что государственно-гражданская идентичность «россияне» для опрошенных дагестанских народов широко распространена. По всему массиву востребованы различные вариации «двойственной идентичности»: «представителем своего народа и россиянином» «представителем своего народа и своей религии», «представителем своего народа и дагестанцем». Полученные результаты не свидетельствуют о малозначимости российской идентичности, ибо результаты исследования предыдущих лет констатировали доминирование в массовом сознании республиканской идентичности, при слабовыраженности этнической идентичности: дагестанским народам характерна демонстрация нескольких типов социальной идентичности, порой и ориентированность на их совмещение. Иными словами, чувства сопричастности к этническим и республиканским сообществам у опрошенных сосуществуют с общегражданской российской

идентичностью. Российская политическая элита не смогла предложить цивилизованно сформулированную общегражданскую программу, заменяя ее популистскими призывами, что способствует скорее росту экстремистских настроений, особенно на основе этнически окрашенного патриотизма, ведущего в многонациональном государстве скорее к дезинтеграции, чем к интеграции, и препятствующего притоку необходимых для развития экономики страны мигрантов.

39. Стремление политической элиты реставрировать идею великодержавности, как составной части российской идентичности, может иметь далеко идущие негативные последствия, особенно при существовании в современном российском обществе интолерантности, гипертрофирования, с одной стороны, этнической идентичности, возможности ее перерастания в пассивную и деструктивную формы, с другой, воспитанием патриотизма и патриотических установок, которые могут перейти в националистические настроения. При этом опрошенные демонстрируют потребность в российской идентичности, сформированной на доверии граждан и государства, несмотря на отсутствие со стороны властной элиты стратегии ее основания. Вместе с тем в установках дагестанских народов проявляется ориентированность на этногрупповую мобилизацию, стремление защитить национальные интересы своего народа, свидетельствующее о необходимости выработки политики, направленной на формирование консолидирующих установок и ценностей. Дагестанские народы гордятся достижениями, которые можно классифицировать как элитарные: творческими, инновационными достижениями исторических деятелей, достижениями в области литературы и искусства, в спорте, науке и технике. Но при этом они, как правило, не гордятся или мало гордятся повседневными событиями, происходящими в республике, более того, у них многие факты и события современной дагестанской жизни вызывает чувство стыда. Чувство гордости зависит от содержания вопроса – общего или конкретного: общие вопросы показывают характерный опрошенным патриотический настрой, в то время как конкретизация вопроса позволяет выявить важность/неважность тех или иных достижений.

40. По возрастному признаку, этническая идентичность сильнее выражена в подгруппе «от 40 до 50 лет», религиозная идентичность в возрасте «от 20 до 30 лет», республиканская идентичность «от 50 до 60 лет», российская идентичность «от 60 лет и выше»; надо отметить, что в позициях опрошенных превалирует множественная идентичность, в частности, респонденты «до 20 лет» и «от 60 лет и выше» подчеркивают, что они на территории Дагестана осознают себя

«представителем своего народа и дагестанцем»; далее совмещенность этнической и российской идентичности прослеживается в ответах респондентов «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше»; этноконфессиональная идентификация с формулировкой «представителем своего народа и религии», по сравнению с другими подгруппами демонстрирует молодое поколение «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет», в то время как с возрастом наблюдается ее заметное снижение. Россиянами увереннее себя идентифицируют люди старшего поколения, ибо они еще нередко идентифицируют себя с гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по стабильности, привычной в прошлом жизни. Устойчиво сохраняется психологическое чувство утраты и потерь.

41. В социальном-демографическом периоде носителями негативных установок в основном были люди среднего возраста, малокультурные и плохо обеспеченные. Реже предубеждения встречались в среде интеллигенции, попавшей в ситуацию межэтнической конкуренции. В период кардинальных социально-демографических преобразований российского социума социальные и демографические группы – носители националистических идей – заметно переменились. Потеря прежнего социального статуса, неудовлетворенность социальными условиями и т.д. способствует формированию как у интеллектуалов, которые никак не могут приспособиться к требованиям сегодняшнего дня, так и у квалифицированных работников физического труда, не нашедших для себя соответствующего места в социальном пространстве, чувства обиды и ущемленности.

42. Патриотизм существует и занимает очень важное место в установках дагестанских народов, однако, его востребованность, впрочем, как и вкладываемый в него смысл и содержание отличается у части населения и политической элиты, которая эксплуатирует патриотизм как политический бренд. Видимо этим объясняется пассивность участия в деятельности патриотических организаций и движений. Вхождение Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации подавляющая доля россиян приняло как «акт исторической справедливости», на фоне которого усилились патриотические настроения в российском обществе, но при этом государственной власти необходимо принимать меры, чтобы не стимулировать националистические тенденции и не допустить их перерастания в агрессию в отношении иных этнических образований.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.1. Программа конкретно-прикладного социологического исследования «Особенности воспроизводства этнической идентичности в этноконтактных зонах Республики Дагестан»

Описание анкеты по изучению этнической идентичности дагестанских народов. Анкета состоит из пяти блоков.

Первый блок «*Типы социальной идентичности и индикаторы воспроизводства этнической идентичности*». В нем рассматриваются типы социальной идентичности, этноинтегрирующие и этнодифференцирующие маркеры этнической идентичности дагестанских народов, особенности проявления этнической идентичности, степень внутриэтнической солидарности.

Во **второй блок** «*Этнические проблемы дагестанских народов*» включены вопросы, выявляющие символы и ценности этнической, республиканской и государственно-гражданского типов социальной идентичности, а также индикаторы воспроизводства республиканской идентичности.

Третий блок «*Межэтнические взаимоотношения и межэтническое влияние*» посвящен вопросам межнациональных взаимоотношений, отношению дагестанских народов к представителям своей этнической группы, последствиям иноэтнического культурного влияния, анализу положения русскоязычного населения в республике и причин их массового отъезда из Дагестана.

Четвертый блок «*Межэтнические контакты*», направлен на изучение сферы и частотности этноконтактирования, раскрывает механизм межэтнического общения, в частности, предпочтительность или избегание межнациональных контактов. Методической шкалой измерения характера этноконтактирования является шкала Богардуса.

Пятый блок посвящен выявлению типов этнической идентичности, для которого применяется модифицированная шкала Г.У. Солдатовой «Я такой человек, который...», позволяющая определить механизм формирования пассивного и деструктивного типов этнической идентичности, их отражение на межэтнических контактах, роль пассивного и деструктивного типов этнической идентичности в формировании толерантных/интолерантных установок в массовом сознании и поведении.

Социологическое исследование по изучению этнической идентичности дагестанских народов проведено в 2013 г. в Бабаюртовском

(с. Бабаюрт), Дербентском (пп. Белиджи, Геджух, Мамедкала), Казбековском (с. Ленинаул), Кайтагском (с. Маджалис), Карабудахкентском (с. Карабудахкент), Кизилюртовском (с. Султанянгиюрт), Кизлярском (с. Аверьяновка), Кумторкалинском (п. Тюбе), Хасавюртовском (сс. Муцалаул, Эндирей) районах, гг. Махачкала, Кизляр, Кизилюрт, Дербент. N – 1143.

Формализация эмпирических индикаторов исследования:

Задачи	Эмпирические индикаторы
1. типы социальной идентичности, место этнической идентичности в структуре социальной идентичности	– типы социальной идентичности – позиции дагестанских народов в отношении проявления типов социальной идентичности – этническая идентичность в структуре социальной идентичности – этническая идентичность и маркеры ее воспроизводства – характеристика типов этнической идентичности
2. факторы трансформации этнической идентичности дагестанских народов	– трансформация этнической идентичности – факторы деформации этнической идентичности дагестанских народов
3. соотношение типов социальной идентичности (этнической, республиканской, государственно-гражданской, религиозной)	– этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки – соотношение типов социальной идентичности
4. этнокультурные компоненты воспроизводства этнической идентичности	– индикаторы воспроизводства этнической идентичности дагестанских народов – значимость/незначимость этнических маркеров в процессах воспроизводства этнической идентичности дагестанских народов
5. типы этнической идентичности, доминирующий тип этнической идентичности, факторы усиления и ослабления гипоиентичности и гиперидентичности	– факторы формирования позитивной этнической идентичности – факторы формирования пассивного типа этнической идентичности (этнонигилизм, этноиндифферентность) – факторы формирования деструктивного типа этнической идентичности (этноцентризм, этноэгоизм, этнофаворитизм)

1.2. Программа конкретно-прикладного социологического исследования «Особенности формирования религиозной идентичности в современном дагестанском обществе в условиях трансформации российского общества»

В постсоветский период развития российского общества по-разному оценивается роль религии: одни исследователи говорят о возрождении и ренессансе религии, другие придерживаются мнения, что, несмотря на характерную для Советского государства политику секуляризации, религия никуда не уходила из повседневной жизни человека и выполняла важную роль. Провозглашение в перестроечный период принципов демократии и гласности всего лишь позволило верующим открыто заявлять о своих религиозных взглядах и соблюдать предписания исповедуемой религии. Однако как бы не называли в научной литературе усиление религиозного компонента в массовом сознании россиян, возрастание роли религии не всегда имело позитивные последствия – это и массовая клерикализация многих общественных сфер, проникновение и широкое распространение в обществе идей радикального ислама, появление религиозных сект, стремление религиозных организаций принимать активное участие в политической жизни общества, порою и жажда определять пути государственного развития, и особую тревогу вызывает проникновение религиозного компонента в образовательную сферу. Можно выдвинуть предположение, что в современной России происходит усиление не только государственно-гражданской, этнической, но и религиозной идентичностей, при их тесной взаимосвязи и взаимовлиянии.

Целью социологического исследования является изучение религиозной идентичности дагестанских народов, определение ее места в структуре социальной идентичности, установление факторов ее усиления, степени и уровня религиозности дагестанских верующих, характеристика их религиозного поведения, выявление корреляции между степенью религиозности и культовым поведением дагестанских верующих, характеристика состояния религиозной ситуации в республике, отношение к деятельности Духовного управления мусульман Дагестана, определение значимости религиозной принадлежности в процессах коммуникации и факторов формирования религиозной толерантности/интолерантности.

Социологическое исследование по изучению религиозной идентичности и религиозного поведения дагестанских народов проведено в 2014 г. в Ботлихском (с. *Ботлих*), Дербентском (п. *Белиджи*), Казбе-

ковском (с. Дылым), Кизилюртовском (с. Зубутли-Миатли), Хасавюртовском районах (с. Муцалаул), гг. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

Таблица 2

Распределение респондентов по основным характеристикам

	Национальность	
	Количество опрошенных (чел.)	% от общего числа ответивших
Аварцы	263	29,2
Азербайджанцы	41	4,5
Даргинцы	153	16,9
Кумыки	134	14,8
Лакцы	50	5,5
Лезгины	119	13,2
Русские	33	3,6
Табасаранцы	37	4,1
Чеченцы	29	3,2
Другие	45	5,0
Всего:	904	100
Образование		
Базовое среднее (после 9 класса)	64	7,4
Среднее	238	27,0
Среднее специальное	138	16,0
Высшее и незаконченное высшее	434	49,0
Мусульманское начальное	3	0,3
Мусульманское среднее	6	0,9
Мусульманское высшее	9	1,3
Всего:	892	100
Возраст		
До 20 лет	289	32,1
От 20 до 30 лет	258	28,6
От 30 до 40 лет	137	15,2
От 40 до 50 лет	112	12,4
От 50 до 60 лет	65	7,3
От 60 лет и выше	42	4,7
Всего:	903	100
Пол		
Мужской	455	50,3
Женский	449	49,7
Всего:	904	100

<i>Отношение к религии</i>		
Убежденно верующий	336	38,9
Верующий	454	52,6
Колеблющийся	48	5,6
Неверующий	21	2,4
Убежденно неверующий	4	0,5
Всего:	863	100
<i>Вероисповедание</i>		
Ислам	703	88,3
Православие	77	71,3

Методы исследования.

Основным методом сбора информации является количественный метод, т.е. массовое стандартизированное анкетирование.

Описание анкеты по изучению религиозной идентичности дагестанских народов. Анкета состоит из трех блоков: 1. «Религиозная идентичность», 2. «Религиозные отношения» и 3. «Религиозное поведение».

В рамках **Блока I. «Религиозная идентичность»** рассмотрены и определены индикаторы воспроизводства религиозной идентичности, выявлена взаимосвязь и взаимовлияние религиозного и национального компонентов, признаки, характеризующие этническую принадлежность, установлены факторы интегрирующие российские народы, показаны соотношение и выраженность типов социальной идентичности (этнической, религиозной, республиканской, государственно-гражданской), установлено наличие в массовом сознании дагестанских народов «множественной идентичности», определено место и роль маркера «религия» в процессе воспроизводства этнической идентичности, отношение к религии и функции религии в личной жизни индивида, индикаторы определения степени религиозности, проявление этноконфессиональной идентичности, определены группы, с которыми респонденты ощущают чувство общности.

В рамках **Блока II. «Религиозные отношения»** рассмотрены вопросы, позволяющие охарактеризовать состояние религиозной ситуации в Дагестане, база формирования межрелигиозной и внутриконфессиональной толерантности/интолерантности, предпочтения респондентов при выборе государства проживания, позитивные и негативные последствия религиозного возрождения в Дагестане и их отражение на религиозных и межнациональных отношениях, статус религии и оценка роли Духовного управления мусульман Дагестана в современном дагестанском обществе, уровень доверия разных социально - демографических групп, последователей ислама и православия Духовному управлению мусульман Дагестана и Русской Православной церкви.

В рамках **Блока III. «Религиозное поведение»** изучено религиозное поведение дагестанских народов, функции верующего человека, отношение дагестанских верующих к прозелитизму, частотность соблюдения религиозных канонів и предписаний, определение степени воцерковленности с применением методики В-индекса В.Ф. Чесноковой, типов религиозности с использованием методики Ф.Н. Ильясова, предпочтительность светских и религиозных праздников, соотношение религиозных убеждений и заповедей исповедуемой религии в реальной жизни индивида и его ориентированность на их соблюдение. Также, с применением модифицированной шкалы социальной дистанции Богардуса, исследована важность/неважность религиозной принадлежности человека в межличностном взаимодействии, ее роль в процессах социальной дистанцированности, значение конфессиональной принадлежности человека в различных сферах социального контактирования.

1.3. Программа конкретно-прикладного социологического исследования «Формирование государственно-гражданской идентичности дагестанских народов: состояние и тенденции»

В перестроечный период на всей территории российского государства с особой остротой обозначились ранее тлевшие межнациональные проблемы, особенно сильно они проявились в полиэтнических республиках, которые сопровождались заметным усилением роли и значимости этнического компонента. Современная межнациональная ситуация в России, в зависимости от исследовательских подходов, характеризуется как нестабильная, подчеркивая при этом существование вполне реальной угрозы межэтнического столкновения по самым разным (социально-экономическим, политическим, территориальным, кадровым) причинам. Наличие такой точки зрения в позициях исследователей обусловлено ростом и значимостью этнической идентичности при усилении процесса самоидентификации дагестанских народов.

В начале нынешнего столетия важным становится укрепление внутреннего единства государства, формирование и укрепление российской национальной идентичности. Для современной России проблема укрепления российской национальной идентичности связана с функционированием разных типов социальной идентичности и социологическое исследование позволит определить платформу сосуществования и взаимодействия разных типов идентичности (этнокультурного, регионального, конфессионального и российского). Также в исследовании будут определены объединяющие российское общество маркеры, которые одинаково принимаются представителями всех российских этносов

и конфессий, факторы кризиса российской идентичности, влияние межэтнических установок на характер и воспроизводство государственно-гражданской идентичности

Целью исследования «Формирование государственно - гражданской идентичности дагестанских народов: состояние и тенденции» является изучение динамики государственно-гражданской идентичности дагестанских народов, определение ее места в структуре социальной идентичности, установление структурных элементов воспроизводства государственно-гражданской идентичности, выявление этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаков и их статус в процессе воспроизводства государственно-гражданской идентичности, совместимость/несовместимость государственно-гражданской идентичности с этнической и республиканской типами социальной идентичности, влияние государственно-гражданской идентичности на характер межэтнической коммуникации и формирования межнациональной толерантности дагестанских народов.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологическое исследование по изучению государственно - гражданской идентичности дагестанских народов проведено в 2015 г. в Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт. N – 903

Методы исследования.

Основным методом сбора информации является количественный метод, т.е. массовое стандартизированное анкетирование. Выборочная совокупность равномерно охватывает национальную, возрастную, социальную, образовательную структуры.

Задачи социологического исследования:

1. охарактеризовать типы социальной идентичности и выявить доминирующий тип социальной идентичности дагестанских народов;
2. определить соотношение типов социальной идентичности (этнической, республиканской, государственно-гражданской, религиозной) в массовом сознании дагестанских народов;
3. установить место государственно-гражданской идентичности в структуре социальной идентичности и охарактеризовать состояние государственно-гражданской идентичности дагестанских народов;
4. определить степень воздействия государственно-гражданской идентичности на процесс формирования патриотических установок дагестанских народов, чувство солидарности с россиянами;
5. установить факторы трансформации государственно - гражданской идентичности дагестанских народов и их отражение на межэтнических взаимоотношениях;

6. определить компоненты воспроизводства государственно-гражданской идентичности дагестанских народов и их роль в процессе формирования позитивного межнационального климата;

7. определить сферы предпочтительности/непредпочтительности этноконтактирования дагестанских народов, отношение дагестанских народов к полиэтничности своего населенного пункта;

8. охарактеризовать ориентированность дагестанских народов на поддержание и избегание межнациональной коммуникации и факторы формирования межнациональной толерантности.

Объектом исследования являются дагестанские народы.

Предметом исследования выступает государственно - гражданская идентичность дагестанских народов, определение маркеров воспроизводства государственно-гражданской идентичности, специфика ее формирования в полиэтничных образованиях, выявление степени выраженности государственно-гражданской идентичности в массовом сознании и поведении дагестанских народов и степень ее воздействия на процессы формирования толерантности/интолерантности в полиэтничных районах Республики Дагестан.

Гипотеза социологического исследования состоит в том, что:

1. преградой в формировании государственно-гражданской идентичности является не активизация этнической идентичности, а ее содержание, – толерантное или интолерантное наполнение;

2. в современный период развития российского общества, при заметном усилении процесса этнической самоидентификации, наблюдается снижение значимости государственно-гражданской идентичности, сопровождающееся ослаблением в массовом сознании важности политических символов;

3. основными маркерами воспроизводства государственно-гражданской идентичности являются язык, территория государства, общие обычаи, общая российская культура, политическая символика (флаг, герб, гимн), общее историческое прошлое и историческая память;

4. ослаблению государственно-гражданской идентификации способствует усиление религиозной и республиканской идентичностей при существовании между ними противостояния;

5. наличие противостояния между типами социальной идентичности (этнической, республиканской, религиозной) у дагестанских народов способствует формированию отличительных идеологем и представлений, формирующих государственно-гражданскую идентичность;

6. положительные межэтнические установки способствуют формированию позитивной государственно-гражданской идентичности, хотя нельзя игнорировать фактор избегания межэтнического контактирова-

ния, который негативно отражается процессе становления государственно-гражданской идентичности.

Описание анкеты по изучению государственно-гражданской идентичности и межэтнических контактов дагестанских народов. Анкета состоит из 3 частей: **Блок I.** Типы социальной идентичности, **Блок II.** Патриотические установки, **Блок III.** Межэтническое контактирование дагестанских народов.

Таблица 1

Распределение респондентов по основным характеристикам

	<i>Национальность</i>	
	Количество опрошенных (чел.)	% от общего числа ответивших
Аварцы	263	29,2
Азербайджанцы	41	4,5
Даргинцы	153	16,9
Кумыки	134	14,8
Лакцы	50	5,5
Лезгины	119	13,2
Русские	33	3,6
Табасаранцы	37	4,1
Чеченцы	29	3,2
Другие	44	5,0
Всего:	903	100
Образование		
Базовое среднее (после 9 класса)	82	9,1
Среднее	238	26,6
Среднее специальное	434	48,7
Высшее и незаконченное высшее	138	15,6
Всего:	892	100
Возраст		
До 20 лет	289	32,0
От 20 до 30 лет	258	28,6
От 30 до 40 лет	137	15,2
От 40 до 50 лет	112	12,4
От 50 до 60 лет	65	7,3
От 60 лет и выше	42	4,7
Всего:	903	100
Пол		
Мужской	455	50,3
Женский	449	49,7
Всего:	904	100

instituteofhistory.ru

Научное издание

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна

**Этническая, религиозная и государственно-гражданская
идентичности дагестанских народов в условиях
трансформации российского общества**

Подготовка оригинал-макета *Сулейманов О.А.*
Дизайн обложки *Керимов В.А.*

Подписано в печать 08.10.2016 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 22,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru